

Страны Востока в контексте современных мировых процессов:

социально-политические, экономические,
этноконфессиональные и социокультурные проблемы

УДК 316.7
ББК 60.55(5)
С 83

РЕЦЕНЗЕНТЫ
д.и.н. В.А. Тюрин; д.и.н. А.В. Гордон

Ответственные редакторы и редакторы-составители
к.и.н. О.П. Бибикова, к.э.н. Н.Н. Цветкова

С 83 Страны Востока в контексте современных мировых процессов: социально-политические, экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы. — М.: **ИВ РАН**, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. — 232 с.

ISBN 978–5–89282–573–3 ISBN 978–5–906233–42–4

В сборнике, который носит междисциплинарный характер, анализируется эволюция событий «арабской весны». Характеризуются позиции России, Запада, Китая по отношению к событиям «арабской весны», роль в этих событиях Интернета. Анализируются производство товаров и услуг сферы ИКТ, распространение мобильной телефонии и Интернета в странах Востока, проблемы развития арабского контента. Рассматриваются проблемы урбанистики в новую информационную эпоху.

В разделе, посвященном этноконфессиональным проблемам, большое внимание уделено положению мусульман в Европе — Австрии, Словакии и Чехии, трудовых мигрантов из Центральной Азии в Москве. Анализируются проблемы алавитов в Сирии — важный срез современных конфликтов в этой стране. Представлен очерк истории общины «Ахмадия». В разделе «Культура и религия в полиэтническом обществе» рассматриваются проблемы мусульманской экзегезы, связанной с суфизмом, эволюция института семьи в Иране, последствия введения шариатского судопроизводства в Северо-Западных провинциях Пакистана.

ISBN 978–5–89282–573–3
ISBN 978–5–906233–42–4

© Институт востоковедения РАН, 2013.
© Центр стратегической конъюнктуры, 2013.
© Воробьев А.В., оформление, 2013

Научное издание

Сдано в набор 26.10.2013. Подписано в печать 08.12.2013. Формат 60х88/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,06.
Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 200 экз. Заказ № 83.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*

Издательство Институт востоковедения РАН. **inf@ivran.ru**
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
«Арабская весна»	
<i>Ланда Р.Г.</i> Трагический финал «арабской политической весны»	10
<i>Левин З.И.</i> Феномен «арабской весны»	25
<i>Кива А.В.</i> Арабские «революции» в глазах Запада и России	31
<i>Дейч Т.Л.</i> Китай и события в Северной Африке	51
Новые информационно-коммуникационные технологии и страны Востока	
<i>Цветкова Н.Н.</i> Производство сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и распространение новых ИКТ в странах Востока	60
<i>Галич З.Н.</i> Урбосоциологические парадигмы современного информационно-коммуникационного процесса	89
<i>Амиров Э.Р.</i> Информационно-коммуникационные технологии как фактор социально-экономического развития в арабских странах....	108
Этноконфессиональные проблемы современности	
<i>Бибикова О.П.</i> Ислам и мусульмане в Австрийской республике.....	125
<i>Pirický Gabriel.</i> Muslim Communities in Central Europe: Slovakia and the Czech Republic	145
<i>Филатов С.Б.</i> Элиста — на пути к превращению в центр европейского буддизма и российского межрелигиозного диалога.....	157
<i>Шарипов У.З.</i> Международное мусульманское движение «Ахмадия» сегодня	169
<i>Бирчанская Л.А.</i> Другие. Без любви и ненависти.....	175
<i>Кириченко В.П.</i> Роль алавитской общины в общественной и политической жизни Сирии	182
Культура и религия в полиэтничном обществе	
<i>Танеева-Саломатшаева Л.З.</i> Коранические символы и мусульманская экзегеза.....	193
<i>Шарипова Р.М.</i> Иранская семья: история и современность.....	203
<i>Замараева Н.</i> Пакистан: введение законов шариата в 2009 г.	218

Введение

В современном развитии стран Востока тесно переплетены экономические, социальные, этноконфессиональные, политические и социокультурные проблемы.

В водовороте событий нередко трудно отделить одни от других. Например, проблемы «арабской весны» носят прежде всего социально-политический характер, но предпосылки бурных событий лежат в социально-экономической сфере — проблемах безработицы, бедности, неравномерности в распределении доходов, усугубляемой коррупцией. Для понимания этих событий чрезвычайно важны и анализ этноконфессиональных, социокультурных проблем соответствующих стран, и показ исторического фона событий, и глубокое знание истории арабских стран. Наконец, любопытно и сравнение «по горизонтали» событий в арабском мире и в других регионах. Все это делает весьма актуальным междисциплинарный анализ проблем стран Востока.

По уже сложившейся традиции сборники, подготовленные коллективом авторов преимущественно из Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, носят междисциплинарный характер. В настоящем сборнике рассматриваются социально-политические, экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы стран Востока.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен эволюции событий «арабской весны», в нем даны четыре статьи, где представлены разные аспекты этих событий и различные точки зрения.

Меняющаяся ситуация в арабских странах постоянно дает пищу для новых размышлений и выводов. Она привлекает внимание исследователей — не только арабистов, исламоведов, но и политологов. События в арабских странах оцениваются в статьях сборника с различных, порой прямо противоположных позиций. Известный арабист, историк и социолог Р.Г. Ланда, автор трех десятков монографий по проблемам арабских стран, стран Востока в целом, с тревогой говорит о «трагическом финале “арабской весны”», о том, что «арабская политическая весна», на которую столько надежд возлагали в начале 2011 г., вылилась в конечном итоге в кровавую драму, погубившую многие революционные социальные завоевания арабов в XX в. В его статье говорится о том, что разгромлена и практически перестала существовать как самостоятельное государство Ливия. Исламисты стали навязывать свое решение всех проблем в Йемене, Тунисе и до недавнего времени в Египте. В Сирии разворачивается настоящая драма. Исламисты бросили открытый вызов правительству Сирии. По мнению Р.Г. Ланды, весьма активную роль в событиях играют Саудовская Аравия и Катар —

«ваххабитский тандем». Существенным аспектом будущего развития событий является противостояние суннитов и шиитов, во многом маскирующее скрытое противоборство Ирана и арабских монархий Персидского залива в геополитическом, экономическом, идеологическом и религиозно-национальном отношении.

Во многом противоположных позиций в оценке событий в арабских странах придерживается политолог А.В. Кива. В его статье отстаивается мысль о позитивном характере эволюции событий в арабских странах. Он негативно относится к поверженному Каддафи и к атакуемому оппозицией Асаду, критикует позицию России по отношению к событиям «арабской весны».

В статье Т.Л. Дейч, африканиста, занимающегося проблемой отношений Китая и африканских стран, показан прагматичный подход Китая к отношениям со странами Северной Африки, в которых развернулись события «арабской весны», анализируется экономическое сотрудничество КНР уже с новыми режимами.

Известный арабист, исламовед З.И. Левин считает, что события «арабской весны» — это следствие системного кризиса, порожденного форсированной модернизацией арабских стран, «беспримерным несоответствием между динамикой изменения общественных отношений в условиях господства застойных форм общественных и государственных регуляторов в национальных рамках и темпами планетарного технико-технологического прогресса, эмансипации общественного сознания».

Одним из современных мировых процессов, в контексте которых происходит сегодня развитие стран Востока, является информационно-коммуникационная революция (ИКР). Анализу ее влияния на страны Востока посвящен второй раздел сборника.

Информационно-коммуникационная революция оказывает влияние на все страны мира, на глобальные процессы. Сегодня, в условиях глобализации, формирования глобальной экономики складывается «новый урбанистический порядок», строящийся на основе успешно развивающихся информационно-коммуникационных сетевых структур/систем, обычно расположенных в крупнейших городах, сегодня уже не только Запада, но и Востока. По словам М. Кастельса, в современном информационном обществе «пространство потоков» доминирует над «пространством мест» — традиционным географическим пространством. Узловыми центрами «пространства потоков» являются глобальные города, основная функция которых заключена в управлении потоками. Урбосоциологическим парадигмам современного информационно-коммуникационного процесса посвящена статья специалиста по урбанизации З.Н. Галич.

В связи с развитием ИКР происходят существенные изменения в международном разделении труда. С одной стороны, благодаря новым технологиям обеспечивается качественная передача информации в большом объеме. С другой стороны, снижается стоимость передачи информации. Благодаря но-

вым технологиям возникают и новые возможности для перемещения в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой, и прежде всего в страны Востока, трудоемких производств обрабатывающей промышленности. Использование электронной почты, мобильной телефонии, снижение стоимости этих средств связи создают возможности для переноса в страны Востока и рабочих мест «белых воротничков» — развития ориентированных на экспорт компьютерных услуг, аутсорсинга обслуживания коммерческой деятельности. Вы можете продиктовать текст в Лондоне — а печатать его будут в Индии. В той же Индии или на Филиппинах напишут расшифровку для сделанного в американской клинике рентгеновского снимка или ЭКГ.

Ряд стран Востока успешно интегрировался в ИКР. Эти страны играют все большую роль в производстве товаров и услуг сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Китай стал крупнейшим экспортером продукции сферы ИКТ — электронного оборудования, включая телекоммуникационное, компьютерное оборудование. Ведущими экспортерами этой продукции являются также Сингапур, Гонконг (КНР), Республика Корея, Малайзия. Индия стала ведущим экспортером компьютерных и информационных услуг. Успешное развитие сферы ИКТ, включенность в процесс ИКР способствовали экономическому подъему КНР и Индии, других стран Востока. Проблемы развития ИКТ в странах Востока в целом рассматриваются в статье Н.Н. Цветковой, в арабских странах — в статье Э.Р. Амирова.

Если в производство товаров и услуг сферы ИКТ включились лишь некоторые страны Востока, то практически все страны Востока активно участвуют в ИКР как потребители. Можно говорить о настоящей революции в распространении мобильной связи в странах Азии и Африки. Если в 2005 г. высоким было число мобильных телефонов на 100 жителей лишь в странах Востока с высоким уровнем ВВП на душу населения — нефтедобывающих странах Персидского залива и в новых индустриальных странах первого эшелона: Сингапуре, Гонконге (КНР), Республике Корея, Тайване (провинция КНР), то всего за пять лет, с 2005 по 2010 гг., резко возросло число подписок на мобильные телефоны в почти во всех странах Азии и Африки, в том числе и в странах с низким уровнем ВВП на душу населения, наименее развитых странах.

Изменения происходят не по дням, а по часам. Еще в 2010 г. трудно было говорить о распространении смартфонов в азиатских странах, ими могли пользоваться лишь немногие. Но в последние два-три года смартфоны и мобильный Интернет получают в странах Востока широкое распространение. В 2011 г. в Китае насчитывалось 350 млн. пользователей мобильного Интернета. В Шри-Ланке 70% населения имеют мобильные телефоны, причем $\frac{1}{2}$ из них (35% населения) пользуется мобильным Интернетом¹.

Могли ли новые ИКТ сыграть важную роль в событиях «арабской весны»? Этот вопрос был поставлен перед участниками круглого стола проведенного ЦИОПСВ в мае 2012 г. На него были даны разные ответы.

Если говорить о чисто технических возможностях использования мобильных телефонов, то к 2011 г. они, несомненно, были. По данным Доклада об информационной экономике 2011 г., в 2005–2010 гг. число мобильных телефонов на 100 жителей возросло в Алжире с 42 до 92, в Египте — с 18 до 87, Марокко — с 41 до 100, в Ливии — с 35 до 171, в Тунисе — с 57 до 106, в Ираке — с 6 до 76, в Иордании — с 6 до 76, в ПНА — с 16 до 46, в Йемене — с 11 до 46, в Сирии — с 16 до 57².

Возросло в арабских странах и число персональных компьютеров на 100 жителей, хотя оно еще не слишком велико. В 2010 г. оно составляло в Алжире 13, в Египте — 27, в Марокко — 49, в Ливии — 14, в Тунисе — 37, в Сирии — 21 (для сравнения: в США — 79, в Республике Корея — 84, в России — 43)³. Но через один компьютер могут выходить в Интернет несколько человек: члены одной семьи, друзья, соседи. Кроме того, для доступа к Интернету в странах с небольшим распространением компьютеров, подключенных к глобальной сети, часто используются Интернет-кафе.

Другой вопрос в том, что следует различать причины, предпосылки событий, с одной стороны, и, с другой стороны, инструменты, используемые для мобилизации масс. Именно таким инструментом, но никак не причиной, не предпосылками событий стали новые ИКТ в ходе «арабской весны».

Особую остроту в современном мире приобретают этноконфессиональные проблемы. Им посвящен третий раздел сборника.

В этом разделе особое внимание уделено исламским общинам в разных государствах, как в Европе, так и на Востоке. Статья О.П. Бибиковой анализирует состояние мусульманских сообществ в Австрии, а также меры правительства по адаптации мусульманских иммигрантов. Автор отмечает, что первые общины возникли еще после Первой мировой войны, в основном они состояли из жителей тех районов, которые вошли в состав Австрийской республики, а также военнопленных. Вторую группу составили гастарбайтеры, в основном турки, приглашенные в страну после 1964 г. Новым моментом стало появление мусульман среди беженцев, соискателей политического убежища. Сегодня в этой группе доминируют чеченцы.

Статья словацкого ученого Габриеля Пирицкого рассказывает о процессе формирования мусульманской общины в республике Словакия. Для этой страны Центральной Европы ислам — новая конфессия. Автор подробно рассказывает о принятом законодательстве.

Многообразие мусульманского мира, существующие в нем идеологические течения — важнейшая тема исследований в наши дни, когда исламский мир превратился в кипящий котел, бросающий окружающему миру мощные политические и идейные вызовы. Движение «Ахмадия», благодаря своей многочисленности и представленности во многих странах — одно из таких течений, требующих научного внимания и анализа. В статье У.З. Шарипова дается серьезный анализ вероучения и истории движения «Ахмадия», который показывает, почему «Ахмадия» стала изгоем в мусульманском мире и все же не отказалась от исламской идентичности.

В разделе рассматривается один из срезов нынешнего конфликта в Сирии: возникновение и развитие общины алавитов, принадлежащей к шиитскому направлению ислама. Статья В. Кириченко о шиитской общине Сирии раскрывает важнейшую сторону природы современной гражданской войны — ее религиозную подоплеку. Эта сторона, как правило, недооценивается экспертным сообществом, хотя и упоминается в аналитических материалах. Автор анализирует эволюцию социального положения алавитов в сирийском обществе, изменение их роли во второй половине XX в. В частности, он отмечает, что присутствие представителей этой общины во властных структурах, а также в армии способствует созданию межобщинного (межконфессионального) равновесия в стране, что является предпосылкой для сохранения светского характера режима в Сирии.

Статья Н.А. Замираевой посвящена анализу опыта введения шариатского судопроизводства в ряде районов Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) Пакистана. Опыт оказался негативным, так как уступки властей привели к усилению активности исламистских сил, потребовавших передачи в их руки рычаги управления страной с одновременной отменой конституции, упразднением законодательной и исполнительной ветвей власти. Стало очевидно, что подобное «заигрывание» Исламабада с различного рода экстремистскими элементами в угоду сиюминутному решению локальных проблем, толкает их на еще более дерзкие действия, подрывающие конституционные основы государства

О буддизме, который исповедуют три народа, проживающие на территории России — калмыки, буряты и тувинцы, — россияне знают совсем немного. Статья С.Б. Филатова дает представление не только об основных религиях Калмыкии — буддизме и православии, но и о религиозной ситуации в республике в целом. В ней рассматриваются особенности идеологии и общественной позиции конфессий Калмыкии, а также их взаимоотношения с властью; позиция наиболее влиятельных лидеров и основные идейные течения. Автор подчеркивает, что первый президент Калмыкии Илюмжинов сам являлся носителем своеобразной постоянно развивающейся религиозной идеологии, которая в значительной степени определяла развитие буддизма в республике. Кроме того руководство республики оказывает поддержку христианству

Современное состояние миграционных процессов в России анализирует Л.А. Бирчанская. Особое беспокойство вызывает нелегальная миграция. Ее масштабы растут, а криминогенная составляющая этого процесса усложняется. В ряде случаев предприниматели предпочитают нанимать нелегалов, не обладающих нужной квалификацией, в результате чего качество выполненных работ катастрофически снижается. В последнее время в России усилились националистические настроения, что свидетельствует о недовольстве населения присутствием на рынке труда дешевой рабочей силы из-за рубежа.

Этноконфессиональные проблемы тесно связаны с социокультурными проблемами. Четвертый раздел сборника «Культура и религия в полиэтни-

ном обществе» включает в себя статью о коранических символах и мусульманской экзегезе, посвященную суфизму, значение которого возрастает. Л.З.Танеева-Саломатшаева пишет о возрождении ислама в странах СНГ, в том числе о возросшем интересе к суфизму. Автор отстаивает точку зрения, что обращение к идее суфизма о совершенном человеке (инсан- и камил) чрезвычайно полезно, ибо противопоставляется агрессивности ваххабизма.

В этом же разделе опубликована статья Р.М. Шариповой о взаимоотношениях государства и семьи в Иране. Автор рассматривает особенности влияния зороастрийской и исламской традиций на семейный уклад и положение женщин в обществе в различные исторические периоды. Автор отмечает, что сегодня в ряде стран «нередко игнорируются фундаментальные общечеловеческие ценности, исторически унаследованные народами». В мусульманских странах, в частности, в Иране, ключевую роль во взаимоотношениях государства и семьи отводится исламским правовым и моральным нормам.

¹ Information Economy Report 2012. UN. N.Y. Gen., 2011. P. 32, 44.

² Information Economy 2011 Report. UN. N.Y. Gen., 2011, Statistical Annex.

³ Information Economy 2011 Report. UN. N.Y. Gen., 2011, Statistical Annex.

«Арабская весна»

Ланда Р.Г.

Трагический финал «арабской политической весны»

«Арабская политическая весна», на которую столько надежд возлагали в начале 2011 г., вылилась в конечном итоге в кровавую драму, погубившую многие революционные социальные завоевания арабов в XX в. Разгромлена и практически перестала существовать как самостоятельное государство Ливия. Исламисты захватили власть и пытаются навязать свое решение всех проблем в Египте, Йемене и Тунисе. Они бросили открытый вызов правительству Сирии, развязав в этой стране кровопролитную и разрушительную гражданскую войну с целью превратить это древнейшее арабское государство в некое подобие того, во что они уже превратили Ливию.

В Сирии сейчас воюют примерно 100 тыс. боевиков (в том числе 15 тыс. прибывших из 27 стран мира). По данным президента Сирии Башара Асада, ежедневно гибнут 70–100 иностранных боевиков, но на их место прибывают все новые и новые. Только по одному этому показателю можно понять, что «дело» поставлено на широкую ногу и хорошо финансируется. Ежемесячно страну покидают до 8 тыс. человек, и общее их количество, по данным ООН, достигло 1 млн. человек¹. События в Сирии, несомненно, влияют и на происходящее в соседних странах — Ираке, Ливане, Иордании. И поэтому неудивительно, что из этих стран наблюдается приток исламских боевиков в Сирию. Сирийский вопрос становится столь же важной составляющей ближневосточного кризиса, как и палестинская проблема.

Недавно наш ведущий эксперт по Арабскому Востоку Г.И. Мирский в самых резких выражениях обличал тех, кто подозревает, что арабскую весну спланировали сами американцы. Этого никто точно не знает. Пока... Но главное возражение против этого предположения, согласно Г.И. Мирскому, заключается в том, что США стремятся прежде всего обеспечить интересы Израиля и Саудовской Аравии и неизменно следуют неизменному курсу на поддержание именно этих двух краеугольных камней ближневосточной политики США².

Во-первых, и между союзниками бывают разногласия и трения, что и наблюдается между США и Израилем последние годы. Во-вторых, не всегда удается реализовать, тем более — полностью то, что было вроде бы идеально рассчитано на компьютере или на бумаге. В-третьих, интересы Саудовской Аравии и Израиля далеко не совпадают. И то, что происходит ныне на Арабском Востоке, беспокоя и даже нервируя иногда Израиль, полностью устраивает Саудовскую Аравию. Более того, о ее причастности к организации таких важнейших событий «арабской весны», как разгром Ливии и интервенция в Сирии, говорят совершенно открыто. Так что, может быть, действительно не США «придумали» и назвали «арабской весной» события 2011–2013 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а Саудовская Аравия вместе с Катаром (их так и прозвали в нашей прессе — «ваххабитский тандем») фактически их возглавили в качестве спонсоров, идейных вдохновителей и политически заинтересованных покровителей? Но вряд ли тандем не согласовал свои планы с США.

С самого начала событий в арабском мире их называли «революциями», и во всем мире радовались им. В дальнейшем их идеализация лишь прогрессировала. Заговорили об «арабской политической весне» и о «движении нового типа — революции образованной молодежи»³. И основания так думать были, особенно в Египте и Тунисе, где было много молодежи, учившейся в университетах Европы и Америки, грезившей о подлинной демократии и уставшей от авторитаризма, прикрывавшегося фиговым листком формальной демократии. Первые успехи «арабской весны» были связаны поэтому с «образованной молодежью», что несколько дезориентировало общественное мнение во всем мире, завуалировав подлинную суть событий. Но кое-какие сомнения в истинной подоплеке молодежных «революций» также имели место.

Удивила практическая одновременность массовых выступлений почти во всем арабском мире, за исключением аравийских монархий. Впрочем, на Бахрейне «арабская политическая весна» выразилась в марте 2011 г. в очередной вспышке недовольства шиитов бахарна, составляющих около 60% населения, правлением династии аль-Халифа, которую поддерживают сунниты азана (около 25% жителей). С помощью саудовских войск эти волнения были подавлены, но в ноябре 2011 г. вновь возобновились, на этот раз — при участии местных иранцев (15% населения). Реально этно-конфессиональный кризис на Бахрейне не прекращается с конца XVIII в., т. е. с момента прихода аль-Халифа к власти⁴. А в 2011 г. он обозначил существенный аспект будущего развития событий: противостояние суннитов и шиитов, во многом маскирующее скрытое противоборство Ирана и арабских монархий Персидского залива в геополитическом, экономическом, идеологическом и религиозно-национальном отношении.

В дальнейшем это обстоятельство объяснило более чем активную роль арабских монархий Залива в разжигании кризиса, его спонсировании, стимулировании и ориентации. Однако на первых порах никому в голову не

приходило сомневаться в действительно революционном характере «арабской весны», связывая его, например, с такими всемирными явлениями, как глобализация (не только в ее экономическом, но также в социокультурном и цивилизационном выражении, в том числе — в воздействии новейших социально-сетевых технологий на политическую жизнь арабов, ибо направляющая, «объясняющая» и ориентирующая роль этих технологий, особенно в Египте и Тунисе была весьма заметна). Кто-то считал это «уроками демократии», а кто-то рассматривал это как вмешательство во внутренние дела, своего рода глобализм, т. е. своекорыстное подчинение процессов глобализации интересам США и их ближайших союзников⁵. По мере развития событий выявлялась их подоплека, и становилось ясно, что «арабская весна» у нас на глазах становится скорее политической зимой. В чем же было дело?

Освободительные революции в Египте в июле 1952 г., в Алжире в ноябре 1954 — июне 1962 гг., в Ираке в июле 1958 г., в Йемене в 1962 г., в Ливии и Судане в 1969 г. дали этим странам политическую независимость, причем реальную, а не формальную, создав условия для радикальных перемен в жизни общества, в развитии экономики и культуры. Их общей чертой была ведущая роль армии, вернее прогрессивно настроенного офицества. Например, в Египте революцию совершило тайное общество «свободных офицеров», в которое входили около 10% офицеров Египта того времени⁶. Среди этих офицеров преобладали выходцы из военных, служащих, средних слоев и крестьян. Поэтому они и пришли, как писал их лидер и идеолог Гамаль Абд ан-Насер, к «революции, исходящей из самого сердца народа и исполненной его устремлениями»⁷.

Такие же общества «свободных офицеров» возникли повсюду в арабском мире, и в ряде стран (в Ираке, Ливии, Иордании) сыграли заметную роль. Тогда же, в 1950–60-е гг., на политическую арену вышло новое поколение арабских руководителей — Хабиб Бургиба в Тунисе, Ахмед Бен Белла и Хуари Бумедьен в Алжире, Муаммар Каддафи в Ливии, Абд аль-Керим Касем в Ираке, Хафез Асад в Сирии. Это были люди разного темперамента и политических талантов, нередко конфликтовавшие друг с другом, но у них было и много общего: верность идее реальной независимости своих стран, понимание необходимости преобразований в экономической и социальной сферах, идеологическая опора на тот или иной вариант светского национализма (что и объясняет последовательную борьбу Насера, Бургибы, Каддафи с радикальными исламистами) и, что важно, антимонархизм. Правители арабских монархий после свержения короля в Египте в 1953 г., уничтожения власти бея в Тунисе в 1957 г., королевской власти в Ираке в 1958 г., в Йемене в 1962 г., в Ливии в 1969 г. не могли чувствовать себя спокойно.

Постоянная угроза со стороны светских националистов и военных революционеров стала как бы дамочным мечом, нависшим не только над колониальными державами Запада, терявшими в арабском мире свои позиции (стоит назвать лишь Суэцкий канал, нефть и газ Ирака, Алжира, Ливии), но и над сохранившимися еще арабскими монархиями, особенно Саудовской

Аравией, бывшей главным противником Египта после 1953 г. В дальнейшем саудовцы, как и прочие аравийские монархии, после замены Насера перешедшим на прозападные позиции Анваром Садатом, стали опасаться баасистов Ирака и Сирии с их харизматичными лидерами Хафезом Асадом и особенно Саддамом Хусейном, а также — лозунгом «Единство, социализм, свобода». Кроме того, и Запад, и монархии буквально не находили себе места, наблюдая, как светские республиканские режимы, некоторые (в Египте, Ираке, Сирии, Ливии, Алжире) — даже с социалистическими программами, получали с середины 1950-х и до середины 1980-х годов экономическую, техническую, финансовую, культурную и военную помощь от СССР и других стран социализма, которая, при всей ее кратковременности и недостаточности, все же сыграла определенную роль в становлении и укреплении защитников наследия Насера на Арабском Востоке.

Но крах СССР и всего лагеря социализма ухудшил не только экономическое, но и геополитическое положение всех независимых стран Востока, включая арабские. Ускорившиеся и усложнившиеся процессы глобализации неумолимо втягивали арабские страны в орбиту всестороннего воздействия на них Запада по линиям международной торговли, регулирования механизмов экспорта-импорта, навязывания западных стандартов во всем — от принципов морали до формы одежды, в сфере науки, культуры, техники, искусства. В сочетании с ранее проведенными реформами это имело не только негативные, но и позитивные последствия, дав стимул модернизации и индустриализации, развитию агросферы, повышению грамотности и профессиональной квалификации населения, количественному и качественному росту средних и промежуточных слоев, особенно интеллигенции, госслужащих, студенчества, офицерства, технических и иных специалистов. Но не стоит забывать о глубокой противоречивости глобализации и ее не только позитивных, но и негативных аспектах. Всемирный характер экономических, технологических, культурных и прочих связей, опутывающих «глобализируемый» социум, их цепкость и неизбежность переживают-ся им крайне болезненно, так как ведут в большинстве случаев к ломке его структур, перестройке (подчас осуществляемой поспешно и грубо, без учета местной специфики) общественных механизмов и связей между людьми. Поэтому почти всюду, на Арабском Востоке — в первую очередь, следствием этого являются рост обнищания не успевающих приспособиться к «накату» глобализации традиционных мелких (а иногда и крупных) производителей города и деревни, ускорение темпов их разорения и превращения в социальных маргиналов. Более половины из них навсегда остаются в этом качестве, образуя постоянно растущий и социально взрывоопасный компонент общества. Кое-где его доля равна 35–40% самостоятельного населения⁸.

В результате, в арабском мире за последние десятилетия к традиционным классовым, этническим, конфессиональным, региональным и другим противоречиям добавились противоречия между «модернизированными» (относительно зажиточными) и отсталыми (как правило, неимущими)

группами. Социальная пестрота увеличила сложность и неоднородность, идейную и духовную гетерогенность арабского общества. Оно уже не было так сплочено идеями национализма и независимости, как в 1950–70-е годы, т. е. во времена «эпохи Насера». Не способствовало этому и состояние экономики большинства арабских стран (за исключением добывающих нефть и газ).

Правящие националисты и светские республиканцы не могли кардинально решить проблемы своих государств ввиду того, что не имели в своем распоряжении ни развитой инфраструктуры, ни новейших технологий, ни необходимых капиталов (за исключением нефтедобывающих стран). За всем этим надо было обращаться либо к Западу, либо к богатым монархиям Залива. К тому же возникал соблазн решать все вопросы привычными силовыми методами, «подстегиванием» хозяйственных механизмов, наращиванием эксплуатации армии наемного труда. Порожденное всем этим стремление преодолеть барьеры экономического строительства и социополитического развития обычными для Востока авторитарными методами множило военно-бюрократические и диктаторские режимы в арабском мире. Постепенно формируясь, они меняли облик своих стран, опираясь на армию, чиновничество, полицию, буржуазию (обычно — не предпринимательскую, а бюрократическую, спекулятивную, компрадорскую). Все эти социальные группы нередко сливались в единый эксплуататорский слой, присваивавший себе свыше 80–90% национального дохода. Этот слой, как правило, уже не был настроен антимонархически. Более того, он начал возникать и в монархиях, где в него прочно вросла прослойка «феодално-бюрократического капитала» (ФБК), т. е. сотен (а кое-где и тысяч) семейств знати, одновременно контролирующих через своих выдвиженцев верхние эшелоны власти, наиболее доходные сферы бизнеса, элиту армии и духовенства⁹. Сплоченные в средневековые кланы, чей авторитет освящен древними обычаями и традициями, они нередко демонстрируют свое финансовое, военное и прочее влияние и за пределами своих стран, что можно наблюдать на примере Саудовской Аравии, Марокко, Иордании, Катара и соседних с ним эмиратов. Гигантский рост доходов от нефти и газа, как и укрепление позиций на рынках Запада, привел к небывалому ранее росту их финансового, да и политического могущества. События 2011 г. в Ливии и Сирии и неожиданно активная роль в них ряда аравийских монархий напомнили об этом более чем наглядно.

Любой социум у арабов всегда отличался ярко выраженными формами социального неравенства. И практически во все исторические эпохи это вызывало бунты, восстания, острые конфликты и столкновения привилегированных групп с широкими массами эксплуатируемых и неимущих бедняков. При этом борьба внутри социума была тесно связана с религией, обосновывалась ею, осмыслялась в рамках религии. В исламе всегда считалось справедливым устранение правящих «плохих мусульман», т. е. нарушающих предписания Корана и шариата (найти такие нарушения было не

трудно). На этом основании М.Ф. Видясова и В.В. Орлов считают, что «корни политизации ислама теряются “во тьме времен”, отталкиваясь от возникшего в IX в. противостояния традиционализма и рационализма, ликвидировать которое пытаются с XVIII в. ваххабиты, ведущие “проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман”, а всех отступивших от строгого соблюдения норм ислама признающие “людьми хуже язычников”»¹⁰.

Общаясь со своими соседями в Африке и Европе, арабы активно влияли на них в эпоху арабских завоеваний и расцвета арабо-исламской культуры в VII–X вв. и столь же интенсивно отбивались от них во времена крестовых походов XI–XIII вв. и зарождения европейского колониализма в XV–XVII вв. Широкое наступление этого колониализма по всем фронтам в XVIII–XIX вв. породило ответную реакцию мусульман в виде панисламизма XIX в., пытавшегося (неудачно) ответить на культурно-идеологический и военнополитический вызов экспансии Запада. Сменивший его в XX в. национализм более успешно справился с этой задачей, добившись, в конце концов, независимости. Однако ни панисламисты, ни националисты, ни даже мусульманские социалисты (фактически — левое крыло националистов) не смогли противостоять глобализации. Именно поэтому, по мнению В.А. Исаяева, «на Ближнем Востоке существует мощная оппозиция глобализации» и многие там представляют себе «глобализацию как продолжение империалистической и колониальной политики иными средствами»¹¹. Более того, немало и тех, кто, отождествляя глобализацию с колониальной экспансией, считает ее просто продолжением крестовых походов XI–XIII вв.

Различные течения социального и политического протеста арабов нередко сливаются воедино, особенно там, где, согласно мнению арабского политолога Хашима Джавада, «мусульмане не имеют законных средств для выражения своего недовольства экономикой, политикой и дипломатией Запада, воспринятой их деспотическими правительствами». Именно тогда образуется почва для «конфронтационного и агрессивного» исламо-экстремизма¹². В то же время следует признать, что западные державы научились использовать все имеющиеся в их распоряжении рычаги воздействия на арабов, в том числе — с помощью новейших технологий (от радио, телевидения, печатных СМИ и до Интернета). Последние годы полны примеров расширения арсенала применяемых Западом средств, подходов и идеологических ухищрений, так как теперь необходимо учитывать возросшую чувствительность арабов к вопросам социальной несправедливости и неравенства ввиду роста уровня их образованности и гражданского самосознания, уменьшения, особенно в городах, различий в уровне культуры мужчины и женщины, резкого повышения стелени информированности населения ввиду более широкого распространения и модернизации СМИ, совершенствования пропаганды, адресованной различным слоям общества¹³.

Есть еще один фактор, пожалуй, наиболее важный сегодня. Это — возросшая не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире, роль исламизма

или политического ислама. В большинстве арабских стран для него сложились очень благоприятные условия: 25–35% трудоспособного населения здесь — маргиналы. А еще больше полумаргиналов и тех, кто по своему социальному положению близок к ним. Все они объяснение своих бед находят в декларациях идеологов исламского фундаментализма, утверждающих, что мусульманские бедняки будут счастливы только тогда, когда государства, в которых они живут, будут «истинно исламскими», а конституцией их будет Коран¹⁴. А вообще-то идеалом идеологов фундаментализма является всемирное господство ислама, каковое является их официальной целью.

Предпринимавшиеся до сих пор попытки силового решения проблемы исламизма странам Запада, включая США, не удаются. Более того, они не могут справиться и с такой серьезной проблемой как гигантские мусульманские диаспоры в государствах «золотого миллиарда», т. е. Европы и Северной Америки. Мигранты из стран ислама, беженцы, студенты и лже-студенты, мелкие и средние предприниматели, авантюристы и контрабандисты, честные труженики и выдающие себя за них, все они входят в эти давно уже укоренившиеся на западных землях сообщества, насчитывающие от 3 млн. человек в Германии до 15 млн. человек в США. Эти цифры давно уже изменились. А среди мусульман США преобладают не приезжие (хотя их немало), а принявшие ислам местные афроамериканцы. Точно установить их численность практически невозможно, так как никто не знает, сколько прибывает на Запад, причем ежедневно, нелегальных эмигрантов. Нередко поэтому одни и те же авторы называют разные цифры мусульман в Европе — то 24 млн., то 40 млн. человек. Есть мнение, что только в регионе Средиземноморья проживают 20 млн. «европейских мусульман» и «почти 200 млн. арабов» (многие из которых, как известно, не являются мусульманами). Но входят ли в их число миллионы мусульман Великобритании, Бельгии, Скандинавии и Нидерландов?¹⁵ Ответа на это нет.

Значительная часть этой массы также находится под влиянием исламистов. Более того, иногда определенные фракции некоторых диаспор играют роль своего рода «пятых колонн», предоставляя укрытие, снабжение, финансы и оружие наиболее агрессивным исламо-экстремистам. Например, осевшие на Западе сообщники исламо-террористов проходили обучение в качестве пилотов в США (впоследствии участвовавших в терактах 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне), наладили использование механизмов финансовой системы США для спонсирования терроризма и содержания боевиков «Аль-Каиды» в США и Великобритании, устраивали взрывы в метро Лондона и Парижа, на вокзале в Мадриде и в ночных клубах Берлина¹⁶.

Исламизм доминирует ныне почти во всех мусульманских социумах и представляет собой новую массовую идеологию, играющую в мире ислама главенствующую роль. Мне уже приходилось высказывать предположение, что исламизм — «это определенная стадия развития... мира ислама» и «изменить его в короткие сроки не получится»¹⁷. Это предположение основы-

вается как на феноменальной живучести исламизма, довольно быстро восстанавливающего свои структуры и кадры после самых тяжелых поражений, так и на явном изменении отношения Запада к исламу. Можно с некоторых пор даже говорить о его скрытом *потворстве* исламу. «Арабские революции предоставили исламистам идеальный плацдарм для атак на Старый Свет», — с тревогой отмечали европейские СМИ осенью 2011 г. Созданный Западом (невольнo ли?) «вакуум власти» в ряде арабских стран привел к тому, что «из тюрем этих стран было выпущено много джихадистов, а военные арсеналы, накопленные прежними правительствами, остались фактически без контроля». Некоторые наши авторы считают, что это произошло случайно, так сказать, по недомыслию США, якобы не понимавших заранее, к чему это приведет. Пока что освободившиеся и вооружившиеся джихадисты двинулись в Сирию, но куда они пойдут дальше?¹⁸

В опубликованной до сих пор литературе, как и в прессе, есть сомнения относительно скрытых пружин событий в арабском мире. Некоторые считают их творцами исламистов, другие признают их участников независимыми движениями «нового типа», отразившими рост гражданского самосознания численно возросшей и многому научившейся за последние годы молодежи¹⁹. Есть и те, кто считает, что «в краткосрочной перспективе Вашингтону совершенно неясно, как будут развиваться события», тем более — «что будет дальше, какие в арабских странах будут реформы или репрессии и как устоят новые режимы»²⁰. Все эти высказывания заслуживают внимания. Но хотелось бы также привести мнение французского эксперта Алена Анталя. Он указал, что США в Ираке и Афганистане стремились не ликвидировать «Аль-Каиду», а лишь вытеснить ее, но, в конце концов, допустили создание ею филиалов в «Месопотамии и странах Магриба». При этом Анталь подчеркнул: «Добираться из Ирака или Афганистана до Европы или Америки сложно и рискованно. Из Туниса или Ливии это сделать гораздо проще». Иными словами, переброска (возможно, заранее рассчитанная?) «Аль-Каиды» в Африку — один из неожиданных результатов «арабской весны», каковой «ставит под удар в первую очередь не США, а страны Европейского Союза»²¹. А, может быть, и Россию? Чтобы сговорчивее была на переговорах по ПРО, нефти, газу, позициям НАТО в Европе?

Несомненно, это стоит принять во внимание. Ведь исламизм, рожденный многими факторами внутри арабо-исламского мира, был в то же время во многом поддержан в военно-финансовом отношении (если не вскормлен, как считают многие) США и другими державами Запада во время войны СССР в 1979–1989 гг. в Афганистане. Конечно, в какой-то мере руководство СССР допустило промах, решившись на такую войну, которую весь мир ислама считал вызовом себе. Но много ли навоевали бы афганские душманы без широко разрекламированной помощи оружием и деньгами, которую они неизменно получали от стран Запада, без десятков тысяч добровольцев-мусульман разных стран (которые не только были бесплатно доставлены в Афганистан со всех концов мира ислама, но и «зарабатывали» там по 1,5

тыс. долл. в месяц!). А сколько потрачено было на соответствующую агитацию и пропаганду от Марокко до Индонезии? Одних отчислений от прибылей ФБК Персидского залива для столь грандиозного, буквально всемирного предприятия вряд ли бы хватило!²² Автор этих строк, побывав в те годы в ряде стран ислама, был изумлен единообразием симпатий к душманам самых разных людей. Да и не стоит забывать, что после окончания войны 1979–1989 гг. возникли и талибы в Афганистане, и множество схожих с ними группировок от Алжира до Синьцзяна (включая Северный Кавказ и Центральную Азию), и транснациональная «Аль-Каида», то ли объединяющая все эти группировки, то ли «всего лишь» их финансирующая, снабжающая и ориентирующая.

А ведь некоторые исследователи исламской проблематики даже сомневаются: существует ли «Аль-Каида» или она — всего лишь миф, которым пугают сбитого с толку и запуганного обывателя Европы или Америки. Сама «Аль-Каида» не только не отрицает, но даже рекламирует свое существование. Более того, она — не одинока. Существуют наряду с ней организации международного масштаба, в частности Партия исламского освобождения (ПИО), действующая от Иордании и Палестины до Средней Азии и даже Поволжья. Многие группировки исламо-экстремистов так или иначе связаны друг с другом. Например, «Движение ислама Восточного Туркестана» и «Движение религии ислама» (наиболее видные из 27 террористических групп в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая) были в контакте с талибами Афганистана, исламо-экстремистами Киргизии, Таджикистана и даже Чечни²³. Точно так же пакистанская партия «Джамаат-и-ислами» была представлена филиалами в Индии и Бангладеш, а «Джамаат-и-таблиг» — во всей Южной и Юго-Восточной Азии. В свою очередь фактически являются частями «Джамаат-и-ислами» некоторые группировки в Англии, США, Кашмире, Афганистане и на Шри-Ланке. Исламистская «Ан-Нахда» (Возрождение) в Тунисе тесно взаимодействовала с исламистами Судана и Алжира²⁴. Практически сеть этих групп покрыла весь мир.

Разобраться в сложной сети исламистских организаций и т. п. сообществ практически невозможно, ибо к сотням благотворительных, культурных организаций нередко присоединяются около 330 суфийских братств-тарикатов (от арабского «тарик», т. е. путь постижения божественной истины «Хакика»). К тому же появляются новые тарикаты. Некоторые из них влиятельны в больших регионах (например, Магрибе), другие — в рамках небольшого округа. Но есть такие, как кадирийя и накшбандийя, которые «глобализированы» от Тропической Африки до Средней Азии и Сингапура. Только в Египте к 1967 г. их было 67, а число «хванов» (братьев) в них — до 5 млн. человек. 22 тариката насчитывалось к 2000 г. в Марокко, 20 — в Тунисе, 15 — в Алжире, 10 — в Турции и Сирии²⁵. Они играли и играют важную роль в политико-религиозной жизни мира ислама. Формально они чужды исламу и даже критикуются им. Но их внутренняя жизнь — глубокая тайна, а многообразие их влияния делает их идеальными трансляторами любых

установок и настроений, короче говоря — надежными и наглухо закрытыми связными. Скорее всего, кто-то должен пользоваться этой хорошо отлаженной еще со времен средневековья структурой! К тому же любой мурид (послушник) тариката должен в отношениях со своими муршидом (наставником, учителем), «отказавшись от своей воли,.. быть подобен трупу в руках обмывателя трупов, который вертит им, как хочет»²⁶. А если к этому типу дисциплины присоединить власть вождя племени или клана, харизматичного лидера этноса, нации, секты, можно установить хотя бы некоторые источники фанатизма экстремистов.

Вопреки своей отстраненности от мирского, отдельные тарикаты вовлекаются в игры исламо-экстремистов. Так, созданный в начале 1970-х годов в Лондоне фонд «Хаккани», связанный с Исламской партией США, Исламским верховным советом Америки и «Американской мусульманской помощью», образовал новый тарикат «Хакканийя», выделившийся из братства Накшбандийя и создавший свои центры в Великобритании, США, Ливане, а также «на большей части Западной Европы» и на Кавказе. Главой тариката стал турок-киприот шейх Назим аль-Кубруси аль-Хаккани, ученик дагестанского теолога Абдаллаха ад-Дагестани. Вопрос об их связях с США неясен в силу закрытости внутренней жизни тариката. Но хакканисты уже были замечены в финансировании сепаратистов Чечни и приглашении их лидеров в США (правда, в 1998 г., т. е. до разгрома сепаратистов). Они как-то потерялись на фоне 24 организаций США, финансирующих северокавказских боевиков. Но их действия доказывают, что и суфийские братства могут быть причастны тем или иным образом к делам исламистов²⁷.

Вывод — многочисленные и хорошо организованные суфийские братства, ранее враждебные исламу и осуждаемые им (за «суеверия» и попытку встать «между Аллахом и верующими»), теперь находятся, судя по всему, на распутье и, не желая терять влияния среди верующих, могут быть просто вынуждены считаться с ростом авторитета исламистов среди верующих. Это явление сопоставимо с феноменом «исламизации» части интеллигенции мира ислама. Многие интеллектуалы, никогда не интересовавшиеся религией, все эти инженеры, математики и прочие «технари» (иногда — даже физики-атомщики) стали менять свое равнодушие к исламу на поддержку исламизма. При этом вопрос об их подлинной религиозности даже не стоит. Ислам для них — политическое оружие в первую очередь и не столько мировоззрение и миропонимание, сколько этноконфессиональная характеристика, показатель национальной идентичности, духовная связь с традициями, обычаями и менталитетом своего народа. Отсюда — относительная легкость «реисламизации» интеллектуальных элит стран ислама, во всяком случае — значительной их части, их усилия по «реисламизации» всего социума, ибо ислам — еще и символ антизападного патриотизма. В то же время он повсеместно становится наиболее распространенной... формой оппозиции своему прозападному правительству или даже всей элите, объявляемой «плохими мусульманами»²⁸.

В подобном духовном климате «Аль-Каида» — не только вдохновитель, спонсор, организатор и объединитель исламистов, но и их символ. Например, около 3 тыс. алжирских боевиков, до 1989 г. сражавшихся в Афганистане, а затем принявших участие во внутриалжирской гражданской войне 1992–2002 гг. в рядах «Вооруженной исламской группировки», отличавшейся наибольшей жестокостью из всех групп подобного рода, в дальнейшем переименовали себя в «Салафитскую группу проповеди и борьбы», изолированную в небольшом горном районе на северо-востоке. Но в 2007 г. они, назвавшись «Аль-Каидой исламского Магриба», получили помощь извне оружием, продовольствием, снаряжением и даже новейшими техническими средствами (в частности, устройствами для дистанционных взрывов), что дало им возможность перенести свои действия в Сахару и, с помощью прибывших «специалистов» из «Аль-Каиды», частично даже распространить эти действия на территории Мали, Нигера и... Ливии²⁹. Сообщивший обо всем этом алжирский журналист Мухаммед Мокаддам привел также сведения об акциях «Аль-Каиды» в Ливане, Ираке, Сирии и даже Франции с участием еще уцелевших боевиков из Алжира³⁰. Известна также зловещая роль «Аль-Каиды» в разгроме Ливии, в борьбе за власть в Йемене, в ее проникновении в Египет, а за последнее время — и в Сирию.

Обобщив все сказанное выше, можно представить «арабскую политическую весну» плодом совместных усилий, по крайней мере, трех политических сил: 1) образованной и демократически настроенной части арабского общества, преимущественно молодежи, не желавшей больше терпеть экономическое неравенство, безработицу, социальную несправедливость, политическое бесправие; она выступила инициатором движения, но у нее не хватило опыта, организованности, сплоченности; 2) западных держав, давно пытавшихся, пользуясь противоречиями и трудностями арабского мира, обратить вспять его развитие и окончательно покончить с «эпохой Насера», т. е. временем хотя бы политической независимости арабского мира, перестроив геополитическое устройство этого мира по устраивающей их новоколониальной модели; 3) арабских теократических монархий, еще более, чем державы Запада, жаждавших покончить с «эпохой Насера», которая была постоянной угрозой их существованию, источником смертоносных идей антимонархизма, республиканизма, светскости, антиимпериализма, который пугал их не меньше, чем самих империалистов.

Все противники светского национализма, антиклерикализма и любых левых идей решили, что сейчас — самое подходящее время, чтобы покончить с ними. Экономическое и социальное положение арабов зыбко, доля маргиналов постоянно увеличивается, как и поляризация общества. Да и почти нет среди арабов харизматических лидеров, способных сохранить и защитить наследие Насера. У власти лишь Бутефлика в Алжире и Башар Асад в Сирии. Но у первого достаточно проблем внутри страны (борьба с недобитыми группами террористов, нерешенный берберский вопрос). Поэтому он фактически нейтрален на международной арене. А против второго

идет настоящая война исламских боевиков из 27 стран мира. Государства НАТО, грозящие постоянно вмешаться в нее, еще не сделали этого только из-за колебаний США, несколько шокированных быстрым проникновением исламистов и известных боевиков «Аль-Каиды» в ряды повстанцев Ливии, Египта и Сирии и столь же быстрыми результатами этого проникновения: убийством в Ливии посла США и других американцев, ростом антиамериканизма и влияния джихадистов во всем арабском мире и сопредельных регионах, явным доминированием непримиримых боевиков внутри оппозиции Сирии, не желающей слушать своих политических вождей, связанных с Западом.

Исламисты на первых порах держались в тени и ни у кого не вызывали беспокойства. Во многом поэтому армия и госаппарат в Тунисе и Египте не оказали сопротивления взбунтовавшейся молодежи (тем более, что дело не обошлось без стран Запада, активно вмешивавшихся в ход волнений через Интернет и социальные сети). Однако молодежь не была организована политически. Ввиду этого ее почти незаметно сменили исламисты, располагающие в арабском мире весьма развитым подпольем. С этого момента армия и госаппарат и в Тунисе, и в Египте, пожертвовав своими лидерами Бен Али и Мубараком, решили предотвратить демонтаж в общем-то устраивавшей их политической системы. В Тунисе удалось заключить компромисс с победившими на выборах исламистами (неизвестно лишь, до какого времени), воспользовавшись гибкой позицией их лидера Рашида аль-Ганнуши, который, в отличие от других исламистов, выступает за «демократию и права человека» и за то, чтобы «построить современное исламское общество, которое могло бы черпать до дна все ценное из западной культуры, не теряясь в ней»³¹. Неизвестно лишь, до какого момента этот компромисс продлится. Пока что он дошел до того, что исламисты Туниса даже уступили (на один год) пост президента правозащитнику и профранцузски настроенному левоцентристу Мансыфу аль-Марзуки. Тем самым реализовался консенсус мятежных исламистов с другими политическими силами страны и учет ими роли Франции в организации «политической весны» в регионе и ее претензий «на участие в формировании здесь нового политического ландшафта»³². В то же время по некоторым данным, уступчивость Аль-Ганнуши и его партии объясняется их сотрудничеством с радикальными экстремистами (салафитами), считающими приверженцев аль-Ганнуши «отступниками». Характерно, что салафиты пользуются финансовой и прочей поддержкой Катара, который сыграл важную роль в разгроме Ливии, а сейчас добивается того же в Сирии³³.

Но Тунис — скорее исключение, чем правило. Его специфика — давние и многосторонние связи с Францией, высокий уровень образования, полученного тунисской молодежью и частью средних слоев во Франции или на французском языке в других странах. Это вынуждены учитывать и США, и неожиданно оказавшиеся в роли их союзников исламисты, и, судя по всему, дезориентированные ходом событий военные и гражданские круги бюрократии.

В Египте, где дело тоже шло к компромиссу исламистов и военных, в конце концов, он был сорван. Избранный президентом страны лидер исла-

мистов Мурси отстранил военных от власти. До сих пор неясно, как это ему удалось и на кого он при этом опирался. Армия более 60 лет была ведущей не только вооруженной, но и социально-политической силой Египта. Вдобавок 30% экономики — в ее руках³⁴. Так что ее отстранение — вряд ли надолго. И Мурси, и исламисты уже успели дискредитировать себя. Так что возвращение армии к власти — скорее всего, вопрос только времени.

Причин для этого, даже для провозглашения в стране режима чрезвычайного, а то и военного положения, — хоть отбавляй: просачивание «Аль-Каиды» в Египет (особенно в бедуинскую среду Синайского полуострова) и соседнюю Ливию, продолжение боевых действий в той же Ливии, Сирии и Йемене со все возрастающим участием той же «Аль-Каиды», неспадающая напряженность в секторе Газа, где господствует исламистское движение «Хамас», нескончаемый наплыв африканцев с юга континента, решивших использовать вакуум власти на севере Африки для прорыва в Европу. В Египте ничего еще не решено. И в рядах участников не прекращающихся в стране демонстраций уже слышатся высказывания в пользу военного переворота. Эти настроения еще не созрели полностью, но они зреют, и будут зреть неизбежно³⁵.

Главный враг исламистов ныне — режим Башара Асада в Сирии, против которого и брошены все их силы. Их вдохновляет успех в Ливии, где толкуя по-своему неудачную резолюцию ООН и цинично распространяясь о «правах человека», 14 стран НАТО и 4 их партнера (Катар, ОАЭ, Иордания и Швеция) совершили десятки тысяч боевых авиавылетов и операций спецназа (Англии, Франции, Катара), убив, по признанию самих руководителей ливийского мятежа, до 50 тыс. человек (в эту цифру не входят замученные в тюрьмах и застенках) и разрушив почти всю транспортную и энергетическую инфраструктуру одной из наиболее зажиточных арабских стран³⁶. Нечто похожее исламисты и их покровители как на Западе, так и на Востоке, хотят сегодня утвердить в Сирии. И хотя силы сирийской оппозиции разношерстны, малочисленны, разъединены и погрязли в спорах, разногласиях и борьбе амбиций, они уповают на помощь своих друзей, спонсоров и покровителей, на английских спецназовцев, «иностранных легионеров» Франции, боевиков «Аль-Каиды», переброшенных из Ливии всякого рода (в том числе криминального) наемников, а также бесчисленных боевиков — суннитов, которых ныне более чем достаточно на Ближнем Востоке после операций войск США в Ираке и Афганистане. При этом используется недовольство суннитов военно-политическим усилением шиитов в Ливане и Ираке, давним доминированием союзных с Ираном алавитов в Сирии, а также — возмущение всех арабов пребыванием войск США в Афганистане и Ираке, как и войск Израиля на палестинских территориях. Ведется изощренная пропаганда с целью переплавить *национально-политическое* недовольство суннитов бесконечными актами агрессии Запада против Востока в *чисто религиозное* противостояние с шиитами, которых поддерживает Иран. А его-то больше всего (хоть и по разным причинам) опасаются США, «ваххабитский тандем» Саудовской Аравии и Катара, да и прочие теокра-

тические монархии Востока. К ним, судя по всему, не прочь примкнуть и Турция, претендующая с давних пор на лидерство среди суннитов.

Кое-чего мятежники добились. Несомненно, «эпоха Насера» — отныне в прошлом. Ее не восстановить, как и ее творцов, их деяния и моральный климат их времени. Но вызывают сомнения и перспективы того, что творят «Аль-Каида» и «ваххабитский тандем» при поддержке Запада. Их ставка на суннитско-шиитскую вражду уже возникала, но обычно терпела крах. Большие шансы на провал у нее и сейчас. Шииты Ливана, ныне — ведущая конфессия страны, намного усилили свои позиции с помощью движения «Хизболла», которое многие в стране уже называют «государством в государстве», располагающим значительными капиталами (до 2 млрд. долл.) и боеспособными отрядами, которые чрезвычайно повысили авторитет этой организации и в Ливане, и в арабском мире в целом. Хотя американцам удалось за годы оккупации Ирака спровоцировать вражду шиитов и суннитов, все же среди иракцев очень мало найдется тех, кто склонен прислушиваться к пропаганде США. Практически все лидеры иракских шиитов — Али ас-Систани, Бакир и Абд аль-Азиз аль-Хакими, Муктада ас-Садр — имеют свою собственную модель демократии и не приемлют присутствия США на Ближнем Востоке. Напомним: в Ливане и Ираке шииты — главная сила³⁷. В Сирии попытки американцев изолировать алавитов и прочих не-суннитов терпят крах уже давно: как известно, там уже с весны 2011 г. противники Асада просто покупали участников антиправительственных демонстраций, выплачивая простому демонстранту 60 долл. за выход на улицу, 100 долл. — за выход с плакатом и 300 долл. — за выход с автоматом!³⁸. С тех пор прошло немало времени, а результаты этих расходов — более чем мизерные. В Сирии единой, консолидированной, идейно сплоченной оппозиции нет! А вот массовая поддержка у президента Башара Асада есть, как и возмущение рядовых сирийцев грубым вмешательством извне в их дела, да еще под фальшивыми лозунгами и на иностранные деньги.

Чисто тактический союз Запада с «Аль-Каидой» и вообще с исламистами не может быть долгим. Он весьма непрочен и эффективно сработал лишь в Ливии, где положение, судя по всему, еще долго будет неопределенным. Сегодня, во всяком случае, нельзя сказать, выиграл ли Запад от погрома в Ливии. Во всех же других странах у его странной «дружбы» с исламизмом нет ни прочной основы, ни долговременных перспектив.

Разумеется, много пережившие за это время Тунис, Египет, Сирия, Ирак вряд ли будут жить по-старому. Дело либерализации и даже в чем-то демократизации в этих странах, как и в других (Марокко, Алжире, Иордании), пусть и с трудом, но продвигается. От своей «политической весны» арабы ждали большего. Но вмешательство извне, попытки «исламизации» и в ряде случаев «замораживания» этой весны все же сделали свое дело. И многое из того, что можно было сделать уже сегодня, откладывается на будущее. Но будем надеяться, не всегда у Запада, решившего вернуться к новоколониальной политике, будет возможность с помощью новейших тех-

нологий перехватывать инициативу арабских «низов» и исказить ее в своих интересах. Да и исламизм, ныне переживающий расцвет, вряд ли вечен. Я верю в то, что арабы найдут иное идеологическое оружие для своего национального, социального и духовного освобождения.

¹ *Мирский Г.И.* Арабские революции? (доклад на круглом столе ИМЭМО в 2011 г.); Независимая газета. 01.04.2013; 12.03.2013.

² Независимая газета. 13.03.2013.

³ Восток-Oriens. 2011. № 6. С. 50.

⁴ Известия. 23.11.2011.

⁵ Ближний Восток и современность. 2009. С. 135–138; *Burgat F.* Al-Qáida or the transnationalisation of an “Islamic” resistance to the globalization of the maintenance of an American order // *Arabia Vitalis*. М., 2009. P. 54.

⁶ *Lacouture J. et S.* L’Egypte en mouvement. P., 1962. P. 180, 183.

⁷ *Гамаль Абд ан-Насер.* Фальсафат ас-саура (Философия революции). Каир, 1954. С. 32.

⁸ Восточный социум и религия. М., 2009. С. 7–8; *The Middle East viewed from the North.* Bergen, 1992. P. 73–84.

⁹ В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С. Мясникова. М., 2011. С. 125–126.

¹⁰ *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008. С. 9.

¹¹ Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 2007. Вып. 6. С. 60.

¹² *Arabs and the West.* Amman, 1999. P. 29.

¹³ В потоке научного творчества... С. 124.

¹⁴ Ближний Восток и современность. 2003. № 18. С. 163–193; *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 154–164.

¹⁵ Восток-Oriens. 2011, № 5. С. 149–150.

¹⁶ *Васильев А.М.* Африка и вызовы XXI в. М., 2012. С. 204–205; *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М., 2006. С. 43–45.

¹⁷ *Ланда Р.Г.* Политический ислам... С. 264.

¹⁸ Известия. 06.09.2011.

¹⁹ Восток-Oriens. 2011. № 5. С. 150.

²⁰ *Васильев А.М.* Африка и вызовы XXI в. С. 285, 295.

²¹ Известия. 06.09.2011.

²² Ислам и исламизм. М., 1999. С. 154; *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 144–148.

²³ *Islam, Muslims and Modern State.* P. 187–188, 238–239.

²⁴ *Ланда Р.Г.* Политический ислам... С. 249–250.

²⁵ Азия и Африка сегодня. 2000. № 9. С. 56; Восток-Oriens. 1993, № 1. С. 141–149; *Islam, State and Society.* London-Riverdale, 1958. P. 191.

²⁶ Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. М., 1994. С. 17–18.

²⁷ Centre for study of Islam and Christian — Muslim Relations. Ethnicity, politics and transnational Islam. A Study of an international Sufi order. Birmingham, 1998. P. 1–4.

²⁸ *Roy O.* Généalogie de l’islamisme. P., 1995. P. 61–81; *Charnay J.-P.* Sociologie religieuse de l’Islam. P., 1994. P. 339.

²⁹ *Mokeddem M.* Al-Qaida au Maghreb islamique. Alger, 2010. P. 24–92.

³⁰ Восток-Oriens. 2011, № 4. С. 210–211.

³¹ *Гучетль Г.И.* Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. М., 1999. С. 71.

³² Известия. 17.11.2011; Российская газета. 26.10.2011.

³³ Независимая газета. 13.03.2012.

³⁴ Независимая газета. 13.03.2012.

³⁵ Независимая газета. 13.03.2013.

³⁶ Независимая газета. 16.04.2012.

³⁷ Независимая газета. 16.05.2012.

³⁸ Известия. 19.08.2011; 23.09.2011.

Феномен «арабской весны»

«Арабская весна» — это следствие детонации взрывоопасной ситуации, порожденного форсированной модернизацией системного кризиса на арабо-мусульманском фоне, беспримерным несоответствием между динамикой изменения общественных отношений в условиях господства застойных форм общественных и государственных регуляторов в национальных рамках и темпами планетарного технико-технологического прогресса, эмансипации общественного сознания.

Основное направление развития восточного общества в Новое и Новейшее время — это движение из средневековья в современность по пути модернизации. Это — процесс и результат процесса обновления, преобразований, перемен в общественной жизни, ориентированных на высший для своего времени уровень технологий, который все еще преимущественно задает Запад. Это — сущностная характеристика духа эпохи, ее внутреннего единства в современной восточной версии. Вовлечение традиционного Востока в его орбиту сопровождалось *форсированной* (ускоренной, зачастую насильственной) модернизацией прежде всего наиболее значимых для рынка сфер хозяйственной жизни восточного общества. Западная Европа проходила путь из средневековья в современность в течение нескольких столетий спонтанного развития, по существу непрерывных преобразований, в основном последовательно и своевременно решая проблемы каждого этапа развития европейского общества. При этом во взаимодействии формационно-однотипных социумов происходила постепенная гармонизация состояний социально-экономической структуры и общественного сознания. Не то — Восток. В отличие от стран Западной Европы процесс социально-экономической перестройки и сдвиги в умственном развитии происходили на Востоке во взаимодействии обществ *формационно-разнотипных* в самое короткое время по историческим меркам, главным образом под влиянием внешних сил. Все, что происходит на Востоке, так или иначе, отмечено метой форсированной (еще раз: вынужденно ускоренной) модернизации, нарушившей присущие традиционному обществу процессы в результате вторжения в его жизнь чуждых ему регуляторов индустриального общества.

Не ново сказать, что Восток сегодня — это органичная часть глобализирующегося мира. Однако «новое» (современное) утверждается в столкновении со «старым» (традиционным) прежде всего в тех областях жизни общества, которые в наибольшей степени вовлечены в сферу мирохозяйственных связей и отношений. Отсюда — очевидная социально-экономическая и социокультурная многоукладность, когда современные структуры сосуществуют с традиционным устройством общественной жизни в большинстве стран

Востока. (Может быть, лучшим примером тому могут служить монархии Аравийского полуострова, где процесс модернизации начался только во второй половине XX в. и где наряду с высокотехнологичным производством и современной инфраструктурой на базе нефтедобывающей промышленности господствуют родоплеменные отношения, а правители и продвинутая элита, получившая образование на Западе, отчасти готовы принять современность, сохранив, однако, традиционные институты).

Модернизация способствовала расширению и интенсификации межгосударственных и личностных контактов, росту социальной мобильности, придавала мощный импульс тенденциям мультикультурализма в планетарном масштабе. Внедрение и развитие на Востоке современных форм производства и новой инфраструктуры требовало нового профессионализма, нового уровня образованности, привело к появлению современных социальных страт, новой светской интеллигенции, к сдвигам в общественных отношениях. Порожденная европейским экспансионизмом модернизация имела следствием сближение Востока с евроатлантическим миром в технико-технологическом и культурном отношении, способствовала относительному повышению жизненного уровня населения, социальной мобильности, грамотности, появлению новых потребностей и росту потребления. Модернизация меняет мировосприятие и поведение человека. Происходит (особенно быстро в век глобализации) разрыв его отношений с привычным кругом общения, пересмотр традиционных социокультурных критериев, утрачивается определенность понятие национального и культурного единства, гражданской солидарности людей.

Главный симптом сложившейся во многих странах Востока кризисной ситуации — это резкий контраст между растущим уровнем потребностей населения в условиях интернационализации потребностей и потребления и возможностью их удовлетворения. Модернизация сопровождается беспрецедентным разрывом в распределении национального богатства между социальными «низми» и «верхами»; в большинстве стран Востока происходит прогрессирующее разорение деревни; безработица, прежде всего среди молодежи, составляющей более половины населения, стала хроническим социальным недугом. Характерной чертой национальных режимов после развала колониальной системы на многие десятилетия стал авторитаризм, господство чиновничье-бюрократической буржуазии, статус и положение которой зависят от сохранения существующего положения вещей; государственный аппарат стал как никогда коррумпированным, клановым, воровским, расточительным, решительным противником перемен. Несменяемость авторитарной власти, порождавшая nepотизм, стала нормой. Власть оказалась неспособной адекватно реагировать на перемены в общественной жизни.

Одним из важнейших результатов модернизации стала эмансипация жителя Востока. Успехи народного образования, бурное развитие информационных технологий, внешняя миграция расширили умственный горизонт населения; резко возросло влияние демонстрационного эффекта. Люди выходят из-под тотального контроля государства над образом мыслей. «Арабская весна», волне-

ния, охватившие арабские страны Северной Африки и Ближнего Востока в 2010–2011 гг., повторюсь, явилась следствием системного кризиса, неспособности восточного общества адекватно реагировать на вызовы XXI века.

Ее называют восстанием, революцией и даже арабским возрождением. Но это не что иное, как стихийный бунт городского населения арабских стран, прежде всего от чувства безысходности. Жизненные трудности, связанные с безработицей и ростом цен, вопиющую несправедливость в распределении национального богатства, nepoтизм, коррупцию, бесправие «человека улицы» люди относят за счет неэффективности правящих режимов, оказавшихся неспособными разрешить насущные проблемы народной жизни. Об этом свидетельствует преобладание требования смены власти среди требований участников событий «арабской весны». Народ восстал против правящей элиты, некомпетентной, действующей в своих эгоистических интересах замкнутой группы, в которой он видит источник всех бед. О стихийном характере событий свидетельствует разобщенность национальной оппозиции, отсутствие программы действий, харизматических лидеров, обладающих опытом политической борьбы и способных повести за собой людей. Это реакция коллективного бессознательного, взрыв грозовой атмосферы, подобно молодежным бунтам, сотрясавшим Европу в 1968 г. (По словам организаторов демонстрации в Египте, они «не планировали устраивать революцию, хотя знали об успехе тунисских братьев». «Мы призвали людей на демонстрацию против ненавистной полиции. Хотели испортить праздник полиции 25 января»¹. «Арабская весна» — это реакция порожденных модернизацией слоев образованного населения, бунт «рассерженных горожан», преимущественно молодежи — активной силы событий. Она импульсивна. Она желает уровня жизни «золотого миллиарда» и особенно болезненно реагирует на проявления социальной несправедливости. Она ожидает и желает большего, чем ей реально доступно, хотя и не всегда знает путь к цели. А между тем, молодежь в возрасте 15–33 лет составляет в арабских странах две трети населения². Как справедливо пишет Р.Г. Ланда, молодежь «созрела для выражения своего протеста в социальном, эмоциональном, психологическом плане, но не была к этому готова организационно, политически, идеологически»³.

Однако, почему пламя бунта вспыхнуло именно в арабских, да еще в относительно благополучных в экономическом отношении странах? Почему волнения не вышли за пределы арабских стран? Почему они так быстро охватили едва ли не весь арабский мир?

Как представляется, это связано с тем, что арабы, хотя и разделенные политическими границами, составляют исторически сложившуюся общность на основе общности языка, культуры, предков, мифологии, общей судьбы, что предопределяет во многом их общую реакцию на вызовы современности.

В арабских странах более, чем где-либо еще, накоплен потенциал недовольства населения существующим порядком вещей, умноженный на укорененное в нем неприятие западного доминирования, несмотря на то, что антизападный характер на первом этапе событий не был очевиден. Здесь,

как нигде на Востоке, заметно раздражающее народ присутствие Запада. Это регион, имеющий исключительное значение для Запада и связанный с Западом особым характером исторически сложившихся отношений. Вряд ли следует доказывать, что Ближний Восток — это единственный в своем роде район экономических, геополитических и военно-стратегических интересов Запада, прежде всего США. К слову сказать, здесь за последние четверть века случилось 6 войн, в которых, так или иначе, замешан Запад. Арабские страны уже только в силу географической близости к Европе стали едва ли не первым на Востоке объектом форсированной модернизации, сопровождавшейся подрывом устоев традиционного общества и западной культурной экспансией. В частности, поэтому воздействие исходящей от Запада модернизации на жизнь арабского общества, с одной стороны, оказалось особенно глубоким, а с другой, — вызывало особенно сильную реакцию; процесс модернизации проходит здесь особенно болезненно, сопротивление населения европейскому «новому» как нигде упорно.

Конечно, сфера интересов Запада охватывает едва ли не весь мир, и не только Ближний Восток болезненно реагирует на западный экспансионизм. Но только на Ближнем Востоке, прежде всего в арабских странах, эта реакция стала столь масштабной и приняла радикальные формы, подобно исламистскому экстремизму.

Неизгладимую печать на отношение арабов к Западу наложило многовековое со времен арабо-мусульманского халифата противостояние мусульманского Востока и христианского Запада. Неприятие Запада закреплено в подкорке, стало структурным компонентом коллективного бессознательного арабов-мусульман. Оно передается из поколения в поколение, вошло в традицию. Общность судьбы арабских народов в пределах халифата, в Османской империи, в условиях колониального мира и во многом в постколониальный период предопределила характер национального самосознания арабов, их представления о себе как самобытной общности; провозглашенная цель арабского национализма — возрождение утраченного арабами величия. Они считают себя богом избранным народом, потому что пророку из их среды был ниспослан Коран на арабском языке, славная история халифата составляет предмет их гордости. Интеграционной «скрепой» «коллективного бессознательного» у мусульман, особенно арабов, стала уникальная особенность ислама, которая заключается в тоталитарном характере доктринальной нераздельности священного и мирского, чего не знают последователи других мировых религий. Это обусловило рано сложившуюся системную зрелость, и даже жесткость, мусульманского общества. Всякий раз, когда на современном Востоке возникает кризисная ситуация, люди в поисках выхода подчас обращаются к традиционным представлениям об идеальном общественном порядке, а протест против политического деспотизма, западного доминирования получает религиозную окраску. Мусульманам это присуще в высшей степени как раз в силу такой нераздельности. Благодаря пластичности *шариата* — «божественного закона», основанного

на священных текстах комплекса норм, принципов и правил праведной жизни, они сравнительно легко адаптируются в меняющемся мире, но только до тех пор, пока меняющийся мир не затрагивает основ их веры и социального бытия. Все, что мусульмане считают оскорблением святынь, воспринимается ими как вызов общине, и наоборот. Вызовом стали, в частности, существование «в сердце арабского мира» еврейского государства, нерешенная палестинская проблема, появившиеся в Европе карикатуры на Пророка, и, не в последнюю очередь, культурная экспансия христианского Запада. Исламизм созвучен протестным настроениям значительной части мусульман, как образованных, так и малограмотных, как горожан, так и жителей сельских районов, как социальных низов, так и среднего класса, людей самых разных взглядов левого и правого толка, решительных антизападников и умеренных, доброжелательно настроенных по отношению к Западу.

Исламистские организации в арабском мире, если не считать силовых структур, по-видимому, являются наиболее организованной и влиятельной политической силой. Нигде, как в арабских странах, в сердце исламского мира нет столь успешно действующей в самых широких слоях населения организации, подобной Ассоциации «братьев-мусульман». Об этом свидетельствуют приход к власти исламистов на волне событий «арабской весны», как это произошло в Тунисе, Ливии и Египте, хотя исламисты на первых порах не были в авангарде протестного движения.

Словом, «арабская весна» пришла с грозовой атмосферой социально-политических проблем и субъективной готовностью арабов к протестным акциям: религиозно-общинный конформизм в его арабо-мусульманском варианте в сочетании с интеграционным потенциалом арабской этнической самоидентификации стали главной причиной того, что события «арабской весны» ограничились арабским миром.

Обращает на себя внимание то, что волнения удивительным образом начались с относительно благополучных в экономическом отношении стран – тех же Туниса, Ливии, Египта. Представляется, что это, как и едва ли не все явления общественной жизни в арабских странах, – порождение форсированной модернизации: здесь особенно болезненно ощущаются последствия разрыва между быстрыми темпами развития структурных компонентов социума и связанных с ними сфер общественного сознания и неспособностью властных институтов адаптироваться в постоянно меняющихся условиях жизни современного мира. Кризисные явления вызывают реакцию прежде всего средних слоев в их восточном варианте (преимущественно интеллигенция, образованные люди вообще), особенно многочисленных и активных в странах, наиболее развитых в экономическом и культурном отношении. В этой среде осмысливаются кризисные явления, формируется идеология протеста и появляются лидеры массовых выступлений.

Детонатором взрывной ситуации стал акт самосожжения тунисского торговца овощами Мохаммада Буазизи в знак протеста против взяточничества и жестокого обращения. Таким детонатором в наэлектризованной протестом атмосфере могли бы стать равно происки ЦРУ, оскорбление святыни

и прочее в том же роде. Вслед за событиями в Тунисе едва ли не тотчас последовала вспышка волнений в других арабских странах. Такая мгновенная реакция (не просто реакция, но едва ли не мгновенная реакция) стала возможной благодаря тому, что модернизация сделала доступными Востоку достижения мировой цивилизации. Современные электронные технологии, мобильная связь и особенно социальные сети Интернета, позволяющие пользователям излагать свои взгляды, не обнаруживая себя и не опасаясь репрессий, открывают протестующим широкую возможность общения, пропаганды самых радикальных, экстремистских идей, организации и координации действий в реальном времени. (По словам египетского писателя Гамалы аль-Гитани, накануне событий 25 января 2011 г. он слышал, «что на следующий день с помощью Интернета молодежь организует демонстрацию»⁴). Впрочем, некоторые наблюдатели придают, на мой взгляд, чрезмерное значение роли Интернета в событиях «арабской весны», учитывая, что Интернет еще не стал средством подлинно массовой информации. Блогеры с общественной позицией сравнительно немногочисленны. Показательно, что, хотя волнения начались в Тунисе, где Интернет доступен 27,5% населения, значительно более масштабные события случились в Египте с 20% пользователей Всемирной паутины, а в Ливии (всего 5,1% пользователей) даже вспыхнула гражданская война (о доле Интернет-пользователей среди населения арабских стран на 2008 г. см.⁵).

Уместно напомнить, что буржуазно-демократическая революция 1848 г. во Франции, Октябрьская революция в России породили волну революционного движения в Европе, что молодежный бунт 1968 г. во Франции отозвался молодежными бунтами во многих странах Европы, Северной Америки и Японии в ту пору, когда об Интернете никто еще не помышлял. Все дело в том, что в мире взаимозависимых народов индустриальной (и постиндустриальной) эпохи генеральное направление их общественно-экономической эволюции задается процессом, утверждающим единство мира, что формирует дух времени, вызывает сходные реакции на сходные вызовы. Во всех случаях это — форма разрешения кризисной ситуации в национальных границах.

* * *

Кажется, наступила усталость от событий «арабской весны». Но эти события свидетельствуют о том, что арабское общество хочет перемен, причем, как показывают результаты парламентских выборов (со всеми оговорками касательно «чистоты» их проведения) в странах, охваченных волнениями, не менее половины мусульман, составляющих подавляющее большинство населения, считает идеальными социальные установки ислама, многие — в преломлении сквозь призму радикальной интерпретации исламистов.

¹ Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 4.

² Аль-Араби. 2012. № 2. С. 8.

³ Зарубежный Восток и современность. Тридцать лет спустя. 1980–2010. М., 2011. С. 31.

⁴ Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 3.

⁵ Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 8.

Арабские «революции» в глазах Запада и России

Прошло уже достаточно времени, чтобы можно было судить о зрелости и тех сил, которые стали инициаторами борьбы с арабскими автократиями, и позиции по отношению к этим силам политиков, политологов и СМИ в России и на Западе. Все стороны, на мой взгляд, не оказались на высоте. То, что массовые протесты в первой стране «арабской весны», Тунисе, возникли 17 декабря 2010 г. стихийно как реакция на резкое ухудшение условий жизни, рост безработицы и бездушное отношение чиновников к проблемам простых людей, а потом переросли в народные волнения, есть факт объективного порядка. Стало быть, они никем заранее не готовились, и обвинять молодых людей, взявших на себя роль лидеров протестного движения, в слабой его организации, в отсутствии реалистичной позитивной программы, в переоценке готовности общества к радикальным общественным переменам вряд ли стоит.

В Египте ситуация была сходной, разница только в том, что массовое движение протеста началось, во-первых, по призыву группы молодых людей («Альянс молодежных движений») посредством сетей Интернета и, во-вторых, оно началось 15 января 2011 г., на второй день после того, как президент Туниса Бен Али (Зин аль-Абидин бен Али) бежал в Саудовскую Аравию. Для демократически настроенных молодых египтян это стало своего рода сигналом к действию — если, дескать, в Тунисе народ сумел прогнать диктатора, то почему нельзя этого добиться в Египте как самой крупной и влиятельной стране арабского мира. И им это действительно удалось. Хосни Мубарак, как и Бен Али, вначале рассчитывал силой подавить массовые выступления, однако по мере роста числа жертв, не поддержанный руководством армии, он 11 февраля, то есть через 18 дней после начала протестных выступлений, сложил с себя полномочия президента.

Верно говорят, что события в Тунисе, иногда их называют их «тунисской заразой», пробудили от спячки практически весь арабский мир. Где более массовые и успешные, где менее успешные, но, тем не менее, имевшие позитивные последствия для общества, а где и на корню подавленные, волнения возникали по принципу цепной реакции. Практически везде сценарий был схожим. Вначале на улицы выходила молодежь под флагом демократических перемен, прекращения репрессий инакомыслящих, борьбы с нищетой, коррупцией, фальсификацией результатов выборов и т. д. Но вскоре в протестные движения стали вливаться и люди более старшего возраста, представляющие различные слои населения, и на первый план уже

выдвигалось требование отставки первых лиц государства. Вначале власти стремились подавить демонстрации силой, но по мере роста числа жертв полиция отказывалась стрелять в сограждан, а затем и армейское руководство отказывало в поддержке президенту-диктатору. Так, в частности, происходило в Тунисе и Египте.

Наиболее запомнившимися и наиболее полно освещаемыми СМИ стали, безусловно, массовые выступления на площади Тахрир в Каире. И скорее всего, не только потому, что Египет играет особую роль в арабском мире, но и потому, что они были наиболее продолжительными. Ведь и после отставки президента Мубарака еще долгое время власть оставалась в руках военного руководства, которое, очевидно, полагало, что, избавившись от потерявшего доверие народа некогда популярного президента, удастся сохранить созданный им режим с несколько приукрашенным фасадом.

При этом бросалось в глаза, что протестующие были больше похожи на толпу, чем на организованное движение. Едва ли не каждый из них хотел иметь и работу, и хороший заработок, и приличное жилье, и бесплатно учиться и лечиться, и жить в условиях свободы и демократии. Понятно, не соизмеряя свои требования с реальными возможностями страны на данном витке ее социально-экономического и общественного развития. Но толпа есть толпа, она практически везде и всюду преувеличивает свои возможности влиять на ход событий, и практически всегда ее требования далеко опережают реальные возможности.

Затяжные массовые демонстрации в Египте позволили оппозиционным силам создать свои политические организации, но при этом активизировалась и деятельность уже существующих партий. Политические партии в Египте возникли давно, и старейшей из них была основанная еще в 1918 г. партия «Вафд». На момент социальных потрясений в Египте, кроме правящей Национально-демократической партии, существовали другие светские партии, такие как, например, Национально-прогрессивная партия, Либерально-социалистическая партия, партия «Новый Вафд», Социалистическая партия труда, а также исламские партии «Аль-Умма» («Нация») и запрещенная Ассоциация «Братья-мусульмане». Возникли и новые политические организации: «6 апреля», «Революционные демократы», «Союз революционной молодежи 25 января», «Социалистический народный альянс» и др.

ПЕРЕХВАТ РЕВОЛЮЦИИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Но вот прошли выборы в органы власти в странах «арабской весны», и их выиграли, за отдельными исключениями (где сохранился статус-кво, как в Йемене), исламские партии умеренного или умеренно радикального толка. Что же случилось? Ведь не эти партии начинали борьбу против реакцион-

ных режимов, да и их члены не были сильно заметны в рядах народных выступлений. Революция — это, по сути, движение в неизвестность. Что получится в итоге, никто заранее не знает. Не случайно поэтому, на этот счет появилось много афоризмов: «революция пожирает своих детей»; «революцию замысливают идеалисты, осуществляют авантюристы, а ее плодами пользуются негодяи». Слово «негодяи», может быть, и не совсем точно передает реальность, то, что едва ли не в ходе каждой революции появляются так называемые перехватчики, которые не только ее не начинают, но и до поры до времени находятся в тени, но в период практически неизбежного ухудшения в стране ситуации приходят к власти.

Только прислушаемся к словам одного из самых глубоких российских мыслителей Николая Бердяева: «Революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма, по-новому переставляют все те же элементы и являют старые образы в новых одеяниях... Новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысления опыта революции»¹. Иначе говоря, революции не проходят бесследно, но их значимые результаты наступают не сразу, а иногда и многие годы спустя.

Что же касается перехвата революции, то обратимся сначала к собственному примеру. До Октябрьской революции большевики разве что в отредактированном Сталиным Кратком курсе истории ВКП(б) были тесно связанной с народом могучей силой. На деле это была сравнительно малочисленная, находящаяся по большей части в подполье или в эмиграции, часто дерущаяся между собой и мало кому известная группа людей, насчитывавшая в канун Февральской революции в огромной России около 10 тысяч членов. Причем, по данным самих большевиков, а реально, возможно, и меньше. В Февральской революции, открывавшей путь демократического развития России, большевики участия не принимали. Но в итоге они пришли к власти и удержали ее, одержав победу в Гражданской войне. Притом что в ходе первых в истории страны свободных выборов в Учредительное собрание, которое должно было разработать конституцию нового государства, большевики проиграли эсерам с разгромным счетом, собрав 25% голосов против 59%, полученных эсерами. Но они были классическими перехватчиками, позаимствовав у эсеров идею о передаче земли крестьянам. Причем не по тем законам, которые будут приняты легитимными органами новой власти, а немедленно и бесплатно. Тем самым они заручились поддержкой миллионов крестьян, прошедших боевую школу в ходе Первой мировой войны.

Но примерно то же произошло и на глазах большинства ныне живущих. Зародившаяся в недрах горбачевской перестройки демократическая антикоммунистическая революция возглавлялась либеральными демократами и опиралась прежде всего на научно-техническую интеллигенцию. Но либералы-западники оказались плохими управленцами, путали государствен-

ную службу с правозащитной деятельностью, имели ограниченную социальную базу. В итоге власть перешла в руки сумевших организовать после распада СССР бывших работников спецслужб и других силовых ведомств, в массе своей никакого участия в революции не принимавших, а научно-техническая интеллигенция оказалась отброшенной на самое социальное дно. Вот таким бывает «оскал истории»!

СВЕТСКИЕ ПАРТИИ БЫЛИ ОБРЕЧЕНЫ НА ПОРАЖЕНИЕ

Многие задаются вопросом: почему потерпели поражение силы «арабской весны»? Во-первых, как бы мы не называли события в арабских странах — революции, волнения, бунты и даже мятежи — в них, так или иначе, участвовали представители не только разных возрастных групп, разных слоев населения, но и люди с разными политическими устремлениями и разным мирозерцанием. Быстро, с ходу создать из них не партию, а даже коалицию, которая бы смогла не только прийти к власти, но и грамотно управлять страной, практически невозможно. За последние десятилетия в мире было немало социально-политических потрясений, смен общественных систем, политических режимов, переворотов и т. д., и опыт показывает, что, так сказать, с чистого листа создать дееспособную партию или коалицию мало кому удавалось, если удавалось вообще.

В ходе антикоммунистических революций в европейских странах конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого столетия выигрывали те партии или коалиции, которые создавались на базе коммунистов и комсомольцев, отказавшихся от коммунистической идеологии и вставших на позиции социал-демократизма. Правые партии, приходившие к власти на гребне антикоммунистических общественных настроений и старавшиеся побыстрее «выкорчевать» коммунистическое наследие, что приводило к ухудшению жизни людей, дискредитировали себя, и на первых национальных выборах в органы власти их сменяли левые партии. Это произошло в Польше, Венгрии и ряде других бывших социалистических стран и позволило не допустить того развала экономики, научно-технической и социальной сферы, который произошел в России в результате бессменного правления правых сил.

В Египте — а большинство аналитиков считают, что в этой стране, как и в Тунисе, действительно имел место революционный переворот — светская оппозиция, будь она более политически зрелой и трезво смотрящей на ситуацию в стране, на мой взгляд, не должна была наотмашь воевать с правящей Национально-демократической партией (НДП). НДП имела в своих рядах несколько миллионов членов и, кстати сказать, входила в Социалистический интернационал и уже поэтому вынуждена была, хотя бы формально, соблюдать демократические процедуры. Надо было перетягивать на свою сторону людей из ее левого крыла. Да и с армией надо было вести себя более гибко, понимая, что именно она была преградой на пути прихода к власти ислами-

стов. Но такое могло бы быть только в том случае, если бы лидеры светской оппозиции видели реальную угрозу со стороны исламистов.

Во-вторых, светская оппозиция не могла предложить народу реально работающую позитивную программу, тем более такую, которую в своем большинстве он мог бы поддержать. Лозунги демократических перемен для людей, с трудом сводящих концы с концами, мало что значат. Может возникнуть впечатление, что созданные из молодежи политические организации, игравшие особо активную роль в протестном движении, слабо себе представляли, как решать экономические, социальные да, пожалуй, и политические задачи, которые они выдвигали, в конкретных условиях Египта. Вряд ли они понимали те трудности, с которыми неизбежно столкнется любая власть в стране, в которой проживает более 80 млн. человек и в которой с каждым годом за счет быстрого естественного роста население увеличивается, но которая (по данным на 2011 г.) имеет ВВП по официальному курсу в объеме 236 млрд. долл., а по паритету покупательной способности (ППС) — чуть больше 500 млрд. долл. Никаких источников быстрого наращивания национального богатства в Египте нет. Но для того, чтобы успешно решать социальные проблемы, нужно увеличить рост ВВП с 5%, который был в Египте до революционных катаклизмов, скажем, до 7–8%. Что кажется недостижимым, даже если положить конец процветавшим при Мубараке коррупции и казнокрадству и если увеличатся число работающих в других странах египтян и. соответственно. их денежные переводы. При этом что за годы социальных потрясений, по разным оценкам, Египет потерял от 70 до 100 млрд. долл.

В-третьих, борясь за демократию, многие участники протестных движений в арабских странах, и прежде всего молодежь, слабо себе представляли ее суть и, очевидно, поэтому мало думали о настроениях большинства народа. И когда они говорили, что борются за то, чтобы выборы были честными, то хорошо знающие настроения основной массы населения в арабских странах аналитики только улыбались: дескать «честные выборы» меньше всего нужны самим участникам «арабской весны», поскольку они могут обернуться для них полным поражением. Что на деле и произошло.

Как известно, в ходе трехступенчатых выборов в парламент Египта на первое место по числу голосов вышла «Партия свободы справедливости» как политическое крыло Ассоциации «Братья мусульмане», которая получила около 40% голосов, на второе — партия салафитов «Ан-Нур» — около 30% голосов, а коалиция светских партий «Египетский блок» довольствовалась примерно 15% голосов. И президентские выборы выиграл представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси.

Деятели «арабской весны» с волеизъявлением народа не согласились и опять стали выводить людей на улицы, громить офисы «Братьев-мусульман», вступать в стычки с полицией, требовать отставки президента Мурси, что приводило к новым жертвам и еще больше ухудшало жизнь людей, ибо вызвало отток из страны капитала, сокращение числа туристов и пр.

А победа исламских партий произошла потому, что большинство египтян разочаровалось в деятельности светских партий, а потом и в правлении генералов под ширмой многопартийности. На их глазах углублялась пропасть между богатыми и бедными, разрастались злоупотребления властей и коррупция, медленно сокращалась, если не увеличивалась, зона бедности и нищеты. Коран же повелевает властям заботиться о больных и бедных, о сиротах, нищих и т. д., причем «закят» является одним из трех столпов ислама.

Но дело, возможно, даже не только в ненадлежащем правлении светских партий. Как справедливо писал американский гражданин Марк Адоманис, «Египет — это страна, уникально не подходящая для торжества либеральной демократии. Египет слишком беден, консервативен, религиозен..., необразован, он слишком сильно застоялся в своем экономическом болоте и является слишком аграрной страной, чтобы там возникла устойчивая либеральная демократия... И помните — либеральная демократия в западном понимании очень отличается от других “демократий”. Нелиберальная демократия, как в Венесуэле при Уго Чавесе, не в счет, потому что она оскорбляет тонкие западные чувства. Даже Аргентина, и та все чаще не попадает в разряд “настоящих” демократий, поскольку ее правительство имеет дурную привычку отвергать требования западных финансовых институтов»².

Я полагаю, что тут уместно привести слова Плеханова, сказанные им незадолго до Октябрьской революции, правда, с небольшой перестановкой слов. Вопреки утверждениям большевиков, он считал, что «Россия еще не смолола той муки, из которой можно было бы испечь пирог социализма»³. Если вместо слова «социализм» поставить слово «демократия», то это будет относиться не только к Египту, но и к большинству арабских стран. Демократия, которая утвердилась в странах Запада, к моменту своего нынешнего состояния прошла очень долгий путь. Она развивалась вместе с развитием общества, и уровень зрелости последнего, как правило, определял и уровень зрелости демократии. В Англии, на родине парламентаризма, еще в 1215 г. была принята так называемая Великая хартия вольностей, которая ограничивала права короля и давала некоторые привилегии верхушке общества и городам, а победа сторонников парламента над войсками короля в ходе Великой английской революции (1642–1649 гг.) расширила права парламента. И тем не менее, еще около двухсот лет демократия была «куцей», поскольку избирательное право было резко ограничено имущественным, образовательным и др. цензами. Еще в XIX в. правом избирать и быть избранным в парламент пользовалось менее 10% взрослого населения. То есть демократия была еще сословной, поскольку она не представляла интересы всех граждан. Женщины вообще были лишены права голоса, а например, в Швейцарии они получили такое право только в середине XX в. (1959 г.).

А в США после принятия «эталонной» конституции в 1787 г. за критику властей людей сажали в тюрьму. И только после внесения 10 поправок в конституцию в 1789 г. («Билль о правах»), которые вошли в действие в 1791 г., эта практика прекратила свое существование. Но при этом рабство черно-

кожих сохранялось еще до победы в гражданской войне промышленного «Севера» над плантаторами-рабовладельцами «Юга» (1865 г.). Хотя на деле права чернокожих ущемлялись, если не сказать, попирались еще более 100 лет. Иными словами, становление представительной (а не племенной, рабовладельческой и сословной) демократии — это длительный процесс. И тем более не может традиционное общество по решению местных властей или стараниям западных правозащитников превратиться в гражданское общество⁴.

Если бы движение истории носило рациональный характер, то существовавший при Мубараке режим был бы не свергнут, а реформирован. То есть правление президента было бы ограничено двумя сроками, были бы подвергнуты основательной чистке бюрократия и правящая партия, введены суровые наказания за коррупцию и фальсификацию выборов. Тогда этот режим в большей мере отвечал бы и нынешнему уровню развития Египта и интересам прогресса общества, нежели нынешний режим или тот режим, который могла бы установить случайная и разношерстная коалиция «арабской весны». А после произошедших за последние годы общественных потрясений и потерь, которые понесла экономика, Египту, дабы не скатиться в пропасть, нужна сильная власть. Но реально ее может установить скорее уже не армия с подмоченной репутацией, а пользующаяся доверием народного большинства «Партия свободы и справедливости».

ЗАПАД ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВОВАЛ АРАБСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Мало кто мог предвидеть, что в арабском мире, в котором десятилетиями правили диктаторы, может произойти нечто такое, что походило бы на революцию. И не то, чтобы низы были довольны существующим порядком вещей, они знали, как спецслужбы стремятся подрубить на корню малейшее проявление независимой общественной активности и как диктаторы расправляются с протестующими. Асад-отец (отец Башара Хафез Асад) преподнес бунтарям урок: в 1982 г. он приказал войскам стереть с лица земли взбунтовавшийся город Хама, что привело к гибели десятков тысяч людей. И когда напуганные чужими революциями некоторые наши провластные аналитики стали говорить о том, что арабские бунтовщики стремятся свергнуть законную власть, то следовало бы им напомнить: в большинстве арабских стран, в которых происходили массовые выступления, власть по большому счету была нелегитимной, поскольку она выросла из государственного переворота. А происходившие потом парламентские и президентские выборы, как правило, носили фиктивный характер, всегда обеспечивая победу действующей власти. А, например, в Ливии просто не было выборов в органы власти, поскольку таковых не было вообще — там «правили массы». Так, по крайней мере, провозглашалось М. Каддафи в его знаменитой «Зеленой книге», в которой излагалась «Третья Всемирная Теория». Там формально не было и главы государства, поскольку Каддафи официально именовался лидером ливийской революции.

Но то, что вдруг в арабском обществе нашлось немало людей, которые перестали бояться властей и даже начали добиваться свержения существующего режима, стало результатом больших изменений, произошедших за последние десятилетия в арабском обществе в результате глобализации и широкого распространения современных средств массовой информации. Там появилось новое поколение образованной молодежи — поколение Интернета, Фейсбука, Твиттера, которое вполне осведомлено, что делается в мире, какие там существуют порядки, как в других странах гражданское общество ставит на место свою власть, и оно, это молодое поколение, не захотело мириться с тем, с чем мирились предыдущие поколения, — с попранием прав людей, унижением их достоинства и т. д.

Многим на Западе это напоминало о тех процессах, которые в свое время происходили в их странах, начиная с так называемой студенческой революции 1968 г. во Франции (сыгравшей большую роль в демократизации европейского общества) и кончая движением «новых левых» во многих других странах. Общим для этих процессов был протест молодого поколения (нередко смешной, гротескный, иррациональный, брутальный) против существующего порядка вещей, образа жизни, ценностей, норм морали и пр. В принципе в каждом обществе наступает такой момент, когда выросшее новое поколение не хочет следовать линии поведения своих предшественников, о чем писал еще Тургенев в романе «Отцы и дети».

Выступления арабской молодежи под флагом борьбы против тирании и за демократизацию общества встретило горячую поддержку в либеральных кругах Запада, особенно со стороны деятелей Евросоюза, ПАСЕ, либеральных СМИ. Их действия поощрялись, странам, в которых произошло смещение с постов первых руководителей и их ближайшего окружения, была обещана всесторонняя помощь. Более сдержанной поддержка «арабской весны» была со стороны Вашингтона. Когда пал режим Бен Али в Тунисе, это его мало тревожило. Но когда зашатался режим Хосни Мубарака в Египте, который был надежным союзником США на Ближнем Востоке, то Белый дом вначале его поддерживал; когда же стала очевидной его обреченность, президент Барак Обама заявил, что Мубарак должен уйти. В создавшихся условиях задачей американской администрации, насколько я могу судить, стало сохранение режимов в странах Персидского залива, и прежде всего в Саудовской Аравии, в которой, впрочем, политическая ситуация достаточно стабильна; в Бахрейне, где базируется 5-й флот США, но где шиитское большинство не имеет равных прав с правящим суннитским меньшинством и где время от времени вспыхивают серьезные волнения. (Которые, однако, быстро подавляются, в том числе с помощью Саудовской Аравии).

Вашингтон проводил гибкую политику в отношении беднейшей страны арабского мира Йемена, в котором долгое правление президента Али (Абдаллы) Салеха вызвало массовые протесты, нередко заканчивавшиеся кровопролитием. И дело не только в том, что одна группа племен активно под-

держивала Салеха, а другая — так же активно требовала его смещения. Дело в том, что Йемен занимает исключительно важное геополитическое положение, позволяющее контролировать стратегически важный Баб-эль-Мандебский пролив (соединяющий Красное и Аравийское моря), расположенный на Великом морском пути из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. США, воздерживаясь от прямой критики Салеха, искали пути к компромиссу враждующих сторон, и он был найден посредством ухода Салеха с поста президента. Как считают аналитики, территория Йемена при определенных обстоятельствах может использоваться американскими вооруженными силами для отражения атак боевиков «Аль-Каиды», весьма активной в этом регионе⁵.

В чем была ошибка либеральных кругов Запада? Во-первых, в том, что они механически перенесли на арабское общество благотворное с исторической точки зрения влияние на западное общество «молодежной революции» 1960-х гг., игнорируя разный уровень развития двух обществ. И, во-вторых, они сильно преувеличили и численный состав, и влияние на общество арабских «революционеров», что убедительно показали прошедшие в странах «арабской весны» выборы в органы власти.

Первое отрезвление на Западе в отношении «арабской весны» наступило, когда сбросившие ненавистного тирана Бен Али «молодые революционеры», вместо того, чтобы строить новую жизнь в Тунисе, хлынули в европейские страны в надежде на более сытую жизнь. Но там их никто не ждал, тем более в условиях глубокого финансово-экономического кризиса и растапливающейся до давно не виданных масштабов безработицы. В этих условиях и материально помогать странам «арабской весны» стало весьма проблематично.

ЧТО ВЫИГРАЛ ЗАПАД, СВЕРГНУВ РЕЖИМ МУАММАРА КАДДАФИ

Особняком стоит политика Запада в отношении Ливии. Лидер ливийской революции Муаммар Каддафи был известен миру не только своим экстравагантным видом и поведением и резкостью суждений, чем он сумел настроить против себя весь арабский мир. И не только беспощадным подавлением любой оппозиционной деятельности в стране. За ним тянулся шлейф международных преступлений, пусть даже и в ответ на не всегда отвечающие мировым правовым нормам действия отдельных стран Запада. Так, по его приказу в 1986 г. ливийскими спецслужбами был организован взрыв дискотеки в Западном Берлине, которую любили посещать американские военнослужащие, и тогда погибли и были ранены 250 человек. Потом над небом Шотландии (1988 г.) был взорван пассажирский самолет американской компании «Панамерикан», в результате чего погибло 270 человек. В 1989 г. был взорван французский лайнер, и жертвами стали 170 человек. В течение целого ряда лет Ливия была одним из мировых центров полго-

товки террористов, стремилась обзавестись оружием массового поражения. Мировое сообщество приняло против режима Каддафи санкции, которые в итоге затруднили нормальное развитие страны.

Не был Каддафи и радетелем интересов собственного народа. Конечно, в богатой нефтью Ливии не было той нищеты, которая была характерна для бедных природными ресурсами арабских стран. Но была большая безработица среди молодежи, и не было того процветания, которого добились богатые нефтью страны Персидского Залива и, в частности, Объединенные Арабские Эмираты. В Ливии много средств уходило на закупку вооружений в невероятно больших масштабах для шестимиллионной страны, включая большое число танков, самолетов, систем противовоздушной защиты, морских кораблей, а также на содержание многочисленных воинских формирований. Единой армии в Ливии не существовало, а было множество разных «армий»: бригады революционной гвардии в основном из племенных групп Каддафи, гвардия масс, революционные комитеты обороны, пограничная стража, пустынная стража, интернациональные батальоны, африканские батальоны, арабские батальоны, женский батальон и т. д. Трудно понять, против кого собирался воевать лихой полковник. Немало средств уходило и на поддержку «революционеров» едва ли не во всем мире: в Палестине, Уганде, Северной Ирландии, Марокко, Судане, Анголе, Мозамбике, Испании, Колумбии, Турции, Новой Каледонии, на Филиппинах.

Неравномерно распределялись и полученные от экспорта нефти средства. Но тут надо напомнить о территориальном делении Ливии и совершить небольшой экскурс в историю. Ливия состоит из трех провинций: Триполитании на западе, Киренаики на востоке и Феззама (Феццама) в центральной, в основном пустынной и полупустынной части страны. В каждой провинции живут свои племена и, как отмечали эксперты, приоритетно финансировалась родина Каддафи — Триполитания — в ущерб Киренаике, что естественно вызывало скрытое недовольство ее жителей.

Главный город этой провинции Бенгази не случайно стал оплотом оппозиции. Это родина короля Идриса I, внука основателя мусульманского ордена сенуситов, который вел упорную борьбу против колонизаторов. Он в 1914 г. был провозглашен эмиром Киренаики, а в 1947 г. объявлен и эмиром Триполитании. На учредительном собрании в 1950 г. Мухаммед Сенуси был избран королем Ливии, а в 1951 г. появилось Соединенное королевство Ливии как «демократическое, федеративное, независимое и суверенное государство, формой правления которого является конституционная монархия». Оно было быстро признано в мире. Но в 1969 г. мало кому известный капитан Каддафи из бедуинской семьи с группой заговорщиков лишил трона короля Идриса I. Раньше или позже это должно было аукнуться, и оно аукнулось⁶.

Но к моменту начала массовых выступлений в Ливии Каддафи отказался от террористической деятельности против западных стран, закрыл лагерь подготовки террористов, свернул программу создания оружия массового

поражения, согласился выплатить огромную компенсацию в 2,7 млрд. долл. семьям тех, кто погиб при взрыве лайнера в небе над Шотландией. Ливия также выплатила 33 млн. долларов семьям погибших во время взрыва французского лайнера. В результате с Ливии были сняты международные санкции и М. Каддафи со своей бедуинской палаткой стал разъезжать по всему миру и, казалось, был желанным гостем в Риме, Париже, других западных столицах. До сих пор на страницах газет и журналов мелькают снимки Каддафи, стоящего чуть ли не в обнимку с первыми лицами западных государств. Но то, что произошло дальше, можно понять только как запоздалую месть Каддафи за убитых американцев, французов, британцев...

Так, когда начались массовые протестные выступления ливийцев, то Каддафи приказал своим многочисленным «армиям» «патронов не жалеть». Но была ли действительно применена авиация против повстанцев по примеру действий отца и сына Асада в Сирии, впоследствии вызвало сомнения. Появились сообщения, что самолеты на деле бомбили не скопления людей, а склады с оружием, дабы оно не попало повстанцам. Но, так или иначе, когда на заседании Совета Безопасности ООН встал вопрос о создании бесполетной зоны над Ливией, дабы не разрасталось число жертв, включая женщин и детей, то позиция России — воздержаться при голосовании и тем самым не блокировать принятие резолюции — была согласована с постоянными и непостоянными членами Совбеза ООН — странами БРИКС — Китаем, Индией и Бразилией, к которым присоединилась и Германия. С российской стороны это было решение президента Медведева, и, на мой взгляд, оно было оптимальным: оно не закрывало России путь к сотрудничеству с Ливией при победе как «кадаффистов», так и повстанцев.

Но, как известно, западные страны, и прежде всего Франция и Англия, вышли за рамки принятой Совбезом ООН резолюции и стали воевать в Ливии на стороне повстанцев. Но выиграли ли эти страны оттого, что сыграли решающую роль в свержении режима Каддафи? Если и да, то пока это не просматривается. Нефть они могли покупать и у Каддафи. Демократию в посткадаффистской Ливии можно увидеть разве только под микроскопом, зато исламистов, которым спуска не давал «полковник», можно видеть во весь рост. Оружие, которое годами накапливал Каддафи, становится достоянием многих исламистских группировок, кочующих по бескрайним просторам Сахары вплоть до Мали. Вначале Франция воевала против Каддафи, а потом ей пришлось воевать против его врагов.

ТРУДНОРАЗРЕШИМАЯ СИРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Особый случай представляет собой и Сирия с очень сложным этноконфессиональным составом населения. По оценочным данным, арабы, включая палестинцев и выходцев из других стран, составляют около 90% населения, 9% — курды, а также армяне, черкесы, ассирийцы, туркмены и

др. В стране уже длительное время идет гражданская война между силами президента страны Башара Асада и вооруженной оппозицией, называемой «Сирийской свободной армией». Война, которая, по данным на середину 2013 г., унесла 70–80 тысяч человеческих жизней. Это уже не говоря о числе раненых, о разорении городов и селений, о более чем одном миллионе беженцев и четырех миллионах «внутренних беженцев», то есть людей, покинувших свои родные места, которые оказались в районе боевых действий. И это в стране, в которой до начала вооруженного противостояния проживало чуть больше 22 млн. человек.

И чем дольше идет война, тем больше она принимает межконфессиональный характер. Слова «Аллах Акбар» часто слышатся в лагере оппозиции. И это понять можно. Никакой другой идеи, которая могла бы сплачивать силы в борьбе с режимом Асада, на деле не существует. Идея демократии разделяется сравнительно небольшим числом людей, идея панарабизма давно умерла, а идея арабского социализма начала умирать после распада СССР. Башар Асад опирается прежде всего на алавитов, составляющих, по оценкам, 10–12% населения, а его противники — на суннитов. Хотя реальностью является то, что в рядах вооруженных сил, находящихся под контролем Асада, есть и сунниты, и христиане, и друзья и др. Но правда и то, что они редко занимают командные должности.

Ситуация в Сирии исторически сходна с ситуацией в Ираке, разность только в величинах с разными знаками. Но немного истории. Еще задолго до обретения независимости Сирией три ярких представителя сирийского народа, обучаясь в парижской Сорбонне, загорелись идеей создания общеоарабского движения, которое поначалу было названо «Возрождение», а потом — «Партией арабского социалистического возрождения», сокращенно — ПАСВ, или по-арабски БААС, которая была создана 1947 г. Ими стали православный христианин Мишель Афляк, суннит Салах ад-Дин Битар и алавит Закир-аль Арсузи. Тогда, да и значительно позже, религиозная принадлежность людей не играла никакой роли. Впоследствии, через перевороты и контрперевороты, в том числе внутрипартийные перевороты, партии БААС стали правящими в Ираке и Сирии, которые, несмотря на правление родственных партий, чаще между собой враждовали, чем дружили. Однако поразному сложилась их судьба. Афляк в 1971 г. был обвинен Асадом в попытке организовать заговор и заочно приговорен к смертной казни, проживая последние годы в Ливии и Ираке, где его почитали как основателя баасизма, и умер в Париже в 1989 г. после операции на сердце. Битар был изгнан из власти, и, как и Афляк, заочно приговорен к смертной казни, уехал в Париж и там был застрелен неизвестными в 1980 г. А ушедший не в политику, а в сферу философии Арсузи, так сказать, никому не переходя дорогу, умер по естественным законам жизни и смерти в 1968 г. и официально был признан при власти Хафеза Асада главным идеологом баасизма.

Но опять же не без переворотов и контрпереворотов (что было частым явлением в этих двух странах) пришедшие в Ираке к власти в 1968 г. бааси-

сты стали опираться на суннитское меньшинство (примерно 20% населения против 80% шиитов) и вербовать в высшие структуры власти прежде всего людей из родного города Саддама Хусейна Тикрита. В Сирии баасисты пришли к власти в 1963 г., потом произошел внутривластный переворот, и в 1966 г. власть в стране возглавил начальник главного штаба армии и заместитель генерального секретаря ПАСВ Салах Джадид. Но возникшие серьезные разногласия во власти в связи с поражением арабских стран в арабо-израильской войне 1967 г. и по проблемам социально-экономического развития страны привели к очередному перевороту в 1970 г., в результате которого власть в Сирии возглавил генерал Хафез Асад, провозгласивший себя в 1971 г. ее президентом и правивший страной до своей кончины в 2000 г.

Опору на алавитов и недоверие к суннитам можно объяснить тем, что именно сунниты составляли костяк организации «Братья-мусульмане», которая порой переходила к вооруженным действиям против секулярной власти в Дамаске. Забегая вперед, замечу, что враждебные Башару Асаду повстанческие силы имеют наибольшую поддержку в тех районах страны, которые и раньше были в оппозиции к власти баасистов. Но, так или иначе, выходцы из сравнительно небольшой общины алавитов заняли командные позиции во всех вооруженных структурах и сильные позиции в экономике.

Но в принципе власть в Ираке и Сирии при правлении баасистов была светской. Как пишут историки, в самой Сирии алавиты не ассоциировали себя с мусульманами и были объявлены одной из ветвей шиизма только в 1973 г., чтобы соответствовать статье конституции, в которой было записано, что руководить государством может только мусульманин. Хотя в Иране они и раньше считались принадлежащими шиитскому ареалу.

В чем, на мой взгляд, сложность решения сирийской проблемы? Во-первых, в слабости личности президента Башара Асада как государственного деятеля. Он по профессии врач-офтальмолог и, как говорят, неплохой специалист в этой области. О карьере политика, тем более руководителя страны, он никогда не мечтал. Да и стал им совершенно случайно. Хафез готовил к роли своего преемника другого сына — Баселя, но тот погиб в автокатастрофе. Говорят, что Башар долго не соглашался стать преемником отца, но потом под его напором сдался. Он личность, судя по всему, не очень самостоятельная, скорее всего, он копирует действия отца, который мог без последствий для своего правления стереть с лица земли оплот «Братьев-мусульман» город Хама. Но времена ныне другие! Оптимальным вариантом был бы его уход с поста президента в самом начале массовых волнений. Но этого наверняка боялось его окружение, которому, вполне возможно, пришлось бы отвечать за многие «делишки». Возможно, были и советы со стороны: объявлять своих политических противников бандитами, террористами, орудием внешних сил. (Башар что-то мог позаимствовать и из нашей практики. В свое время баасистские партии Сирии и Ирака взаимодействовали с КПСС и многое перенимали из советской практики борьбы с инакомыслящими.)

В результате Б. Асад загнал ситуацию в тупик. Если оппозиция — это бандиты и террористы, то как с ними можно вести переговоры?! И призывы наших руководителей и руководителей других стран к власти и оппозиции сесть за стол переговоров, чтобы положить конец кровопролитию, как говорится, бьют мимо цели.

Во-вторых, боится последствий мирных соглашений и сам Б. Асад. Он видит на примере Ирака, как вчерашние, грубо говоря, изгои — шииты, в результате более или менее справедливых выборов в органы власти получили большинство мест в парламенте и своего президента и после ухода из страны американских войск начинают ставить на место суннитскую общину, за многие годы привыкшую командовать в стране. И если, скажем, Асад откажется называть оппозицию бандитами и террористами и сядет при международном посредничестве за стол переговоров, то обязательным условием соглашения наверняка станет вопрос о проведении действительно свободных выборов под международным контролем. И даже с учетом того, что христиане (которые, боясь прихода к власти исламистов, поддерживали и до сих пор поддерживают правление баасистов), возможно, также друзья и часть курдов проголосуют за партию Асада, все равно она потерпит поражение. Как потерпит поражение и их кандидат в президенты. Тогда Асаду и его ближайшему окружению могут предъявить обвинение в геноциде и передать всех их в Международный уголовный суд.

В-третьих, сложившаяся в Сирии ситуация не радует и Запад. То, что Россия и Китай не позволили Западу повторить в Сирии тот сценарий, который реализовался в Ливии при принятии Советом Безопасности ООН резолюции о бесполетном небе над этой страной, с одной стороны, хорошо. Но, с другой стороны, затягивание вооруженного конфликта в Сирии увеличивает число жертв и разрушений производственной и жилищной инфраструктуры и все больше вовлекает в борьбу против режима Асада исламистов, включая салафитов. Англия и Франция уже давно хотели бы вмешаться в гражданскую войну в Сирии на стороне противников Асада, по крайней мере, обеспечивать их оружием. Но США не готовы к ним присоединиться, часто повторяя слова о том, что неизвестно, в чьи руки попадет оружие. А скорее всего, у администрации США много своих забот. Америка еще полностью не ушла из Ирака, продолжает воевать в Афганистане, имеет огромный суверенный долг, президент Обама никак не может договориться с конгрессменами-республиканцами по бюджетным расходам. К слову сказать, в Ираке американцы, хотели они того или нет, расчистили путь приходу к власти шиитов, которые весьма благосклонно относятся к шиитам Ирана, который для США является враждебной страной.

Не радует ситуация в Сирии и Израиль. С баасистским режимом он мог худо-бедно сосуществовать, а как поведут себя силы, которые придут ему на смену, сказать трудно. В опубликованной во французской газете «Фигаро» статье с алармистским названием «Будущее Запада зависит от арабского мира» ее автор Патрис де Меритьен, не скрывая своего негативного отношения

к партии БААС, которую он называет фашистской и виновной в возникшей в Сирии ситуации, вместе с тем заявляет: «Не стоит питать иллюзий: победа революционного лагеря будет означать триумф ортодоксального суннизма, что незамедлительно приведет к репрессиям против меньшинств». Вот почему, замечает он, «алавиты, христиане и прочие меньшинства, в том числе друзья, не скрывают своего враждебного отношения к революции, которую возглавляют сирийские и египетские «Братья-мусульмане»⁷.

Но алармистское название статьи подтолкнуло меня на более широкое обобщение. Подъем исламского радикализма на деле несет гораздо большую угрозу европейским странам, нежели Америке. Даже если и оправдаться прогноз некоторых демографов, что к середине века белое население (то есть выходцы из Европы) станет меньшинством по отношению к выходцам из Латинской Америки и афроамериканцам, то в своем преобладающем большинстве американцы все равно останутся христианами. Это и объясняет, почему, по словам того же Патриса де Меритьена, «США решили не вмешиваться в события в арабском мире, хотя это никак не связано с какой бы то ни было симпатией к “Братьям-мусульманам”... По мнению американцев, даже если все, как один, мусульмане захотят создать исламистское государство, то это — их дело. Нужно провести определенные границы, которые позволят мирно сосуществовать»⁸.

Только в странах Евросоюза ситуация может быть совсем иной. Там большинством могут стать выходцы из стран третьего мира, и прежде всего из мусульманских стран. Если в Китае закон «один ребенок на одну семью» затормозил естественный прирост населения, то в Европе к этому может привести практика однополых браков при быстром росте населения в мусульманских общинах, которые вряд ли будут следовать этой практике.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НОВОЙ СИТУАЦИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ

Начать с того, что наша власть стала очень пугливой и любые катаклизмы в других странах она тут же примеряет к России и начинает закручивать гайки.

В середине нулевых годов под влиянием событий в ряде бывших советских республик и социалистических стран многие во власти заговорили об опасности для России так называемых цветных, или оранжевых революций. Угрозу «оранжевой революции» близкие власти политологи и политтехнологи выдавали за реальную и учили даже молодежь, в частности, из движения «Наши», методам борьбы с нею. Вновь заговорили об «оранжевой угрозе» после начала массовых протестных митингов в Москве и ряде других крупных городов после выборов в Государственную думу в 2012 г., результаты которых, как утверждали организаторы этих митингов, были фальсифицированы.

Но что на деле означает сей феномен, если вникнуть в его суть? Ведь события, которые названы финиковой, каштановой и т. п. «революцией»

или «революцией роз», с таким же успехом можно окрестить и августовской, и декабрьской, и февральской «революцией». А суть его в том, что прозападно настроенные силы под влиянием западной пропаганды, а то и под давлением западных политиков, а нередко и при участии западных политтехнологов и советников проводят в жизнь изменения в общественном и/или государственном строе, в политике и экономике государства, отвечающие западным интересам. Причем это осуществляется прозападными силами как снизу, так и сверху.

Но Россия уже прошла через «оранжевую революцию». Если называть вещи своими именами, то кто такие наши «младореформаторы»? Это либералы-западники, чутко прислушивавшиеся к советам (или указаниям?) западных, и прежде всего американских, руководителей и советчиков, к общественному мнению тамошней либеральной публики. Чью модель реформ выполняла команда Егора Гайдара — Анатолия Чубайса? Разработанную в США, и прежде всего в Институте международной экономики, что находится в Вашингтоне. Отсюда пошло название «Вашингтонский консенсус», предписания которого основаны неоллиберальной теории американского экономиста Милтона Фридмана. Которые в принципе не подходят для экономик переходного периода и вдвойне не подходят для экономики России. Однако их до сих пор считают актуальными многие наши либералы. В том числе бывший министр экономики РФ, а ныне научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ) профессор Евгений Ясин.

Кого младореформаторы пригласили в советники? Наших опытных экономистов, например, ученого с мировым именем, академика РАН Сергея Шаталина, или, может быть, Нобелевского лауреата по экономике живущего в США нашего земляка Василия Леонтьева (1905–1999)? Нет, они пригласили американских советников во главе с профессором Джефффри Саксом, который, как говорили сведущие люди, готовил даже проекты указов для президента Б.Н. Ельцина. Они же свидетельствуют, что американские первые лица просили Ельцина оставлять на своих постах тех людей, в которых были заинтересованы. В их числе, в частности, были Гайдар и министр иностранных дел Андрей Козырев (который ныне возглавляет американскую фармацевтическую компанию) и некоторые другие. К чему привела реализация американской модели реформ? Россия, выражаясь часто употребляемыми ныне словами, была поставлена на колени и отброшена в далекое прошлое.

Ну а что касается «арабской весны», то эти события не имели никакого отношения к России. Да, во многом они вызваны теми же проблемами, которые есть и у нас: огромный разрыв в доходах между богатыми и бедными, коррупция, фальсификация выборов. Но, во-первых, у нас нет ни тамошней нищеты, ни безработицы, особенно среди молодежи, где у них она достигает 50% и более, причем включая образованную молодежь. Во-вторых, во многих странах арабского мира в последние десятилетия происходил демографический взрыв, у нас, напротив, — демографический кризис. У нас вообще мало молодежи, а образованная молодежь, тем более в

крупных центрах, как правило, неплохо устроена и ни о какой революции не помышляет. В-третьих, наши власти реагируют на настроения в обществе и ситуацию в мире и на деле имеют поддержку большинства россиян, даже если в неравных условиях в предвыборный период находятся правящая партия и оппозиция, не совсем свободные СМИ и есть случаи фальсификации результатов выборов. Наконец, если у нас еще и не вполне демократия, то и не диктатура, а наши первые лица не сидят так долго в своих креслах, как, например, Али Салех в Йемене, Хосни Мубарак в Египте, Муаммар Каддафи в Ливии, отец и сын Асады в Сирии, притом что и некоторые другие правители-долгожители готовили себе в преемники своих сыновей.

И уж если у нас и случится революция — чего в принципе нельзя исключить, если власть по-прежнему будет делать ставку на сырье, — то она будет мало похожа как на «цветную революцию», так и на «арабскую весну».

В чем, с моей точки зрения, состоит ошибочная политика российской дипломатии к некоторым странам «арабской весны», в частности, к Ливии и Сирии? Как я уже отмечал, позиция России при голосовании на Совете Безопасности ООН по вопросу введения бесполетного режима над небом Ливии была взвешенной и согласованной с позицией других членов тогда еще БРИК. Но потом правительство стало оспаривать принятое президентом решение и настаивать на достижении компромисса между Муаммаром Каддафи и его сторонниками, с одной стороны, и вооруженной оппозицией — с другой, в то время, когда режим «полковника» практически был обречен. Коллеги мне говорили, что на этом настаивали те высокие чиновники, которые не просто делали ставку на Каддафи, но и теряли в случае его ухода с поста огромные деньги. В частности, российская сторона почему-то списала Ливии, имеющей огромные валютные резервы, долги нам в размере 4,5 млрд. долл. Чем это объяснялось? В то время вице-премьер и министр финансов А. Кудрин оправдывал такой шаг нашей заинтересованностью в «многомиллиардных контрактах для российских компаний»⁹, а председатель правления Газпрома А. Миллер уповал на то, что Ливия «очень богатая страна на углеводородные ресурсы»¹⁰. Странное объяснение!

Но если одиозный режим терпит крах, а мы его продолжаем поддерживать, то пришедшие ему на смену политические силы не только не будут нам ничем обязаны, но и не захотят с нами иметь дело. Что на деле и произошло. Китайцы же поступили иначе. Они воздержались от голосования в ходе принятия Совбезом ООН вышеназванной резолюции, дабы не ухудшать отношения со своими западными, основными для них торгово-экономическими партнерами и затишли. Хотя у них были заключены с ливийской стороной контракты на очень крупные суммы. При этом они знают, что новый режим Ливии раньше или позже обратится к ним с предложением реализовать если не прежние, то новые контракты на строительство гражданских объектов, зная, как Китай умеет недорого, но быстро и качественно строить, чего, увы, не умеем мы.

Повторяется примерно такая же ситуация и в отношении Сирии. Совершенно очевидно, что режим Асада обречен. Даже если его не свергнет

оппозиция, то все равно он долго не продержится в условиях международных санкций и развала экономики в ходе боевых действий. Или мы будем его вытаскивать из разрухи? Так он нам и так должен, согласно западным источникам, около 20 млрд. долл., которых мы наверняка никогда и ни от какой власти в Сирии не получим. Мы уже и так списали долги странам третьего мира в размере 80 млрд. долл.

Некоторые говорят, что, ставя задачу «свалить» режим Асада, Запад, и в первую очередь США, хотят открыть себе путь для принуждения Ирана отказаться от создания ядерного оружия. Допустим, это так. Только кто может в первую очередь пострадать от вооруженного ядерным оружием шиитского режима? США очень далеко от него, а Россия совсем рядом. А кто может гарантировать, что, имея ядерное оружие, этот режим не пойдет по стопам Северной Кореи, которая открыто угрожала Южной Корее, Японии и даже США применением ядерного оружия, причем без какого-либо серьезного для этого повода. А если вооруженный ядерным оружием исламский режим начнет кому-то угрожать, то в этом списке можем оказаться и мы, поскольку в России большой ареал народов исламской культуры, а в отдельных республиках РФ не прекращаются попытки исламистов вооруженным путем установить ваххабитский режим.

И еще. Противопоставляя себя странам Запада, мы не сможем осуществить модернизацию экономики, поскольку за годы либеральных реформ у нас загублены станкостроение, прикладная наука, не получил развития инновационный сектор. И производительный капитал к нам как не шел, так и не будет идти. К нам в основном шел из оффшоров под видом иностранного в виде портфельных инвестиций незаконно вывезенный наш же капитал, который при малейших признаках ухудшения экономической конъюнктуры тут же убегал. Такой капитал называется спекулятивным, и он мало способствует развитию национальной экономики.

Многие наши высокие чиновники, делающие ставку на углеводороды, похоже, не осознают, что в мировой экономике начинается новый этап, когда, с одной стороны, на смену загрязняющему окружающую среду минеральному топливу уже появляются экологически чистые виды энергии. А с другой стороны, началась «сланцевая революция», и поскольку горючими сланцами богаты многие страны, включая Китай, то цены на экспортируемые нами нефть и особенно газ будут неуклонно снижаться. Только если мы будем обострять отношения с Западом, к чему склонны наши чиновники из бывших силовиков, то наверняка не успеем диверсифицировать экономику до того, как кончится «нефтяная эра», и тогда развитие России может пойти далеко не по лучшему сценарию.

P.S. Однако подведем итоги. Кто выиграл, кто проиграл, а кто, как говорится, остался при своих в результате арабских «революций»? Это тот вопрос, по которому нет единого мнения, да, пожалуй, еще и рано делать окончательные выводы. Первое. Если говорить о народах стран, прошедших через «арабскую

весну», то если они и проиграли, то только в краткосрочной, отдельные, возможно, — в среднесрочной перспективе. В долгосрочной же перспективе они наверняка выиграли. Можно ожидать, что правители получили хороший урок и постараются так долго не засиживаться в своих креслах и не превращать государства, провозглашенные как республики, в монархии, передавая власть своим отпрыскам, а в абсолютных монархиях ускорится процесс эволюции в конституционные монархии. И если и будут разгонять демонстрации, то, скорее всего, с помощью водометов и слезоточивого газа, а не боевого оружия. Ускорится и процесс осознания широкими массами своего права быть гражданам, а не покорными подданными. Но многое будет зависеть от того, насколько успешным будет социально-экономическое развитие этих стран.

Что же касается роли политического ислама, он, как известно, имеет разные формы, но тут просматривается определенная закономерность: там, где до революционных перемен был выше уровень общественного развития, грамотности населения, многочисленнее средний класс, он носит умеренный характер. Например, победившая на парламентских выборах в Тунисе прежде запрещенная партия «Ан-Нахда» («Возрождение») является партией умеренного ислама и ассоциирует себя с правящей в Турции «Партией справедливости и развития», которую возглавляет премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган. В Тунисе сохраняется реальная многопартийность, женщины пользуются гражданскими правами и т. д. Сходная ситуация и в Марокко, где на парламентских выборах в ноябре 2011 г. победила оппозиционная партия — «Исламское правосудие и развитие».

В Египте же, в котором чрезвычайно высок процент бедности и неграмотности населения, очень глубоки корни ислама и где зародилось движение «Братья-Мусульмане», к власти пришла партия радикального или, скажем так, умеренно радикального ислама. Можно предположить, что под влиянием объективных обстоятельств эта партия по своим позициям будет сближаться с турецкой правящей партией. Но опять же, многое будет зависеть от социально-экономической ситуации в стране.

Второе. Усилил ли свои позиции в арабском мире Запад в результате «арабской весны»? На мой взгляд, нет. Если они и усилились, то разве только в Ливии, где, однако, сохраняется наибольшая неясность в отношении будущего этой страны. А США, скорее, проиграли, чем выиграли. Они, конечно, будут поддерживать нынешний египетский режим, ведь в бюджете США на 2013 г. выделены 8,6 млрд. долл. на поддержку стран «арабской весны», в том числе, если не прежде всего, Египта, Ливии, Туниса. Только вряд ли Египет будет, как прежде, надежным союзником США в ближневосточном регионе.

Что же касается Израиля, наиболее надежного и сильного в военном отношении союзника США в регионе, то он даже проиграл. В Египте свергнут режим, с которым Израиль подписал мирный договор и сохраняется неуверенность в том, как будет вести себя нынешний режим. Неизвестно, какие силы победят в гражданской войне в Сирии. Израилю не удалось помешать принятию ООН 5 января 2013 г. резолюции о «предоставлении Па-

лестине статуса государства-наблюдателя при Организации Объединенных Наций, не являющегося ее членом, без ущерба для приобретенных прав и привилегий, и роли Организации Освобождения Палестины в Организации Объединенных наций как представителя палестинского народа согласно соответствующим резолюциям и практике». Тем самым, как считают некоторые аналитики, возросла роль в палестинском движении радикальной организации ХАМАС. Еще более сложной стала ситуация в Ливане.

Кто выиграл? Однозначно выиграла Турция, которая в последние годы быстро развивается и все очевиднее претендует на роль регионального лидера, выражаясь языком Буша-младшего, «Большого Ближнего Востока» и де-факто лишая такой возможности Иран.

Третье. О позициях России в арабском мире. Когда-то позиции нашей страны, имея в виду СССР, были очень сильными в арабском мире. Там была примерно половина стран, объявивших своей целью строительство социализма. Но уже в советские годы США нас вытеснили из Египта, сложно стало поддерживать конструктивные отношения с режимом Саддама Хусейна, который сначала начал войну с Ираном, а потом вторгся в Кувейт. После ожесточенной вооруженной внутрипартийной борьбы прекратила независимое существование Народно-демократическая республика Йемен (1970–1990 гг.), объединившись с Йеменской Арабской Республикой. Постсоветская Россия «получила в наследство от СССР» отношения с теми странами, которые были нашими сторонниками в «холодной войне» с Западом. За отдельными исключениями, это диктаторские и, по общепринятым понятиям, реакционные режимы. О Ливии уже говорилось выше. Но велика вероятность, что после падения режима Башара Асада мы потеряем свои позиции и в Сирии, а заодно и многомиллиардные кредиты. С моей точки зрения, нам надо было занять нейтральную позицию по отношению к враждующим сторонам, а не поставлять оружие режиму Асада. Ошибаюсь я или нет, покажет ближайшее будущее.

¹ Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 55–56.

² Адоманис М. Затянувшаяся чрезвычайная ситуация в Египте и будущее арабской весны // www.inosmi.ru/op_ed/20121127/202681022.html.

³ Цит. по: Гражданский долг // www.spek.keytown.com/ras111Prog/5_tvarch/Vasil_pri/List_biog/gr_dolg.htm.

⁴ См. подпр.: Кива А.В. Демократия как важная составляющая качества жизни // Мир перемены. 2012. № 4. С. 140–148.

⁵ См. подпр.: Дергачев В.А. Йемен. Геополитическое противостояние // www.dergachev.ru/geop_events/240311.html.

⁶ См. подпр.: Кива А.В. «Арабская весна»: причины и вероятные последствия // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 121–130.

⁷ Меритъен де, П. Будущее Запада зависит от арабского мира // inosmi.ru/europe/20120615/193632954.html.

⁸ Меритъен де, П. Будущее Запада зависит от арабского мира // inosmi.ru/europe/20120615/193632954.html.

⁹ www.vesti.ru/doc.html?id=175848&tid=56573.

¹⁰ <http://vsluh.ru/news/oilgas/139694?mobile=1>.

Китай и события в Северной Африке

Один из основополагающих принципов внешней политики КНР, в том числе ее политики в Африке, — принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Этого принципа Китай придерживался и в отношении к событиям «арабской весны».

Китайское руководство признает, что, если 20 лет назад перемены в Африке мало отражались на Китае, то в новом тысячелетии ситуация изменилась. В силу растущей вовлеченности Китая в дела Африки события на континенте непосредственно затрагивают его интересы. Тем не менее, Пекин подтверждает свое нежелание вмешиваться в африканские события¹. Комментируя кризисную ситуацию в Северной Африке, бывший посол КНР в Египте, Тунисе, Алжире Ань Хуэйхоу заявил: «США и Иран активно пытаются оказать влияние на данный регион. Китай же не вмешивается во внутренние дела стран региона, и данная позиция является последовательной китайской позицией. Поскольку мы не вмешиваемся в происходящее, мы не вступаем в конфликт с интересами арабских стран и имеем взаимовыгодные экономические связи с ними, а потому неважно, сколько продлятся беспорядки и какие силы победят в итоге; наше сотрудничество с арабскими странами не подвергнется серьезной угрозе». Будущую роль Китая в регионе посол охарактеризовал как роль «миротворческой, стабилизирующей и готовой к взаимному сотрудничеству» силы, подчеркнув при этом, что «Китай не должен и не будет вмешиваться во внутренние дела ближневосточных стран, не смотря на свою зависимость от поставок нефти из этого региона»².

В соответствии с этой установкой, китайское руководство проявило сдержанность в оценке событий 2011 г. в Тунисе и Египте.

Тунис не относится к числу стран, отношения с которыми Китая отличала особая активность. Тем не менее, китайско-тунисская торговля успешно развивалась: с 2001 по 2008 гг. она выросла в шесть раз, сделав Китай главным азиатским торговым партнером этой страны. В 2009 г. в Тунисе состоялся тунисско-китайский торгово-инвестиционный форум, который посетили 54 бизнесмена из 51 компании Туниса и 56 бизнесменов из 27 китайских компаний. Было установлено 27 прямых контактов, позволивших предпринимателям двух стран изучать возможности сотрудничества³.

После политических перемен в Тунисе зам. министра иностранных дел КНР Чжай Цзюнь 7 марта 2011 г. прибыл в эту страну, где состоялись его переговоры с Саидом Эссебси, премьер-министром правительства нацио-

нального единства. При этом Чжай заявил, что китайское правительство уважает выбор тунисского народа и стремится развивать с Тунисом традиционные отношения дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Со своей стороны, Саид Эссебси заявил, что в существующих условиях Тунис придает еще большую важность связям с Китаем и стремится интенсифицировать сотрудничество⁴. В июне 2012 г. в тунисском городе Хаммамет состоялась пятая министерская конференция Китайско-арабского форума сотрудничества, в ходе которой прошли переговоры министра иностранных дел КНР Ян Цзечи с президентом, премьер-министром и министром иностранных дел нового правительства Туниса⁵.

Китай поддерживал достаточно активные отношения с Египтом, которые характеризовались им как «отношения стратегического партнерства». В последнее десятилетие китайско-египетские отношения вошли в новую фазу: интенсифицировались политические, экономические и культурные связи, заметно вырос туристический обмен. Египет в 2006–2011 гг. был пятым, а в 2012 г. четвертым африканским торговым партнером Китая. Средний объем двусторонней торговли составлял в 2006–2010 гг. 5,4 млрд. долл.,⁶ а в 2011 г. достиг 8,8 млрд. долл. В египетскую экономику инвестировали 1133 китайских предприятий⁷. Согласно данным Министерства коммерции КНР, с участием Китая в стране реализовывались 35 проектов в сферах текстильного производства, химии, производства продуктов питания, стройматериалов, металлургии, высоких технологий. В свою очередь, Египет инвестировал в 43 проекта в КНР, подписав контракты на 50 млн. долл., из которых были реализованы лишь проекты на сумму в 12 млн. долл.⁸.

В Египте началась реализация проекта создания одной из пяти Специальных экономических зон, которые КНР намеревается осуществить в Африке, — Египетско-Суэцкой торгово-экономической зоны. Предполагалось, что в зоне будет сделан упор на развитие промышленности с тем, чтобы создать внутренний рынок и обеспечить африканским товарам преференциальный доступ в Европу. Китай выражал готовность инвестировать в зону 700 млн. долл.⁹. Таким образом, Китай имел достаточно активные отношения с Египтом и серьезные интересы в этой стране.

Хотя китайское руководство поддерживало тесные отношения с Хосни Мубараком, его реакцией на падение режима последнего стал призыв к сохранению стабильности в стране и напоминание о том, что иностранные державы не должны вмешиваться в ее дела. Представитель министра иностранных дел КНР Ма Цзяосю заявила, что Китай внимательно следит за меняющейся ситуацией в Египте и надеется на скорейшее восстановление стабильности и порядка. Бесстрастной была реакция на египетские события китайских СМИ. «Чайна Дейли» повторила лозунг КНР «Стабильность превыше всего»¹⁰.

«Сдержанность» в оценке египетских событий позволила Китаю получить политические и экономические дивиденды: Мохаммед Мурси свой первый визит в качестве президента страны совершил в августе 2012 г. в

Китай. Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин, тогда еще в ранге заместителя председателя, принимая гостя, выразил надежду, что этот визит даст импульс развитию двусторонних связей и откроет новую главу в китайско-египетской дружбе. Он также добавил, что Китай придает большое значение сотрудничеству с этой страной и всегда будет рассматривать Египет как ключевого партнера¹¹. Со своей стороны, руководство Египта выразило заинтересованность в сотрудничестве с Китаем. Президент Мурси, в частности, сказал, что Египет рассчитывает на передачу Китаем Египту своих технологий для промышленного сектора. Он рассказал о мерах, которые будут предприняты, чтобы упростить инвестиционное сотрудничество, а также о намеченных к реализации проектах, в которых китайские компании могут принять участие.

В августе 2012 г. в Пекине состоялся китайско-египетский торгово-экономический форум. Выступая на форуме, глава управления по созданию СЭЗ и инвестициям Осама Салех заявил, что социальная ситуация в Египте постепенно стабилизируется, и пригласил Китай принять участие в реализации в стране проектов в сфере энергетики, водных ресурсов, строительства дорог, аэропорта, логистики, медицины¹².

А 27 марта 2013 г. состоялась встреча уже председателя КНР Си Цзиньпина с М. Мурси в Дурбане (ЮАР), куда китайский лидер прибыл на саммит БРИКС. В ходе встречи стороны заявили о намерении содействовать укреплению китайско-египетского стратегического партнерства¹³.

Распространение «арабской весны» на Ливию заставило, впрочем, Китай внести некоторые коррективы в свою позицию «стороннего наблюдателя». Следует заметить, что Ливия, располагающая 300 нефтяных месторождений, занимает 1-е место в Африке по доказанным запасам нефти (5,7 млрд. т). К моменту кризиса добыча нефти в стране составляла 1,6 млн. баррелей в день, экспорт — 1,1 млн. барр./день¹⁴. По оценкам, 32% ливийской нефти шли в Италию, 14% — в Германию, 10% — во Францию, 10% — в Китай, 5% — в США. Небольшое в процентном отношении количество нефти получали Австрия, Канада, Норвегия, Испания, Бразилия, Индия, Россия, Австралия, Турция, ОАЭ и другие страны¹⁵. Запасы природного газа в Ливии составляли 1,5 трлн. куб. м (4-е место в Африке)¹⁶. На долю Ливии приходилось 3% импортируемой Китаем нефти¹⁷.

С началом кризиса добыча нефти в Ливии сократилась на 300–400 баррелей в день. Иностранные компании приостанавливали деятельность, цены на нефть росли, и последствия этого роста негативно отражались прежде всего на странах-импортерах нефти. «Цена на нефть уже превысила 100 долл. США за баррель», — заявил в интервью газете «Хуаньцю шибао» Ань Хуэйхоу, бывший посол КНР в Ливии, — Если волнения продолжатся, Ливия прекратит поставки нефти и цена поднимется еще выше. Поскольку Китай импортирует около 50% потребляемой нефти, причем более 50% этих поставок — из стран Ближнего Востока, рост цен негативно повлияет на китайскую экономику»¹⁸.

Помимо потерь из-за роста цен на нефть Китай нес в Ливии и другие финансовые потери. По статистике Министерства коммерции КНР, в страну инвестировали 75 китайских компаний (в том числе 13 государственных); реализовывались 50 крупномасштабных проектов в сферах добычи нефти, железнодорожного и гражданского строительства, телекоммуникаций, в которых были заняты почти 36 тыс. китайских рабочих. С началом вооруженных столкновений многие проекты были приостановлены. Китайская государственная инженерно-строительная корпорация заявила об угрозе срыва 20 строительных проектов стоимостью 2,68 млрд. долл., Китайская корпорация железнодорожного строительства оставила незавершенными проекты стоимостью 4,24 млрд. долл. Государственная металлургическая компания Китая была вынуждена оставить незавершенными проекты на 4,24 млрд. долл.¹⁹. Уже в первую неделю с начала вооруженных столкновений 27 китайских служебных и жилых зданий подверглись атакам мятежников и были разграблены, у работников отбирали строительную технику и офисное оборудование, деньги. 15 китайских рабочих были серьезно ранены. В этих условиях китайское правительство предприняло срочные меры по эвакуации своих граждан. В ходе этой самой крупной и сложной операции с момента создания КНР из страны были вывезены 35860 человек²⁰.

Основные убытки понесли предприятия и компании, вкладывавшие средства в инфраструктурные объекты и сырье. Стоимость подписанных с Ливией контрактов снизилась на 45,3%²¹. Первоначально объявленная Китаем сумма финансовых потерь в Ливии составила 18,8 млрд. долл. и включала стоимость всех заключенных контрактов. Китайские СМИ называли также цифру потерь в 20 млрд. долл., однако специалисты сочли эти цифры завышенными. Большинство контрактов были в начальной стадии реализации. Сумма долгосрочных контрактов, заключенных в период с января 2007 г. по июнь 2009 г., составила 16,2 млрд. долл., при этом только в 2010 г. были подписаны соглашения на 10 млрд. долл. К началу конфликта лишь три компании выполнили 50% предусмотренных контрактами работ. Продолжавшая работы в Ливии китайская телекоммуникационная компания ZTE сообщала о потерях в 15 млн. долл.²².

Хотя пекинские официальные лица продолжали утверждать, что политика Китая в регионе «в основе своей правильная и не нуждается в корректировке», они заявили, что Китай не намерен посылать в Ливию своих людей и возобновлять операции, пока ситуация не стабилизируется, а также признали необходимость «создать эффективную систему безопасности, что позволит уменьшить возможные риски и минимизировать потери в экстренных ситуациях»²³.

Китай, как и Россия, воздержался при голосовании резолюции СБ ООН № 1973, принятие которой способствовало эскалации насилия. Сторонники Каддафи выражали благодарность Китаю за то, что он не одобрил резолюцию; с другой стороны, они выражали сожаление по поводу того, что Китай не наложил вето на эту резолюцию, что помешало бы бомбардировкам

Триполи силами стран НАТО²⁴. «Сдержанность» руководства КНР послужила поводом для заявлений африканцев о том, что кризис в Ливии подрывал доверие к Китаю. «Новые возникающие державы спешат делать бизнес в Африке и сохраняют спокойствие перед лицом массовых убийств», — говорилось, к примеру, в одной из статей в африканской печати²⁵.

Продолжавшиеся воздушные атаки на Триполи сил НАТО и рост числа жертв среди мирного населения побудили китайское руководство занять более жесткую позицию в отношении действий Запада. Резкое заявление о недопустимости действий, приводящих к гибели ни в чем не повинных граждан, сделал, в частности, постоянный представитель Китая в ООН Ли Баодун²⁶. Китай присоединился к призывам России и Индии прекратить бомбардировки. Китайская «Пиплс Дейли» назвала резолюцию ООН «прикрытием намерений Запада установить свою гегемонию», а «Глобал Таймс» призвала наказать западные государства за «злоупотребление» резолюцией ООН²⁷. Когда 1 мая в результате авианалета на Триполи погибли младший сын Каддафи и трое его внуков, Китай выступил с требованием положить конец действиям, совершаемым без санкции СБ ООН. «Мы надеемся, что все стороны немедленно прекратят огонь и решат кризис мирным путем, с помощью диалога и переговоров», — заявила пресс-секретарь Министерства иностранных дел КНР Цзян Юй. А «Пиплс Дейли» вновь напомнила о западных «двойных стандартах»²⁸.

В разгар ливийского кризиса политологи высказали мнение, что за борьбой НАТО с Каддафи стоит стремление США вытеснить Китай и Россию из Средиземноморья. Несомненный интерес представляет в этой связи заявление заместителя министра финансов США при президенте Рейгане, республиканца Пола Крейга Робертса, о том, что стремление США свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии продиктовано их желанием вытеснить Россию и Китай из Средиземноморья. «Китай осуществляет масштабные инвестиции в энергетический сектор Ливии и рассчитывает на нее в плане своих энергетических нужд, — сказал он, — И дело не только в нефти, но и в китайской экспансии в Африку в целом». Ссылаясь на прогноз МВФ, согласно которому в ближайшие пять лет китайская экономика обгонит американскую, Робертс заявил, что Вашингтон пытается использовать свои военно-стратегические возможности, чтобы затормозить развитие китайской экономики. «Основная цель США — выгнать из Ливии Китай, — считает он, — Кроме того, это расплата с Каддафи за отказ присоединиться к АФРИКОМ, который стал американским ответом на экспансию Китая в Африку. Китайские компании теряют сотни миллионов долларов в результате этой интервенции, и Китай четко воспринимает западное вмешательство как акт агрессии против него»²⁹.

Многие обозреватели высказывали мнение о неизбежной потере Китаем своих позиций в Ливии, поскольку западные страны, способствовавшие приходу к власти в стране Переходного национального правительства, монополизируют контракты на восстановление страны после конфликта. Од-

нако Китай явно не рассчитывал на такую ситуацию. Хотя он поддерживал режим Каддафи и принимал в Пекине министра иностранных дел его правительства, он, вместе с тем, пытался установить контакты с оппозицией. В августе 2011 г. представитель Министерства коммерции КНР заявил на пресс-конференции в Пекине: «Мы надеемся, что после достижения стабильности Ливия будет вновь защищать интересы и права китайских инвесторов и мы продолжим инвестиционное и экономическое сотрудничество с Ливией», заметив далее, что «китайские инвестиции в Ливии, особенно вложения в нефть — лишь один из аспектов двустороннего экономического сотрудничества»³⁰.

Китай воздержался от комментариев по поводу гибели Каддафи. Более того, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи заявил, что «страница ливийской истории перевернута, и на повестке дня — национальное единство и восстановление стабильности в стране». «Мы надеемся,— сказал он, — что Ливия сумеет быстро включиться в политический процесс, сохранит этническую солидарность, национальное единство и социальную стабильность, начнет экономическое восстановление и даст возможность народу жить в мире и счастье»³¹.

Пекин признал Переходное национальное правительство в Ливии и активизировал усилия по «возвращению» в страну. 11 июня 2012 г. министр иностранных дел Ливии Ашур Бен Хаил посетил Пекин, где состоялась его встреча с заместителем председателя КНР Си Цзиньпином. Заметив, что политическая и экономическая реконструкция Ливии вошла в решающую стадию, Си Цзиньпин заявил, что правительство КНР будет поощрять китайские компании к участию в восстановлении Ливии. Он высоко оценил прогресс, достигнутый переходным правительством в сохранении стабильности в стране, восстановлении экономики и национальном примирении, и выразил надежду, что Ливия достигнет прочной стабильности и процветания. Со своей стороны, Бен Хаил сказал, что Ливия придает большую важность отношениям с Китаем и приветствует его участие в реконструкции страны³².

Важным шагом стал визит в Триполи 5 марта 2013 г. представительной китайской делегации во главе с Ли Сяобином, заместителем руководителя Департамента Западной Азии и Африки Министерства коммерции КНР. Целью визита стало обсуждение вопроса возвращения в Ливию китайских компаний. В ходе встречи стороны согласились изучить потери, понесенные китайскими компаниями во время событий 2011 г. Ливийский министр жилищных и коммунальных проблем Али аль-Шариф заявил: «Мы сейчас формируем комитет, который должен изучить прямой ущерб, понесенный китайскими компаниями, и достичь взаимовыгодного для обеих стран решения этой проблемы». Стороны также обсудили возможности для бизнеса в стране китайских компаний³³. Таким образом, Китай стремится восстановить позиции в Северной Африке, подорванные «арабской весной».

В 2008 г. Китай и Ливия заключили контракт на строительство железнодорожной линии от Сирта до Хомса и затем — до границы с Тунисом, а

также выиграли тендер на участие в строительстве 800-километровой линии между Мисратом и Вади Шатти. В 2013 г. ливийское правительство одобрило возобновление железнодорожного проекта и выразило готовность провести переговоры с Китайской корпорацией строительства железных дорог (CRCC)³⁴. Поскольку до конфликта Китай принимал участие в основном в проектах реализации инфраструктурных объектов, его опыт в этой сфере, а также финансы и дешевая китайская рабочая сила представляют несомненный интерес для нового ливийского руководства. Если оно представит на тендеры свои инфраструктурные проекты, у Китая есть возможности выиграть эти тендеры. А участие китайских компаний в реконструкции Ливии может стать для Пекина важным шагом по возвращению в эту богатую нефтью страну Северной Африки.

Китай, возможно, извлек урок из ливийского кризиса и готов действовать более решительно в кризисных ситуациях, напрямую затрагивающих его интересы, что показали три вето, наложенные им на проекты резолюций СБ ООН, открывающих путь для военной интервенции в Сирии.

Однако стремление Пекина избегать непосредственного вмешательства в конфликтные ситуации на континенте остается неизменным, что подтвердила его реакция на события 2012 г. в Мали.

Китай предоставлял Мали существенную помощь и имел достаточно весомые позиции в этой стране к моменту конфликта. Только в 2011 г. Мали была предоставлена финансовая помощь на цели социальной поддержки населения³⁵. С началом конфликта посол КНР в Мали призвал китайские компании, работавшие вблизи зоны вооруженных столкновений, вывести своих рабочих. Офис компаний переехал в Бамако. Вместе с тем, посол заявил в январе 2013 г., что 1500–1800 китайцев, проживающих в Мали, находятся в безопасности³⁶.

МИД КНР сообщил об отправке французских войск в Мали без каких-либо комментариев в поддержку миссии. Это дало повод западным СМИ обвинить его в стремлении самоустраниться от решения африканских проблем. Однако дебаты в печати на эту тему показали негативное отношение Китая к предпринятой Францией акции. Китайская исследовательница Юн Сун назвала китайскую позицию достаточно последовательной, поскольку она исходит из посылки о потенциальном нарушении мандата ООН. Хотя Франция получила поддержку СБ ООН, ее миссия отличается от африканской миссии в Мали (AFISMA), создание которой предусмотрено резолюцией 2085 СБ ООН. С созданием африканской миссии Китай полностью согласен. Китайские аналитики выразили опасение, что французская интервенция в Мали создаст прецедент «легитимизации неоинтервенционизма» в Африке.

По мнению китайского эксперта по Африке, профессора Хе Веньпин, хотя Франция действует под лозунгом «борьбы с терроризмом», не все оппозиционные группировки в Мали — террористические. Таким образом, под предлогом борьбы с терроризмом происходит вмешательство в дела суверенного государства, и этот прецедент представляет опасность, по мне-

нию Китая, чей основополагающий внешнеполитический принцип — невмешательство во внутренние дела других стран. В Китае не испытывают оптимизма по поводу исхода операции в Мали. Китайские аналитики считают, что Мали может превратиться во «французский Афганистан», и выражают опасения, что потенциальные «джихадисты» активизируются в соседних с Мали странах, в частности, в Алжире³⁷. Об основательности этих опасений свидетельствует инцидент в Алжире с захватом террористами Аль-Каиды 200 заложников на газоперерабатывающем заводе. Да и сама ситуация в Мали стала в известной степени следствием ливийского конфликта, поскольку в ней важную роль сыграли кочевники-туареги, входившие в состав Исламского легиона М. Каддафи. После разгрома сил Каддафи и его гибели они ушли на территорию соседнего Мали, где в апреле 2012 г. провозгласили независимое государство Азавад.

Вместе с тем, китайские аналитики расценивают вмешательство Франции в дела Мали как продиктованное желанием президента Франсуа Олланда повысить свой имидж как внутри страны, так и на мировой арене. Так, китайский исследователь Ли Цзибяо считает, что Франция использует сокращающееся влияние Вашингтона в Африке, пытаясь заполнить вакуум и укрепить собственные позиции³⁸.

В свете стремления вытеснить Китай из Африки рассматривают многие аналитики французскую кампанию в Мали³⁹. Страна богата сырьем: она имеет крупные запасы золота (третье место после ЮАР и Ганы), располагает месторождениями урана; ведется разведка на нефть. Франция озабочена укреплением позиций Китая в ее бывших колониях, о чем свидетельствует заявление, сделанное министром финансов Пьером Московичи во время визита в Кот д'Ивуар в декабре 2012 г. В заявлении говорилось, что французские компании должны бороться против растущего влияния Китая на африканских рынках. «Очевидно, что Китай все больше присутствует в Африке. Французские компании должны найти средства противостоять их наступлению. Они должны быть более активны в Африке. Они должны бороться», — сказал французский министр⁴⁰.

¹ Africa can be a heartland for collaboration // Global Times. 09.02.2011 [china-wire.org/rp=10096].

² Huantsyu Shibao. Beijing. 10.03.2011.

³ Tunisia-China: Investment and Trade Forum // The Foreign Investment Promotion Agency FI-PA-Tunisia. 15.06.2009.

⁴ China respects choice of Tunisian people: voice FM // Xinhua News Agency. 08.03.2011.

⁵ China, Tunisia confident in prospect of bilateral ties. English news.cn. 02.06.2012.

⁶ China's Trade Rush with Africa // Forum on China-African cooperation [www.focac.org/eng/zfgx/t820242.htm. 05.05.2011].

⁷ Egypt calls for more Chinese investment // People's Daily Online. 30.08.2012 [english.people.daily.com.cn.90883/792275.html].

⁸ Egyptian — Chinese Relations // Egypt State Information Service [www.sis.gov.eg/latestpage.aspx?category_ID= 194].

⁹ Freemale S., Stevens J. Economics. BRIC and Africa; New Partnerships poised to Grow Africa's Commercial Infrastructure. Johannesburg, Standard Bank. 15.10.2010.

- ¹⁰ China Reacts Cautiously to Events in Egypt // News RSS Feed. 12.02.2011.
- ¹¹ Российская газета. 21.03.2013.
- ¹² Egypt calls for more Chinese investment // People's Daily Online. 30.08.2012 [english.people.daily.com.cn. 90883/792275.html].
- ¹³ Си Цзиньпин и М. Мурси заявили о своем намерении способствовать укреплению китайско-египетского стратегического взаимодействия // Синьхуа. 28.03.2013 [russian.cri.cn41/2013/03/28 1s 462775].
- ¹⁴ Российская газета. Неделя. № 5421 (45). 03.03.2011.
- ¹⁵ Campbell H. Libya must not be partitioned // Pambazuka.News. Issue 525. 14.04.2011 [pambazuka.org. cn/category/features/ 72590].
- ¹⁶ Россия в конкурентной борьбе за африканские минерально-сырьевые ресурсы. М., 2011. С. 47–48.
- ¹⁷ Junbo Jian. China's second coming in Libya // Asia Times. 31.08.2011.
- ¹⁸ Huantsyu Shibao. 10.03.2011.
- ¹⁹ China counting financial losses in Libya // Global Times. 04.03.2011.
- ²⁰ Ding Ying. Out of Libya // Beijing Review. 10.03.2011 [china-wire.org/r.p=10523].
- ²¹ Вести. 25.04.2011 [www.vesti.ru.doc.html.id= 447812].
- ²² Юпитер и бык в мировой политике (Кто выиграл войну в Ливии?) // Planet.ru. 5.10.2011.
- ²³ Huantsyu Shibao. 10.03.2011.
- ²⁴ Libyan crisis tests China's flexible diplomacy // Global Times. 24.04.2011.
- ²⁵ Campbell H. Opposing Qaddafi's massacre and foreign intervention in Libya // Pambazuka News. Issue 552. 24.03.2011 [pambazuka.org/en/category/features].
- ²⁶ China calls for immediate end to violence in Libya // Xinhua. 27.02.2011 [china-wire.org].
- ²⁷ New York Times. 23.03.2011.
- ²⁸ People's Daily. Beijing. 02.05.2011.
- ²⁹ В Ливии грядет антикитайская «буря в пустыне». MHTML Document 04.05.2011 // www.rm.ru/v/rossii/2011/05/02/voennye-konflikty-v-mire/americ-poshla-na-konflikt-s-kitaem-i-rossiei.
- ³⁰ Junbo Jian. China's second coming in Libya // Asia Times. 31.08.2011.
- ³¹ China Urges Inclusive Political Process in Libya // This Day Live. 21.10.2011.
- ³² China, Libya vow to cooperate in Libyan reconstruction // News of the Communist Party of China. 12.06.2012.
- ³³ Libya expects Chinese companies to resume business // African News. English news.cn. 03.06.2013.
- ³⁴ Elumami A. Libya awaiting Chinese team for railways talks // China Railway Construction Corporation (CRCC). Tripoli. 27.02.2013.
- ³⁵ Glenton J. Don't forget the critical role of China in Mali // The Independent. 15.01.2013 [www.independentco.uk/voices/comment/don't-forget-the-critical-role-of-china-in-mali-8452530].
- ³⁶ Chinese companies move from Mali conflict // English news.cn. 20.01.2013.
- ³⁷ Yun Sun. How China Views France's Intervention in Mali. An Analysis. Brookings. 23.01.2013 [www.brookings.edu/research/opinions/2013/01/23 -china-france-intervention-mali-sun].
- ³⁸ Yun Sun. How China Views France's Intervention in Mali.
- ³⁹ Engdahl W. The War in Mali and Africom's Agenda: Target China // Global Research. Febr. 2013 [www.globalresearch.cf/the-war-in-mali-and-africoms-african-agend-target-china/5322517].
- ⁴⁰ Bavier J. French firms must fight China for stake in Africa — Moscovici // Reuters. Dec. 2012.

Новые информационно-коммуникационные технологии и страны Востока

Цветкова Н.Н.

Производство сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и распространение новых ИКТ в странах Востока

Среди современных мировых процессов, в контексте которых происходит развитие стран Востока, важное место занимает информационно-коммуникационная революция (ИКР).

В информационно-коммуникационной революции (ИКР) страны могут участвовать как производители товаров и услуг сферы ИКТ и как пользователи. Для оценки распространения в той или иной стране информационных технологий используется индекс состояния сферы информационных технологий, разработанный канадской организацией Орбиком (Info-state Orbicom index — ICT intensity). Он складывается из двух показателей — 1) плотность ИКТ (info-density) (куда включаются такие показатели, как объем производственных мощностей по выпуску товаров и услуг сферы ИКТ; наличие квалифицированной рабочей силы (ICT skills), инфраструктуры ИКТ (ICT infrastructure)) и 2) использование ИКТ (info-use) (процент использующих ИКТ домохозяйств, фирм и государственных учреждений)¹.

Задача статьи — рассмотреть место стран Востока в производстве товаров и услуг сферы ИКТ, показать сдвиги в распространении новых ИКТ в этих странах, а также рассмотреть некоторые аспекты влияния новых ИКТ на страны Востока.

ПРОИЗВОДСТВО ТОВАРОВ СФЕРЫ ИКТ

Быстрое развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий способствует углублению международного разделения труда,

дальнейшему развитию глобализации. ИКР создает предпосылки для разделения производственных процессов на всё большее число стадий. Фирма может выделить профильные для себя производственные процессы и сосредоточиться на них. Непрофильные операции выносятся при этом за пределы предприятия, передаются по контракту независимым третьим сторонам или поручаются специальным филиалам данной фирмы. Сама сфера производства товаров и услуг ИКТ глобализуется, отдельные стадии производства перемещаются в страны с более низкими издержками производства, формируются глобальные цепочки создания добавленной стоимости. Производство товаров сферы ИКТ все чаще переносится в развивающиеся страны.

Согласно определению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (2002 г.) в производство товаров сферы ИКТ входит целый ряд статей Международной стандартной товарной классификации. Это — производство офисного, компьютерного, вычислительного оборудования, проводов и кабелей, вакуумных трубок, электронных компонентов, передающей аппаратуры для радиовещания, телевидения, телефонной и телеграфной связи, телевизоров и радиоприемников, видеомагнитофонов и звуковоспроизводящей аппаратуры и пр.².

Значительная часть производства товаров сферы ИКТ ориентирована на экспорт. В этой сфере в связи с развитием международного подетального и постадийного разделения труда велика доля экспорта полуфабрикатов. Электронные компоненты экспортируются из страны, где они произведены, в другую страну, где осуществляется сборка готовой продукции. Иногда это разделение труда является международным, но внутрифирменным. В цепочке создания добавленной стоимости участвуют разные подразделения одной и той же ТНК, расположенные в разных странах. Широко применяется в производстве товаров ИКТ и другая система организации производства — использование долгосрочных контрактов (изготовление по контрактам), когда формально независимые компании-субподрядчики производят продукцию по технологии заказчика, под его брендом, с жестким соблюдением стандартов качества.

Благодаря использованию этих двух моделей организации производства (филиалы ТНК и изготовление продукции по контрактам) и благодаря развитию фирм, принадлежащих местному капиталу и государству, страны Востока, обладающие дешевой, при этом достаточно дисциплинированной и обучаемой рабочей силой, стали крупными экспортерами товаров сферы ИКТ.

В 1996 г. КНР занимала 11-е место в мире по экспорту товаров сферы ИКТ (2,7% мирового экспорта), при этом она уступала не только ведущим мировым экспортерам — развитым странам, прежде всего США и Японии, но и другим азиатским странам — Сингапуру, Гонконгу, Малайзии, Южной Корее. С 2004 г. она стала ведущим экспортером товаров сферы ИКТ, в 2005 г. на нее пришлось 15,5%, а в 2008 г. — 22,6% мирового экспорта товаров сферы ИКТ³.

ТАБЛИЦА 1. Страны — ведущие экспортеры товаров сферы ИКТ (млрд. долл.)

Страна, год	1996		2005			2008		
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	место	млрд. долл.	%	место
Все страны	701	100,0	1514	100,0		1907	100,0	
КНР	19	2,7	235	15,5	1	431	22,6	1
Гонконг	38	5,4	119	7,9	4	159	8,3	3
Южная Корея	34	4,9	87	5,7	7	116	6,1	5
Тайвань			66	4,4	8	82	4,3	8
Сингапур	68	9,7	107	7,1	5	123	6,4	4
Малайзия	37	5,3	64	4,2	10	52	2,7	11
Таиланд	14	2,0	26	1,7	14	34	1,8	14
Филиппины	10	1,4	24	1,5	16	27	1,4	16
Мексика	16	2,3	44	2,9	12			
США	124	17,7	155	10,2	2	175	9,2	2
Япония	103	14,7	121	8,0	3	115	6,0	6

Составлено по: *Information Economy Report 2007–2008. UNCTAD. N.Y.; Gen., 2007. P. 136; Information Economy Report 2011. UNCTAD. N.Y.; Gen., 2011. UNCTAD, stat. annex.*

В 2005 г. КНР уже значительно опережала по объему своего экспорта США, занимавшие второе место. В первую десятку экспортеров входили также Япония, Гонконг, Сингапур, Германия, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, во вторую десятку — Таиланд и Филиппины.

Производство продукции сферы ИКТ и ее экспорт сконцентрированы в небольшом числе стран. В 2008 г. на двадцать ведущих стран-экспортеров приходилось 91,3% от стоимости мирового экспорта. В числе этих стран было 9 стран и территорий Азии: Китай (1-е место, 22,6% мирового экспорта), Гонконг (КНР), Сингапур, Республика Корея, Япония, Тайвань, Малайзия, Таиланд, Филиппины. Всего на развивающиеся страны Азии из числа первой двадцатки экспортеров в 2008 г. приходилось 52% мирового экспорта продукции сферы ИКТ, а на страны Азии вместе с Японией — 58%⁴.

ТАБЛИЦА 2. Экспорт товаров сферы ИКТ по группам стран (млрд. долл.)

Регион	1996		2005		2010	
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
Все страны мира	701	100,0	1514	100,0	1721,6	100,0
Развивающиеся страны	243	34,7	795	52,5	1158,7	67,3
В т.ч. страны Азии	224	32,0	742	49,0	1090,3	63,4
Восточная Азия			541	35,7	831,1	48,3
Латинская Америка, Африка	17	2,4	51	3,4	68,4	4,0
Развитые страны	458	65,3	716	47,3	560,0	32,5

Составлено и подсчитано по: *Information Economy Report 2007–2008. UNCTAD. N.Y.; Gen., 2007. P. 136; Information Economy Report 2011, stat. annex.*

В 1996–2010 гг. доля развивающихся стран в мировом экспорте товаров сферы ИКТ повысилась с 34,7% до 67,3%, доля развитых стран понизилась с 65,3% до 32,5%. Лидерство перешло к развивающимся странам, и прежде всего к странам Азии, доля которых в мировом экспорте за этот период возросла вдвое, с 32,0 до 63,4%. На страны Восточной Азии приходилось в 2010 г. 48,3% мирового экспорта продукции ИКТ, на страны Юго-Восточной Азии — 14,6% (см. табл. 2).

Ведущим мировым экспортером товаров сферы ИКТ стала КНР. Крупными экспортерами являются и другие страны Азии — новые индустриальные страны первого эшелона и Малайзия.

В развивающихся странах Востока формируются «свои» транснациональные корпорации (ТНК), и доля компаний электронной и электротехнической промышленности среди них выше, чем среди ТНК развитых стран. В 2008 г. среди 74 азиатских ТНК из списка 100 крупнейших по размерам зарубежных активов ТНК из развивающихся и переходных стран компании электронной промышленности составляли 20,3%, тогда как среди 93 ведущих ТНК развитых стран — только 8,6%⁵. Многие ТНК из стран Востока известны во всем мире своими торговыми марками: это, например, южнокорейские Samsung Electronics, LG, тайваньские Quanta, BenQ, Acer, Asustec, сингапурская Flextronics, китайские Lenovo, Haier, Huawei, ZTE. По данным за 2012 г., Samsung Electronics заняла в списке 2000 ведущих мировых компаний журнала «Форбс» 20-е место с оборотом в 188 млрд. долл. Из ТНК электронной промышленности ее опережала только Apple, которой эксперты «Форбс» присудили 15-е место, но оборот у Apple был ниже, чем у Samsung Electronics — 164 млрд. долл.⁶

Компании по производству компьютерного, коммуникационного оборудования из стран Востока нередко не только производят продукцию под своими собственными торговыми марками, но и действуют в качестве партнеров, субподрядчиков западных ТНК, выпускают продукцию по контрактам, под их брендами (contract manufacturing). Один субподрядчик может при этом выполнять субподряды для ряда крупных клиентов. Более того, компании, с которыми ТНК сотрудничают по контрактам, сами бывают окружены сетью субподрядчиков. Таким образом возникают весьма разветвленные цепочки создания добавленной стоимости, переплетенные друг с другом сети. Субподрядчик компаний IBM, Hewlett-Packard, Apple, Dell, Samsung, Intel, Nokia — тайваньская Hon Hai (Foxconn) (113-е место в списке «Форбс» на 2012 г., оборот 132 млрд. долл., который возрос за один только 2011 год на 30%, с 102 млрд. долл.). Именно на предприятиях Hon Hai в КНР производится сборка айфонов и айпадов компании Apple. В компании Hon Hai было занято в 2007 г. 600 000 человек (в том числе 500 000 за пределами Тайваня, в основном в КНР), в 2011 г. — 995 тыс. человек, за 4 года занятость возросла на 2/3. Наряду с КНР Hon Hai имеет также фабрики в Малайзии, Вьетнаме, Чехии⁷.

Важную роль в производстве и экспорте продукции сферы ИКТ в Китае играют филиалы ТНК, причем не только западных и японских, но и ТНК из раз-

вивающихся стран Востока (уже упоминавшиеся Samsung и Hon Hai). В этой сфере возникли и свои крупные компании — Lenovo, которую называют — «капитализм с китайским лицом», Huawei, Haier, ZTE. Имеется немало предприятий, действующих на основе производственных контрактов с зарубежными ТНК. Но есть и целая индустрия «шэньчжай» по производству мобильных телефонов и другой электронной аппаратуры: зарубежная технология копируется, бренды могут быть и чужими, и своими, или же продукция может продаваться «без имени», по папе. В продукцию могут вноситься инновации, адаптирующие ее к вкусам потребителей, но по сути это контрафактная продукция, хотя в статье в британском журнале «Экономист» «шэньчжай» называют китайским видом инноваций. В одном только городе Шэньчжень в 2009 г. насчитывалось 30000 таких мелких предприятий. На контрафактную продукцию (не только из Китая) в 2009 г. приходилось 13% мобильных, продаваемых в мире. Особенно большим спросом она пользуется в бедных странах⁸. Можно сказать, что именно такой «серый» (не вполне законный) рынок мобильных, другой электроники стал фактором быстрого распространения новых ИКТ в странах Азии и Африки.

Итак, страны Востока, точнее, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, стали ведущими мировыми производителями товаров сферы ИКТ — электронного оборудования. Наиболее успешные ТНК из стран Востока, прежде всего Samsung Electronics, эффективно конкурируют с западными компаниями. Производится в этой сфере и контрафактная продукция. Место ведущего мирового экспортера товаров сферы ИКТ прочно занял Китай.

ПРОИЗВОДСТВО ИТ-УСЛУГ В СТРАНАХ ВОСТОКА

ИКР способствовала тому, что произошла так называемая революция «торгуемости услуг». Услуги ранее по большей части являлись неторгуемыми, т. е. не могли участвовать в международном обмене в силу самого своего характера, необходимости прямого контакта между производителем и потребителем. Благодаря развитию телекоммуникаций, Интернета, компьютерных технологий и снижению их стоимости многие услуги могут принимать участие в международном обмене.

С одной стороны, благодаря новым технологиям обеспечивается качественная передача информации в большом объеме. С другой стороны, стоимость этой передачи информации резко уменьшается. Известный пример гласит, что если бы цена на единицу мощности автомобилей, снижалась так же, как на единицу мощности компьютеров, то «Роллс-Ройс» стоил бы порядка 40 долл. Стоимость 1 мегагерц вычислительной мощности персонального компьютера упала с 7600 долл. в 1970 г. до 17 центов в 1999 г. Послать 1 триллион бит информации стоило бы 150 000 долл. в 1970 г. и только 12 центов — в 1999 г.⁹. А с 1999 г. производство ушло далеко вперед, и цены на единицу вычислительной мощности компьютеров или же на мобильные телефоны снизились еще больше.

В немалой степени благодаря доступности новых информационных технологий в современной экономике все большее значение приобретает аутсорсинг ИТ-услуг — передача по контракту операций, основанных на использовании ИТ, третьим сторонам. Если заказчик находится в одной стране, а предприятие субподрядчик — в другой, то это — международный аутсорсинг. Оффшоринг определяется как размещение фирмой за рубежом или перевод за рубеж определенных операций. Он может осуществляться в рамках одной компании, с использованием «интернализации» (от слова *internal*, внутренний): ТНК создают за рубежом филиалы по оказанию ИТ-услуг, входящие в единую структуру корпорации. В таком случае экспорт услуг является внутрифирменным экспортом, он происходит между различными звеньями одной корпорации. Такие филиалы существовали в Индии у *General Electric*, *Citicorp*, впоследствии они были проданы индийским компаниям, и услуги стали экспортироваться в США на основе аутсорсинга. Если операции за рубежом поручаются третьей стороне, это — внешний оффшоринг, который совпадает с международным аутсорсингом.

Аутсорсинг позволяет снизить операционные издержки фирмы, повысить ее конкурентоспособность, улучшить качество продукции и услуг благодаря специализации и разделению труда. При международном аутсорсинге снижению издержек способствуют и различия в уровнях заработной платы.

Операции по обслуживанию деятельности предприятия (например, ведение бухучета, составление финансовых отчетов, оформление коммерческой и юридической документации) раньше составляли неотъемлемую часть процесса функционирования любого предприятия. Теперь они выносятся за рамки компании, передаются субподрядчикам, в том числе и зарубежным. Сфера услуг при этом расширяется за счет включения в нее тех операций, которые ранее осуществлялись на основных предприятиях.

Объектом международного аутсорсинга и оффшоринга, связанных с ИКТ, стали прежде всего компьютерные услуги. Согласно Классификации услуг (Стандартной классификации продуктов, *Standard Product Classification*, CPC) Всемирной Торговой Организации (ВТО), в число компьютерных услуг входят такие услуги, как разработка программного обеспечения (ПО), приложений к ПО; работа с базами данных; системный анализ, управление проектом, техническая координация и определение системной архитектуры; услуги по системному дизайну; тестирование программного обеспечения, разработка программ и подготовка технической документации по ПО, разработка приложений по удалению вирусов; перезапись кода или изменение существующих программ или систем, обновление с учетом изменений на сегодняшний день документации и руководств по использованию ПО, перекодирование, преобразование данных; ввод данных; обработка информации, составление таблиц, вычисления на компьютере и т. д.¹⁰

Термин «услуги, обеспеченные ИКТ», достаточно широк и расплывчат. Где только не используются сегодня компьютерные технологии, Интернет и мобильная телефония — в туризме и торговле, в финансах и образовании!

Однако можно выделить группу услуг, которые непосредственно основаны на использовании ИКТ. Это — аутсорсинг услуг по обеспечению коммерческой деятельности (*business proceedings outsourcing*, БПО). Он включает обширный спектр услуг: ведение бухучета, составление финансовых отчетов, оформление различной коммерческой и финансовой документации — счетов-фактур по сделкам, обработку оферт, работу с заказами, оформление страховых полисов, выставление разнообразных счетов, оформление документов по претензиям, оформление банковской, юридической документации, авиабилетов, колл-центры, где сотрудники фирмы отвечают на вопросы клиентов по телефону или обзванивают клиентов. При этом колл-центр может находиться в Индии, а клиенты — в США. Дистанционно могут предоставляться услуги секретаря, в том числе и перепечатка записей со звуковых носителей, сегодня уже и с использованием скайпа; услуги редактора — например, подготовка материалов к изданию. Дистанционно осуществляется оформление документации по аудиту, документов для налоговых органов, документации по учету движения кадров. То, что в России просто отдается на аутсорсинг другим предприятиям, американские и английские корпорации выносят в Индию, на Филиппины, французские — в Марокко и в Сенегал, японские — в Китай. Предоставлением ИТ-услуг и БПО занимаются также развитые страны, в первую очередь США, Канада, Израиль, Ирландия, страны — новые члены Евросоюза: Чехия, Венгрия, Польша.

При размещении колл-центров важную роль играет наличие специалистов, владеющих иностранными языками. В сферу деятельности колл-центров входят справочная служба, техническая поддержка, консультирование, послепродажное обслуживание, прием претензий, маркетинговые исследования, изучение рынка. Центры по обслуживанию коммерческой деятельности — выполнению вспомогательных операций (*shared service centres/back office services*) выполняют такие операции, как оформление счетов-фактур, подготовка документации по транзакциям, обработка заказов, ответ на запросы, работа с документацией кадровой службы, обработка данных и претензий, логистика.

В число дистанционных услуг, обеспеченных ИТ, входят и медицинские услуги. Американские клиники направляют в Индию по электронной почте рентгеновские снимки, графики электрокардиограмм, результаты компьютерной томографии, а там сотрудники индийских компаний, врачи, получающие значительно меньшую зарплату, чем их американские коллеги, расшифровывают их, пишут к ним комментарии, а затем по электронной почте передают их в США. Для фармацевтических компаний готовятся документы по результатам клинических испытаний препаратов, ведется статистический учет¹¹.

Значительная часть услуг по БПО связана с рутинной работой — вводом и обработкой информации, что, однако, требует свободного владения языком, знания терминологии соответствующей области — коммерции, юриспруденции, медицины. Но дистанционно оказываются и услуги высокого уровня сложности, требующие чрезвычайно высокой профессиональной подготовки, производятся работы, которые носят творческий характер, — разработка архи-

тектурных проектов, нового программного обеспечения, НИОКР, дизайн технических систем, создание рекламных клипов, видеороликов, анимация.

Услуги по разработке анимации выполняются, например, в Непале, одной из наименее развитых стран, с низким уровнем ВВП на душу населения. В 2008 г. в Непале была открыта компания Incessant Rain Animation Studios, которая работает по контрактам с корпорацией Уолт Дисней и с другими компаниями. Она специализируется на компьютерной графике, визуальных эффектах и 3D анимации. Компанию создал уроженец Непала, до этого 17 лет проработавший на студии Уолта Диснея в США. В Катманду он нашел талантливых молодых специалистов, графиков, специалистов по ИТ и работает с ними над проектом анимации по показу приключений героев Диснея — Микки-Мауса, Минни, утенка Дональда в индийской среде¹².

При аутсорсинге ИТ-услуг и БПО компании добиваются существенного снижения издержек. В Индии зарплата в колл-центрах на 80–90% ниже, чем в Великобритании. По данным НАССКОМ (Индийской национальной ассоциации производителей программного обеспечения), в 2003 г., в индийском колл-центре прямые издержки в расчете на одного служащего составляли 2 долл. в час, в таком же центре в США — 27,8 долл. в час. Однако экономия на издержках меньше из-за того, что в развивающихся странах выше расходы на инфраструктуру, подготовку персонала, командирование персонала из материнской компании. Экономия за счет сокращения издержек при аутсорсинге в Индию достигает для британских компаний 30–40%, для компаний из США эта экономия еще более значительна¹³. Снижение издержек благодаря переносу операций в Индию у «Дженерал электрик» составило 40%–50%, или 300 млн. долл. в год. Британский банк Hong Kong and Shanghai Banking corporation, HSBC, учрежденный в 1865 г. в Гонконге англичанами, а с 1990 г. переместивший свою штаб-квартиру из Гонконга в Лондон, создал в азиатских странах, прежде всего в Индии, несколько центров по БПО. Экономия благодаря перенесению обслуживания деятельности банка в страны Азии оценивается в 20 тыс. долл. на одно рабочее место в год¹⁴.

Некоторые ТНК, по словам их топ-менеджеров, стали использовать аутсорсинг в Индии ради снижения издержек, но остались из-за высокого качества предоставляемых услуг. Если в колл-центрах в США заняты в основном лица, закончившие только среднюю школу, то в Индии в колл-центрах работают выпускники университетов. Производится профессиональное обучение работников колл-центров. Фирма Ассо Callnet, которая имеет в Индии 100 колл-центров и 53 центра профессиональной подготовки, при обучении работников уделяет внимание даже тому, чтобы они говорили по-английски с американским акцентом, учитывали специфические интересы клиентов и традиции США¹⁵.

О масштабах развития международного аутсорсинга и оффшоринга услуг сферы ИКТ можно судить по динамике и масштабам экспорта этих услуг. С 1990-х гг., и особенно в 2000-е гг., экспорт компьютерных и информационных услуг (это отдельная графа по классификации МВФ, по ним приводятся данные по странам в статистической базе ЮНКТАД) возрастал

чрезвычайно высокими темпами, а в самом этом экспорте повысилась роль стран Азии — прежде всего Индии.

ТАБЛИЦА 3. Экспорт компьютерных и информационных услуг (млрд. долл.)

Страна	2000	2006	2010	2010	2012	2012
	млрд. долл.	млрд. долл.	Место	млрд. долл.	Место	млрд. долл.
Индия	4,0	21,4	1	40,2	1	47,3
Ирландия	5,5	23,0	2	36,9	2	46,9
Германия	3,8	10,0	3	16,5	3	19,4
США	6,9	5,6	4	14,0	4	15,5/2011/
Великобритания	4,3	12,4	5	13,5	6	14,4
КНР	0,36	3,0	6	9,3	5	14,5
Израиль	4,2	5,3	7	7,8	7	11,3
Швеция	1,2	3,6	8	7,2	8	8,1
Финляндия	0,2	1,5	9	6,5	11	5,9
Испания	2,0	4,0	10	6,4	18	6,3
Нидерланды	1,2	4,9	11	6,3	10	6,1
Канада	2,4	4,3	12	6,7	9	7,0
Бельгия	1,8	2,9	13	4,0	19	5,3
Норвегия	0,7	1,4	14	3,0	20	1,3
Италия	0,4	1,1	15	2,0	12	2,6
Сингапур	0,25	0,6	16	1,8	17	...
Дания	...	1,2	17	2,0	21	1,9
Франция	0,8	2,0	18	3,5	12	4,5
Польша	0,06	0,4	19	1,5	13	2,4
Филиппины	0,08	0,1	20	1,50	15	2,0
Малайзия	0,08	0,6	21	1,45	16	2,0
Россия	0,06	0,6	22	1,36	14	2,1
Венгрия	0,1	0,5	23	1,2	22	1,3
Чехия	0,1	1,0		1,3		2,0
Коста-Рика	0,06	0,4		1,2		1,9
Япония	1,6	1,0		1,05		1,4
Румыния	0,04	0,5		1,0		1,0
Гонконг (КНР)	0,06	0,2		0,68 (2009)		0,9 (2011)
Украина	0,01	0,1		0,43		1,0
Австрия	0,3	1,5		2,0		3,2
Австралия		1,1		1,4		1,6
Болгария	0,005	0,06		0,39		0,6
Республика Корея	0,01	0,25		0,30		0,46
Марокко	...	...		0,30		0,4
ЮАР	0,05	0,1		0,29		0,3
Шри Ланка	0,07	0,1		0,27		0,44
Тайвань	0,12	0,19		0,22		0,5
Пакистан	0,022	0,09		0,19		0,3
Египет	0,02	0,05		0,15		0,16
Аргентина	0,15	0,4		1,4		1,8
Тунис	0,02	0,02		0,04		0,041
Уганда	0	0,02		0,04		0,06
Сенегал	0	0,003		0,006		...
Бангладеш	0,003	0,03		0,04		0,06

Индия вышла на мировой рынок информационных и компьютерных услуг уже с начала 1990-х гг. Экспорт компьютерных и информационных услуг из Индии в 1992/93–1998/99 гг. увеличился с 225 млн. до 3 млрд. долл., в 13 раз. С 1998/99 по 2012 г. он возрос более чем в 15 раз, до 47,3 млрд. долл. С 2006 г. Индия является мировым лидером по экспорту компьютерных и информационных услуг, точнее, в отдельные годы она делит первое — второе место с Ирландией. Германия и США (3-е и 4-е место) существенно отстают от этих двух лидеров. Экспорт информационных и компьютерных услуг осуществляют также Филиппины, Малайзия, Шри-Ланка. Южная Корея и Тайвань совершенно четко специализируются не на услугах, а на товарах сферы ИКТ, как и КНР. Но в последние десять лет КНР стремительно наращивает экспорт компьютерных услуг, он возрос в 2000–2012 гг. с 0,4 до 14,5 млрд. долл., или в 36,3 раза (см. табл. 3).

Наряду с информационными и компьютерными услугами Индия лидирует и в экспорте услуг по обеспечению коммерческой деятельности, базирующихся на ИТ. В международной статистике, услуги по аутсорсингу обеспечения коммерческой деятельности (business proceedings outsourcing, или business process offshoring, ВРО; БПО) не выделяются в отдельную статью, они включены в статью «прочие бизнес услуги» (или прочие услуги по обеспечению коммерческой деятельности), наряду с другими видами услуг. Но имеются общие оценки о доле различных стран в мировой торговле услуг по БПО, сделанные Исследовательским институтом Эверест. Глобальный рынок аутсорсинга информационных и компьютерных услуг и БПО в 2009 г. оценивался в 785–805 млрд. долл. Из этой суммы на международный аутсорсинг приходилось 12% (порядка 96 млрд. долл.). 2/3 рынка международного аутсорсинга ИТ-услуг составляли информационные и компьютерные услуги, 1/3 — БПО. Уже к 2004 г. Индия заняла второе место на рынке аутсорсинга бизнес-услуг (32% рынка) после Канады (45% рынка), 8% рынка приходилось на Филиппины и 7% — на Ирландию, 2% — на КНР. В 2006 г. по своей доле на рынке БПО Индия опередила Канаду и стала мировым лидером. К 2009 г. доля Индии на мировом рынке по БПО повысилась до 35%, Филиппин — до 15%, КНР — до 3%, доля Канады понизилась до 21% и Ирландии — до 4%¹⁶.

Индийская национальная ассоциация производителей программного обеспечения НАССКОМ приводит отдельные данные по различным видам услуг, в том числе услуг по аутсорсингу обеспечения коммерческой деятельности. Экспорт из Индии услуг, обеспеченных ИТ, в 2006/2007 г. составил 31,6 млрд. долл., в т. ч. ИТ-услуг — 18,1 млрд. долл., обслуживания коммерческой деятельности, основанного на использовании ИКТ (БПО) — 8,3 млрд. долл., инжиниринговых услуг и услуг по проведению НИОКР — 4,9 млрд. долл. Кроме того, стоимость услуг, связанных с использованием

ИТ, реализованных на внутреннем рынке достигла 8,2 млрд. долл. Только за 2003/04–2006/07 финансовые годы доходы от экспорта ИТ-услуг, услуг по обеспечению коммерческой деятельности, инжиниринга, НИОКР, разработки ПО увеличились в 2,4 раза, с 12,9 млрд. долл. до 31,3 млрд. долл.¹⁷.

С 1990/91 по 2010/11 гг., по данным индийского Совета по содействию экспорту электронной продукции и программного обеспечения, производство компьютерных услуг и БПО в Индии возросло с 200 млн. до 75 млрд. долл., при этом их экспорт увеличился со 110 млн. до 58 млрд. долл. (экспорт компьютерных услуг, как показано выше, в табл. 3, составлял в 2010 г. 40 млрд. долл., остальное (около 30%) приходилось на БПО). Доля поставок на экспорт в общем производстве этих услуг возросла с 1990/91 по 2010/11 гг. с 53% до 80%¹⁸.

В Индии ИТ-услуги стали важным механизмом, обеспечивающим экономический рост. Доля сферы ИТ-услуг (без телекоммуникаций) в ВВП Индии повысилась с 1,2% в 1999 г. до 5,4% в 2007/2008 г.¹⁹.

Уже в глобальной мировой экономике постиндустриального типа Индия смогла найти и занять свою нишу — ведущего поставщика компьютерных и информационных услуг, дистанционного обслуживания коммерческой деятельности.

Экспорт компьютерных и информационных услуг осуществляется, с одной стороны, в рамках международного аутсорсинга, на основе субподрядов, долгосрочных контрактов между провайдерами услуг и заказчиками, которыми, как правило, являются крупные компании западных стран. Провайдерами услуг могут быть и фирмы, принадлежащие национальному капиталу, и филиалы ТНК, обслуживающие при этом не только свою материнскую компанию, но целую сеть клиентов (такими в Индии были центры компаний IBM, Accenture). Экспортерами ИТ-услуг являются филиалы ТНК, обслуживающие другие подразделения своей корпорации (captive offshoring). В инновационных областях, где требуется соблюдение прав интеллектуальной собственности, или там, существуют строгие требования в отношении конфиденциальности (например, финансовая отчетность), ТНК чаще используют свои собственные филиалы, а не независимые компании-субподрядчики. Чем более передовая технология разрабатывается, тем чаще соблюдается это правило.

В 2005 г. в индийском экспорте ИТ-услуг на филиалы иностранных ТНК сферы ИТ приходилось 15%. Остальные 85% экспорта ИТ-услуг осуществляли индийские компании, в том числе 4 ведущие компании сферы ИТ — Tata Consultancy services, Infosys, Wipro, Satyam — 45%, индийские компании сферы ИТ второго эшелона — 25%, недавно вышедшие на рынок индийские компании (upstarts, новый русский термин, апстарты) — 15%.

В сфере аутсорсинга операций по обслуживанию коммерческой деятельности ситуация в Индии резко отличалась от сферы информационных и компьютерных услуг. Из экспорта услуг БПО, в 2004/2005 г. составлявшего 5 млрд. долл., 46% приходилось на специализированные филиалы ино-

странных компаний, созданные для оказания услуг по обеспечению коммерческой деятельности родительской компании и другим ее зарубежным филиалам (такие, как General Electric, HSBC), еще 14% — на филиалы иностранных ТНК сферы ИТ (такие, как IBM, Accenture). Всего на филиалы иностранных ТНК приходилось 60% экспорта услуг по обеспечению коммерческой деятельности, на индийские компании — 40%, в том числе 4% — на 4 ведущие индийские компании сферы ИТ, 4% — на компании второго эшелона, 18% — на индийские компании, созданные специально для аутсорсинга услуг по обеспечению коммерческой деятельности, 14% — на недавно созданные индийские компании. В целом же филиалы иностранных ТНК осуществляли около 1/3 экспорта ИТ-услуг из Индии и 2/3 экспорта услуг, связанных с БПО²⁰.

Сегодня ведущую роль в отрасли играют национальные компании, ведущая тройка: Tata Consultancy services, Infosys, Wipro (четвертая компания Satyam оказалась в трудном финансовом положении из-за махинаций с бухгалтерской отчетностью ее топ-менеджеров, утратила свои позиции и была куплена группой Махиндра, возникла новая компания Mahindra Satyam), а также множество достаточно крупных и мелких компаний. Но работают они преимущественно по контрактам с зарубежными клиентами, прежде всего из США, Великобритании. В 2010/2011 г. 87% экспорта компьютерных услуг и услуг по БПО из Индии направлялось в Северную Америку и в Европу²¹.

В развитии сферы ИТ-услуг в Индии первоначально большую роль сыграли филиалы американских и канадских ТНК. Уже в середине 1980-х гг. в этой сфере создали свои филиалы финансовая корпорация Citicorp в Мумбаи, Texas Instruments в Бангалоре. Но роль ТНК отнюдь не исчерпывается прямыми инвестициями. Большое распространение в сфере ИТ-услуг в целом, не только в Индии, получили неакционерные формы организации международного производства, работа национальных предприятий по контрактам с западными заказчиками, ими могут быть не только ТНК, но также и государственные, муниципальные организации из развитых стран. Международный аутсорсинг в сфере ИТ можно охарактеризовать как «интеллектуальные субподряды»²².

Определяющей для подъема отрасли была не только роль ТНК, но и роль национального государства, национального предпринимательства, национальных кадров. Государство в Индии поддерживает систему высшего технического образования (технологические университеты), создает специальные экономические зоны, технопарки. В Индии было создано к 2007 г. 47 технопарков для развития ИТ-услуг. Был введен и льготный режим деятельности иностранного капитала в сфере ИКТ²³.

Для развития сферы компьютерных и информационных услуг важным фактором является наличие кластеров (о важности этого фактора писал Майкл Портер в своей книге «Конкурентные преимущества наций») — районов, где сконцентрированы предприятия определенной отрасли, в дан-

ном случае — сферы ИТ, где находятся высшие технические учебные заведения, которые готовят кадры для данной отрасли и ведут научные исследования. Таким кластером стал Бангалор, где сконцентрированы и дочерние компании ТНК, и индийские фирмы, занимающиеся разработкой ПО. Бангалор нередко называют индийской Силиконовой долиной. Первоначально этот город, с его техническим университетом, был для ТНК местом, где они рекрутировали программистов для относительно низкооплачиваемой (по меркам развитых стран, но чрезвычайно выгодной для выходцев из бедных стран) работы в США, Канаде. Однако с 1990-х гг. ТНК стали создавать подразделения, занятые разработкой ПО и услугами по дистанционному обслуживанию коммерческой деятельности (БПО), НИОКР, уже в самой Индии.

Филиалы, занятые НИОКР, создаются ТНК в новых индустриальных странах Азии, в странах «второго эшелона». Научные исследования осуществляются не только в сфере ИТ, но и в сферах биотехнологий, разработки новых материалов, в фармацевтической промышленности.

В развитии информационных и компьютерных услуг одни страны выбирают стратегию, ориентированную на экспорт: это Индия, Шри-Ланка, Филиппины. Другие страны — Китай, Республика Корея, Бразилия — развивают эту отрасль преимущественно для обслуживания внутреннего рынка. Сегодня существует целый ряд программных продуктов, позволяющих существенно повысить эффективность работы предприятия и конкурентоспособность его продукции: это планирование ресурсов предприятия, оптимизация запасов и закупок, автоматизация учета кадров и работы с кадрами, ведения бухучета и подготовки финансовых отчетов. Поэтому инвестиции в разработку и внедрение ПО на предприятиях быстро окупаются.

В 2011 г. Китай существенно обогнал Индию по объему производства программных продуктов и компьютерных услуг, но эта продукция была предназначена в основном не для экспорта, а для внутреннего рынка, в том числе и для оснащения выпускаемых компьютеров и других устройств встроенным программным обеспечением. В 1999/2000 г. производство программного обеспечения в Китае составило 5 млрд. долл., на экспорт направлялось только 5%, тогда как в Индии экспортировался 71% произведенного ПО. Уже в 2006 г. КНР опередила Индию по производству ПО (64 млрд. и 42 млрд. долл.), но это ПО предназначалось в основном для внутреннего потребления. В 2011 г. в КНР производство программного обеспечения (software) достигло 285 млрд. долл., в этой сфере действовали 18 тыс. компаний. 90% производства программных продуктов и компьютерных услуг было ориентировано на внутренний рынок, в том числе и как «встроенное» ПО товаров сферы ИКТ китайских производителей (Lenovo, Huawei, ZTE, Haier). Использовали отечественное программное обеспечение и китайские фирмы электронной торговли «АлиБаба» и «ДаоБао», китайская поисковая система «Байду», китайская социальная сеть «Ренрен». Доходы от экспорта компьютерных, информационных услуг и БПО составляли у КНР 30 млрд. долл., 10% от общего производства, экспорт направ-

лялся преимущественно в Японию²⁴. Если для некоторых стран большой проблемой является разработка контента на национальных языках, например, для Индии, арабских стран, то в Китае используется почти исключительно китайский контент.

Ситуация в сфере ИКТ меняется буквально не по дням, а по часам. Создаются новые продукты — сейчас это смартфоны, планшеты. Еще два-три года назад обладание смартфоном было символом достаточно высокого социального статуса или претензией на него. Смартфоны были почти недоступными для жителей бедных стран. В последние годы смартфоны стремительно дешевеют и распространяются по всему миру, в том числе и в развивающихся странах. В 2011 г. в целом в мире смартфонов было продано больше, чем персональных компьютеров. В связи со стремительным распространением смартфонов возникла новая индустрия в сфере производства программных продуктов — разработка программных приложений для смартфонов: к апрелю 2012 г. было создано около 1 млн. приложений для смартфонов²⁵. Высокими темпами возрастает использование мобильного Интернета и программных приложений для мобильных телефонов. Растет число пользователей социальных сетей, в том числе и в странах Востока. Возникла целая новая индустрия — разработка программных приложений для Фейсбук; только в США это привело к созданию от 183 тыс. до 236 тыс. рабочих мест для программистов. Из 2 млрд. пользователей Интернета — только ¼ англоязычные, возрастает значение разработки контента на национальных языках²⁶.

Развиваются новые виды информационных услуг, например «облачные услуги» (SaaS, software as a service, программное обеспечение как услуга). В этом случае фирма может не иметь собственной ИТ-инфраструктуры, а обслуживаться с дистанционного сервера. Крупные предприятия создают свою собственную «облачную» ИТ-инфраструктуру, компании мелкого и среднего бизнеса как абоненты используют «облачные услуги» специализированных провайдеров, им не нужно при этом поддерживать собственные ИТ-системы, создавать центры хранения баз данных. Подобным же образом действуют СМИ, телекоммуникационные компании, предприятия розничной торговли из африканских стран. В 2012 г. расходы компаний на «облачные услуги» оценивались в 33 млрд. долл., они увеличились по сравнению с предыдущим годом на 57%. По данным французской фирмы Sargemini, особенно быстро расширяют использование «облачных услуг» предприятия Бразилии и Китая. Исследование Sargemini показало, что 37% китайских компаний в 2011 г. планировали миграцию 11–25% своих приложений на облачную инфраструктуру, а еще 40% уже осуществляли эту миграцию²⁷.

Усовершенствование ИТ и удешевление компьютерного оборудования, большая доступность Интернета делают возможным широкое распространение не просто аутсорсинга, но фрилансинга в сфере ИТ-услуг, в разработке ПО. Выполнением заказов для зарубежных клиентов занимаются не фирмы, а отдельные исполнители-фрилансеры. В 2011 г. в Бангладеш,

наименее развитой стране, не обладающей развитой ИТ-инфраструктурой, насчитывалось 10000 программистов-фрилансеров, их совокупный годовой доход оценивался в 15 млн. долл., что равнялось $\frac{1}{4}$ экспорта информационных услуг из страны. Фрилансерам поручались такие работы, как разработка программных приложений, а также ведение блогов и ...размещение на сайтах фирм положительных отзывов на их товары и услуги, или же размещение отрицательных отзывов на сайтах фирм-конкурентов (в чем была уличена на Тайване фирма Samsung Electronics). Один из известных операторов на рынке фрилансинга, компания oDesk, начавшая свою деятельность в 2004 г., использует контракты по работе в удаленном доступе с ИТ-специалистами и даже с хорошо подготовленными студентами. С 2007 по 2011 гг. оборот фирмы возрос на 100% в год, на февраль 2012 г. было отработано 2,5 млн. человеко-часов, выполнено 138351 различных рабочих заданий, общий оборот фирмы достиг 300 млн. долл. в год. На другую фирму рынка фрилансинга ИТ-услуг Elance в 2011 г. работало в 150 странах 550 000 человек, выполнявших ее задания в удаленном доступе, они исполняли заказы от 130000 клиентов, также из 150 стран²⁸. Таким образом, круг стран, где осуществляется аутсорсинг ИТ-услуг и обслуживания коммерческой деятельности (самого разнообразного, вплоть до фальсифицированных хвалебных откликов на продукцию заказчиков), становится все более и более широким.

Доходы таких провайдеров ИТ-услуг варьируются. Но в целом и в филиалах ТНК, и в национальных компаниях сферы ИТ-услуг уровень зарплат, конечно, ниже, чем в развитых странах, но выше, чем в среднем доходах в сфере услуг данной страны (во многих развивающихся странах большая часть сферы услуг — это неформальный сектор, нередко с фиктивной или неполной занятостью, он служит отстойником для избыточной рабочей силы, для низших слоев города).

«Хорошо подготовленные исследователи с низким уровнем зарплат» привлекали ТНК в Индии еще в 1960-х гг. Тогда, выступая в Гарвардской школе бизнеса, один из управляющих англо-голландской корпорации «Юнилевер» заявил, что его компания создала в своем филиале в Индии подразделение, занятое научными исследованиями, именно в силу наличия таких кадров²⁹. В 1960-х гг. это явление носило единичный характер. К концу 1990-х гг. оно приобрело массовый характер.

Выплачивая своим сотрудникам зарплату, превышающую средний уровень оплаты данной категории специалистов в принимающей стране (одновременно с этим значительно более низкую, чем в стране происхождения), ТНК имеют возможность привлекать к себе на службу «сливки» научно-технической интеллигенции, самых квалифицированных специалистов. Национальные фирмы, действующие в тех же сферах, в частности в информационных технологиях, вынуждены повышать ставки заработной платы персонала, иначе лучшие кадры перейдут в филиалы ТНК. Это, в частности, происходит в Индии. Чтобы удержать сотрудников практикуется и предоставление им внушительного «социального пакета». Нередко утверждалось, что при

организации научных исследований в филиалах ТНК в развивающихся странах имеет место «невидимая утечка умов», и национальные кадры, не покидая своей родины, заняты исследованиями в интересах ТНК. То же можно отнести и к услугам сферы высоких технологий, к ИТ-услугам. Однако проведение научных исследований, развитие услуг, связанных с ИТ, «на местах» предполагает больший вклад в национальную экономику принимающей страны, нежели прямая «утечка умов». И уж, безусловно, с точки зрения самих технических специалистов, работа над перспективными научными направлениями с использованием самого передового оборудования в иностранных филиалах или работа в сфере ИТ-услуг предпочтительнее прозябания на грани нищеты. Или работы специалистов ведущего центра в области высоких технологий в качестве торговцев-челноков, о котором с гордостью говорил в телевизионной программе бывший руководитель этого центра (академик Велихов о Курчатовском институте) как о примере успешного вхождения в рынок. Более того, создание научно-исследовательских подразделений иностранными инвесторами способствует повышению зарплаты в действующих в тех же сферах национальных организациях³⁰.

Обладает ли (уже или пока еще) Россия конкурентными преимуществами, которые позволили бы ей, в том числе и с участием иностранного капитала, развивать те инновационные отрасли, подъема которых добились азиатские страны, привлекая ТНК? Есть ли у России перспективы в размещении у себя филиалов ТНК, занятых научными исследованиями и ИТ-услугами? «Хорошо подготовленные исследователи с низким уровнем зарплаты» (что привлекает ТНК в азиатские страны), специалисты, востребованные за рубежом, в России имеются. «Утечка умов», особенно в таких дисциплинах, как математика, физика, биология, достигла немалых масштабов и возрастет в ближайшие годы в связи со сворачиванием деятельности РАН. Уровень зарплат российских ученых, если судить по пока еще не ликвидированным институтам Российской академии наук, к 2012 г. увеличился по сравнению с 2000 г. (с учетом инфляции – скорее, номинально), но, несомненно, намного ниже, чем в развитых странах и даже ниже, чем в некоторых развивающихся странах.

Сравнительным преимуществом Индии часто называют большое число выпускников технических университетов. В 2000–2001 г. Российская Федерация занимала второе место в мире после КНР по числу студентов технических вузов (2,4 млн. студентов), опережая Индию (1,9 млн.), США (1,7 млн.), Южную Корею (1 млн.), Японию (0,8 млн. студентов). Но по индексу технологической активности (подсчитываемому на основе таких показателей, как число занятых в сфере НИОКР, число патентов, зарегистрированных в США, число статей, опубликованных в ведущих научных журналах мира) Россия в 2003 г. месте находилась на 24-м месте³¹, причем во многом за счет наследия былых времен.

По данным Доклада Мирового Банка за 2009 г., доля расходов на НИОКР в ВВП в 2005–2006 гг. составляла в США 2,6%, в Японии — 3,3%,

Финляндии — 3,5%, Германии — 2,5%, Франции — 2,1%, Великобритании — 1,8%, в Израиле — 4,5%, Южной Кореи — 3,0%, Сингапуре — 2,4%, КНР — 1,3%. У РФ он равнялся 1,1%. Индекс развития экономики знаний был у РФ значительно ниже, чем показатели Южной Кореи и Сингапура (7,7 и 6,2) и показатели развитых стран (от 8,5 у Франции до 9,1 у США). По уровню наличия новейших технологий индекс РФ (3,9) был ниже, чем у КНР (4,4), Индии (5,2) и даже Туниса (5,4), не говоря уже о развитых и новых индустриальных странах. По индексу абсорбции технологий предприятиями в 2007–2009 гг. Россия, где он был равен 4,1, также уступала КНР (5,1), Индии (5,5), Тунису (5,4), развитым и новым индустриальным странам. Даже численность научных работников в РФ — 3227 чел. на 1 млн. человек населения³² (у СССР этот показатель был одним из самых высоких в мире, он сам по себе не свидетельствует о результативности НИОКР, о ней впрочем, говорило другое: хотя бы, первый запуск человека в космос) стала к 2009 г. ниже, чем практически во всех развитых странах (кроме Великобритании) и в новых индустриальных странах, и, несомненно, еще сократится в результате реформирования РАН.

По оценкам американской исследовательницы Лорен Иден, сделанным на основе данных американской исследовательской компании А.Т. Kearney, в рейтинге на 2004 г. стран, которые могут участвовать в оказании дистанционных услуг по БПО, первой была Индия, второе–третье места разделили Канада и Мексика, четвертое заняла Ирландия. РФ получила шестое место, КНР — седьмое. К 2009 г. в рейтинге исследовательской группы А.Т. Kearney «География оффшоринга цифровых услуг» рейтинг России для аутсорсинга ИТ-услуг понизился до 33-го места. Первые семь мест занимали страны Азии и Северной Африки — Индия, КНР, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Египет, Филиппины, восьмое — Чили, далее шли Иордания, Вьетнам. опередили Россию в рейтинге и страны Африки: 15-е место в списке заняла Гана, 17-е — Тунис, 25-е — Маврикий, 26-е — Сенегал, 30-е — Марокко. По уровню квалификации ИТ-специалистов России присудили в рейтинге 15-е место, после Индонезии (на первом месте находились США, на втором — Индия, на третьем — Китай). С точки зрения дешевизны рабочей силы, делающей выгодным оффшоринг цифровых услуг, самыми привлекательными были признаны Гана, Индонезия, Вьетнам, Филиппины, Шри-Ланка. Индия получила только шестое место. По дешевизне рабочей силы в секторе ИТ Россия уступает азиатским странам, но, конечно же, услуги российских программистов оплачиваются значительно ниже, чем в развитых странах, в тех же США. Наконец, с точки зрения бизнес-среды, инвестиционного климата первое место занимал Сингапур, а Россия находилась на одном из последних мест³³. К 2012 г. по сравнению с 2000 г. экспорт компьютерных и информационных услуг из России вырос с 60 млн. до 2,3 млрд. долл., Россия заняла 14-е место в списке экспортеров, однако ее экспорт был в 35 раз ниже, чем у Индии, в 6,5 раз ниже, чем у КНР (подсч. по табл. 3).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НОВЫХ ИКТ В СТРАНАХ ВОСТОКА

К концу первого десятилетия XXI в. число мобильных телефонов в расчете на 100 жителей в афро-азиатских странах резко возросло. Решительные изменения произошли именно в 2005–2010 гг.

ТАБЛИЦА 4. *Распространение ИКТ: число мобильных телефонов и пользователей Интернета в странах Азии и Африки (в расчете на 100 жителей)*

Страна	Число мобильных телефонов		Число Интернет-пользователей	
	2005	2010	2005	2010
Развитые страны				
США	69	90	68	79
Япония	76	95	67	80
Германия	96	127	69	82
Франция	79	100	43	80
Швеция	101	114	85	90
Северная Африка				
Алжир	42	92	6	13
Египет	18	87	12	27
Марокко	41	100	15	49
Ливия	35	171	4	14
Тунис	57	106	10	37
Азия				
Афганистан	4	41	1	4
Бахрейн	106	124	21	55
Бангладеш	6	46	0,2	4
Бутан	5	54	4	14
Бруней	64	109	36	50
Камбоджа	8	58	0,3	1,3
КНР	30	64	19	36
Гонконг (КНР)	125	190	57	69
КНДР	0	1,8	0	0
Индия	8	61	2	8
Индонезия	21	92	3,6	9,1
Иран	12	91	8	13
Ирак	6	76	1	6
Иордания	59	107	13	38
Кувейт	101	161	26	38
Лаос	11	65	1	7
Ливан	25	68	10	31
Малайзия	75	121	49	55
Монголия	22	91		10
Мьянма	0,3	1,2	0,1	0,2
Непал	1	31	1	7
Палест. Нац. Автономия	16	46	16	37
Оман	55	166	7	63
Пакистан	8	59	6	17
Филиппины	41	86	5	25
Катар	87	132	25	69

Республика Корея	82	105	74	84
Саудовская Аравия	59	188	13	41
Сингапур	103	144	61	70
Шри-Ланка	15	83	2	12
Сирия	16	57	6	21
Тайвань	98	120	58	72
Таиланд	47	101	15	21
Тимор-Лесте	3	53	0,1	0,2
Турция	64	85	15	40
ОАЭ	111	145	58	72
Вьетнам	12	175	13	28
Йемен	11	46	1	11
Страны СНГ				
Россия	83	166	15	43
Украина	64	118	4	23
Таджикистан	4	86	0,3	22
Беларусь	42	108	16	32
Казахстан	36	123	3	34
Латинская Америка				
Куба	1	9	10	15
Бразилия	46	104	22	41
Венесуэла	47	96	13	36
Мексика	44	81	17	31
Тропическая Африка				
Конго	16	94	1,5	5
Гвинея-Бисау	7	39	2	2,5
Кабо-Верде	17	75	6	30
Сенегал	16	67	5	16
Дем. Респ. Конго	5	17	0,3	0,7
Нигерия	13	55	4	28
Эфиопия	0,6	8	0,2	0,8

Источник: *Information Economy Report 2011, UNCTAD. P. 120–125.*

Еще в 2005 г. число мобильных телефонов на 100 человек было высоким лишь в двух группах стран Востока, имевших высокий уровень ВВП на душу населения, — в богатых нефтью странах Персидского залива и в новых индустриальных странах первого эшелона. В 2005 г. в расчете на 100 жителей число мобильных телефонов составляло 111 в ОАЭ, 106 — в Бахрейне, 87 — в Катаре, 59 — в Саудовской Аравии, 100 — в Кувейте, 125 — в Гонконге (КНР), 98 — на Тайване (провинция КНР), 103 — в Сингапуре, 82 — в Республике Корея. Для сравнения: в России на 100 человек приходилось 87 мобильных, в Японии — 76, в Швеции — 101, в США — 69. В 2005–2010 гг. это число еще больше увеличилось. На 100 человек в 2010 г. приходилось 166 мобильных в Омане, 161 — в Кувейте, 144 — в Сингапуре, 190 — в Гонконге, 145 — в ОАЭ (в России — 166).

Но примечательно другое, то, что в 2005–2010 гг. весьма существенно возросло число мобильных телефонов в расчете на 100 жителей и в других странах Азии и Африки, с более низким уровнем ВВП на душу населения.

В 2005–2010 гг. число мобильных телефонов на 100 человек в Китае повысилось с 30 до 64, в Индии — с 8 до 61, в Индонезии — с 21 до 92, в Малайзии — с 75 до 121, в Монголии — с 22 до 91, в Таиланде — с 47 до 101, в Шри-Ланке — с 17 до 63. Число мобильных телефонов заметно увеличилось и в наименее развитых странах с низким уровнем подушевого ВВП: с 1 до 31 — в Непале, с 11 до 65 — в Лаосе, с 5 до 54 — в Бутане, с 6 до 46 — в Бангладеш.

Те же самые процессы имеют место в ближневосточных и североафриканских странах: число мобильных телефонов на 100 жителей в 2005–2010 гг. увеличилось с 42 до 92 в Алжире, с 18 до 87 — в Египте, с 35 до 172 — в Ливии, с 24 до 79 — в Мавритании, с 41 до 100 — в Марокко, с 57 до 106 — в Тунисе, с 6 до 76 — в Ираке, с 16 до 57 — в Сирии, с 25 до 68 — в Ливане. Даже в странах Тропической Африки широко распространилась мобильная телефония, а число владельцев мобильных телефонов на 100 жителей увеличилось в Республике Конго с 16 до 94, в Гане — с 13 до 71, в Сенегале — с 16 до 67.

В Камбодже на 100 жителей в 2010 г. приходилось 58 мобильных телефонов, в Нигерии — 55, в Кабо-Верде — 75, в Гвинее-Бисау — 39 (см. табл. 4). Мобильная телефония частично компенсирует слабое развитие стационарной телефонной связи.

Число мобильных телефонов резко возросло в странах СНГ. В Таджикистане оно увеличилось в 2005–2010 гг. с 4 до 86 на 100 жителей. Быстро растет число мобильных телефонов в странах, которые имеют за рубежом большое число трудовых мигрантов, они посылают на родину не только деньги, но и телефоны (в Таджикистане в 2010 г. переводы эмигрантов обеспечивали почти 50% ВВП)³⁴.

Исключениями являются лишь Северная Корея, Куба, страны, охваченные гражданской войной или военными действиями (Сомали). В 2010 г. в Демократической Республике Конго (кстати, стране, богатейшей по запасам минеральных ресурсов) на 100 жителей приходилось 17 мобильных телефонов, в Северной Корее — 2, на Кубе — 9 телефонов.

Однако и в наименее развитых странах с невысоким числом телефонов произошли немалые перемены. Мобильная связь имелаась, а пользоваться одним мобильником могло несколько человек, членов одной семьи, соседей. В бедных странах возник новый вид микропредприятий — «продажа по времени разговора по мобильнику»: в Бангладеш в 2008 г. насчитывалось 350000 «телефонных леди», продававших такие услуги мобильной связи. В Пакистане их число достигало 1 млн. (это могли быть не только женщины, но и торговцы мужского пола). Развита такая услуга в Гане, Уганде, раньше они были развиты в Монголии. Правда, по мере снижения стоимости телефонов спрос на такие услуги сокращается. Предложение мобильных телефонов даже в беднейших странах расширяется благодаря импорту дешевых «серых» мобильных телефонов, которые производятся в Китае на основе «шэньчжай» (фактически производства контрафактной продукции). Растет и импорт в развивающиеся страны секонд-хэнда, причем среди подержанных мобильных телефонов есть и краденые. В африканских странах масшта-

бы торговли секонд-хэндом колоссальны. В Дакаре (Сенегал) есть целые рынки, торгующие одеждой секонд-хэнд из Европы, США, откуда он часто поступает и в качестве гуманитарной помощи. Сегодня потребители в развитых странах избавляются от морально устаревших, но вполне нормально функционирующих телефонов и приобретают новые престижные модели, позволяющие им выглядеть не хуже других или показать свой высокий статус («эффект большинства» или «эффект сноба»). «Продажа телефонного времени» как вид бизнеса уходит, но появляются другие виды занятости в неформальном секторе. Развивается сеть мельчайших предприятий по ремонту мобильных, продаже аксессуаров, новых и подержанных телефонов, оплате мобильной связи.

Использование мобильной телефонии вызвало настоящий революционный переворот в бедных странах, где слабо развита сеть стационарных телефонов. Впрочем, о таком же перевороте мы можем говорить и применительно, например, к Рузскому району Московской области: раньше, чтобы позвонить родственникам в Москву, приходилось выстаивать длинную очередь, и эта связь была доступна только два часа в сутки. Кстати в тот же период (1990-е годы) в бедной стране Западной Африки Кабо-Верде в селеении, удаленном от столицы на пятьдесят километров, на улице стоял телефон-автомат, откуда можно было позвонить за границу.

Жители афро-азиатских стран стали использовать мобильную связь не только для поддержания контактов с родными и близкими. Мобильная телефония, а сегодня уже и мобильный Интернет позволяют мелким и мельчайшим предприятиям афро-азиатских стран получать информацию о ситуации на рынке, находить клиентов, расширять сбыт своих продуктов, таким образом, повышая свою конкурентоспособность.

Успехи развивающихся стран в доступе к Интернету пока гораздо скромнее, чем в доступе к мобильной телефонной связи. Большое число пользователей Интернет на 100 жителей было отмечено в 2010 г. в странах Персидского залива — экспортерах нефти и в НИС первого эшелона, т. е. в странах с высоким подушевым ВВП: 84 — в Республике Корея, 63 — в Омане, 55 — в Бахрейне, 50 — в Брунее, 70 — в Сингапуре, 72 — на Тайване, 69 — в Гонконге (в США — 79, а в России — 48). Достаточно широким было распространение новых информационных технологий в странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки. В Саудовской Аравии среди 100 человек 41 был Интернет-пользователем, в Тунисе — 37, в Марокко — 49, в Катаре — 69, в Иордании — 38, в Ливане — 31, в Египте — 27, в Сирии — 21, в Алжире — 13, в Ливии — 14, в Ираке — 6. Увеличился доступ к Интернету в Китае: в 2010 г. среди 100 жителей 34 были пользователями Интернета, в Индии среди 100 жителей было 8 Интернет-пользователей, в Индонезии — 9.

Постоянный доступ к Интернету в наименее развитых странах имеют немногие. Из каждых 100 человек Интернетом пользовались в 2010 г. в Нигерии — 28, в Кении — 10, в Сенегале — 16, в Гане — 9, в Кабо-Верде — 30.

Широкополосной Интернет, который делает возможным развитие информационных услуг, имелся, в тех или иных масштабах, во многих странах. Его практически не было лишь в наименее развитых, беднейших странах, в основном в странах Тропической Африки — Гвинее, Гвинее-Бисау, Сомали, Сьерра-Леоне, Эритрее³⁵.

Ситуация меняется буквально не по дням, а по часам. Еще два–три года назад смартфоны были недоступными для большинства жителей бедных стран. В 2010–2011 гг. растут продажи смартфонов во всем мире, высокими темпами возрастает использование мобильного Интернета. В 2011 г. в Китае насчитывалось 350 млн. пользователей мобильного Интернета. В Кении 99% пользователей Интернета выходят в сеть с мобильного телефона. Более 75% подписчиков социальной сети Facebook в Ботсване, Брунее, Малави, Намибии, Нигерии, Папуа-Новой Гвинее и ЮАР используют именно мобильный Интернет. В Шри-Ланке 70% населения имеют мобильные телефоны, причем ½ из них пользуется мобильным Интернетом³⁶. Растет число пользователей социальных сетей, в том числе и в странах Востока. 80% Интернет-пользователей в 2011 г. выходили в социальные сети, на социальные сети приходилось около 1/5 времени, проведенного пользователями в Интернете. Растет число пользователей социальными сетями за пределами США. В 2009 г. 65% пользователей Фейсбук находились за пределами США, в декабре 2011 г. — уже 75%³⁷.

Итак, в 2005–2010 гг. произошла настоящая революция в распространении мобильной телефонной связи в афро-азиатских странах, в том числе и в странах с невысоким уровнем ВВП на душу населения. Интернет пока не слишком широко распространен в странах с низкими подушевыми доходами. Однако если учесть возможность использования Интернета или смартфона членами одной семьи, друзьями, соседями или доступа в сеть через Интернет-кафе, то возможности доступа в Интернет не столь малы.

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИКТ И РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ И УСЛУГ СФЕРЫ ИКТ

ИКР, распространение ИКТ и превращение ряда стран в крупных производителей и экспортеров товаров и услуг сферы ИКТ имеют множество последствий для экономического, социального, социально-политического развития стран Востока, и этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения. Вкратце остановимся лишь на некоторых социальных и социально-политических последствиях ИКР.

Распространение новых ИКТ вносит определенный вклад в решение проблемы занятости в развивающихся странах, в борьбу с бедностью — создаются новые рабочие места, в том числе в неформальном секторе. Конкурентоспособность мелких предприятий, крестьянских хозяйств повышается благодаря доступу к информации о ситуации на рынке, расширившимся возможностям поиска клиентов и взаимодействия с ними.

Свой вклад в решение проблем занятости и борьбы с бедностью призваны внести и предприятия по производству товаров и услуг сферы ИКТ. Индия с 2006 г. стала мировым лидером в экспорте ИТ-услуг. Занятость в сфере компьютерных и информационных услуг в Индии увеличилась в 1999/2000–2011 гг. с 24,2 тыс. чел. до 600 тыс. чел., с учетом косвенного воздействия на создание рабочих мест — число занятых в этой сфере было в 4 раза больше, 2,4 млн. человек³⁸. В общей численности экономически активного населения страны с миллиардным населением доля занятых на этих предприятиях не столь уж велика. Индустрия предъявляет спрос в основном на специалистов с достаточно высоким уровнем образования и хорошим знанием английского языка. Сектор создает возможности для трудоустройства выпускников технических университетов Индии. Иногда утверждают, что развитие ИТ-услуг способствует росту неравномерности в распределении доходов. Но есть и другая сторона этой проблемы. Благодаря эффекту мультипликатора каждое новое рабочее место в информационной индустрии способствует созданию 4 рабочих мест в других сферах: это строительство, общественное питание, розничная торговля, недвижимость, транспорт, а также труд домашней прислуги.

Большой вклад в решение проблемы занятости дает развитие производства товаров сферы ИКТ. Это видно на примере Китая. В целом 2009 г. в Китае насчитывалось 145 млн. рабочих-мигрантов из деревни, 17% от этой цифры (25,5 млн.) приходилось на электронную промышленность³⁹. На предприятиях одной только тайваньской компании Hon Hai (Foxconn), осуществляющей сборку айфонов, насчитывалось в 2012 г. около 1,2 млн. занятых, большинство из них — на ее фабриках в КНР. Рабочие-мигранты, занятые в электронной промышленности, на сборочных предприятиях, значительную часть заработка отправляют домой, в деревню, что способствует росту доходов, уменьшению бедности.

Другой социальный аспект, связанный с распространением ИКТ и сдвигами в международном разделении труда — перемещением производств в развивающиеся страны, который вызывает немалую озабоченность на Западе, — это потеря рабочих мест в развитых странах. В 1997–2004 гг. в электронной и электротехнической промышленности США число рабочих мест сократилось на 550 тыс., Японии — на 400 тыс., Германии — на 100 тыс. В странах Евросоюза в 2005 г. потери из-за развития международного аутсорсинга услуг в сфере ИТ составили 1570 рабочих мест, 14% от всех рабочих мест, сократившихся в связи с развитием международного аутсорсинга⁴⁰.

Говоря о социальных аспектах распространения ИКТ, французский социолог, изучающий проблемы социальной коммуникации, Доминик Вольтон отмечает, что новые ИКТ способствуют поддержанию через Интернет связей между группами единомышленников, облегчают взаимодействие внутри диаспор, этноконфессиональных общностей, землячеств, мобилизацию участников публичных акций. Как это ни парадоксально, складывается

такая ситуация, что развитие новых ИКТ и электронных СМИ, в частности спутникового телевидения, служит фактором, тормозящим ассимиляцию иммигрантов в европейских странах. После работы иммигрант смотрит программы телевидения своей родины по спутниковому каналу или общается в Интернете, по скайпу или в социальных сетях со своими соотечественниками. У него нет особого стимула учить язык страны, давшей ему пристанище, ассимилировать ее культуру, поддерживать контакты с окружением (если он не живет в иммигрантском гетто). Основной тезис монографии Д. Вольтона «Информация — не значит коммуникация» состоит в том, что сегодня «информация» (новые ИКТ) не столько облегчает, сколько затрудняет социальную коммуникацию в мультикультурных обществах. Легкость поддержания контактов в социальных сетях, доступ к «своим» телепрограммам снижают стремление иммигрантов к ассимиляции в стране пребывания. По образному выражению Д. Вольтона, «думали получить “глобальную деревню”, а получили Вавилонскую башню»⁴¹.

НОВЫЕ ИКТ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

Сыграли ли новые ИКТ — Интернет и мобильная телефония — важную роль в событиях «арабской весны»? На конференции в Институте востоковедения РАН в мае 2012 г. одни специалисты (например, известный арабист З.И. Левин) заявляли, что «во время революции в Европе в 1848 г. никаких электронных СМИ не было, но события распространились быстро, как пожар». Другие утверждали, что в 2010–2011 гг. мобильные телефоны с доступом в Интернет были в Египте и Тунисе слишком дорогими для большинства участников событий и не могли ими использоваться для поддержания контактов. Третьи, правда, на примере Ливии говорили о том, что более важной была роль традиционных электронных СМИ, в частности телевидения⁴². Американский автор Малькольм Глэдвелл заявляет, что «революцию нельзя вызвать с помощью Твиттера», что роль новых ИКТ сильно преувеличена, «революция — на улице, она пахнет кровью»⁴³.

Оставив арабистам и политологам оценку событий «арабской весны» с социально-политической точки зрения, хотелось бы оценить ситуацию именно с точки зрения того, могут ли новые ИКТ играть роль в политических волнениях вообще и в событиях «арабской весны» в частности.

Во-первых, как показано выше, в 2005–2010 гг. в странах Азии и Африки, в том числе и в арабских странах с не самым высоким уровнем ВВП на душу населения, число мобильных телефонов в расчете на 100 жителей резко возросло: в Египте в 2010 г. их было 87 на 100 жителей, в Тунисе — 106. Мобильная связь, рассылка смс вполне могли использоваться для организации выступлений, для мобилизации их участников. Число пользователей Интернет на 100 жителей было в 2010 г. невысоким в Египте, в Тунисе (27 и 37 на 100 жителей), хотя вполне сопоставимым с уровнем в РФ (46 на

100 жителей, что совсем не мало). Существует и такая вещь, как Интернет-кафе. В Мумбаи (Индия) в 2004 г. в 3 тыс. Интернет-кафе получали доступ в сеть 1,5 млн. пользователей. Совсем другой вопрос — это то, что волнения не могут произойти без наличия на то объективных предпосылок: экономических, социальных, политических; такие предпосылки в арабских странах имелись в избытке (коррупция, безработица, особенно среди молодежи, в том числе и образованной молодежи, бедность). Что касается новых ИКТ и социальных сетей, то они играли роль инструмента для мобилизации масс на демонстрации, распространения информации о событиях, в том числе и за рубежом. Более того, роль катализатора в событиях в Египте сыграло и отключение Интернета и передачи смс на мобильные телефоны, вызвавшее всеобщее возмущение против Мубарака, в том числе и в деревне.

Один из уроков событий в арабских странах звучит неожиданно: борясь с волнениями, нет смысла подавлять современные средства коммуникации — Twitter, Facebook, мобильные телефоны. Конечно, без этих средств труднее организовывать массовые акции протеста. Но отключение мобильной связи посылает мощный сигнал о том, что что-то идет не так, «молчаливому большинству» — тем, кто даже не знает об акциях протеста⁴⁴.

Крупнейшие западные ТНК сферы ИКТ нередко «играли на стороне оппозиции». Через 2 дня после отключения Интернета в Египте 30 января 2011 г. в официальном блоге Google появилось сообщение об открытии нового сервиса Speak2Tweet, предназначенного для жителей Египта. Для выхода в Twitter достаточно было позвонить на один из международных номеров, установленных в США, Италии и Бахрейне, и оставить голосовое сообщение. Затем послание с тегом #egypt публиковалось в мировой сети. Еще раз набрав один из номеров, можно было прослушать сообщения, оставленные другими пользователями. Как заявила компания, сервис был создан буквально за несколько дней программистами Twitter и инженерами компании SayNow, вошедшей в состав Google накануне выступлений в египетской столице⁴⁵.

Если у наших авторов вопрос об использовании новых ИКТ в арабских событиях вызывает скептицизм, то в западных странах осуществляются проекты и проводятся научные конференции, призванные выявить это влияние. По результатам исследования сотрудников Вашингтонского университета Ф. Говарда, М. Хуссейна, В. Мари, М. Музаид, сотрудника Amazon.com.service Э. Даффи, Д. Фрилона из Американского университета, на основе анализа более 3 млн. сообщений на Твиттере, гигабайтов контента YouTube и тысячи постов в блогах был сделан (отнюдь не голословный) вывод о ключевой роли социальных сетей в событиях в Египте и Тунисе. Участники проекта создали карты важнейших политических сайтов. Филип Говард, руководитель проекта «Информационные технологии и политический ислам» в Вашингтонском университете и автор книги «Цифровые истоки диктатуры и демократии: информационные технологии и политический ислам», в статье «Цифровые СМИ и “арабская весна”» отметил, что накануне масштабных демонстраций в Египте в 2011 г. отмечался «всплеск»

активности в социальных сетях. Новые ИКТ не только способствовали распространению информации о событиях, но и играли в них роль катализатора. Он сравнивает распространение событий с эффектом каскада⁴⁶.

В сентябре 2011 г. в Копенгагенском университете состоялась конференция на тему «Освещение “арабской весны” в СМИ». Около четверти докладов было посвящено роли Интернета и социальных сетей. Рикке Хоструп Хаугбелле из Копенгагенского университета отметил, что термины «Интернет-революция» и «Твиттер-революция» появились в прессе уже сразу после событий в Тунисе. Ранда Абубакр, профессор Каирского университета, в докладе «Роль новых ИКТ и социальных сетей в египетской революции 2011 г.» отмечает, что роль Твиттера, TwitPic, YouTube, Фейсбука была в Египте значительной еще и из-за провала спонсируемых государством СМИ, которые не освещали события адекватным образом. Социальные сети способствовали мобилизации протестного движения, распространению информации о событиях в стране и за рубежом, подрыву легитимности правящего режима. Тем не менее, подчеркивает она, «новые ИКТ — это только инструмент, но не причина событий»⁴⁷.

Итак, в Египте и Тунисе новые ИКТ стали инструментом мобилизации масс. Они активно использовались оппозицией и для мобилизации оппозиции. Иначе складывается ситуация в Сирии. Вокруг событий в ней ведется настоящая информационная война, в том числе и в Интернете, причем активную роль в ней играют и силы, выступающие на стороне Башара Асада.

Информационное противоборство в Интернете отличается определенной спецификой. Т.А. Боков пишет по этому поводу: «В отличие от методов телевидения, где информационной борьбой целенаправленно занимаются большие команды специалистов, сегодня каждый, кто имеет доступ в Интернет, может стать не только объектом, но и субъектом такой войны. В течение самого короткого времени с роликом на Youtube, записью в блоге или в социальной сети может ознакомиться огромная аудитория». В целом он делит основные действия противоборствующих сторон в Интернете в рамках «арабской весны» на три основные категории: 1) координация действий (уточнение места и времени проведения акций, обсуждение и т. д.); 2) агитация, продвижение своих идей, часто путём предоставления «независимой», «правдивой» информации с «места событий»; 3) утверждение своего присутствия, атаки на электронные ресурсы оппонентов⁴⁸.

В Интернет-войне, как, впрочем, и в электронных СМИ, широко используется дезинформация. Публикуются фото разрушенных зданий, размещаются видеоматериалы с взрывами, но это может быть просто монтаж. Происходят весьма курьезные случаи, о которых писали в «традиционной» бумажной прессе. Один из самых ярких блогов, описывавших зверства режима Башара Асада, оказался поддельным. Лондонская The Guardian писала: «Неожиданная героиня восстания в консервативной стране, женщина, полуамериканка, Амина Абдалла привлекла внимание оппозиции своим полувосточным необыкновенным популярным блоготворчеством “Лесбиянка из Дамаска”».

Впоследствии блог вдруг перестал обновляться, а через некоторое время на нем появилась запись, где сообщалось, что девушка пропала, вероятно, она была похищена сирийскими спецслужбами. Однако в газету The Guardian поступило письмо от некой Елены Лечич, живущей в Лондоне, о том, что статья о похищении Амины, была украшена ее собственной фотографией с ее страницы в Фейсбуке». Позднее американец Том Макмастер, обучающийся в Шотландии, признался, что он и есть та самая «лесбиянка из Дамаска», историями которой зачитывался весь Фейсбук⁴⁹.

В Интернет-войну в Сирии с участием двух противоборствующих сторон вовлечено много профессиональных хакеров, не только сирийцев; на обеих сторонах присутствуют международные силы: группа хакеров «Anonymous» на стороне оппозиции и иранские, китайские, а, возможно, и российские хакеры на стороне сирийского правительства.

«Сирийская электронная армия» численностью более 200 тысяч человек ведет активную информационную войну на стороне правительства Б. Асада. Ее молодежные группы фотографируют улицы, на которых, якобы, по сообщениям западных информагентств, проходили демонстрации протеста, и размещают эти фото в Интернете. Другая группа транслирует видеозаписи с уличных камер на Youtube. Третья группа публикует информационные сообщения в Twitter, Facebook и других социальных сетях. Кроме того, у Сирийской электронной армии есть специальные «штурмовые группы», которые совершают атаки на «враждебные» сайты, но не для их разрушения, а просто меняя в них «лживые сообщения на правдивые». В первый же день своей работы Сирийская электронная армия атаковала и взломала сайты президентов США и Франции Барака Обамы и Николя Саркози⁵⁰.

* * *

В последние два десятилетия развитие новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — мобильной телефонии, компьютеров, Интернета по сравнению с «традиционными» СМИ — радио, телевидением, прессой (хотя вообще-то по-настоящему традиционным средством массовой информации можно назвать не телевидение, а скорее тамтамы в странах Тропической Африки, меняющийся ритм ударов которых передает те или иные вести), — оказало существенное воздействие на страны Востока.

Примечательно, что многие страны Востока стали не просто пассивными пользователями новых технологий, но активными участниками развивающихся процессов. Ряд стран Востока весьма успешно «встроился» в информационно-коммуникационную революцию. Китай стал ведущим мировым экспортером товаров сферы ИКТ — компьютерного, телекоммуникационного, электронного оборудования. Еще раньше, чем Китай вступили на путь развития этих отраслей новые индустриальные страны первого эшелона — Республика Корея, Тайвань (провинция КНР), Гонконг (КНР), Сингапур, а также Малайзия — все они сегодня входят в число ведущих мировых производителей товаров сферы ИКТ.

Используя свои сравнительные преимущества — наличие квалифицированных технических специалистов, владеющих английским языком, при поддержке государства, Индия стала ведущим мировым экспортером компьютерных и информационных услуг и услуг по аутсорсингу обслуживания коммерческой деятельности. Такого рода услуги поставляют на экспорт и другие азиатские страны: Филиппины, Шри-Ланка, даже Бангладеш и Непал, а в последние годы к ним подключаются и африканские страны — Сенегал, Гана, Уганда.

Итак, информационно-коммуникационная революция (ИКР) представляет собой новый «вызов» для развивающихся (и для переходных) стран. Как «вызов» она требует от них повышения квалификации рабочей силы, усилий по разработке и внедрению инноваций, созданию соответствующей ИТ-инфраструктуры. Те развивающиеся страны, которые нашли адекватный ответ на этот вызов, нашли и свою нишу в условиях новых возможностей, открываемых ИКТ, в новых отраслях, успешно встроились в ИКР, и это способствовало их экономическому подъему.

В 2005–2010 гг. произошла настоящая революция в распространении мобильной телефонной связи в странах Азии и Африки, причем даже в странах с невысоким уровнем ВВП в расчете на душу населения. Расширяется, хотя и в меньшей степени, использование Интернета. В последние два–три года мы можем уже говорить о стремительном распространении смартфонов, которых продается больше, чем персональных компьютеров, и о быстром распространении мобильного Интернета.

Распространение новых ИКТ вносит немалые перемены в жизнь стран Востока. Оно создает новые возможности для роста занятости, решения социальных проблем этих стран, оказывает воздействие на экономические, социальные и даже политические процессы в этих странах. Новейшие ИКТ оказывают немалое влияние на восточный социум, воздействуя на мироощущение людей, наконец, на их поведение. Мы можем говорить и об использовании новых ИКТ в событиях «арабской политической весны» и о возможности их применения в любых событиях такого рода.

¹ Information Economy Report 2006. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2006. P. 101,113.

² Information Economy Report 2010. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2010. P. 40.

³ Information Economy Report 2007–2008, UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2008. P. 124–125.

⁴ Information Economy Report 2010. P. 46.

⁵ См. подр.: *Цветкова Н.Н.* Транснациональные корпорации и транснациональные банки из стран Востока // Восток (Oriens). 2012. № 5.

⁶ www.forbes.com (10.05.2013).

⁷ World Investment Report 2011. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2011. P. 218; www.forbes.com (10.05.2013).

⁸ Information Economy Report 2010. P. 46.

⁹ World Investment Report 2004. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2004. P. 178.

¹⁰ Information Economy Report 2006. P. 114.

¹¹ См. подр.: *Цветкова Н.Н.* Развитие информационно-коммуникационных технологий и афро-азиатские страны. Обзор // Восток (Oriens). 2012. № 1.

¹² Information Economy Report 2010. P. 50.

- ¹³ World Investment Report 2004. P. 165, 179.
- ¹⁴ World Investment Report 2004. P. 173; www.hsbc.com (20.02.2011); World Investment Report 2004. P. 173.
- ¹⁵ World Investment Report 2004. P. 167.
- ¹⁶ Information Economy Report 2010. P. 50.
- ¹⁷ Information Economy Report 2007–2008. P. 125–127, 123; Information Economy Report 2006. P. 238.
- ¹⁸ Information Economy Report 2012. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2012. P. 39.
- ¹⁹ Information Economy Report 2006. P. 238; Information Economy Report 2007–2008. P. 106, 125–126; Information Economy Report 2012. P. 41.
- ²⁰ Information Economy Report 2007–2008. P. 128.
- ²¹ Information Economy Report 2012. P. 41.
- ²² *Цветкова Н.Н.* Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России. Опыт сравнительного анализа. М., 2004.
- ²³ Information Economy Report 2007–2008. P. 125–127.
- ²⁴ Information Economy Report 2012. P. 52–53.
- ²⁵ Information Economy Report 2012. P. 32.
- ²⁶ Information Economy Report 2012. P. 32, 41.
- ²⁷ Information Economy Report 2012. P. 32.
- ²⁸ Information Economy Report 2012. P. 33.
- ²⁹ Economic Analysis and the Multinational Enterprise. L., 1974. P. 346; Looking to India for Internet Inspiration // The Russia Journal. 14.07.2000.
- ³⁰ *Цветкова Н.Н.* Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России. С. 59.
- ³¹ World Investment Report 2005. UNCTAD. N.Y.; Geneva, 2005. P. 296, 290–291.
- ³² World Development Report 2010. World Bank, Wash., 2009. P. 369.
- ³³ The Shifting Geography of Offshoring. AT Kearney. Chicago, 2009; www.atkearney.com/.../fda82529-b60a-4fae-8d... (10.09.2013); *Eden L.* Went for cost, priced at cost? An economic approach to the transfer pricing of offshored business services // Transnational Corporations, UN. N.Y.; Geneva. Vol. 14. 2005. № 2. P. 8–9.
- ³⁴ Information Economy Report 2012. P. 46.
- ³⁵ Information Economy Report 2010. P. 128.
- ³⁶ Information Economy Report 2012. P. 32, 44.
- ³⁷ Information Economy Report 2012. P. 32, 41.
- ³⁸ Information Economy Report 2006. P. 238; Information Economy Report 2007–2008. P. 106, 125–126; Information Economy Report 2012. P. 41.
- ³⁹ Information Economy Report 2012. P. 52–53.
- ⁴⁰ Information Economy Report 2007–2008. P. 110–112.
- ⁴¹ *Wolton D.* Informer n'est pas communiquer. P.: CNRS, 2009.
- ⁴² *Цветкова Н.Н.* Страны Востока и новые информационно-коммуникационные технологии (научная жизнь) // Восток (Oriens). 2013. № 2.
- ⁴³ *Gladwell M., Shirky C.* From Innovation to Revolution // Foreign Affairs. March/April 2011.
- ⁴⁴ www.vedomosti.ru. 14.02.2011.
- ⁴⁵ www.kommersant.ru. 9.02.2011.
- ⁴⁶ *Howard P.N.* Digital media and the Arab spring // blogs.reuters.com/great-debate/2011/02/16/digital-media-and-the-arab-spring/ (ср. 13.05.12).
- ⁴⁷ hum.ku.dk/kalender/2011/september/covering-the-arab-spring/Covering_the_Arab_Spring.pdf (12.05.2012).
- ⁴⁸ *Боков Т.А.* Сирия: информационная борьба в Интернет-пространстве // www.iimes.ru (12.10.2011).
- ⁴⁹ www.kommersant.ru. 20.06.2011.
- ⁵⁰ www.prime-tass.ru. 7.03.2012.

Урбосоциологические парадигмы современного информационно-коммуникационного процесса

Более двух столетий назад, с конца XVIII в., наступает Новая эра — современность. Мировая научная и общественная мысль при её описании использует разные термины и определения, но более других — понятие «современная цивилизация», подразделяющаяся на два периода — индустриальный и постиндустриальный, а также на эпоху Модерна и Постмодерна.

В настоящее время имеется немало теорий и концепций, объясняющих ценности, институциональные свойства и черты новой эпохи, которые позволили ей стать тем, что называется современность. Во всех теоретических и конкретно-исторических суждениях о современности отмечается важность такого явления, как наследие предшествующих времен и эпох, подготовившего переход на новый исторический этап развития. Непосредственно это касается и сегодняшнего момента, разворачивающейся информационно-коммуникационной фазы, ибо её основные элементы и структуры стали формироваться ещё с конца XVIII—начала XIX вв.

Полученное тогда «наследие» включало: 1) довольно развитые системы хозяйственной жизни с относительно высокой фондовооруженностью труда и квалифицированной, специализированной рабочей силой; 2) усовершенствованные приемы ведения сельского хозяйства, улучшенные средства производства, изобретения техники и науки; 3) демократические методы организации управления государством и населением, общественные институты, регулирующие и контролирующие взаимодействие (экономическое, политическое, социальное) между властью и обществом.

При этом в соответствии с диалектическим принципом преемственности — «сохранение и обновление» — продолжали быть востребованными многие традиции и ценности, непреходящие и составляющие фундамент (духовный и морально-нравственный) мирового культурно-исторического процесса. Как правило, отдельные институты, образы, символы из общего мирового опыта в ту или иную эпоху входили в культурно-историческое (шире цивилизационное) развитие и «надолго задерживались в нем, придавая ему некоторые характерные, во многом до сих пор длящиеся черты»¹.

Естественно, что неизменным условием позитивной значимости жизни является сохранение и следование ценностям и принципам, которые обеспечивают преемственное непрерывное развитие Человечества. Античная эпоха сохраняла и передавала научные и культурные богатства, накопленные народами Древнего Востока (особенно Ближнего), а заслуга мусульманского мира — прежде всего в том, что он сумел оценить достижения ан-

тичной эпохи, и, сохранив их, способствовал приближению Нового времени, Современности. Одним из наиболее ценных и сущностных «наследований» является Город. Входя с древнейших времен в ткань многогранной мировой истории, он оказывается неотъемлемой компонентой в динамике развития цивилизаций и обществ. Поэтому-то поверх всех хронологически и культурно-исторически сменяющих друг друга эпох в них непременно/обязательно присутствует особо значимая, «означающая — в смысле символа-знака, образа», и объединяющая реально, и в сознании всемирная универсалия — «Город». Во все времена город — феномен и парадигма цивилизации — как субъект неразрывно связан с исторической реальностью, повседневностью и как объект с научным познанием.

Само его появление известный исследователь Г. Чайлд назвал «городской революцией», «переходом от варварства к цивилизации». Не менее известный и авторитетный французский историк, философ Ф. Бродель по тому же поводу писал: «Город — как бы цезура, разрыв (новая) судьба мира,.. когда он возникает, неся с собою письменность, то открывает двери того, что мы называем историей»². Так что именно город оказался той формой среды обитания человеческих сообществ, в процессе развития которых произошёл переход от системы естественно-природной детерминации к системе с преобладанием социально-исторической определённости и обусловленности.

Суждения цитируемых авторов являются в методологическом отношении концептуальными установками; в них город — глубинный структурообразующий фактор, а одновременно показатель, измеритель процесса развития, генератор идей и хранитель традиций. Бесспорно, в развитии присутствуют прогресс и регресс, лидерство одних и отставание других, ведущих и ведомых, к тому же, как правило, периодически происходит смена лидеров. В разных ситуациях любых исторических эпох город непременно впитывал и перерабатывал предшествующий позитивный опыт, накопленный другими, и тем самым всегда способствовал непрерывному процессу перехода человечества от одного состояния к другому, а в целом развитию цивилизаций.

Сегодня «окружением городов является весь мир», а «человечество стремительно движется исключительно к городскому существованию». В городах проживает свыше 50% населения мира, или 3,5 млрд. человек; сравним — в 1800 г., по завышенным оценкам, горожан было 10%, а численность всех жителей мира не превышала 1 млрд. человек³. Столь внушительные показатели были достигнуты за два столетия. И все происходившие радикальные изменения были тесно связаны с промышленным переворотом конца XVIII в. и последовавшим за ним технико-технологическим и научно-техническим прогрессом, что качественно преобразовало систему производительных сил, ускорило темп развития и весь ход исторического процесса.

На смену доиндустриальной стадии — самой продолжительной в истории человечества (IV тысячелетие до н.э. — начало Новоевропейского времени)

пришла иная — индустриальная. Начавшись на исходе XVIII в., она длится до настоящего времени, хотя в недрах её уже зародилась и активно развивается новая — постиндустриальная, информационно-коммуникационная эпоха.

В доиндустриальные времена естественно-климатические, географические условия — так называемая «природная машина» — служили своеобразным гарантом относительно урбанизированного, благополучного и весьма стабильного развития. В городах, бесспорно, имелись ремесло (порой виртуозное, искусное), торговля (развитая особенно на Востоке), различные другие виды деятельности, но главной задачей и функцией городов, особенно крупных столичных, было управление и обслуживание власти. Город многие столетия, а скорее тысячелетия, существовал и действовал как «центр власти и власть центра». Например, Екатерининская реформа городов в России осуществлялась по принципу «город — центр своего окружения, учрежденный для доставления жителям ближайшего суда и расправы». То есть, функции административные, полицейские, судебные преобладали⁴.

Промышленная революция 1750–1850 гг. существенно изменила вектор социально-экономического развития и способствовала заметным переменам в эволюции городов. Появление паровой машины Д. Уатта и нового оборудования для текстильной промышленности Великобритании были первыми базовыми промышленными инновациями. Эти изобретения оказались делом рук механиков-практиков. Вслед за ними последовали и другие открытия. К известной механической энергии падающей воды, пара и угля, мускульной силе людей и животных прибавили электричество и нефть, появились двигатели внутреннего сгорания, электромоторы. Существенное дополнение пришло вместе с солидными научными теоретическими разработками, опиравшимися на труды западноевропейских физиков и химиков конца XVIII и первой половины XIX в. (Ампер, Вольт, Ом — физики, Кекуле, Либих, Гофман — химики). Последовательно доиндустриальная, или «инструментальная», технология, в которой в большой степени присутствовал ручной труд, заменяется машинами. И впервые начинает формироваться взаимосвязь — логичный цикл «наука — производство».

С этой целью создаются промышленные исследовательские лаборатории на предприятиях старых отраслей и успешно развивающихся новых отраслей (электротехнической, по производству органических красителей и др.). В составе различных промышленных фирм организуется сектор научных исследований и разработок (НИР). Параллельно возникают и другие сектора науки, академические, — фундаментальные исследования в университетах, политехниках и в государственных учреждениях. Их деятельность была направлена на сотрудничество с промышленностью и решение ее актуальных проблем. Но в целом закладывалась фундаментальная и прикладная наука, возникали связи с образованием, интеграция науки и производства, т. е. теории и практики — «основы основ» экономического прогресса и ускоренного развития. В этом были заинтересованы крупные фирмы,

промышленные предприятия, государство и общество, что способствовало формированию государственной научной политики.

В начале XX в. возникают национальные и международные инженерные ассоциации, научные общества, издаются специализированные журналы и газеты о науке и технике. Но в полной мере научно-технический потенциал и его признание приходится на вторую половину XX в., когда наступает время научно-технической революции и на научные проекты и разработки направляются огромные инвестиции — государственные и частные.

Наука, оставаясь самоценной и мощной частью культуры, приобретала характер/свойства производительной силы, столь же значимой, что и другие виды жизнедеятельности общества.

Мировой научно-исследовательский потенциал возрастал последовательно, без явных «взрывов», постепенно. Согласно данным Дж. Бернала, автора книги «Наука в истории общества» (1956 г.), в 1896 г. во всем мире в сфере науки трудились 50 тыс. человек, непосредственно научными исследованиями занимались 15 тыс. человек. К 1950-м годам (точнее, спустя 58 лет) соответствующие показатели возросли до 2 млн. и 400 тыс. человек. В значительно большей пропорции увеличилась сумма расходов на нужды науки — в 400 раз, или ежегодно затраты на науку росли в среднем на 10%⁵.

В течение XIX и первой половины XX вв. расцвет изобретательства и научных открытий привели к «господству механизации» — производству, внедрению, освоению новой техники. Таков был ответ на исторический вызов наступившей новой эпохи — современности и одновременно выполнение запросов промышленности.

На промышленной стадии развитие осуществлялось в рамках парадигмы (модели) — индустриализация–урбанизация. Складывалась ситуация, когда требовалась адекватная концентрация средств и труда (квалифицированного и неквалифицированного) в городах, в которых быстрыми темпами развивались различные отрасли хозяйства — легкая промышленность (текстильная), предприятия тяжелой индустрии (черной и цветной металлургии), машиностроение, все виды транспорта, сфера услуг, образование, здравоохранение и другие.

Важным, если не главным, фактором социально-экономического развития на этой стадии оказывался народонаселенческий (демографический) принцип расселения, выразившийся в исторически беспрецедентном росте городского населения преимущественно в результате масштабных миграций сельских жителей в растущие города.

Осуществлявшийся экстенсивный, последовательно линейный, путь индустриального развития, или, как ныне его трактуют, первичная модернизация, стимулировал рост старых городов и массовое строительство новых. Происходило укрупнение городских форм посредством формирования многофункциональных промышленных центров — контрапунктов современной индустриально-урбанистической цивилизации. Разворачивавшийся процесс индустриализации-урбанизации вынес на передний план город с его резко

менявшимся пространством — экономическим, политическим, социальным и культурным. Уже в конце XIX в. возникла новая категория городов — города-миллионеры, получившие тогда же определение — «конурбации».

Экстенсивный последовательно-линейный путь индустриального развития, начавшийся в XIX столетии, продолжается и сегодня, но преимущественно в развивающихся странах, и по-прежнему он стимулирует процесс укрупнения городских форм расселения — рост городов-гигантов и даже появление сплошных урбанистических ареалов. Что, в свою очередь, привело к разработке и уточнению терминологического инструментария для характеристики современного урбогенеза. Возникли, например, понятия — мегагород, метрополис, мегалополис, полизация, макрополизация и другие.

Выход на авансцену исторического процесса крупного города не отменил важности городов меньшего размера. За всеми ними признавали тогда и признают теперь качества и свойства самостоятельных и полноправных субъектов исторического действия. Все вместе они формируют городскую систему, которая с конца XIX в. становится предметом научного познания как особый целостный и самостоятельный организм, попавший в фокус внимания социальной философии, политэкономии, географии, истории, культуры, архитектуры и зародившегося тогда же научного направления социологии города. В начале XX в. проявилась устойчивая тенденция систематического изучения города методами экономической и социальной статистики. Но все это не означало, что только с этого времени город входил в ткань всестороннего познания.

Попытаюсь самым кратким образом дать реконструкцию этой проблемы. Самые ранние сведения о городе содержатся в архаических духовно-символических текстах — «священных книгах» ветхозаветного времени. Данные о нём имеются в интересных суждениях и теоретических обобщениях философов Древней Греции и Рима, средневековых богословов, арабских мусульманских мыслителей и в многочисленных трудах гуманистов-реформаторов эпохи Возрождения и Просвещения. Во времена Модерна и Постмодерна город также оставался важным субъектом и объектом всестороннего познания — исторического, географического, демографического, экономического, социокультурного, этнографического и т. д. На рубеже XIX–XX вв. городу посвящались труды многих известных и авторитетных ученых — А. Вебера, М. Вебера, В. Зомбарта, Л. Мамфорда. Э. Говарда, представителей чикагской социологической школы Р. Парка, Л. Вирты, Э. Бёрджесса и других. Эти труды заложили основы урбанистического социологического знания — городской социологии.

У истоков зарождавшегося отечественного урбосоциологического знания и формировавшейся тогда же научной отдельной дисциплины — градоведения или городоведения, также и краеведения — были книги ученых разных отраслей социогуманитарной науки. Это были — историки-медиевисты, философы, религиоведы, культурологи, архитекторы, художники. Среди них известные и авторитетные — И.М. Гревс, Л.П. Карсавин,

А.В. Дживелегов, А.Н. Анцифиров, П.А. Сорокин, П.Л. Муратов. Проблема города в их работах освещалась и осмысливалась полно и всесторонне — как символа власти, центра науки, культуры, образования. Опиралось все это на знание истории и географии, многообразие функций города, его архитектуры. Что позволяло представить город во всех отношениях как живой социальный организм, развивающийся во времени и пространстве.

Одним из существенных факторов при становлении и развитии урбосоциологических идей, парадигм была разработка цивилизационного подхода и сравнительно-исторического метода. В последующие годы сложившуюся традицию продолжили и укоренили историки-медиевисты, среди которых видные российские ученые — Л.М. Баткин, А.А. Гуревич, В.И. Рутенберг, В.И. Уколова, А.А. Ястребицкая и многие другие.

Накопленные за многие столетия знания о городе с их бесценными источниками исторических и географических сведений, почерпнутых из хроник, летописей, археологических свидетельств, сочинений философов, богословов, путешественников, государственных и частных/личных документов, составили фундамент урбосоциологической историографии.

В настоящем корпус всех текстов, посвященных эволюции города и урбанизации во множестве их форм, образует, осторожно назову, специальную научную дисциплину — урбанистику. В.Л. Глазычев в одной из своих последних книг «Урбанистика» (2010) писал: «Насколько в этом предмете можно говорить о сложившейся науке, вопрос спорный, но то, что мы имеем дело с уже зрелым знанием, не подлежит сомнению». Так город, а затем и урбанизация (с середины XX в.) становятся самостоятельными и полноправными объектами пристального и всестороннего познания все еще формирующейся отдельной научной дисциплины — урбанистики.

Проблемное поле урбанистики постоянно расширялось, усложнялось на протяжении всего XX в., но особенно во второй его половине, и для этого было немало оснований. Прежде всего это связано с «вхождением» новых суверенных стран в современный постколониальный мир, с их повышенной реальной активностью во всех сферах мирового развития — демографической, экономической, социокультурной, урбанистической, и, в целом, ростом значения их субъектной составляющей в решении важнейших проблем сегодняшнего мира. Поэтому-то в рамках разных социогуманитарных наук, включая и социологию города, в очередной раз появляются новые понятия, термины, разрабатывается более адекватный понятийно-терминологический инструментарий, способный выразить и передать смысл происходящих сложных процессов и явлений.

Введение новых сущностных понятий всегда свидетельствует о радикальных общественных переменах — сломе и возрождении, о противоречивом и сложнейшем взаимодействии старого и нового, традиционного и современного. Но, что еще особенно важно, новые понятия и термины фиксируют «горизонты» научного знания.

В начале 1950-х гг. было предложено определение «третий мир», в дальнейшем его сменило понятие «развивающийся мир». В обоих случаях

объединялись страны Незапада, отставшие в экономическом развитии и стремившиеся догнать высокоразвитые страны в рамках парадигмы «догоняющее развитие». То есть, развивающиеся страны ускоренными темпами пытались провести индустриализацию–урбанизацию. В лексикон активно заявившего о себе нового направления науки — общей теории развития или социологии развития — вошла урбан-социология развивающихся стран со своими понятиями: «колониальное общество», «колониальный город», «примат-город», «третьемирский город», «развивающееся общество», «переходное общество» и т. д.

В 1980–1990-е гг. прочно и надолго получили признание следующие понятия/определения: индустриальное или индустриально-урбанистическое общество, новые индустриальные страны, постиндустриальный мир, общество знаний или информационное общество, глобальная экономика, глобальный урбанизм, глобальный город, глобальная культура и другие, которые все вместе составляют ныне проблемное поле исследований успешно развивающейся новой самостоятельной научной дисциплины — глобалистики.

Вся вторая половина XX столетия — время между двумя эпохами — индустриальной и постиндустриальной. Индустриальное общество, постепенно сменившее в ходе промышленной революции аграрное, на исходе XX в. уступает место постиндустриальному. Один из основателей теории постиндустриального общества Д. Белл следующим образом характеризует это явление: «Индустриальное общество — в первую очередь обрабатывающее, в нем энергия и машинная технология используется для производства товаров. Его главный ресурс — капитал, главная фигура — предприниматель, капиталист. Постиндустриальное общество — это организм, в котором телекоммуникации и компьютеры выполняют основную роль в производстве и обмене информацией и знаниями. Его главный ресурс — информация, главная фигура — ученый»⁶.

Век «механизации», господства «машинной технологии» заменяется наукоемкими технологиями. Формируется особая категория технологий, отраслей промышленности и производства изделий, получившая название «наукоемкие» или «высокотехнологичные» отрасли. «Наукоемкость» — ключевое понятие и сущностная характеристика разворачивающегося нового исторического процесса. В число наукоемких отраслей входят: аэрокосмическая, фармацевтическая, производство компьютеров, электронных средств коммуникации и связи, новых материалов, биотехнологии и другие. В сфере услуг к наукоемким относятся все современные виды связи, финансово-банковская деятельность, образование, здравоохранение, сфера бизнеса, занятая разработкой программного обеспечения, контрактных исследований, консультативные, маркетинговые и другие услуги.

Возникновение и деятельность компьютерных систем, беспроводных средств коммуникаций и связи, хранящих и передающих огромные объемы информации, пространственно расширили постиндустриальный мир. А также резко, кардинально изменили скорость передачи любых сведений, сообще-

ний, всевозможных данных и документов, сделав её стремительной и даже мгновенной. Так возникла ситуация — быть всегда на связи, в «курсе событий», независимо от места/пространства и времени.

Информационную продукцию можно хранить, воспроизводить и передавать в виде полностью дематериализованных импульсов электромагнитной энергии. И при этом хранилища становятся всё меньше, а размещается в них (серверах) практически невообразимое количество цифровых знаков — целые библиотеки книг, музыкальных коллекций, фильмов и т. д., ранее занимавшие огромные пространства.

Появившийся безграничный мир мобильных сетей, беспроводных электронных систем связи сопряжен с зарождением «сетевой культуры». В основе нынешнего очередного этапа человеческой эволюции лежит развитие всепроникающих беспроводных технологий и коммуникационных сетей, которые не просто освобождают людей от кабелей, стационарных мест и привычных носителей информации, но меняют представление о том, где кончается сам человек и начинается внешняя среда.

Разумеется, по своему значению цифровая информация как новейшая научная технология — наиболее эффективное средство научно-технического прогресса и социального развития. Все сложные проблемы и сюжеты, контуры сегодняшнего мира интересно и просто (без излишней научной доказательности) представил и описал Уильям Дж. Митчелл — американский ученый, архитектор, специалист медиа-информационных коммуникаций в своей последней книге «Я + +. Человек, город, сети» (М., 2012). Согласно автору, это попытка осмыслить то, что происходит прямо сейчас и прямо с нами: наше тело, одежда, способы и маршруты передвижения, архитектура и города, восприятие времени и пространства меняются у нас на глазах, и скоро мы станем совсем другими.

В целом начавшийся на рубеже XX–XXI вв. новый этап исторического развития исследователи называют информационно-коммуникационным и даже «информационной революцией». Тем не менее, информационные технологии, хотя и являются наиболее эффективным фактором научно-технического прогресса, не есть единственный и все решающий источник/ресурс нынешнего развития. Сами они тесно связаны с тем, что уже оформилось в понятие «человеческий капитал» или «человеческий потенциал». Главное в этом «капитале» — творческие способности и возможности человека: его образованность, профессионализм и, что чрезвычайно важно, устремленность, скорее, потребность освоения всё новых и новых знаний, возрастающих экспоненциально. Поэтому большую значимость приобретают системы образования и особенно непрерывного обучения, качество жизни, здравоохранение, социально-политическая и правовая безопасность человека. Таким образом, человек, его способности и знания — важнейшая составляющая информационного общества и современного, постиндустриального развития.

Широкое распространение наукоемких технологий и научных знаний способствовало зарождению «новой экономики», или «глобальной эконо-

мики» информационного общества, информационной среды и в целом глобализации. Первоначально этот процесс затронул и охватил развитые страны Запада, но затем активно стал внедряться в развивающиеся страны Незапада и оказался общемировым (глобальным). Однако развитие с разной степенью успешности осуществляется и на Западе — родоначальнике данного процесса, и особенно на Востоке, где присутствуют весьма существенный разрыв и размежевание между государствами, сумевшими внедрить и укоренить современные социально-экономические и политические структуры и институты, и теми, которые находятся лишь на начальных этапах их освоения.

В 1980–1990-е гг. ряд восточноазиатских стран продемонстрировал позитивные результаты модели «догоняющего развития», осуществив весьма удачно модернизацию — индустриализацию–урбанизацию. Это были «новые индустриальные страны» (НИС) — Гонконг, Республика Корея, Сингапур и Тайвань. Они сумели в кратчайшие сроки достичь уровня развития, сопоставимого с критериями передовых стран, в результате строительства предприятий на базе заимствованных технологий, закупки лицензий, иностранных инвестиций, открытия своих экономик/рынков миру, создания многочисленных «свободных экономических зон», промышленных площадок, огромных кластеров по производству современных наукоемких и высокотехнологичных товаров, оказания специализированных услуг. Тем самым страны превращались в акторов глобальной экономики.

Группа НИС первого эшелона включала четыре страны, но вскоре масштабно и решительно наука и новейшая технология стала внедряться в азиатских гигантах — Китае и Индии, а также в странах Юго-Восточной Азии — Малайзии, Индонезии, Таиланде. Ныне все они стремятся адаптировать электронные научно-технические знания и инновационную модель развития к собственным экономическим, социально-политическим и социокультурным условиям и традициям, включиться в процесс глобализации, став его активными участниками.

Ситуация, в которой пребывают многие страны Востока, определяется тем, что в них наличествуют различные этапы, фазы перехода от прежних цивилизационных моделей развития — традиционной/доиндустриальной и колониальной к современной — промышленно-урбанистической и постиндустриальной. При всей важности и сложности этого перехода для социально-экономического развития, нельзя упускать из виду, что он осуществляется в условиях глобализации, которой свойственны и позитивные, и негативные черты. Поэтому происходят сдвиги и сломы, возрождение и откат, однако наглядно видно, как создаются предпосылки осознанного эволюционного движения/продвижения к более высокому уровню развития.

Чрезвычайно также важно знать, что локомотивом мирового развития, становления новой, глобальной экономики с середины 1970-х гг. выступали транснациональные корпорации (ТНК). Стержневыми механизмами и элементами их деятельности являлись перемещение/перенос производствен-

ных мощностей в виде отдельных стадий, операций и целых отраслевых комплексов в страны с дешевой рабочей силой или богатыми сырьевыми ресурсами на основе прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Что позволило ТНК превратиться в гибкую распределительную систему управления и контроля над новой экономикой, а отдельным их звеньям — дочерним компаниям/филиалам в принимающих странах с развивающейся экономикой со временем обладать значительной степенью самостоятельности и не зависеть от местонахождения штаб-квартиры ТНК. Забегая несколько вперед, отмечу, что на рубеже XX–XXI столетий в ряде развивающихся стран появились свои ТНК и возможность участия в прямых иностранных инвестициях в страны Запада.

За всё время деятельности ТНК (середина 1970-х – 2000-е гг.) в 2006 г. их число в мире достигло 78 тыс., и они располагали 780 тыс. филиалов за пределами стран своего происхождения. К 2008 г. показатели соответственно выросли до 82 тыс. ТНК и 810 тыс. филиалов⁷. Однако, как правило, решающую роль играли крупнейшие глобальные компании Запада, обладающие огромными финансовыми доходами от финансово-банковской деятельности или столь же внушительными оборотами от промышленно-производственной и сферы услуг.

Первоначально ТНК стран Запада были заинтересованы в нефтяной промышленности (добывающей и перерабатывающей), автомобильной, электротехнической, сталелитейной, машиностроительной, химической, фармацевтической, текстильной, пищевой, табачной промышленности и других отраслях. И этим отраслям принадлежали лидирующие позиции. Для достижения своих целей транснациональные корпорации создавали в развивающихся странах, безусловно, не без поддержки национальных правительств, современные производственные комплексы, которые территориально размещались в специальных районах, получивших определение — промышленные площадки, свободные экономические зоны, то есть, это были своеобразные полюсы роста и развития.

Интернационализированные производственные предприятия, а впоследствии возникшие промышленные кластеры содействовали тесному экономическому, политическому, социальному и культурному сближению национальных государств, росту их взаимосвязей и взаимозависимости, или, одним словом, глобализации. Ряд стран Востока/Азии, сменив импортозамещающую стратегию развития на экспортноориентированную, смог ускорить модернизацию своих экономик и формирование индустриально-урбанистического общества. Таким образом, приобретая черты и качества современности, страны Востока меняли свой прежний модус.

В 2000-е гг. в условиях глобализации и наступившей постиндустриальной эпохи происходят структурные перемены в технологиях телекоммуникационных, информационных, транспортных и во многих других средствах связи сервисной инфраструктуры. Что содействует выдвиганию на первый план производства товаров и услуг информационно-коммуникационной сферы, появлению новых видов профессиональной деятельности и росту

занятости населения в новейших «сервисных» отраслях экономики. Особо внимания заслуживает тот факт, что в большом количестве офисы, фирмы, учреждения по оказанию высокотехнологичных информационно-коммуникационных услуг стали размещаться в странах Востока/Азии, что серьезно меняет международное территориальное разделение труда.

И в целом можно говорить, что прогресс в телекоммуникационных и информационных технологиях, спутниковая связь, стекловолоконные трансконтинентальные кабельные сети, тотальная компьютеризация мира, развитие Интернета, совершенствование и применение в массовом порядке средств мобильной связи усиливают взаимозависимость и взаимодействие стран и народов планеты Земля. Безусловно, прав отечественный исследователь Н.А. Слука, утверждающий: «В техническом отношении поверхность планеты стала единым информационным полем, произошло своего рода сжатие категорий мирового пространства и времени, а крупнейшие города оформились в активные “хабы”, обладающие колоссальной пропускной способностью и мощностями по обработке информации»⁸.

Все эти новейшие, в большинстве беспроводные средства связи обеспечивают предоставление огромного числа всевозможных услуг — финансово-банковских, бухгалтерских (включая учет и аудит), юридических, медицинских, консалтинговых, рекламных, регулирующих работу электронных систем и сетей, программ обеспечения дистанционного управления бизнесом и много чем другим, что входит в понятие глобальный город и глобальная экономика.

В научно-теоретических работах анализируется активно развивающаяся и актуализирующаяся информационно-коммуникационная сфера деятельности — услуги, связанные с информационными технологиями, ИТ-услуги, значение их постоянно возрастает. Подробнейшим образом все сущностные изменения ТНК, связанные с новейшими информационно-коммуникационными технологиями, детально проанализированы и представлены Н.Н. Цветковой в интересных и даже эвристических её работах: монографии — «ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. (М., 2011), статье — «Развитие информационно-коммуникационных технологий и афро-азиатские страны» (Восток, 2012, № 1). Объемный фактический и научно-теоретический корпус данных, сведений, документов, исследований и разработок, на которые опирается Н.Н. Цветкова, позволил ей сделать вывод о последовательном повышении роли стран Востока «как активно действующих субъектов мировой экономики, а не пассивных объектов воздействия ТНК»⁹.

Постиндустриальное, научно-технологическое, электронно-информационное развитие, которое сегодня полным ходом идет на Западе и прямо или косвенно затрагивает и подключает Незапад, имеет свои закономерности и тенденции — экономического, территориально-пространственного урбанистического свойства и порядка. Базовыми характеристиками постиндустриального развития являются не только высокотехнологические и научно-технические производства, но и производства электронных, компьютерных

систем и средств информации и коммуникации. Сдвиги от массового производства товаров к столь же массовому производству всевозможных услуг информации и знаний сопровождается переструктуризацией отраслей хозяйства, ростом «индустрии услуг» и многих непроеизводственных сфер, связанных с научным, интеллектуальным и художественным творчеством — индивидуальным и коллективным. Все эти «сдвиги» порождают и появление новых пространственных форм расселения, и новые урбанистические тенденции.

Новейшие технологические и научные инновации, открытия позволили сократить занятость в материальных отраслях, особенно в обрабатывающих, где она стабилизировалась подобно аграрному сектору, и создать условия для развития «третичного», формирования «четвертичного» и «пятеричного» секторов экономики. В последних огромная роль принадлежит науке, культуре, образованию, здравоохранению, т. е. «антропологическому императиву».

Характеризуя важность и значимость творчества и знаний, влияние средств массовой информации и коммуникации (прежде всего электронных), следует помнить, что и ранее на всех предшествующих исторических этапах развития человечества знания обладали весомой долей функций и обязанностей, участвуя в производственном процессе. Однако радикальные структурные изменения, вызываемые непосредственно их воздействием, общественное производство начинает испытывать со второй половины XX в. и претерпевает сущностные перемены и преобразования лишь в конце XX столетия. Безусловно, прав В.Л. Иноземцев, который утверждает: «Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощенная в производственных процессах или средствах производства, а уже как непосредственная производительная сила, становится важнейшим фактором современного хозяйства. Отрасли, производящие знания и информационные продукты, относимые традиционно к “четвертичному” или “пятеричному” секторам экономики, ныне становятся первичным сектором, снабжающим хозяйство наиболее существенным и важным ресурсом производства»¹⁰.

Рост новейших принципиально новых секторов экономики наблюдается в странах Запада и Незапада/Востока как в крупных городских давно сформировавшихся агломерациях, служивших в прошлом опорой промышленного развития, так и в новых технополисах, наукоградах, технопарках, свободных экономических зонах. Именно с последними, их функциями, социумом — активными творческими личностями — ассоциируется постиндустриальная эпоха, и основной импульс прогресса исходит от таких городских поселений.

Несовременные отрасли и устаревшие технологические производства перестраиваются, обновляются, переводятся в пригороды, небольшие города и даже сельские местности, в новые организованные районы развития и в другие страны, преимущественно развивающиеся, или просто ликвидируются. На месте старых заводов, промышленных зон, мастерских возво-

дятся современные здания, в которых размещается множество контор, учреждений, банков и различных фирм и офисов сферы услуг.

Все эти процессы не могли не повлиять на эволюцию географического распределения и характеристики промышленного и научно-технического потенциала современного мира. После второй мировой войны Япония при поддержке США не только вошла в лидирующую группу держав, но и заняла в ней по экономическим показателям второе место. Десятилетия спустя, в 1980–1990-х гг. на мировую арену вышли «новые индустриальные страны»: Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Индонезия, Малайзия, Таиланд. На рубеже XX–XXI веков масштабно в мировой экономике, науке и технологии заявили о себе азиатские гиганты — Китай и Индия. Китай заслужил репутацию «мирового производственного центра», а Индия стала мировым центром информационных технологий сферы услуг. Индийские специалисты, традиционно свободно владеющие английским языком, занимаются оказанием офшорных услуг через Интернет. В развитии научно-технического потенциала Китая и Индии важную роль играют исследовательские центры, создаваемые транснациональными корпорациями. В Китае действуют более 750 лабораторий зарубежных фирм, в Индии — 250¹¹.

Происходившие деконцентрация и диверсификация промышленности и ее структурно-отраслевая переориентация во второй половине XX в. выразились в резком сокращении роли города как центра промышленного производства, прежде всего в странах Запада. Взамен утраченных функций и отраслей хозяйства усилились иные — либо уже давно действовавшие, либо совсем новые, возникшие заново — финансовые, банковские, управленческие, научно-исследовательские, научно-образовательные, культурно-творческие, рекреационные и т. д.

Изложенное выше убеждает, что современная перестройка мирового хозяйства постиндустриального периода опирается на современные мощные и прогрессирующие небывалыми в истории техники темпами информационные и коммуникационные технологии. Структуры и институты систем управления перестраивающейся мир-экономики также функционируют на базе новейших технологий и размещаются привычно всё ещё в крупных центрах Запада и Незапада/Востока, имеющих, как правило, статус мирового/глобального города.

Принципиально важно, что на всех пространственно-временных стадиях развития человечества, но особенно с момента возникновения мировой рыночной экономики — мир-экономики по мере её усложнения, национальный городской центр, который определял основные направления деловой активности, сосредоточивая политическую, производственно-техническую и отчасти культурную власть в своей стране, нередко приобретал международное значение. Впоследствии такой центр стали называть «мировой город». Этот статус в разные исторические периоды имели столицы империй, «центры власти и власть центра», находившиеся на Востоке и Западе. Однако начиная с XV в. и до настоящего времени такой статус

имели нередко торгово-финансовые, промышленные, культурные, научные центры. Автором понятия «мировой город» был шотландский биолог и эколог П. Геддес, опубликовавший в 1915 г. книгу «Эволюция городов». Позже, такие города французский историк и философ Ф. Бродель назвал «супер-городами», «сверх-городами», и утверждал, что они особые «города-миры» со своим историческим временем и международными функциями¹².

На нынешнем этапе исторического развития — глобализации, формирования глобальной экономики и информационного общества — количество подобных городов увеличивается год от года, и они существуют практически во всех регионах мира. Сама деятельность мира-экономики не считается как в прошлом, так и в настоящем с границами государств, империй, и цивилизаций, но тесно связана с городом-миром. В связи с этим во второй половине XX в. понятие мировой город становится научной парадигмой разрабатываемой теории глобальных центров. Что отражает сущность определенного этапа исторического развития и соответствующего ему урбанистического процесса. В складывающейся новой урбанистической модели, строящейся на основе успешно развивающихся сете-узловых структур глобальных городов, лидерство принадлежит этим центрам.

Сегодня истинный глобальный город имеет ряд признаков/качеств. Он обладает большой численностью населения; является местом, где располагаются штаб-квартиры крупнейших ТНК, международные экономические, геополитические, финансовые организации; одновременно является важным в мировом масштабе центром наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности, крупным транспортным и коммуникационным узлом и располагает развитой сферой деловых услуг.

Закономерно, что глобальный город в новой урбанистической системе — стратегический центр и активный субъект (актор) мировой экономики, в нем концентрируются помимо высокотехнологических отраслей производства и глобальные электронные рынки, фонды, биржи и многие учреждения общепланетарного значения.

Именно такие «сверхгорода» как наднациональные образования, своего рода «государства в государствах», действующие на прямых связях, в первую очередь отвечают за усиление процесса интегрированности и повышение эффективности функционирования всего мирового пространства. И как заключает Н.А. Слука, «в результате возникает новая общественно-географическая парадигма». В соответствии с которой, «современной социально-экономической географией все в большей мере начинает заведовать геоурбанистика, а не как прежде, когда территорией заведовала география»¹³.

В новой картографии мира большее внимание уделяется городам, нежели государствам. Формируется сетевое общество, в котором «пространство потоков» начинает доминировать над «пространством мест». Об этом убедительно пишет М. Кастельс, утверждая, что в информационном обществе «пространство потоков», представленное в огромных объемах различной

информации, доминирует над пространством мест — традиционным географическим пространством. Пространство потоков являет собой систему обмена информацией, капиталом и властью, структурирующей основные процессы в рамках обществ, экономик, государств и между различными регионами, независимо от их местонахождения. При этом пространство потоков есть именно пространство, поскольку оно имеет свое материальное выражение, непосредственно зависит от средств коммуникации и транспортной инфраструктуры определенного места. Узловыми центрами пространства потоков являются города глобального мира, основная функция которых заключается в управлении потоками. Они выполняют особые функции международного «командного центра», что делает их относительно независимыми от национального политического руководства¹⁴.

Не менее важно, что новая пространственная форма развивается в разных социальных и географических контекстах, но прежде всего в ведущих метрополисах, мегаполисах — очень больших агломерациях людей. «Но не размер», как отмечает М. Кастельс, «является их определяющей чертой, а то, что они служат узлами глобальной экономики, концентрирующими административные, производственные и менеджерские высшие функции на всей планете; контроль средств массовой информации; реальную политику силы и символическую способность создавать и распространять сообщения»¹⁵.

По Кастельсу, в категорию мегаполисов с глобальными функциями (хабов) входят: Токио, Сан-Паулу, Нью-Йорк, Сьюдад де Мехико, Шанхай, Бомбей, Лос-Анджелес, Буэнос-Айрес, Сеул, Пекин, Рио-де-Жанейро, Калькутта, Осака, Москва, Джакарта, Каир, Нью-Дели, Лондон, Париж, Лагос, Дакка, Карачи, Тяньцзинь и другие. Сингапур и Гонконг, не являясь мегаполисами, тем не менее, обладают глобальными функциями, будучи своеобразным «магнитом» для стран и целых регионов, в которых они расположены. Формируется новый региональный мегалополис, объединяющий Гонконг, Шэньчжень, Гуанчжоу, Чжухай, Макао и маленькие городки дельты Жемчужной реки с населением от 40 млн. до 50 млн. человек. Сингапур выполняет такую же роль преимущественно в Юго-Восточной Азии и за пределами этого региона.

Саския Сассен, американский социолог, экономист, также считает, что современные глобальные города — это особые «постиндустриальные производственные площадки», которые, занимая определенное конкретное пространство-место, значат больше, чем государства, ибо сосредоточение различных экономических, геополитических структур и институтов позволяет им наращивать возможности, чтобы активно действовать на международной арене. В экономическом пространстве глобальные города выступают не только как ядро наукоемких технологий и производств, но в качестве реальных рычагов управления мировым производством, рынком капитала, инновациями, средствами информации. В мировых городах формируются, аккумулируются и разного рода культурные символы, знаки, которые затем масштабно распространяются повсюду¹⁶.

Многие авторы проявляют заметное единодушие, суммируя характеристики и качества современных глобальных городов, и приходят к выводу, что если в индустриальную эпоху основным актором мировых отношений были государства-нации, то в нынешней эпохе — города. На сегодняшний день — уже целый «архипелаг городов» глобального значения, который активно участвует как материальная основа в формировании «градоцентрической модели мирового хозяйства». Данное уточнение принадлежит отечественному исследователю эконо-географу Н.А. Слуке, автору интересной новаторской монографии того же названия («Градоцентрическая модель мирового хозяйства» М., 2005).

Используя новейшие телекоммуникационные и информационные средства связи (включая Интернет), глобальные города составляют единое производственное и информационно-коммуникационное, тесно взаимодействующее пространство мирового хозяйства. По терминологии С. Сассен, это — «взаимосвязанные города», или крупногородской каркас планеты — демографической, геополитической, экономической и транснациональной урбанистической системы. Подобные глобальные центры имеют и другое определение — «ворота в глобальный мир» (концепция О. и Д. Андерссонов)¹⁷. Как ещё одно новое урбосоциологическое понятие эпохи глобализации оно несет в себе определенную смысловую нагрузку миргородского развития.

К таким урбанистическим образованиям относятся: в Северной Америке оси — Нью-Йорк — Бостон, Сан-Франциско — Лос-Анджелес, Сиэтл — Ван-кувер, а также Майами; в Европе — Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, оси Роттердам — Амстердам и Милан — Венеция; в Восточной Азии — «коридор» Токио — Осака, Шанхай, Гонконг. К «воротному» статусу приближаются такие расположенные южнее азиатские города, как Сингапур, Мумбаи (Бомбей) и Дубай. На этот статус могут претендовать Сидней (Австралия), Сан-Паулу (Латинская Америка).

В последнее время стали вкладывать новый смысл в понятие — «олигополия», которое стало означать небольшое число не только крупнейших фирм, но и и агломераций, заинтересованных в создании планетарной системы городов и консолидации единого экономического пространства.

Необходимо сказать еще об одной категории городов глобализирующегося мира, ими являются высокотехнологичные центры инновационной, информационной индустрии. По терминологии Ч. Лэндри, это — «креативные города». Именно такого типа города смогли приспособиться к переменам, а некоторым удалось сделать перемены источником своего развития и преуспевания. Успешные города имеют много общих черт и характеристик: обилие творческих организаций, занятых разработкой технических нововведений, наличие мыслящих неординарно индивидуальностей, девиз которых «сделать больше, потратив меньше ресурсов». Творческий потенциал и новаторство Силиконовой Долины, Лос-Анджелеса, Барселоны, «Третьей Италии» в Эмилии-Романье, продвинутых технологических анклавов,

окружающих Токио и Бангалор, «Мультимедийный суперкоридор Малайзии и др., помогли создать им репутацию мирового масштаба и получить статус «креативного города». Естественно, что ряд креативных городов входит в систему глобальных городов¹⁸.

Осмыслению и познанию общих закономерностей, специфических особенностей и целого комплекса разнообразных и самостоятельных проблем, сопряженных общей деятельностью глобальных городов и оформлением их в особую категорию, посвящено уже немало теоретических, методологических и конкретно-эмпирических работ. Однако среди них какое-то время преобладали публикации западных экономистов, географов, социологов, экологов, урбанистов, которые первыми обратили внимание на эти чрезвычайной важности явления и быстро возрастающую их актуальность. За прошедшие десятилетия, начиная с середины 1980-х гг., корпус работ и знаний о глобальных городах существенно разросся и пополняется год от года и в немалой степени за счет отечественных исследований, что привело к возникновению самостоятельного направления в социологии города, и, официально, таким образом, было зафиксировано возникновение этого феномена. Сегодня уже имеется обширная историография со своим теоретико-методологическим аппаратом и инструментарием — понятиями, терминами, парадигмами, концепциями и теориями глобальных городов.

Можно утверждать, что познание глобальных городов стартовало с политэкономических позиций, и это естественно и вполне обоснованно, ибо важнейшие изменения второй половины XX в. были связаны с мир-экономикой. Согласно многим отечественным исследователям, изучение глобальных городов проходило в такой последовательности: достаточно продуктивно анализировалась их роль и место в опорном каркасе городского расселения планеты (демографический фактор), затем в глобальной экономике, политической системе мира и впоследствии — миссия как деловых, сервисных и информационно-коммуникационных центров. Но не в последнюю очередь в поле зрения ученых оказывались и другие функции глобальных городов, которые определялись многоплановостью человеческой деятельности, — социокультурные и культуротворческие, научно-исследовательские, научно-образовательные, здравоохранительные и многие другие, в совокупности составляющие мировую науку и культуру. Всем этим проблемам посвящена интересная, аналитически обоснованная и содержательная коллективная монография сотрудников Факультета глобальных процессов МГУ «Город в контексте глобальных процессов» (М., 2011). В ней подробно охарактеризованы «ключевые компетенции» глобальных городов в современной архитектуре мироустройства.

Феномен глобального города в последнее время становится предметом изучения специалистов геополитики, так как «большое значение имеет их вхождение в единую систему геополитических центров мира, а также сила влияния и “уровень доступа” к управлению геополитическими процессами». Выполнение подобных задач непосредственно осуществляется через

влиятельные международные организации и объединения, штаб-квартиры которых размещаются на территории глобальных городов, что в немалой степени обеспечивает им участие в принятии важных транснациональных решений и позволяет выступать в качестве самостоятельных субъектов исторического действия и акторов мировой политики.

Существует в мире две категории международных организаций — межгосударственные, межправительственные (ММО) и международные неправительственные (МНПО), их число постоянно увеличивается и уже достигло более 13 тыс., подавляющая их часть приходится на МНПО. Именно МНПО — национальные и международные общественно-политические объединения и движения самого разнообразного характера и направления — оказывают активное влияние на формирование общественного мнения и при этом используют все новейшие средства информационно-коммуникационной связи, особенно Интернет и его социальные сети.

Подводя итог характеристике особенностей и содержания урбосоциологических парадигм наступившей информационно-коммуникационной эпохи и формирующегося постиндустриального или информационного общества, следует вспомнить отечественного философа В.С. Соловьева. Им была высказана чрезвычайно важная идея о нравственной подготовке человека к расширению его коммуникационных возможностей в условиях перехода от национально-государственного устройства к «всемирному общению жизни». По мнению философа XIX в., для каждого исторического перехода от предшествующей формы Бытия к последующей требуется нравственное совершенствование человека и человечества. Что же касается «всемирного общения жизни», оно должно быть тесно связано с установлением «действительно нравственного порядка», когда человечество природное преобразуется в человечество духовное. Об этих эвристических идеях и мыслях В.С. Соловьева говорится в коллективной монографии «Информационная эпоха: вызовы человеку» (М., 2010). Данная работа посвящена философско-антропологическим и социально-философским вопросам, порождённым развитием современных информационно-коммуникационных технологий.

Идеи В.С. Соловьева прямо или косвенно ныне присутствуют во многих работах отечественных ученых, занятых познанием современных процессов. Так, например, В.С. Мартынов в статье «Глобальный модерн: от мироэкономики к мирополитике» пишет: «мироэкономика может превратиться в более эгалитарную миросистему, основанную не только на быстротекущих эгоистических интересах, но и на всеобщих этических нормах. Подобная стратегия — это политический идеализм, но именно он является наиболее эффективной долговременной стратегией развития человеческой истории». Но для этого, как считает автор, и справедливо, необходим «поиск более универсальных этических оснований политического порядка — глобальной политической этики. В ее основе должен лежать императив заботы о будущем, в котором есть достойное место всем. Будущее приходит в первую очередь как этический поворот к новой центральной ценностной системе»¹⁹.

Разумеется, такая система должна опираться на этическую норму взаимодействия, сотрудничества, доверия и иметь всеобщее целеполагание.

¹ О диалектике преемственности как обновление и сохранение, как развитие и рост см.: *Кнабе Г.С.* Европа с римским наследием и без него. СПб.: Нестор-История, 2011.

² *Childe G.* The Urban Revolution // *Town Planning Review*. Liverpool. 1950. Vol. 21. № 1; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 509; *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

³ *World Urbanization Prospects. The 2000 : Revision.* UN, N.Y., 2002; *Bairoch P.* Cities and Economic Development. From the Dawn of History to the Present. Chicago, 1988. P. 495.

⁴ Города России. Энциклопедия. М., 1994. С. 6.

⁵ *Авдулов А.Н., Кулькин А.М.* Парадигма современного научно-технического развития. М., 2010. С. 10–15; *Цветкова Н.Н.* ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011.

⁶ *Белл Д.* Постиндустриальное общество // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984. С. 1–29.

⁷ *Авдулов А.Н., Кулькин А.М.* Парадигма современного научно-технического развития... С. 175.

⁸ *Слука Н.А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005. С. 36.

⁹ *Цветкова Н.Н.* ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М., 2011. С. 243.

¹⁰ *Иноземцев В.Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 37–38.

¹¹ *Авдулов А.Н., Кулькин А.М.* Парадигма современного научно-технического развития... С. 175.

¹² *Бродель Ф.* Материальная цивилизация... Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 16–18, 22–24.

¹³ *Слука Н. А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства... С. 23.

¹⁴ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000; *Кастельс М.* Развитые услуги, информационные потоки и глобальный город // Города без границ [www.megacities.ru].

¹⁵ *Кастельс М.* Информационная эпоха... С. 378.

¹⁶ *Сассен С.* Глобальные города: постиндустриальные площадки // Города без границ [www.megacities.ru].

¹⁷ *Андерссон О., Андерссон Д. (ред).* Ворота в глобальную экономику. М., 2001.

¹⁸ *Лэндри Ч.* Креативный город / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2005.

¹⁹ *Мартьянов В.* Глобальный проект: от мироэкономики к мирополитике // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 80–89.

Информационно-коммуникационные технологии как фактор социально-экономического развития в арабских странах

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из основных направлений формирования современного постиндустриального общества. Эти технологии представляют собой ключевое средство для развертывания и распространения знаний — необходимого фактора для успешности современной экономики.

Для построения современной экономики, ориентированной не на добычу полезных ископаемых, которые в избытке имеются в ряде арабских стран, а на производство различных видов услуг и высокотехнологичных товаров, нужно создать инфраструктуру, которая смогла бы обеспечить такое развитие. Использование информационно-коммуникационных технологий может не только повысить уровень экономического развития, но и способствовать развитию общества. В последние десятилетия имел место беспрецедентный рост производства, обмена, обработки, использования информации. Последствия этих процессов затронули наше общество гораздо сильнее, чем то, что было после промышленной революции, так как инфраструктура информационных и коммуникационных технологий, их программное обеспечение стали играть роль нервной системы современного общества. ИКТ являются важными инструментами для обмена информацией, представляют собой современную форму человеческого знания, которая наиболее динамична и имеет далеко идущие перспективы. ИКТ создают новые возможности и задачи, они требуют вовлеченности человеческих и материальных ресурсов на национальном уровне и совершенствования механизмов сотрудничества на арабском, региональном либо международном уровне.

Арабские страны достигли заметного прогресса в ряде ключевых аспектов ИКТ, в частности в инфраструктуре ИКТ, куда направляются значительные инвестиции. Четыре арабских государства — члены ССАГПЗ (Совета сотрудничества арабских государств Персидского Залива): ОАЭ, Катар, Бахрейн и Саудовская Аравия — занимают 24-е, 25-е, 30-е, 33-е места среди 50 стран, располагающих наиболее развитой инфраструктурой ИКТ¹. В 2011 г. многие арабские страны видели особую важность в развитии ИКТ для своей конкурентоспособности на мировом рынке². Пять арабских государств (Катар, ОАЭ, Тунис, Саудовская Аравия и Оман) входили в первую десятку стран по этому показателю.

Однако в арабском мире сохраняется острый разрыв в применении цифровых технологий. Недостаточное развитие арабского цифрового контента,

который является ключом для использования и производства знаний на арабском языке, показывает, что арабские страны и их общество не отвечают большинству требуемых критериев³. Пока не будут приняты меры на различных уровнях в области технологической политики и законодательства и пока многие вопросы, связанные с использованием арабского языка в Интернете не урегулированы, состояние ИКТ в арабском мире не изменится. Уровень использования ИКТ резко варьируется от одного арабского государства к другому. Неравенство в использовании современных ИКТ и их производстве в различных странах влияет на все слои общества. Оно будет оставаться фактором раздробленности общества как внутри страны, так и на межарабском уровне до тех пор, пока не будет разработан механизм равного доступа к технологиям и открываемым ими возможностям.

Ни одна из арабских стран не сможет выйти из нынешней начальной стадии в использовании ИТ, пока она не оценит трезво свои возможности и не начнет действовать, исходя из них. Ключевую роль в достижении различных задач в области ИКТ должно сыграть сотрудничество государственного и частного секторов. Но это невозможно без осознания того, в каком цифровом кризисе сейчас находится арабское общество.

Широкомасштабные инвестиции могут повлиять на возможности стран в области ИКТ. Последовательное развитие ИКТ и постепенное сокращение издержек приведут к росту использования этих технологий среди широких слоев общества, но и это произойдет при условии, что такие достижения в области технологий будут сопровождаться ускоренным производством арабского контента и его использованием в новых проектах. Последние политические события в арабском мире также доказывают постоянно растущую роль ИКТ.

За последние десять лет арабские страны начали широкомасштабное развитие инфраструктуры ИКТ. Индекс Всемирного банка по ИКТ, который основан на распространенности телефонных линий, компьютеров и Интернета, показывает, что по этому показателю добились успеха восемь арабских стран, четыре из этих стран готовы строить современную экономику.

Индекс имеет значения от 0 до 10. Значение от 9 до 10 получают 10% стран, от 8 до 9 — еще 10% и так до 0. При этом снижение индекса по стране иногда может означать не снижение показателей по этому параметру, а лишь то, что у других стран рост был выше. В восьми арабских странах отмечается рост показателя ИКТ по сравнению с 2000 г. В Судане этот показатель вырос с 2,1 в 2000 г. до 3,15 в 2012 г., это — один из самых высоких показателей динамики среди наименее развитых стран арабского региона. Что касается стран, у которых данный показатель упал, за исключением Ливана, где было замечено падение на 2,97 пункта, он нигде не превысил 1,3⁴. Надо отметить, что развертывание инфраструктуры ИКТ во многом замедлилось с началом финансового кризиса, а затем еще социально-политических событий в арабских странах.

Несмотря на все эти негативные эффекты, как видно по данным таблицы 1 и рисунка 1, Арабский мир — это единственный регион в мире, где

продолжился рост в сфере ИКТ после начала кризиса 2008–2009 гг. Падение этого показателя в мире в среднем составило 2,95. Если еще несколько лет назад такое развитие казалось недостижимым, то к 2011 г. политика арабских государств в отношении ИКТ начала давать плоды. Конечно, в первую очередь это заметно на примере аравийских монархий, которые имеют высокий уровень ВВП на душу населения благодаря своим природным богатствам, они еще сильнее укрепили свои позиции по индексу ИКТ. Бахрейн по данным на январь 2012 г.⁵ занял первое место по индексу Всемирного банка по ИКТ. Значительный рост показали и другие монархии Залива: ОАЭ, Саудовская Аравия и Оман. Однако их позиции остаются ниже, чем у некоторых других стран мира с сопоставимым уровнем ВВП.

РИСУНОК 1. Индекс ИКТ для арабских стран и других стран

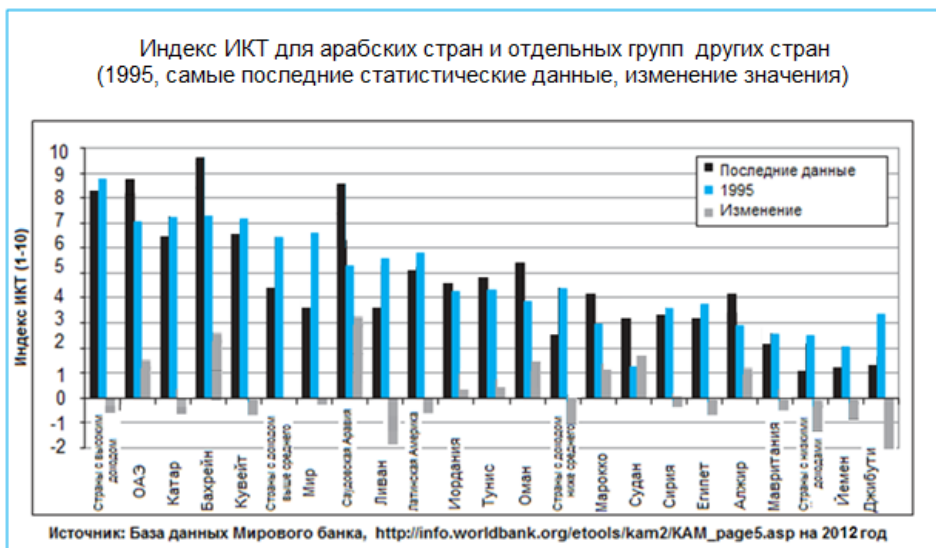

ТАБЛИЦА 1. Индекс ИКТ по данным Мирового Банка (2000–2011 гг.)

Страна/Регион	2000	2008	2011	Изменение с 2000 года
Бахрейн	7,26	7,22	9,54	+2,28
ОАЭ	7,92	8,18	8,88	+0,96
Саудовская Аравия	5,49	6,29	8,37	+2,88
Катар	7,05	7,56	6,65	-0,40
Кувейт	7,09	7,13	6,53	-0,56
Оман	5,12	4,90	6,49	+1,37
Тунис	4,54	5,00	4,89	+0,35

Иордания	5,22	5,21	4,54	-0,68
Алжир	3,11	3,37	4,04	+0,93
Марокко	3,93	4,32	4,02	+0,09
Ливан	6,49	5,27	3,58	-2,91
Сирия	3,58	3,68	3,55	-0,03
Судан	2,10	3,84	3,16	+1,06
Египет	3,77	3,66	3,12	-0,65
Мавритания	2,81	2,80	2,18	-0,65
Джибути	2,60	1,63	1,33	-1,27
Йемен	2,30	1,99	1,17	-1,13
Иран	5,10	5,48	5,28	+0,18
Турция	6,26	5,38	4,50	-1,76
Израиль	8,55	8,64	7,36	-1,19
Кипр	8,04	8,32	7,57	-0,47
Малайзия	7,34	7,08	6,61	-0,73
Индия	2,85	2,59	1,90	-0,95
Китай	4,80	4,16	3,79	-1,01
Дания	9,63	9,28	8,88	-0,75
Швеция	9,79	9,69	9,49	-0,30
Финляндия	9,37	8,56	9,22	-0,15
Канада	9,03	8,74	8,23	-0,80
США	9,49	8,93	8,51	-0,98
Великобритания	9,02	9,38	9,45	+0,43
Регионы и группы стран				
Ближний Восток и Северная Африка	4,97	5,97	3,92	+1,05
Африка	3,36	2,65	1,90	-1,46
Восточная Азия и Океания	5,98	6,94	4,14	-1,84
Европа и Центральная Азия	7,78	6,33	7,50	-0,28
Большая «семерка»	9,34	8,89	9,19	-0,15
Латинская Америка	5,80	5,23	5,02	-0,78
Южная Азия	2,33	2,17	1,90	-0,43
Западная Европа	9,33	8,80	9,27	-0,06
Страны с высоким уровнем доходов	8,88	8,58	8,37	-0,51
Страны с доходом выше среднего	5,23	6,41	4,28	-0,95
Страны с доходом ниже среднего	3,54	4,43	2,62	-0,92
Страны с низким уровнем доходов	2,10	2,10	1,05	-1,05
Мир в целом	6,53	6,34	3,58	-2,95

Примечание: Значение индекса находится в шкале 0–10 и рассчитывается по трем основным показателям: количество телефонных линий, количество компьютеров, число пользователей Интернета на 1000 человек. Верхние 10% государств находятся в диапазоне 9–10, следующие 10% государств в диапазоне 8–9 и так далее.

Источник: База данных Всемирного банка, http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page6.asp на январь 2012 г.

Рост распространения компьютеров и доступа к Интернету — важные факторы построения современной экономики. Со своей стороны, распространение стационарных и мобильных телефонов имеет меньшее воздействие на производство и распространение информации. Во многом это связано с тем, что телефонные сети, доступные для большинства граждан арабских стран, стали просто формой общения, которая не позволяет получить доступ к цифровому контенту или использовать современные коммуникационные технологии. Однако нет данных, которые могут показать, откуда в Интернет выходило молодое поколение в Египте для координации своих действий, например, на площади Тахрир. Помешать использованию этих технологий, даже если они имеются в наличии, может высокая стоимость таких услуг. Согласно одному из исследований от 2007 г., 70% населения арабских стран не могли себе позволить телефоны стандарта 3G, который дает доступ к цифровому контенту через телефон. Надо отметить, что стоимость мобильных телефонов значительно упала за последние годы, а знания населения в отношении использования мобильного Интернета, наоборот, возросли. К другим факторам можно отнести ограничения, введенные некоторыми арабскими государствами на часть современных технологий.

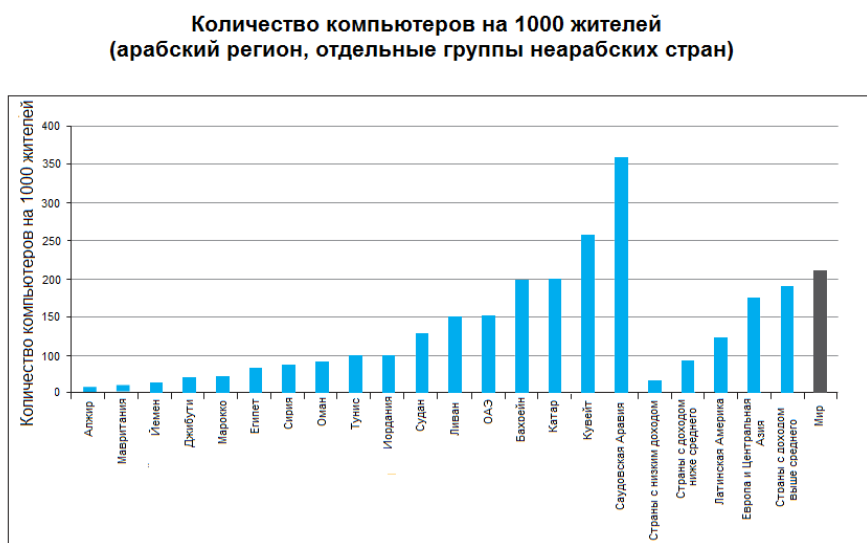
Появление и распространение персональных компьютеров во второй половине 1980-х гг. заложили основы для крупных преобразований в отношениях между технологией и пользователем — появился доступ к информации и знаниям, хранящихся в различных средах. За исключением Саудовской Аравии и Кувейта, среднее число компьютеров на 1000 жителей в арабских странах ниже среднего мирового показателя, оно приближается к мировому показателю в Бахрейне и Катаре, ниже среднемирового уровня распространение компьютеров в таких странах, как Ливан, Судан, Иордания, Тунис и Оман. В других арабских странах региона (Сирия, Египет, Марокко, Джибути, Йемен, Мавритания и Алжир) показатель существенно ниже (см. рис 2).

В арабском мире в целом распространение Интернета заметно выросло в последние семь лет. Однако, за исключением четырех арабских стран — Бахрейна, Кувейта, Катара и ОАЭ — темпы роста распространения Интернета в арабском регионе ниже, чем средние мировые показатели. Население ряда арабских стран, среди которых Египет и Алжир и которые вместе составляют одну треть всего населения арабского региона, меньше использует Интернет, чем население стран других регионов с приблизительно таким же доходом на душу населения.

Распространение персональных компьютеров в арабских странах, как и в других странах мира, зависит от их стоимости. Цены на компьютеры постоянно уменьшаются. С годами снижается планка минимального уровня знаний, необходимых для работы за компьютером, тем самым увеличивает число потенциальных пользователей. Некоторые арабские страны приняли участие в программах, которые направлены на разработку недорогих доступных компьютеров. Предприятия по сборке компьютеров имеются в ряде арабских стран, таким образом, персональные компьютеры предлага-

ются по более низкой цене, чем импортные аналоги. Учитывая, что местная сборка способствует более широкому распространению компьютерных технологий, соответствующим органам власти следовало бы создать нормативную базу для установления региональных стандартов качества для защиты интересов потребителей и постепенно повышать объем производства, чтобы промышленность могла реагировать на текущие и будущие тенденции технологического развития.

РИСУНОК 2. Количество компьютеров на 1000 жителей, 2011 г.

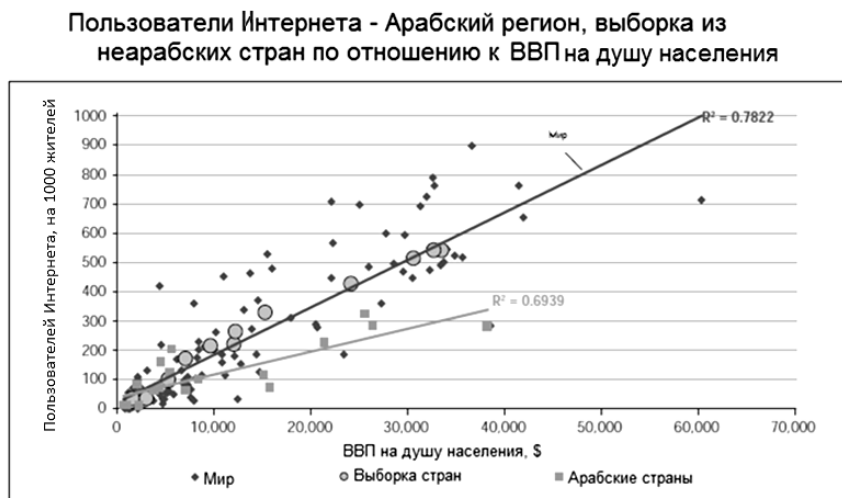
Источник: База данных Всемирного банка, http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp

Рисунок 3 иллюстрирует прямую зависимость между ростом числа пользователей Интернета и ростом ВВП на душу населения, как во всем мире в целом, так и в арабских странах в частности.

В кругах показаны данные средние по миру и средние по отдельным зонам (по ВНД на душу населения или по индексу человеческого развития, Human Development Index). Эти цифры позволяют предположить, что увеличение ВВП на душу населения в арабских странах не стимулирует использование Интернета в том же объеме, как это происходит в среднем в мире. Это, возможно, связано с тем, что цифровой контент на арабском языке не удовлетворяет потребности граждан и организаций. Стоит также отметить низкий уровень использования Интернета в различных фирмах и организациях. Только небольшое число школ имеет доступ к сети. Несмотря на то, что некоторые из

арабских стран находятся в верхней трети списка стран по различным показателям в области ИКТ, таким, как распространение мобильных телефонов, число компьютеров и стоимость доступа в Интернет — арабская страна с самым высоким уровнем использования Интернета предприятиями занимает только 33-е место⁶ по данному показателю.

РИСУНОК 3. Пользователи Интернета, с учетом ВВП на душу населения, 2011 г.

Источник: База данных Всемирного Банка. http://info.worldbank.org/odata/kam2/KAM_page5.asp

На сегодняшний день существует двойной разрыв в пропускной способности Интернета между самими арабскими странами, с одной стороны, и между ними и странами с доходом выше среднего, с другой (рис. 4).

В целом сети, обеспечивающие доступ к Интернет-услугам в арабских странах, по-прежнему низкого качества. Например, пользователи Интернета в ряде передовых стран, таких как США, Канада, Великобритания, Сингапур и Япония могут получить доступ к Интернету со скоростью, превышающей 1 млрд. килобит (кб) в секунду. Для сравнения, в большинстве арабских стран скорость соединения сетей Интернет — в основном в диапазоне от 128 кб до 1024 кб в секунду.

Стоимость доступа к Интернету зависит от характера использования Интернета, особенно в свете роста стоимости товаров первой необходимости и падения реальных доходов населения (рис. 5).

РИСУНОК 4. Пропускная способность Интернета, 2011 г.

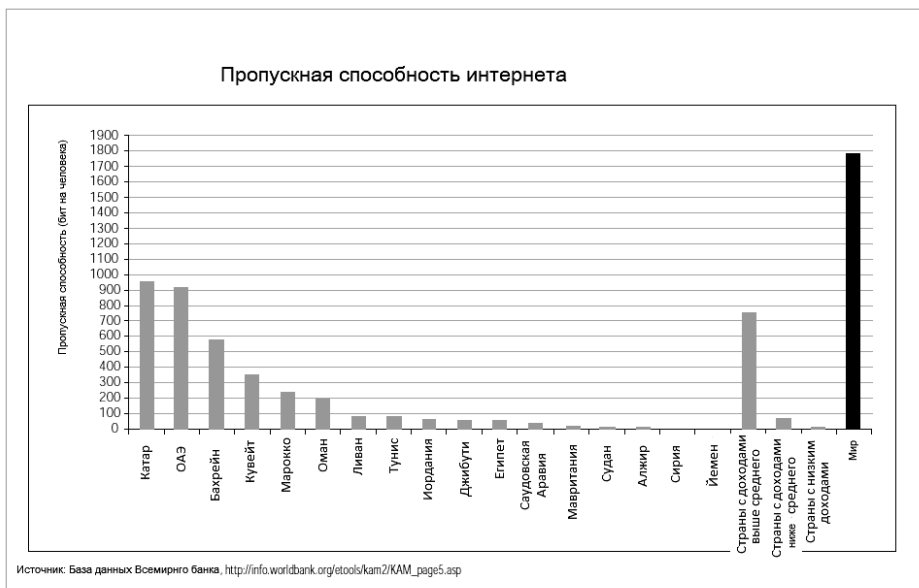
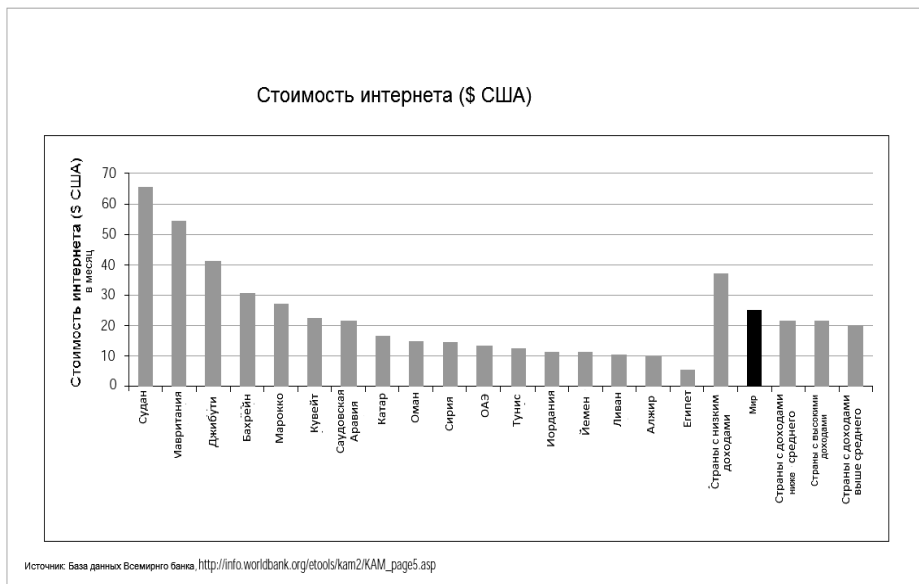

РИСУНОК 5. Стоимость доступа к сети Интернет, 2011 г.

Стоимость доступа к Интернету в большинстве арабских стран ниже, чем среднее значение для всех стран мира. Только три арабские страны — Судан, Мавритания и Джибути — имеют заметно более высокую стоимость, чем средние мировые показатели, и эти же страны, не достигли заметного прогресса в области ИКТ, даже по отношению к другим арабским странам. Самая низкая стоимость Интернета среди всего арабского региона — в Египте, она ниже, чем стоимость Интернета в развитых странах. Согласно последним данным, даже «арабская весна» не повлияла на стоимость доступа к сети Интернет. Также стоит отметить стоимость доступа к Интернету в Йемене, выгодно отличающую эту страну по сравнению с другими странами с низкими доходами. Стоимость доступа к Интернету в десяти арабских странах гораздо ниже, чем средняя стоимость в странах с доходом выше среднего. В шести арабских странах — Египте, Алжире, Ливане, Йемене, Иордании и Тунисе — эта стоимость составляет менее половины среднего мирового показателя.

Падение цен на доступ в сеть Интернет, особенно в странах с большим количеством населения, таких, как Египет, указывает на политику, поощряющую использование сетей Интернет. Как показали события 2011 г., политика Египта в этой области достигла определенных результатов — еще десять лет назад вывести людей на демонстрацию и скоординировать их действия через Интернет не представлялось возможным. В доказательство успешности данной политики можно отметить рост числа пользователей Интернета в Египте в частности и во всем арабском мире в целом (Табл. 2). Во всех арабских странах, по которым имеются данные, за исключением Катара и Ливана, наблюдается значительный рост числа пользователей Интернета на протяжении 2007–2008 гг. Возможно, падение показателя по Катару и Ливану связано с ошибкой в статистических данных, так как на 2008 г. в Ливане, например, данный показатель равен 239⁷.

В арабских странах необходимо принять ряд мер для развития и распространения Интернет-технологий. Следует уделять внимание развитию арабского контента и приобретению технологий, которые могли бы его обрабатывать. Необходимо также применять необычные подходы, которые сделают взаимодействие с компьютером легче для неграмотной части населения, не имеющего навыков работы с компьютером, при помощи использования сенсорных экранов и удобного программного обеспечения.

Неотъемлемой частью развития ИКТ становится распространение мобильных телефонов. Появившись в 1973 г., в 2000-е гг. это средство связи опередило персональные компьютеры по числу проданных устройств. Главной особенностью использования мобильных телефонов в арабском мире становится их применение просто как средства голосовой связи, не принимая во внимание того, что мобильный телефон может обеспечить выход в сеть Интернет. Но, как уже отмечалось выше, это связано с тем, что приблизительно 70% населения арабского региона не могут позволить себе приобрести телефон стандарта 3G. Именно этот стандарт обеспечивает возможность выхода в сеть. Постоянное падение стоимости сотовых телефо-

нов обеспечивает все большее распространение их среди населения. Функциональность аппаратов также возрастает, позволяя выполнять все большее количество действий непосредственно на самом устройстве, не прибегая к помощи компьютера. Такой рост позволяет производителям приложений для мобильных телефонов инвестировать в данную отрасль. Например, в арабских странах выпускается большое количество приложений, связанных с исламом, — расписание молитв и т. д. Примером сотрудничества арабского рынка и крупного производителя мобильных терминалов может служить Nokia N73 Special Edition⁸. Данная модель была разработана эксклюзивно для арабского региона и отличалась наличием специально предустановленного контента. От развития мобильной отрасли могут выиграть и арабские страны при инвестировании в область производства мобильного контента. Согласно исследованиям консалтинговой компании «Juniper Research»⁹, к концу 2015 г. объем мирового рынка приложений для мобильных телефонов практически удвоится и составит 11 млрд. долл. по сравнению с 6 млрд. в 2009 г. То есть, существует растущий рынок, достойное место на котором, при должном инвестировании, могут занять арабские программисты.

ТАБЛИЦА 2. *Количество пользователей Интернета на 1000 жителей*

Арабские страны	Количество пользователей Интернета на 1000 жителей, 2007
Иордания	290
ОАЭ	820
Бахрейн	820
Тунис	340
Алжир	130
Джибути	30
Саудовская Аравия	390
Судан	100
Сирия	190
Оман	430
Катар	280
Кувейт	390
Ливан	240
Египет	200
Марокко	320
Мавритания	20
Йемен	20

Источник: База Данных World Bank (Knowledge Assessment Methodology/KAM), http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page3.asp по данным на январь 2012.

ТАБЛИЦА 3. Распространение мобильной связи, 2009–2010 гг.

Страна/Регион	Количество сим-карт на 100 жителей, 2010	Процент населения, живущего в зоне покрытия сотовых сетей, %, 2009	Средний расход абонента по предоплатной системе расчета, долл. в месяц, 2009	ВВП на душу населения по ППС, 2010
Арабские страны				
Бахрейн	124	100	..	25799**
ОАЭ	145	100	4,1	47215
Саудовская Аравия	188	98,7	7,4	22713
Катар	132	100	8,6	80943*
Кувейт	161	100	7,8	
Оман	166	96,5	6,2	26790*
Тунис	105	100	7,2	9550
Иордания	109	99	5,7	5749
Алжир	92	81,5	6,3	8384
Марокко	100	98	22,2	4712
Ливан	68	95	15,8	14067
Ливия	78*	70,7	..	16987*
Сирия	57	97	7,6	5285
Судан	41	66**	3,4	2256
Египет	87	99,6	4,1	6179*
Мавритания	79	62	9,9	1944
Джибути	19	..	..	2308*
Йемен	46	68**	4,8	2506*
Соседние страны и страны для сравнения				
Иран	91	95	3,6	11569*
Турция	85	100	23,9	15320
Израиль	129	100	13,8	28546
Малайзия	121	95	4,9	14730
Индия	64	83	1,4	3582
Китай	64	99,5	3,7	7598
Россия	168	95	5,8	19840
Страны с высоким ВНД на душу населения				
Дания	125	..	6,5	39489
Швеция	113	99	14,8	39029
Финляндия	156	99,5	13,4	36651
Германия	128	99	9,5	37260
Канада	70	99	17,7	38988
США	90	99,6	15,3	47198
Великобритания	129	99,9	16,5	35903
Регионы мира				

Ближний Восток и Северная Африка	97	93	6,3	10544
Восточная Азия и Океания	76	93	3,7	9715
Европа и Центральная Азия	122	91	7,6	24334
Латинская Америка	98	92	8,8	11415
Южная Азия	61	61	1,2	3229
Группы стран по уровню ВНД на душу населения				
Страны с высоким уровнем ВНД/душу нас.	109	99	14,8	37290
Страны с доходом выше среднего	84	94	8,8	10060
Страны с доходом ниже среднего	73	77	7,1	3648
Страны с низким уровнем доходов	33	53	8	1279
Мир в целом	79	80	8,7	11204

*2009 **2008

Источник: *International Telecommunication Union, The World Telecommunication/ICT Indicators Database 2010*, База Данных Мирового Банка 2011 г.

По уровню распространения мобильных телефонов арабские страны можно разделить на две группы. Первая из них — это страны с большим количеством подключений на 100 жителей и высокой долей населения, живущего в зоне покрытия сотовых сетей. К этой группе относятся все арабские страны, за исключением Йемена, Джибути, Судана и Мавритании. Если в первой группе показатель распространенности мобильных телефонов близок к таким же показателям по развитым странам, то во второй группе наблюдается обратная ситуация. По данным показателям четыре арабских государства близки к государствам с низким уровнем доходов. Примечательно, что арабские страны при одинаковом уровне ВВП на душу населения с другими странами имеют меньшее распространение мобильных телефонов. Однако, учитывая большой процент молодого населения, можно сказать, что в ближайшие годы данный разрыв будет сходить на нет, так как молодежь является основным потребителем мобильных технологий. Средний расход абонента по предоплатной системе расчета находится примерно на среднемировом уровне. Это показывает, что развитие данной отрасли в арабском регионе находится в русле общемировых тенденций.

Рассматривать информационно-коммуникационные технологии нельзя в отрыве от языковой среды, в которой они функционируют. Ведь Интернет — важнейшее достижение ИКТ — это прежде всего текстовая информация в сети на определенном языке. Все наполнение сети Интернет принято определять как контент. Под ним понимают собственно наполнение сайта в сети. В более узком смысле слова контент — это различные материалы в Ин-

тернете: в основном тексты, а также картинки и музыка. Самые характерные примеры контент-сайтов — Интернет-СМИ, библиотеки, т. е. подборки текстов, видео и прочее. Создание контента на местном языке — это залог успеха распространения информационных сетей, так большой процент населения региона не знает других языков, кроме родного. Другими словами, при отсутствии контента на арабском языке часть населения не может пользоваться Интернетом, независимо от подготовленности сетей. Производство цифрового контента также создает множество возможностей для диверсификации экономики и сокращения разрыва в знаниях между различными странами. Однако уровень создания контента на арабском языке достаточно низок, несмотря на перспективы внутреннего рынка, а также наличие многочисленных диаспор по всему миру, говорящих на арабском.

Текущее положение дел не способствует решению данного вопроса из-за отсутствия стратегии, а также наличия целого ряда сдерживающих факторов, таких как отсутствие кадров, специализирующихся на производстве контента, нехватка ресурсов, крайне ограниченное сотрудничество с развитыми странами в этой области, малое количество исследований и разработок, программ, связанных с техническими трудностями, и других проблем, которые препятствуют производству контента. Присутствие арабского языка в Интернете все еще остается достаточно ограниченным по сравнению с другими языками.

Производство и распределение материалов на арабском языке сталкивается с многочисленными и разнообразными препятствиями, которые становятся все более значительными с развитием сети Интернет. Все это происходит из-за того, что распределение арабского цифрового контента в Интернете требует серьезной адаптации доступных технологий, чтобы сделать их совместимыми с арабским языком. Технические решения должны быть найдены по вопросам, которые делятся на две группы, первая связана с самим арабским языком, а вторая с подготовкой материалов на арабском языке для углубленной обработки. Примером первой группы вопросов является технология распознавания арабских символов. Вторая группа содержит проверку орфографии и грамматику. Разработать программное обеспечение, необходимое для выполнения этих задач, крайне сложно. Автоматизированная проверка грамматики, например, должна обрабатывать сложные моменты, связанные с чрезмерной длиной и гибким порядком слов в арабских предложениях, в отличие от строгого порядка слов в английском и некоторых других европейских языках. Некоторые трудности связаны с отсутствием стандартной системы знаков препинания и необходимостью для проверки грамматики последовательной системы анализа предложений в качестве основы для проверки ошибок. Подготовка арабского языка для более глубокой переработки, например, подготовка к индексации поиска, требует разработки программного обеспечения, которое позволяет сделать либо морфологический анализ, либо автоматические огласовки и автоматизированный анализ. Системы для машинного разбора

арабского предложения считаются ключевым требованием для арабского языка, чтобы догнать второе поколение приложений естественной обработки языка. К ним относятся системы для машинного понимания и описание структурного анализа языка. Обсуждение арабского языка не ограничивается обобщением и унификацией технических терминов среди групп лиц, работающих в сфере ИКТ, но включает в себя все, что связано с арабским языком — обработку текстов, методы и инструменты для практической работы, ввод и вывод информации. Что касается ввода и вывода информации, арабские страны так и не смогли, еще с начала 1960-х гг., создать единую кодировку для букв арабского языка и символов, хотя эта кодировка всего лишь дает компьютеру понять арабский язык. Чрезмерное внимание к шрифтам, которые сильно варьируются от одного сайта к другому, в ущерб вниманию к языковому содержанию текста и отказ создать сбалансированное взаимодействие между языком и технологией привели к отсталости в области машинной обработки арабского текста. Кроме того задержки в создании единого стандарта для арабских букв и огласовок считаются одной из причин недостаточного развития исследований, связанных с языком, в том числе программ, относящихся к лингвистике, проверке подлинности и поиску информации. В результате, поиск информации на арабском языке с использованием ключевых слов выполняется гораздо хуже, чем для других языков. Все эти вопросы становятся ключевыми для роста ИКТ в регионе и для дальнейшего производства контента на арабском языке.

На данном этапе арабские страны сильно пострадали от отсутствия общих стратегий по развитию наполнения сети, контента, и, как результат, попытки производства арабского контента у разных арабских стран имеют между собой глубокие противоречия, которые связаны с отсутствием кадров, ресурсов, недостаточным сотрудничеством, слабостью исследований и разработок программ, направленных на преодоление технических препятствий, с которыми сталкиваются различные виды производства контента, в частности, цифрового.

Для успешного развития любой цивилизации в начале XXI в. необходима технологическая поддержка, но это не принесет необходимых результатов, если остановиться только на этом. В первую очередь, требуются конкретные политические решения. Необходимы усилия, направленные на расширение знаний, одного из главнейших факторов формирования постиндустриального общества, при помощи использования современных технологий. Надо стремиться к сокращению технологического разрыва между странами. Однако ничего из этого не приведет к искомому результату, если, с другой стороны, это все не связано с разработкой конкретных проектов, которые строят, дополняют и поддерживают компоненты экономики и современного общества. Таким странам, как Финляндия, Ирландия, Норвегия, Малайзия и Южная Корея, удалось использовать достижения ИКТ и получить от этого значительный выигрыш. Они добились такого успеха с помощью национальных и отраслевых стратегий и инициатив, направлен-

ных на обеспечение качественных и комплексных преобразований своих собственных возможностей, а не прибегали к постепенному улучшению своих возможностей в разрозненных направлениях, как это происходит в арабском регионе.

Особенностью же развития информационно-коммуникационного сектора в арабских странах стали недостаточность инвестиций и разрозненность действий отдельных групп заинтересованных сторон. Это тормозит развитие ИКТ в регионе, однако этот процесс все равно имеет место и будет происходить вне зависимости от региональных воздействий, так как мировая конъюнктура способствует повсеместному разворачиванию ИКТ.

Анализируя состояние информационно-коммуникационных технологий в арабском регионе, можно выделить достаточно успешное разворачивание компьютерных технологий в последнее десятилетие. Выгодно в этом отношении отличаются страны ССАГПЗ, где благодаря нефтедолларам ИКТ стали одним из направлений развития. Некоторые страны Совета сотрудничества стали лидерами по показателям ИКТ на мировой арене. Согласно последним исследованиям, Бахрейн, ОАЭ и Саудовская Аравия показывают крайне высокую степень разворачивания систем ИКТ.

Однако несмотря на достаточно успешное развитие ИКТ в некоторых странах региона, особую роль в информационно-коммуникационных технологиях играют не только количественные показатели, но и качество наполнения контента. Здесь Арабский мир как единое целое сталкивается с проблемой нехватки контента на арабском языке. Для многих жителей региона останавливающим фактором при использовании ИКТ становится не только цена услуг и устройств, но и ограниченная возможность их применения. Это происходит из-за того, что арабские компании не в состоянии представить продукт, отвечающий современным стандартам. Развитие ИКТ на данном этапе происходит исключительно за счет зарубежных технологий. Крупные ТНК, в свою очередь, не используют полностью потенциал региона, так как на мировой арене существуют более привлекательные рынки для инвестирования в производство товаров и услуг сферы ИКТ. Арабский регион сталкивается с тем, что для успешного разворачивания ИКТ необходимо разрабатывать политику и поощрять местный бизнес. На данном этапе развития ИКТ заметны разрозненные усилия отдельных компаний и стран в области информационно-коммуникационных технологий. Данные проекты, несмотря на всю их перспективность, например, в здравоохранении, образовании и других областях, по-прежнему уступают иностранным аналогам. Они не смогут выйти на тот уровень, который предлагают конкуренты, без межрегионального сотрудничества, которое могло бы резко ускорить развитие ИКТ во всех областях в регионе.

Принося с собой много полезного, новые ИКТ усложняют мир настолько, что государства не имеют возможность регулировать данный процесс. Это стало особенно очевидным после событий «арабской весны» 2011 г., когда молодежь смогла сорганизоваться и выйти на площадь Тахрир в Каи-

ре. События такого рода оказались возможными только благодаря распространению Интернета в арабских государствах. Выход в сеть возможен с двух устройств: с компьютера и мобильного телефона. На данном этапе в связи с недостаточным числом устройств с поддержкой 3G и их относительной дороговизной, мобильный телефон пока еще не играет такой большой роли при выходе в Интернет в арабских странах, как в развитых странах. Однако, надо учитывать, что из-за крайне быстрой динамики распространения ИКТ, данная ситуация может значительно измениться в течение нескольких лет. Необходимы значительные инвестиции в область ИКТ на межарабском уровне для развития этих технологий. Возникает и вопрос, смогут ли арабские страны развить свои успешные и конкурентоспособные проекты в области ИКТ, или они будут вынуждены применять иностранные аналоги.

В условиях глобализации наличие ИКТ стало ключевым требованием для управления различными аспектами развития. Их использование в арабском регионе приведет к сокращению ресурсов, необходимых для создания научно-технического потенциала, и позволит использовать множество других технологий в различных отраслях производства путем снижения стоимости товаров и услуг. Эта тенденция будет продолжаться и даже ускорится. Однако владение этими технологиями ограниченными слоями общества не будет достаточным для реализации преимуществ глобализации, оно, скорее, будет вызывать углубление фрагментации общества, нищеты, невежества и экстремизма. По этой причине проекты национального развития должны укреплять роль знаний так, чтобы все слои общества выигрывали от этого. Партнерство частного сектора, государственного сектора и гражданских организаций должно сыграть основную роль в решении этих задач.

При планировании конкретных инициатив и проектов важно принимать во внимание все более короткие сроки для внедрения научных открытий. Железнодорожному сообщению потребовалось 120 лет для того, чтобы распространиться по всему миру, в то время как уровень проникновения мобильной связи достиг 80% от общей численности населения некоторых стран в течение всего четырех лет. Ожидаемое развитие технологий, будь то на уровне процессоров, компьютеров, сетей или сетевых технологий, будет открывать редкие возможности для приобретения и распространения знаний для построения постиндустриального общества.

В заключение, стоит отметить один из главнейших вопросов. Приведут ли нынешние и будущие технологии к снижению статуса арабской культурной самобытности? Или они предоставляют возможности, которые позволят ей сохраниться и укрепить свои позиции на карте человеческой цивилизации? Положительный ответ на данный вопрос зависит от цифрового присутствия арабских стран и их граждан в сети, как сегодня, так и завтра. Когда арабские университеты, например, будут предлагать свои образовательные услуги в электронной форме, когда высокого уровня развития достигнет коммуникационная инфраструктура, предназначенная для соответ-

ствия с мультимедийными приложениями, когда все слои общества будут иметь доступ через все платформы к арабской культуре, по всей вероятности, народы арабских стран смогут сохранить свою самобытную сущность или даже усилить ее роль, что обеспечит возможности для общения, инноваций и прогресса в долгосрочной перспективе. Применение ИКТ, как ожидается, вызовет глубокие и широкие социальные и экономические последствия. Однако характер и масштабы этих эффектов будут зависеть от усилий, предпринимаемых сторонами для создания и поддержки различных видов и моделей материалов на арабском языке. Если правительства и другие заинтересованные стороны не в состоянии генерировать и распространять знания и умения, содержание которых тесно связано с социальными и экономическими аспектами, культурными структурами, и ожиданиями граждан, то вполне вероятно, что большинство из этих эффектов ИКТ будут иметь негативные последствия. Возможности, открываемые с новыми технологиями, сопровождаются рисками, некоторые из них стали очевидными после событий «арабской весны» 2011 г. Только все вместе арабские государства и заинтересованные стороны смогут направить достижения ускоренной технологической эволюции в направлении всеобъемлющего, сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития на благо арабского региона. Только тогда арабские страны смогут рассчитывать на будущее, в котором новая технология будет играть роль в реагировании на кризисы региона и способствовать развитию и построению современного постиндустриального общества.

¹ В соответствии с большинством из доступных индикаторов, согласно the World Bank report on Knowledge Assessment Methodology (2008).

² The Global Information Technology Report 2010–2011. World Economic Forum. Geneva, 2011. P. 366.

³ Согласно ЭСКЗА (Экономической и социальной комиссии для Западной Азии). 2008.

⁴ По данным сайта Мирового Банка // info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp.

⁵ http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp.

⁶ The Global Information Technology Report 2010–2011. P. 380.

⁷ www.internetworldstats.com/me/lb.htm.

⁸ www.ameinfo.com/129711.html.

⁹ БИКИ. 15.01.2011.

Этноконфессиональные проблемы современности

Бибикова О.П.

Ислам и мусульмане в Австрийской республике

Республика Австрия появилась на карте мира только в 1918 г., после того как народы, входящие в состав Габсбургской Австро-Венгерской империи, обрели независимость. Луи Джеймс, автор книги «Эти странные австрийцы», цитирует остроумное высказывание бывшего премьер-министра Франции Жоржа Клемансо: «L'Autriche, c'est ce qui reste», т. е. «Австрия — это то, что осталось»¹. В начале XX в. Австро-Венгрия была крупнейшим многонациональным государством Центральной Европы. Действительно в Австрии проживает огромное число людей, родители или предки которых являются выходцами из центральной и южной Европы. До сих пор среди австрийцев популярны выражения, которые намекают на происхождение австрийцев, например: «Ты не австриец, если твоя бабушка не чешка» и т.д.

В 1912 г. при императоре Франце Иосифе в результате аннексии Австрией Боснии и Герцоговины Австро-Венгрия пополнилась населением, исповедующим ислам². Тогда же был принят закон, признающий ислам как одну из австро-венгерских конфессий. Первоначально закон касался лишь последователей ханафитского мазхаба — одной из четырех основных правовых школ суннитского ислама. Позже положения закона были расширены и охватывали также последователей других направлений суннитского и шиитского ислама, во всей полноте представленных сегодня в мусульманской общине Австрии. Еще в 1878 г. в Вене была построена первая мечеть для мусульман, призванных на военную службу. При императоре Франце Иосифе I в 1873 г. был назначен муфтий. Закон, признающий ислам, принятый при Габсбургах, в Австрии называют символом толерантности. Он дает мусульманам те же самые права, что и верующим других официально признанных в стране конфессий — католикам, лютеранам, иудеям и буддистам. Со своей стороны руководители австрийских мусульманских общин говорят о за-

коне как об уникальном акте. Он гарантирует им всесторонние права, включая религиозное образование в государственных школах.

Тем не менее, за последние годы в стране распространяются недоверие и даже ксенофобия по отношению к мусульманам. Так, по итогам опроса, проведенного Институтом общественного мнения IMAS, 54% жителей Австрии видят в исламе угрозу для себя, а почти три четверти не верят в возможность интеграции мусульман в австрийское общество³. Такое мнение формируется под влиянием публикаций ультраправых сил в европейских СМИ, а также событий 11 сентября.

Следует отметить, что фактически показатели криминальной статистики среди мусульман Австрии достаточно низкие⁴. Одновременно обращает на себя внимание возросшая активность ультраправых сил. Согласно Отчету по защите конституции Австрии (RPCA), только в 2010 г. имели место 1040 эпизодов экстремистских выступлений, организованных ультраправыми, что на 31% выше показателей 2009 г.⁵

Австрия всегда была многонациональным государством. Еще в 1919 г. был подписан указ о защите прав этнических меньшинств. После Второй мировой войны в стране проживало 20 тыс. хорватов, 5 тыс. венгров, 6 тыс. чехов и около 1 тыс. словаков, 15–20 тыс. словенцев, 5 тыс. цыган⁶. Такая этническая пестрота способствовала выработке определенных черт характера австрийцев. Исследователи того периода отмечали определенный комплекс неполноценности, связанный с личностью Гитлера и участием Австрии в войне на стороне Германии. Современные этнопсихологи отмечают, что австрийцы представляют собой нацию, среднее и старшее поколение которой воспитано в духе принадлежности к высшей расе. Тем не менее, уже в 1951 г. в стране была создана Ассоциация австрийских мусульман⁷.

Сегодня в Вене находится штаб-квартира ОПЕК⁸, на заседания которой съезжаются высокопоставленные чиновники из разных стран. В этот период Вена приобретает восточный колорит.

По официальным данным, ныне в Австрии проживает более миллиона иммигрантов, что составляет примерно 12% населения. Почти 400 тыс. из них — мусульмане. Большая часть этих людей — это новый низший класс, не имеющий нормальных возможностей для развития, с низким уровнем образования, проживающий в мало пригодных для жилья условиях. Тем не менее, этот низший класс конкурирует с коренными австрийцами, также имеющими низкий доход и минимальное образование, за все более дефицитные рабочие места и социальные пособия. Коренное население раздражает то, что большая часть иммигрантов ведут нестандартный, по австрийским меркам, образ жизни. Иммигранты, как правило, молоды, в то время как средний возраст австрийцев значительно выше. Кроме того, у иммигрантов (как и повсюду в Европе) высокая рождаемость, а демографическая ситуация в Австрии вызывает беспокойство. С конца 1970-х гг. в стране наблюдается серьезное падение рождаемости. Впрочем, рождаемость стала сокращаться сразу после войны, что объяснялось трудным материальным

положением большинства австрийского населения в этот период. Тогда же закрепились модель малодетной семьи. Небольшой естественный прирост сохраняется в менее развитых западных альпийских землях и в сельской местности. Австрийские демографы считают, что численность населения в ближайшие годы существенно не изменится, но очевидно, что сократится доля молодых возрастов при одновременном повышении доли пожилых (средняя продолжительность жизни в 1990 г. достигла 75 лет). В результате стране грозит уменьшение трудовых ресурсов.

На рубеже 1950-х и 1960-х годов в Австрию эмигрировали около 1,3 млн. человек. Это означает, что практически каждый шестой гражданин страны был рожден вне Австрии. Множество людей получили австрийское гражданство и вместе с ним — все гражданские права, например, такие как активное или пассивное выборное право. Около 70% из 800 000 живущих в Австрии иностранцев находятся здесь уже более 10 лет. В Вене 35% граждан — это иммигранты. Каждый четвертый ребенок в начальных школах по всей Австрии из семьи так называемых переселенцев.

В 1962 г. Австрия, по примеру Германии, прибегла к найму рабочей силы за границей. Было разработано специальное иммиграционное законодательство, в основу которого было положено «Постановление об иностранной рабочей силе» от 23 января 1933 г. Оно было перенято Австрией у соседней Германии еще в условиях аншлюса и адаптировано в 1945 г. Первые договора о найме рабочей силы были подписаны с Югославией и Турцией (1964). Причем уже скоро в эти соглашения были внесены поправки о ротации — то есть удлинении срока найма иностранного рабочего. После экономического кризиса 1973 г. уже в следующем году был принят Закон об использовании труда иностранцев. Причем был определен возможный максимум — 250 тыс. человек. Однако уже 1 марта 1974 г. правительство приняло дополнительное постановление, согласно которому предлагалось заморозить численность иностранных рабочих по уровню ноября 1973 г. В 1975 г. были разработаны меры по сохранению рабочих мест для коренного населения за счет сокращения иммиграции.

Следует отметить, что законы, регулировавшие пребывание иностранных рабочих в Австрии в тот период, не защищали их от дискриминации в оплате труда, хотя изначально речь шла о равноправии с австрийскими рабочими. В действительности права иностранных рабочих повсеместно ущемлялись.

В 1981 г. была разработана директива «По стабилизации использования труда иностранцев», которая предлагала австрийским землям рассмотреть самостоятельно вопрос об использовании иностранной рабочей силы с целью ее сокращения. Одновременно были ужесточены процедуры вербовки и найма иностранных рабочих. Было решено, что максимум иностранных рабочих в стране должен составить 60% от уровня 1981 г. В Программе занятости 1983 г. впервые было сказано о необходимости учета социально-гуманитарных аспектов пребывания иностранной рабочей силы в Австрии.

К 1980 г. сокращение иностранной рабочей силы (по сравнению с 1974 г.) составило 147,4 тыс. человек. Среди принятых мер была и депортация иностранцев на Родину. В частности, было отправлено 32, 6. тыс. турок⁹.

Австрийцы чрезвычайно дорожат своей нынешней стабильностью и стремятся сохранять хорошие отношения с соседями, руководствуясь практическими соображениями. Они экономны, и поэтому они нередко едут в Италию, чтобы купить лекарство, или в Венгрию к дантисту. Так что внешнее благополучие, которым славятся австрийцы, дается им не без усилий. Это обстоятельство объясняет, почему столь пристально жители Австрии следят за поведением иностранцев — беженцев, особенно за поведением представителей мусульманских стран, чей образ жизни заметно отличается от европейского.

На рубеже XX и XXI вв. Австрия пополнилась беженцами из стран Восточной и Центральной Европы. Как известно, конец 1980-х гг. ознаменовал собой изменение внутривосточной ситуации во всей Восточной Европе. Переход бывших социалистических стран к структурному реформированию своих экономик на пути к капитализму, привел к определенному снижению уровня жизни и росту уровня безработицы, что было связано с сокращением занятости в промышленном секторе. Широкомасштабная война, связанная с распадом СФРЮ, и утрата существовавших в социалистический период торгово-экономических связей между соцстранами, как источника постоянной экономической помощи в виде дешевых кредитов и энергоносителей, а также как рынка сбыта продукции — все это отразилось на уровне жизни населения. Таковы основные причины современной трудовой миграции из стран бывшего социалистического лагеря. Следует отметить, что на протяжении всех 20 лет после распада социалистической системы главной страной миграции для этих стран была Германия (64,4% от всех эмигрантов из стран Юго-Восточной Европы), несмотря даже на то, что, начиная с конца 1980-х гг., страна ужесточила свое миграционное законодательство. В первую тройку стран, представляющих интерес для восточноевропейских эмигрантов (наряду с Германией), входят Швейцария и Австрия, эти три страны принимают 76,9% всех мигрантов. В ходе беспрецедентного расширения Европейского Союза: на 10 стран — в мае 2004 г., и еще на 2 страны — в январе 2007 г., (т. н. «балканское расширение», когда в ЕС вступили Болгария и Румыния) значительно упростилась процедура въезда в страны «Старой Европы». Для ряда стран первой волны расширения ЕС был установлен переходный период продолжительностью в семь лет. Тогда, в 2004 г. свои рынки труда полностью открыли только Ирландия, Швеция и Великобритания. Австрия и Германия же, напротив, упростив процедуры, приняли решение сохранить меры адаптационного периода для «новичков» вплоть до 2011 г. с возможностью последующего продления срока¹⁰. Согласно официальным данным 2002 г. примерно 12,1% эмигрантов из стран Восточной Европы эмигрировало в Австрию¹¹. Среди них были люди, принадлежащие к разным конфессиям, в том числе и мусульмане.

Сегодня мусульманское население Австрии насчитывает более 400 тыс. человек¹². Из них, по мнению ходжат уль-ислама Махмуда Монтазери, ру-

ководителя венского исламского центра имени Имама Али, «в Австрии проживает 70–100 тыс. мусульман шиитского течения.... В этой стране функционирует около 250 мечетей, молельных домов и исламских центров. 49% австрийских мусульман имеют гражданство этой страны»¹³. Самая большая столичная мечеть расположена в 21-м районе Вены¹⁴, на острове. Это великолепное здание с 32-метровым минаретом вместе с богатейшей библиотекой и школой чтецов Корана принадлежит Исламскому Центру Вены, который был построен в 1979 г. Как и повсюду в Европе, большинство исламских культовых зданий внешне не имеет атрибутов мечети. В Австрии только две мечети (в том числе венская) обладают традиционными минаретами. Остальные расположились в обычных зданиях, арендованных специально для культовых мероприятий. В городах Австрии, где есть молельные здания, функционируют 17 этно-конфессиональных сообществ из Турции, Чечни и Афганистана. Среди них есть как умеренные, так и радикальные группы. Усилиями боснийских мусульман была построена мечеть на улице Херготвизгассе во втором по величине австрийском городе Грац, которая обошлась им в 12 млн. долл., строительство которой, по мнению начальника полиции Граца, «без поддержки зарубежных мусульманских организаций не обошлось»¹⁵.

Мусульманское сообщество Австрии представлено несколькими мусульманскими ассоциациями, объединяющими мусульман единого этнического происхождения. Среди наиболее крупных организаций «Исламское религиозное управление» во главе с Омаром Рави, представляющим в австрийском парламенте оппозиционную партию Социалистов. Одной из наиболее заметных является боснийская община, которая еще в 1962 г. организовала Исламский Центр социального обслуживания, помогающий соотечественникам решать социальные вопросы. Не менее активны студенческие ассоциации, объединяющие студентов из Ирана, а также организации, членами которых являются рабочие из Турции, африканских и других стран. Иммигранты-шииты имеют несколько ассоциаций, в зависимости от страны исхода. Так, шииты турецкого происхождения объединены в алевитское сообщество. Свои национально-религиозные объединения имеют турецкие и иракские курды, а также последователи турецкого богослова Бадиуззамана Саида Нурси (ум. в 1960). Существуют женские и молодежные организации. Известно, что в некоторых общинах пользуются популярностью идеи ваххабизма. Ряд мечетей контролируются влиятельной турецкой националистической организацией «Милли герюш» («Национальный взгляд»).

В 1979 г. была предпринята попытка создать центральный орган, который мог бы представлять интересы всех мусульман. Этой организацией стал Исполнительный комитет мусульман. Однако единению мешает этническая разобщенность мусульманских объединений.

Мусульманские организации предпринимают шаги для того, чтобы упростить процесс интеграции подрастающего поколения. Исламская комиссия Австрии предложила пересмотреть процесс обучения в государ-

ственных школах, с тем, чтобы, чтобы школьная программа государственных школ способствовала взаимопониманию и мирному сосуществованию представителей разных культур. Исламская комиссия Австрии подготовила школьные учебники для мусульман в рамках программы «Обучение во имя мира». Целью написания учебников было воспитать подрастающее поколение мусульман в духе мирного сосуществования разных культур и упростить процесс интеграции в общественную жизнь подростков-мусульман в современных условиях. Член Исламской комиссии Австрии, глава Исламского религиозного управления Австрии Анас аш-Шакфа призвал средства массовой информации к «беспристрастному освещению жизни мусульман, что особенно актуально сейчас, когда образ ислама часто искажается или подается только негативно». Аш-Шакфа сообщил, что содержание книг, которые подготовлены его комиссией, тщательно выверено в этом отношении и в них не содержится каких-либо фундаменталистских идей. Однако он добавил, что не может ручаться за все частные школы, связанные с мусульманскими странами¹⁶.

В 1998 г. в Вене начали функционировать Исламская академия, спустя два года — Мусульманский институт «Аль-Азхар», в задачи которых входит оказание помощи мусульманам в их духовных нуждах. Стараниями этих организаций 4 декабря 2012 г. в Австрии (уже во 2-й раз) прошёл фестиваль «Долгая ночь мечетей». 11 мечетей в Вене и Нижней Австрии открыли свои двери для всех желающих ближе познакомиться с исламом и мусульманской культурой. Были организованы дискуссии по проблемам ислама, речь шла о положении женщины в исламе, о подготовке имамов в Австрии, джихаде как священной войне, об отношениях государства и религии, о проблемах интеграции и идентичности, а также об исламофобии.

Следует отметить большую роль католической общественности, которая стремится наладить диалог между представителями различных конфессий, с тем, чтобы сохранить стабильность в стране. В частности, по инициативе руководства католической общины в Австрии в последние годы регулярно проводится дискуссия между представителями католической и мусульманской общин по вопросам веры. В частности в начале 2012 г. в монастыре Шлэгл (Верхняя Австрия) прошла дискуссия на тему: «Ислам — Христианство: мы верим в одного и того же Бога? Что нас объединяет и что разделяет?». Оппонентами в дискуссии выступили Вольфганг Палавер, католический теолог и глава Института систематической теологии при университете Инсбрука, и Мусса Аль-Хассан, представитель мусульманской общины Верхней Австрии, преподаватель ислама в университете Оснабрюк (в германской земле Нижняя Саксония)¹⁷. Участники дискуссии согласились, что христиане и мусульмане верят в одного Бога. Аль-Хассан напомнил, что арабоязычные христиане, живущие в Сирии и Ливане, как и мусульмане, называют Бога «Аллах». Ученый отметил, что в Коране есть разделы, содержание которые имеет много общего со священной историей иудеев и христиан, что «подчеркивает связь между нашими религиями». Например, в одном месте говорится, что «синагоги, монастыри и отшель-

нические скиты должно особо защищать». Наиболее важными пунктами вероучения ислама являются признание «уникальности и единства Бога», признание Бога как «Творца всего сущего». Католический теолог Вольфганг Палавер процитировал слова Иоанна Павла II: «Ваш и наш Бог есть один и тот же Бог, мы — братья и сестры по вере Авраама». По его мнению, разница между христианством и исламом заключается прежде всего «в различных толкованиях событий», в частности, он указал на отвержение мусульманами Распятия Иисуса. Как одно из отличий двух религий была названа «любовь к врагам», которая является одной из главных составляющих христианской этики, но не отражена в исламе¹⁸.

Австрия уделяет особое внимание развитию исламского образования на немецком языке для мусульман — жителей страны, составляющих 6,9% населения, что является самым высоким показателем среди западноевропейских государств. В стране функционируют Исламская педагогическая академия и кафедра исламского религиозного образования при Венском университете. Обучение основам религии детей из мусульманских семей проходит во всех государственных школах, в рамках предмета по изучению религий. Правительство также ежегодно тратит 4 млн. евро на подготовку имамов, обучающихся исламу¹⁹.

По примеру других европейских стран в Австрии было решено создать специальный факультет для подготовки имамов для австрийских мусульман²⁰. Факультет исламской теологии должен стать частью старейшего и крупнейшего на всем немецкоязычном пространстве Венского университета. Факультет должен быть открыт в 2015 г. Главная проблема при его организации — подбор квалифицированных преподавателей, уровень подготовки которых соответствовал бы местным стандартам качества университетского преподавания и научных исследований. Руководство университета объявило о своем намерении набрать преподавателей из разных этнических общин, исповедующих ислам. До недавнего времени все имамы, работавшие в Австрии, были присланы из Турции. Для того чтобы работать в Европе, они прошли специальный курс подготовки при МИД Турции. Однако австрийские власти решили отказаться от услуг турецких имамов. Кроме того, на первое время они решили пригласить несколько преподавателей ислама из Германии. Дело в том, что 2012 г. в Тюбингенском университете²¹ открылся факультет исламской теологии²².

В 2011 г. в крупнейшей в Вене мечети было организовано большое мероприятие с участием примерно 5 тыс. человек по случаю окончания мусульманского праздника Ид аль-Фитр. На нем выступил президент Австрии Хайнц Фишер, который сказал: «В Австрии ислам — одна из главных религий, более того, его влияние возрастает». Президент призвал соотечественников не подвергать живущих в стране мусульман дискриминации, подчеркнув, что живущие в Австрии мусульмане, в свою очередь, должны уважать законы этой страны. Президент отметил, что Австрия придерживается принципа отделения религии от государства, однако это отнюдь не означает, что Австрия и ислам

чужды друг другу. В ответном выступлении глава общества мусульман Австрии призвал всех присутствующих приложить силы к тому, чтобы «покончить с враждой и протянуть руку дружбы друг к другу»²³.

Австрийские власти строго следят за тем, чтобы права представителей различных верований не ущемлялись. Так, министерство обороны при участии венских мусульманских организаций ежегодно проводит *ифтар* — праздник разговения для своих солдат. Это редкий случай, когда в армии учитываются интересы солдат-мусульман. А их число в австрийской армии с каждым годом увеличивается. Празднество обычно устраивается на Уппенплатц, одной из центральных площадей Вены, причем к разговляющимся может присоединиться каждый прохожий. Меню учитывает диетарные законы мусульман, но блюда обычно местные: гуляш (из говядины), картофельный салат и штрудель. Среди солдат есть не только призванные на службу по возрасту, но и контрактники (что можно объяснить высокой безработицей среди молодых мусульман). Естественно, что совместное разговение создает дружескую атмосферу и повышает патриотические чувства австрийских мусульман. Кроме того, заставляет простых венцев больше узнать о мусульманских традициях.

Подобные праздники устраивает и крупнейший австрийский банк Райфайзенбанк. Для этого приглашаются клиенты-мусульмане на ужин, который проходит в известном ресторане Кент. Разговение начинают, как и полагается, — водой, финиками и оливами. Затем следует пестрое меню, в котором представлены как блюда восточной кухни, так и традиционные венские кушанья, приготовленные из дозволенной (халяльной) продукции.

Характерно, что среди руководителей этого банка есть мусульмане. Например, Фатма Кемран, директор одного из филиалов Райфайзенбанка. Она — одна из инициаторов этого мероприятия, в котором она видит возможность рассказать коллегам об исламских обычаях. Ныне многие австрийские компании регулярно приглашают своих клиентов-мусульман в рестораны на ифтар. Характерно, что приближение праздника ощущают практически все венцы, так как в городе организуют специальные базары, где можно купить халяльные продукты к празднику²⁴.

В марте 2003 г. делегация Исламского религиозного управления во главе с медиа-директором этой крупнейшей исламской организации Аминой Багхаджати была принята министром внутренних дел Австрии Лейзе Прокоп. Поводом для визита стало выступление министра на страницах журнала «Falter» с заявлением о том, что ношение хиджаба противоречит принципам и ценностям австрийского общества. Заявление вызвало бурный протест среди австрийских мусульман. Солидарность с мусульманами в этом вопросе проявили и австрийские христиане. В частности, Бригид Вайнцингер, член «Партии зеленых», выразила недоумение по поводу высказываний министра: «Если послушать Прокоп, то можно подумать, что насилие имеет место исключительно в мусульманских семьях, а в других его просто не существует»²⁵. А Вольфганг Шуссель, канцлер Австрии, заявил о том, что

полномочия Прокоп не распространяются на область образования. Под напором общественного мнения Лейзе Прокоп, министр внутренних дел Австрии, отказалась от своих прежних идей о запрете хиджаба в учебных заведениях страны, сделав специальное заявление по этому поводу.

Тем не менее, отношение австрийцев к мусульманам и мусульманкам нельзя назвать абсолютно позитивным. Об этом пишут в австрийских СМИ образованные гражданки Австрии, принявшие ислам. Как правило, это женщины, вступившие в брак с мусульманами и особо остро чувствующие дискриминацию. В феврале 2005 г. в Австрии было объявлено о создании Женского мусульманского форума Австрии (FMFO). Андреа Салех, ставшая во главе этой организации, заявила о том, что одной из главных целей станет борьба против предвзятого отношения к исламу и его адептам.

Весной 2013 г. Фуат Санач, глава одной из крупнейших исламских организаций Австрии, выступил с предложением позволить работающим мусульманам брать выходные на время своих религиозных праздников. По его словам, невозможно молиться на рабочем месте во время больших праздников. Речь идет о праздниках Курбан-байрам и Ураза-байрам. Он мотивировал свое предложение тем, что якобы это будет способствовать интеграции в австрийское общество²⁶. Характерно, что это предложение было поддержано представителями других конфессий. Члены инициативной группы «религия — частное дело каждого» предлагают компромиссный вариант, согласно которому властям следует определить количество выходных дней в году, которые верующий может взять в связи со своими религиозными праздниками.

ТУРЕЦКАЯ ДИАСПОРА В АВСТРИИ

По официальным данным на 2010 г., турецкая диаспора в Австрии насчитывает 183000 человек и является третьим по величине меньшинством после немцев (213000) и иммигрантов из Сербии, Косово и Черногории (207000). На самом деле турецких иммигрантов здесь гораздо больше — 250–300 тыс., в том числе нелегалов, а также имеющих виды на жительство, выданные в Германии. В 2009 г. 10,2% иностранцев в Австрии не имели работы, среди австрийцев безработными были 4,1%. Особенно сильно безработица затронула турок. В результате 20% из них не имеет постоянной работы в Австрии. Малый процент занятости эксперты из Организации экономического развития и сотрудничества объясняют низким образовательным уровнем, социальной стигматизацией²⁷, патриархальным укладом в мусульманских сообществах. Ситуацию усугубляет так называемое культурное «зависание», то есть недостаточное владение, как родным, так и немецким языками. От нищеты молодежь спасает система социальных пособий, выплачиваемых австрийским правительством, а также общинная солидарность, дающая возможность подзаработать в среднем и малом бизнесе (в основном это предприятия быстрого питания турецкой национальной кухни).

В 2010 г. по инициативе австрийского Министерства внутренних дел было проведено социологическое исследование, согласно которому лишь 26% турок заявили, что чувствуют себя вполне интегрированными в австрийское общество; 55% заявили, что они бы не хотели, чтобы их дети заключили брак с «не-турками». В 2006 г. аналогичное исследование показало, что 45% мусульман в Австрии не желают интегрироваться. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы «мусульман второй волны иммиграции», характерные для большинства стран Западной Европы, свойственны и Австрии.

Исследование также показало, что идентичность турецкой молодежи, проживающей в Австрии, в большей степени определяет религия (ислам), нежели австрийская культура²⁸. Более того, 50% проживающих в стране турок хотят, чтобы нормы шариата частично были инкорпорированы в местное законодательство. Итоги социологического исследования обсуждались в австрийской прессе. Эксперты считают возможной дезинтеграцию австрийского общества без разумной миграционной политики и работы с детьми мигрантов-мусульман, начиная с детского сада. Австрийские исследователи считают, что процесс сближения иммигрантов и принимающего общества должен быть синхронным. В противном случае, по мнению социолога Петера Ульрама, возникновение мусульманской субкультуры среди австрийских турок вполне реально. Это произойдет, если не изменить отношение к мусульманам самих австрийцев, прежде всего людей с низким образовательным уровнем.

С 1 июля 2011 г. вступили в силу новые поправки в правила для иммигрантов, желающих обосноваться в Австрии. В соответствии с новыми правилами иммигранты должны приобрести первые навыки немецкого языка еще до приезда в Австрию на уровне A1 по системе уровней владения иностранным языком, используемой в европейских странах, что предполагает наличие элементарных знаний немецкого языка. По истечении двух лет пребывания в стране иммигранты должны уже владеть немецким языком на уровне A2, что позволяет иммигранту свободно общаться с представителями коренного населения Австрии. Тогда же стало известно, что министерство просвещения Австрии работает над новой программой обучения, которая предусматривает внедрение турецкого языка как второго иностранного. Дело в том, что в школах уже существуют подобные программы французского, русского, польского, а также боснийского, сербского и хорватского языков. В этом плане австрийцы опередили своих соседей — Германию.

Анкара, так же, как и в Германии, патронирует турецкую общину в Австрии. В частности, в посольстве Турции в Австрии есть специальный отдел, занимающийся делами турецких иммигрантов. В 2010 г. посол Турции в Австрии Кадри Эджвет Течкан в одном из интервью газете «Die Presse» обвинил власти в том, что они чинят препятствия турецким иммигрантам, ужесточают миграционную политику и создают барьеры для их интеграции. «К туркам в Австрии относятся, как к вирусу», сказал посол. Главный пафос его выступления был направлен против отрицательного отношения австрийцев к мусульманской одежде женщин-турчанок. В ответ на это Э. Штад-

лер, депутат австрийского парламента (партия «Союз за лучшее будущее»), выступил на одном из пленарных заседаний с заявлением, в котором предложил объявить турецкого посла «персоной нон грата». Он также заявил, что выступление посла оскорбляет устои Австрийской республики. Аналогичное выступление в Турции, по его словам, могло бы стать предметом судебного расследования согласно статье 301, по которой слова посла (будь они сказаны о Турции, а не об Австрии) рассматриваются как уголовное преступление. «Умаление турецкой нации, государства, республиканских институтов... ведёт к тюремному заключению на срок от 6 мес. до 2 лет». Кроме того, депутат привел примеры зверских убийств христианских священников в Турции, имевших место с 2008 г. Этот эпизод свидетельствует о том, что отношения между Австрией и Турцией отнюдь не безоблачны.

Турецкий премьер Р.Т. Эрдоган регулярно посещает Австрию и каждый раз встречается со своими соотечественниками (последний визит состоялся в феврале 2013 г. для участия в Форуме Альянса цивилизаций)²⁹. Целью его визитов является давление на австрийские общественные круги, которые он намерен склонить в пользу вступления Турции в ЕС. Однако австрийские националистические партии, в частности, партия «Альянс за будущее Австрии» (созданная Йоргом Хайдером в 2005 г.) протестовала против визита турецкого премьера. Накануне визита президент страны Хайнц Фишер сказал, что предстоящие переговоры турецкой делегации и чиновников Евросоюза по вопросу вступления страны в ЕС будут трудными. Австрия является одной из стран-членов ЕС, препятствующих членству Турции в Евросоюзе. Социал-демократы и Народная партия поддерживают переговоры, но при этом указывают на некоторые необходимые для обсуждения деликатные вопросы, такие как права человека и неравенство полов в Турции. Лишь 18% австрийцев поддерживают так называемое привилегированное партнерство между Турцией и Евросоюзом, и гораздо меньше — 5% — высказываются за членство Турции в Евросоюзе³⁰.

Тем не менее, в отношениях двух государств много вопросов, которые требуют разрешения. В частности, министерство внутренних дел Австрии обеспокоено деятельностью турецкой молодежной националистической организации «Бозкурт» (Серые волки)³¹ среди турецких иммигрантов.

ЧЕЧЕНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В АВСТРИИ

По количеству политических беженцев Австрия занимает 4-е место в Европе после Великобритании, Германии и Франции. С начала 2002 г. постоянными жителями Австрии³² стали 24 000 человек. Вопрос о чеченских беженцах в Австрии стоит особо остро. В Западной Европе, по разным данным, находится до 250 тыс. беженцев из Чечни, из них 35–40 тыс. — в Австрии. Сначала они просили убежище в Польше, которая благосклонно принимала беженцев из Чечни. Затем стали осваивать Бельгию. Здесьняя община сформирована за счет беженцев из Чечни, которые выехали из рес-

публики в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Многие из них в прошлом — активные участники бандформирований. Как правило, эти люди, добираясь из России в Австрию, пересекали многочисленные европейские границы иногда по поддельным или чужим документам.

Согласно данным Верховного комиссариата по правам человека ООН, Австрия занимает второе место по числу поданных чеченцами прошений о предоставлении политического убежища после Польши. В Польше³³ признают, что их страна чаще всего не является конечным пунктом бегства чеченцев на Запад. Едва начав процедуру получения статуса беженца в Польше, многие из чеченцев сразу же перебираются в Австрию, Бельгию, Германию или Францию, где уже образовались значительные чеченские общины.

Аналогичная ситуация сложилась в Чехии. В декабре 2006 г. на чешско-австрийской границе было задержано 75 чеченцев, которых австрийские власти вернули обратно в Чехию. Чешское МВД прекратило рассмотрение их прошений об убежище, но подавляющее большинство чеченских беженцев сразу же подали жалобу на решение МВД в Европейский суд. Многие из них вновь повторили попытку перейти австрийскую границу. Чеченская диаспора вызывает большое беспокойство чешских властей. В частности, полиции удалось после кропотливых наблюдений и слежки арестовать трех руководителей преступной чеченской группировки, сотрудников фирмы «MG Security», которые занимались «выбиванием долгов». Впоследствии последовали аресты чеченцев в других городах Чехии (всего было арестовано 15 человек)³⁴. По сведениям полиции, за фирмой «MG Security», состоящей в основном из этнических чеченцев, числилось 60 эпизодов вымогательства³⁵.

Министр внутренних дел Австрии Лейзе Прокоп в сентябре 2005 г. побывала в Москве с целью повлиять на российские власти, чтобы те приняли обратно своих «нелегальных мигрантов». Австрийская правозащитная организация Asyl in Not встала на защиту нелегалов из Чечни, а визит министра расценила как «пособничество убийству». В 2004 г. бывшие российские граждане чеченского происхождения составили самую большую группу задержанных нелегальных иммигрантов в Австрии, многие из которых (6 тыс. из примерно 35 тысяч) обратились с просьбой о предоставлении им в Австрии политического убежища. Почти все они прибыли из Чечни. 90% претендентов на получение политического убежища его получают, потому что расследование, основанное на устных интервью, показывает, что они якобы подвергались преследованиям в России. Однако перед лицом растущей безработицы, а также фактов незаконопослушного поведения чеченцев, австрийское правительство настаивает на экстрадиции иммигрантов. В августе 2005 г. безработица в Австрии достигла рекордной отметки в 6,2%³⁶.

Количество кавказских эмигрантов, получивших убежище или вид на жительство в Австрии, по разным оценкам, колеблется от 30 до 50 тыс. человек. В итоге здесь сложилась самая многочисленная европейская диаспора уроженцев Северного Кавказа. При этом кавказская диаспора в Австрии весьма неоднородна, разделена на политические группировки, религиозные течения и т. д.

Судьбы чеченцев, попросивших убежища, самые разные. Есть те, кто скрывается от закона, есть те, кто хочет жить «на два дома» и развивать свой бизнес, а есть те, кто действительно пострадал, причем не только от боевиков, которые сначала забрали их сыновей в горы, затем подожгли дом, затем... Правозащитники сообщают, что чеченцы уезжают от похищений и пыток, от насилия над женщинами, «убийств чести», от бессилия перед боевиками и коррумпированной власти. Уезжают и из России, потому что в других регионах России чеченцы становятся жертвами фальсификации уголовных обвинений, ксенофобии и предрассудков.

В 2006 г. в Австрии находилось 20 тыс. чеченских беженцев, из них 6 тысяч ждали решения своей судьбы в Вене. Кроме временного жилья и ежедневного бесплатного горячего питания каждому беженцу, независимо от того, из какой страны он прибыл, ежемесячно выдаётся сумма в 40 евро, которой, как считают беженцы, едва хватает на Интернет. Естественно, что недовольство питается и другими обстоятельствами. Беженцев не устраивает срок решения их вопроса после так называемого «большого интервью», а также то, что хотя в Австрии существует практика, согласно которой после 4-х лет пребывания в стране в статусе «признанного беженца» можно получить австрийский паспорт, чеченцам зачастую отказывают в этом. Характерно, что в отличие от других соискателей заветного паспорта, чеченцы бурно протестуют, дело доходит до потасовок с обслуживающим персоналом беженских центров.

Австрийские власти постоянно сталкиваются с правонарушениями со стороны чеченских беженцев. Криминальные сводки пестрят сообщениями об их деяниях: в 2010 г. 8 лет тюрьмы получил 27-летний чеченец за вооруженное ограбление тотализатора. Тогда же, в Зальцбурге, двое молодых чеченцев (17 и 18 лет) ограбили магазин по продаже оружия.

Драки происходят как внутри чеченского сообщества, так и с представителями других эмигрантских диаспор. В августе 2003 г. беженцы из Чечни устроили побоище в лагере Трайскирхен. Им якобы мешали спать громко шумевшие дети беженцев из Молдовы. В драке один человек погиб, 32 получили ранения. Усмиряли хулиганов более ста полицейских. Можно представить себе тот резонанс, который возник в стране, где редко происходят тяжкие преступления. Фритц Кнотцер, бургомистр города Трайскирхен, заявил, что нахождение пересыльного лагеря внутри этого небольшого городка (17 тыс. населения, находится в 15 км от Вены) оказывает негативное влияние, в результате чего среди австрийцев усилились ксенофобские настроения. Он призвал правительство закрыть лагерь. Его поддержали члены городского и общинного совета. Как раз накануне Эрнст Штрассер, министр внутренних дел Австрии, заявил по итогам разбирательства ситуации в Трайскирхене, что «чеченцы среди всех беженцев обладают повышенной тягой к конфликтам и агрессии»³⁷.

В пересыльном лагере города Маутхаузен в 2004 г. произошла драка между двумя чеченцами и двумя турками, в результате которой турки оказались в больнице с ножевыми ранениями. Итоги драки вызвали среди ту-

рецкой молодежи желание отомстить, в результате чего полиция практически неделю отмечала стычки между двумя группировками.

Другая драка произошла между чеченцами и афганцами. Кроме того «политэмигранты» с Северного Кавказа занимаются мелким криминалом и отказываются социализироваться — учиться и работать. В лагере для беженцев в Каринтии, где власти Австрии временно размещают переселенцев, прибывающих из всех горячих точек Европы и Азии, группа беженцев из Чечни заявила администрации, что они недовольны отсутствием в их комнатах телевизоров с российскими телеканалами, и поэтому им в Каринтии не нравится. Чеченцы потребовали, чтобы их перевезли в соседнюю федеральную землю Штирия, где, по слухам, беженцам живется комфортнее. После долгих препирательств администрация была вынуждена пойти им навстречу и отправить их в лагерь Штирии. Впрочем, чеченские претенденты на политубежище и в других странах ведут себя не лучше³⁸.

В декабре 2007 г. Польша вошла в Шенген. После этого количество соискателей австрийского гражданства выросло в несколько раз за счет чеченцев, массировано перебивавшихся в Польшу. Характерно, что сразу в криминальных сводках появились сообщения о том, что «чеченцы ходят с кастетами, как с портмоне». Австрийские власти были вынуждены принять меры для размещения наиболее агрессивно настроенных беженцев. В частности, правительство приняло решение выделить турбазу (Saualm-Heim) в Альпах под размещение беженцев, совершивших преступления.

Известный ультраправыми взглядами глава правительства австрийской земли Каринтия Йорг Хайдер (ныне покойный) потребовал от федеральных властей «немедленно и полностью» прекратить предоставление убежища беженцам из Чечни. Свое требование он обосновал тем, что в Каринтии и в Верхней Австрии чеченцы уже отличились тяжкими преступлениями, в том числе на сексуальной почве. «Все, кто склонен к насилию, не имеют права на убежище в Австрии и уж тем более в Каринтии,» — заявил он. В январе 2008 г. по распоряжению Хайдера из Каринтии были выдворены 18 чеченцев, которые якобы были причастны к избиению двух молодых австрийцев. Сославшись на то, что некоторые страны Евросоюза, например, Словения, полностью прекратили прием чеченских беженцев, Хайдер призвал власти Австрии поступить аналогичным образом. Попутно он обвинил их в «легкомысленном отношении к предоставлению убежища чеченцам». По его сведениям, в Австрии ежегодно находят приют более двух тысяч выходцев из Чечни.

Как раз накануне 2008 г. 27 чеченцев прибыли в Вену из Польши, требуя предоставить им политическое убежище. Однако австрийские власти им отказали, ссылаясь на Дублинское соглашение Евросоюза, в соответствии с которым вопрос о предоставлении убежища должен рассматриваться в той стране, где был впервые сделан соответствующий запрос. Отказ стал поводом для возмущения чеченцев, которые хотели воссоединиться со своими родственниками, ранее выехавшими в Австрию. Просители были депортированы в Польшу.

Европейские СМИ неоднократно сообщали, что представители чеченской диаспоры в Европе часто замешаны в криминальных происшествиях, связанных с международным терроризмом. В конце ноября 2010 г. в рамках спецоперации, проведенной правоохранительными органами Бельгии, Нидерландов и ФРГ, были арестованы 11 членов экстремистской группировки «Шариат для Бельгии», одной из целей которой был набор «борцов для ведения джихада и установления шариатского государства на Северном Кавказе». В состав группировки входили выходцы из Марокко и Чечни³⁹.

Начиная с 2008 г. австрийские власти стали сотрудничать с властями Чечни, в том числе и по вопросам, связанным с беженцами. Многочисленные комиссии МВД и австрийские депутаты, посещающие Чечню, не скрывали своего восхищения усилиями руководства республики по восстановлению Чеченской республики. Австрийское МВД стало делать запросы относительно подателей прошений на политическое убежище, после чего число положительных решений резко сократилось. Кроме того, было обнаружено, что некоторые из чеченцев, ожидающих решения своей судьбы в Австрии, ухитрились ездить на родину по «второму» паспорту⁴⁰, обзаводились справками об отсутствии штрафов за нарушения правил вождения автомобиля в России, что помогает снизить стоимость страховки на машину в Австрии. Оказалось, что «добрая половина получивших убежище регулярно бывает дома в Чечне, где их якобы притесняли! При этом политическим эмигрантам на родине ничто не угрожает — они спокойно строят себе дома на родине и даже ведут бизнес в России. И это не две–три сотни ловкачей, обьегоривших миграционную службу, а тысячи “двоюродных братьев” Шамиля Басаева»⁴¹.

21 февраля 2013 г. была выслана первая группа из 13 человек. Тогда же стало известно, что власти намерены депортировать еще тысячу человек, получивших отказ в убежище. По данным газеты «Die Presse», если раньше количество удовлетворенных прошений достигало 94%, то с 2011 г. эта цифра упала до 31%⁴².

Угроза массовых депортаций заставила многих мусульман забыть о распрях и выйти 2 марта 2013 г. на митинг в Вене с требованием прекратить насильственную высылку беженцев в Россию. На митинге призывы «Остановите насильственные депортации!» чередовались с возгласами «Аллах акбар!».

К чеченцам, собравшимся на площади перед венским вокзалом Вестбанхоф, присоединились политики из партии «Зеленых», традиционно выступающей против депортаций мигрантов, венские антифашисты, а также беженцы из других стран. Зигфрид Шольц, представляющий молодежное крыло «Зеленой партии», уверен, что столь массовая акция беженцев, маршем прошедших через центр Вены к местному парламенту, не останется без внимания властей. «Нельзя сказать, что одним митингом или маршем можно решить все проблемы, или ожидать, что с сегодняшнего дня прекратятся депортации, — заявил он, — Но если чеченцы не будут выходить на улицы, если они не будут громко заявлять о том, почему они бегут со своей родины, то их молчание будет лишь подтверждать информацию о том, что они бегут не только от войны».

В мае 2005 г. в закон о беженцах были внесены поправки, которые предусматривают для нелегальных иммигрантов тюремное заключение сроком от 6 до 10 месяцев, после чего они в любом случае подлежат депортации из страны. В законе оговаривается, что беженцы, которые будут принимать участие в голодовках протеста, будут подвергаться насильственному кормлению, а австрийских граждан, уличенных в заключении фиктивного брака с целью помощи нелегалам и беженцам в получении гражданства, будут сурово наказывать. Дело каждого претендента на гражданства будет рассматриваться в течение 72 часов, после чего в случае отказа претендент будет вынужден немедленно покинуть страну. Что касается беженцев, то рассмотрение их заявлений будет проходить в течение не более 20 дней. Иммигранты, которые получают положительный ответ, вынуждены будут пройти обязательный 300-часовой курс немецкого языка.

По мнению австрийских должностных лиц, занимающихся приемом беженцев, депортированные в Россию, очевидно, попытаются снова проникнуть в Австрию, избрав другие пути. Но на этот раз получить политическое убежище будет намного труднее. Как сообщили источники министерства внутренних дел, за первые 4 месяца 2005 г. политическое убежище было предоставлено 5 918 претендентам из 24 634. К этому времени с начала 2002 г. постоянными жителями Австрии стали 24 000 человек из 72 000⁴³.

Рост чеченской общины в Австрии не прошел мимо внимания местных мусульман. Активисты мусульманских организаций Австрии организовали доставку в лагери беженцев экземпляры Корана. Кроме того, они поставили своей задачей снабдить все мечети Австрии, посещаемые чеченцами, Коранами на русском языке. Шейх Осман, сотрудник венского отделения университета «Аль-Азхар», заявил, что отделение готово принять на работу чеченцев, хорошо владеющих арабским языком, и специалистов по Священному Корану и Шариату для обучения земляков. Тогда же, в 2006 г., начался сбор средств на строительство мечети, в которой служба велась бы на русском языке⁴⁴.

В августе 2010 г. Зама Магомедова, проживающая в Австрии, обратилась к президенту Чечни Рамзану Кадырову по вопросу возложения на нее «обязанностей руководителя чеченской диаспоры в Австрии». В своем письме, написанном «по многочисленным просьбам чеченцев, проживающих в Австрии, с ведома и одобрения Австрийских властей», она пишет, что для чеченцев за рубежом «...есть опасность деградации наших культурных ценностей, чему мы сегодня должны противостоять. Занимаясь вопросами адаптации беженцев, помогая обрести здесь новую жизнь, мы сталкиваемся со многими проблемами, которые противоречат нашим национальным традициям и менталитету. Для того чтобы мы могли культивировать вопросы веры и традиций чеченского народа, поддерживать отношения между собой, создать сплоченную диаспору, нам необходимо иметь культурный центр, вокруг которого мы могли бы всех сплотить»⁴⁵.

Судя по этому тексту, чеченцы не собираются интегрироваться в австрийское общество, а собираются сохранить свой стиль жизни и ментальность. Бо-

лее того, очевидно, что они не просто хотят сохранить связь с родиной, но и считают необходимым, чтобы она патронировала живущих за рубежом.

В конце апреля 2013 г. чеченская диаспора Австрии организовала публичную акцию в Вене напротив посольства США. Мероприятие преследовало цель выразить солидарность с братьями Царнаевыми, организовавшими взрывы в Бостоне. Акция собрала около полусотни выходцев из Чечни. К месту проведения пикетирования — американскому дипломатическому представительству чеченцы несли плакаты на немецком и арабском языках с требованиями освободить Джохара Царнаева⁴⁶.

* * *

В последние годы мусульмане, живущие в Вене, стали более заметны, особенно женщины. Однако не все мусульманки следуют традиции и носят платок. Как уже отмечалось выше, платок (*хиджаб*) в Австрии не запрещен, хотя перикодически правые требуют запретить его ношение. Тем не менее, австрийские мусульманки не слишком привержены этой традиции. Меньше всего этой традиции придерживаются представительницы балканских мусульманских общин. Возможно, это связано с тем, что в лозунгах Партии свободы заметное место занял призыв к запрету на ношение в Австрии хиджаба. «Мусульманский платок не простой предмет одежды, а политический символ исламизма, символ унижительного положения женщин», — заявлял Йорг Хайдер, лидер партии «Союз за будущее Австрии». Его соратница по партии Сюзанна Винтер даже предостерегла Европу от «мусульманского миграционного цунами». После того, как Йорг Хайдер погиб в автокатастрофе, его партия начала утрачивать свои позиции. Электорат партии «Союза за будущее Австрии» ушёл к Х.-К. Штрахе⁴⁷, лидеру ультраправой Австрийской партии свободы, активисты которой во время венской предвыборной кампании (в конце 2010 г.) под лозунгом «Защитим нашу венскую кровь!» выпустили видеоигру, где участники должны были стрелять по минаретам, а также комиксы из истории неудачной осады турками Вены в 1683 г.

Проблема иммиграции и адаптации иммигрантов стоит в Австрии довольно остро. Из 8,4 миллионов граждан страны 1,4 миллиона — иностранцы, в большинстве своем выходцы из Турции и других азиатских стран. По некоторым данным, каждый третий школьник в сегодняшней Вене — турок. Много иммигрантов из республик бывшей СФРЮ. То обстоятельство, что численность мусульман в Австрии за последние 40 лет увеличилась в 15 раз, заставило воспринимать появление в стране большой массы турок, арабов, боснийских мусульман, албанцев и др. как угрозу, несмотря на то, что большинство австрийских мусульман ведут законопослушный образ жизни.

По подсчетам Австрийской академии наук, к 2051 г. доля мусульман с учетом повышенной рождаемости по сравнению с коренным населением может вырасти до 18%. Такая перспектива пугает многих австрийских бюргеров⁴⁸. Правые смогли значительно укрепить свои позиции, играя на стра-

хах людей, опасющихся массовой иммиграции из мусульманских стран. Вероятно, именно это заставляет каждого третьего австрийца голосовать за ультраправых, обещающих избавление от этнической преступности.

По мнению российского исследователя Е.В. Пинюгиной «национальная организация австрийских мусульман в первые десятилетия своего развития (1979–2000 гг.) улучшала диалог между представляемым сообществом и государством, внесла весомый вклад в интеграцию мусульман в австрийское общество. Однако современные реалии в Австрии таковы, что мусульмане воспринимаются не как часть общества, а как угроза; правые партии выигрывают до 30% голосов на выборах разного уровня; самые крупные организации австрийских мусульман находятся под турецким патронажем, в той или иной степени испытывают влияние фундаментализма. Правительство поддерживает возведение мечетей и исламское образование в государственных школах, но результаты могут быть противоположными интересам власти, общества и самих мусульман»⁴⁹.

¹ *Джемс Л.* Эти странные австрицы. М., 2005. С. 5.

² Появление исповедующих ислам в качестве подданных Австро-Венгрии связано с окончанием русско-турецкой войны в 1878 г. 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано (совр. Ешилькёй, близ Стамбула) был подписан договор между Россией и Турцией, в результате которого турецкие войска выводились из Болгарии и устанавливалась полная независимость Сербии, Черногории, Румынии. Босния и Герцеговина получали автономию. Однако договор вызвал резкое противодействие западных держав, в особенности Великобритании и Австро-Венгрии, и уже на Берлинском конгрессе (1/13 июня 1/13 июля 1878 г.) он был заменен многосторонним договором, значительно менее выгодным для России. В результате Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину. В 1878 г. в Вене была построена первая мечеть для солдат-мусульман, служивших в австрийской армии. Спустя пять лет правительство назначило муфтия, занимавшегося делами мусульман на территории Боснии и Герцеговины.

³ www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/28002/.

⁴ Гораздо больше беспокойства австрийским властям доставляют так называемые «дети Чаушеску». После вступления Румынии в ЕС и отмены визового режима властям пришлось устраивать отдельные румынские тюрьмы и платить серьезные деньги за экстрадицию преступников-иммигрантов на родину.

⁵ www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/28002/.

⁶ Среди меньшинств выделяются хорваты (живут в основном в федеральной земле Бургенланд, куда переселились в XVI в. из Хорватии, спасаясь от турецких набегов). Венгры проживают в основном на территории федеральной земли Бургенланд. Они сохранили свои традиции, национальную одежду, имеют школы, в которых преподавание ведется на немецком и венгерском языках. Словенцы живут в южной части Каринтии и на юге Штирии. Имеют свои издательства, прессу, сохраняют традиции и язык (его изучают дети в некоторых школах). Чехи в основном проживают в Вене. Имеют свои школы, издательство, печатный орган, спортивные и культурные организации. Большое влияние чешский язык оказал на венский диалект и на антропонику австрийской столицы. В ряде районов Австрии проживают итальянцы, сербы и румыны. См.: russmedia.net/modules/tinycontent/index.php?id=12.

⁷ Предшественником этой организации было Исламское культурное общество, просуществовавшее до 1939 г.

⁸ Организация стран-экспортеров нефти создана в 1960 г. С 1965 г. ее штаб-квартира находится в Вене.

⁹ *Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы.* Киев, 1981. С.37.

¹⁰ В 2007 г. свои рынки для рабочих из Болгарии и Румынии открыли только Чехия, Польша, Словения, Словакия, Эстония, Латвия, Литва, Кипр, а также Финляндия и Швеция.

Другие страны, хотя и намерены открыть свои рынки труда, сделают это намного позже, что свидетельствует о сохранении ряда сложностей для трудовых мигрантов из ЮВЕ в ЕС.

¹¹ www.nmd.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya_i_mirovaya/emigraciya_trudovykh_resursov_iz_stran.php.

¹² Согласно переписи 2005 г., 68,5% австрийцев — католики, 4,7% — протестанты, 6,5% населения относится к другим религиозным конфессиям (ислам — 4,2%, православная церковь — 2,2%, иудаизм — 0,1%; всего зарегистрировано 12 конфессий), 17,1% населения не относят себя ни к одной из конфессий (в 1991 г. таковых было лишь 8,6%). См.: booquar.com/avstriya/850-naselenie-avstrii.html.

¹³ См.: ru.salamnews.org/ru/news/read/64557/islam-i-shiizm-priznani-v-avstrii-na-gosudarstvennom-urovne-nadash-glava-islamskogo-centra/.

¹⁴ Всего в Вене 76 мусульманских моленных домов, включая традиционные мечети.

¹⁵ <http://rademir.ru/news/nachal-nik-politsii-v-gratsie-o-stroitelstvie-miechietiei>.

¹⁶ www.islamnews.ru/news-281.html.

¹⁷ Оснабрюкский университет — университет в городе Оснабрюк в германской земле Нижняя Саксония, создан в 1974 г. В 2009 г. в университете был открыт первый в Германии факультет исламской теологии.

¹⁸ <http://5041010.ru/news/v-avstriiskom-katolichieskom-monastyrie-proshla-diskussii-po-vop>.

¹⁹ www.islamnews.ru/news-136570.html.

²⁰ В большинстве стран Евросоюза было решено отказаться от привлечения профессиональных имамов из мусульманских стран. Это решение было принято после того, как агенты внутренней безопасности зафиксировали участие ряда имамов в деятельности радикальных группировок.

²¹ Тюбингенский университет Эберхарда и Карла (земля Баден-Вюртемберг, Германия) — основан в 1477 г. Это один из старейших университетов Германии, входящий в пятёрку классических «университетских городов» Германии. Университет пользуется международным признанием благодаря огромному вкладу в либеральное христианское богословие.

²² http://al-kawsar.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1042:2012-12-05-12-28-37&catid=52:2011.

²³ <http://comments.ua/world/285433-prezident-avstrii-prizval.html>.

²⁴ www.islyam.ru/publ/islam_kultura_i_obshhestvo/ramadan_v_krasivejshe_m_gorode_mira/2-1-0-36.

²⁵ <http://islam.com.ua/news/1812/>.

²⁶ Ранее такую возможность мог предоставить только работодатель по своему усмотрению. Законодательство Австрии предусматривает 13 официальных праздников, из которых 10 — церковные. Дополнительные выходные предусмотрены для евангелической церкви в Страстную пятницу, для старокатолической церкви и для иудеев в Йом кипур с предварительным оповещением работодателя. Что касается других иудейских праздников, то они в Австрии не имеют официального признания.

²⁷ Социальная стигматизация — неспособность к полноценной социальной жизни из-за лишения права на общественное признание. Стигматизация является составной частью многих стереотипов поведения иммигрантов.

²⁸ <http://religio.ru/news/3675> 18.01.2010.

В 2006 г. аналогичное исследование показало, что 45% мусульман в Австрии не желают интегрироваться.

²⁹ Форум альянса цивилизаций — общественное объединение, инициатива которого была предложена премьер-министром Испании Х.Л. Родригесом Сапатеро в 2005 г. на 59-й Генеральной Ассамблее ООН, и поддержанная премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом. Форум ставит перед собой задачу активизировать международные усилия для налаживания межнационального и межрелигиозного диалога против экстремизма, а также стирания противоречий между Западом и Востоком. 5-й форум прошел 27–28.02.2013 в Стамбуле.

³⁰ <http://right-world.net/news/431>.

³¹ «Серые волки» — турецкая молодёжная националистическая организация, активисты которой неоднократно обвинялись в совершении террористических актов (в том числе в покушении на жизнь Папы Римского Иоанна Павла II в 1981 г. После этого «Серые волки» перенесли свою деятельность за пределы страны).

³² Австрия в этом вопросе намного опережает Германию. Как отмечала в 2008 г. «Немецкая волна», население ФРГ в десять раз больше, чем у южного соседа, а претендентов на получение статуса беженцев больше только в два раза. См.: Заграница. № 02(438) [газета].

³³ В 2009 г. более 10,5 тыс. иностранцев обратились к властям Польши с просьбой предоставить им статус беженца. Из них 5726 человек были гражданами России, причем 4749 указали, что они являются чеченцами по национальности. На территории Польши было создано 19 лагерей для подателей прошений об убежище. Официальный представитель бюро по делам иностранцев МВДА Ева Пехота заявила, что до 2009 г. факт проживания на территории Чечни был сам по себе достаточным основанием, но сейчас все дела рассматриваются в индивидуальном порядке. В 2010 г. в этих центрах размещалось примерно 3,5 тыс. человек, из которых около 90% являлись выходцами из Чечни. Ныне Польша удовлетворяет лишь 4–5% заявок. Польское правительство намеревается закрыть четверть центров для иностранцев, ищущих убежище в ЕС. Около половины так и не ставших беженцами получают иной статус, позволяющий им оставаться на территории Польши, — статус лица, требующего дополнительной защиты. Согласно международным нормам, лица, ищущие убежища за рубежом, не могут выбирать государство для эмиграции, а должны начинать процедуру в «первой безопасной стране». Для тех, кто отправляется из России в Европу на автомобиле или поезде, такой страной чаще всего становится Польша. Однако ближайшее знакомство с беженцами из Чечни обернулось для поляков стрессом. Ухудшилась криминогенная обстановка в городах, где расположены лагеря беженцев. Так, жители города Ломж на западе Польши обратились в правительство с просьбой изъять их от буйных соседей. Под петицией с требованием закрыть центр подписались более тысячи человек.

³⁴ Руководителем предприятия формально был чешский гражданин, но на деле фирму контролировали чеченцы, которые для легализации в Чехии попросили убежища. При обысках в домах, где жили арестованные, было найдено незарегистрированное оружие.

³⁵ <http://izvestia.ru/news/286352#ixzz2SFURMUwZ>.

³⁶ <http://obzor.westsib.ru/news/24221>.

³⁷ РИА Новости. 21.08.2003.

³⁸ В сентябре — октябре 2005 г. сотрудники норвежского центра для беженцев в Нордбратене восемь раз вызывали полицию из-за агрессивного поведения чеченцев. Последние потребовали от обитателей и персонала центра соблюдения мусульманских предписаний. По их мнению, все сотрудники должны совершать намаз, пропускать чеченцев в столовую первыми, и никто не должен носить шорты. В июле 2008 г. 23 курда — жители центра беженцев в норвежском городе Остфольд получили травмы в результате нападения на лагерь группы чеченцев из 40–50 человек. Нападавшие были вооружены металлическими прутьями и ножами. См.: Интерфакс. 25.07.2008.

³⁹ www.km.ru/news/bezhencz_iz_chechni_zaderzhan_p.

⁴⁰ В «первом» паспорте стоит отметка с запретом посещать Россию, где политэмигрант якобы подвергался преследованиям.

⁴¹ Эхо Кавказа. 11.03.2013.

⁴² Die Presse. 21.02.2013.

⁴³ <http://islam.com.ua/news/2012/>.

⁴⁴ <http://islam.com.ua/news/2924/>.

⁴⁵ <http://kadyrov2012.org/2010-03-11-01-12-20/333-2010-08-10-21-08-18>.

⁴⁶ Аналогичные акции чеченские диаспоры организовали в Лондоне, Париже, Брюсселе и др. городах Европы.

⁴⁷ Х.-К. Штрахе выступает за «уничтожение минаретов в Европе». Австрийская пресса обвиняет его в принадлежности к неонацистской группировке, тем более, что он фотографировался в эсэсовской форме. По мнению экспертов, возглавляемая им партия выражает истинно нацистский дух, в равной степени антиеврейский и антимусульманский.

⁴⁸ Российская газета. 29.09.2008.

⁴⁹ Вестник МГИМО (Университет). 2012. №5(26). С. 34.

Muslim Communities in Central Europe: Slovakia and the Czech Republic

Historically speaking, in the Austrian lands of the Austro-Hungarian Empire the Hanafite Islamic religious rite has been recognized in 1912, whereas in the Hungarian part of the dualist monarchy the authorities recognized Islam as such in 1916. Interestingly, this dual legislation survived during the first Czechoslovak Republic (1918–1938), with Slovakia keeping the Hungarian wording and the Czech lands the Austrian approach. The first ‘Muslim Religious Community for Czechoslovakia’ was born in 1935 in Prague, but the democratic authorities never actually met its demands for recognition. In a short-lived episode, the Czech Muslim community was paradoxically recognized for the first time by the Nazi authorities of the *Protektorat Böhmen und Mähren* in 1941. As the legal regulations implemented under the German occupation ceased to exist after 1945, the legal status of Muslims came to end. Muslim attempts at registration during the Prague Spring 1968 have been unsuccessful. The most recent chapter in Muslim efforts to gain recognition starts right after the Velvet Revolution in 1989¹.

Meanwhile, based on the findings of the Slovak Statistical Office, 1212 people declared themselves Muslims in 2001 census². On the other side, Slovakia’s Muslims estimate their number currently at some 5 thousand believers according to unofficial reports. Muslims are concentrated in the capital Bratislava and several regional centres, as well as in Piešťany Spa. The number of Muslims in the Czech Republic doubled in the past decade and similar trends are discernible in Slovakia too³. Local Muslims are mostly well educated people and many of them are either students or entrepreneurs. Indigenous Muslims, however, are marginal in Slovakia. Generally, while Muslim immigrants are mostly male, among the Slovak converts women prevail over men in the ratio of six to four⁴. The majority of roughly 150 to 300 local Muslim converts are educated, young and women⁵. With regard to their nationality, “foreign” Muslims are mainly Arabs, Bosnians, Turks and Albanians, whereas Muslim converts are represented by Slovaks and Hungarians.

As far as Muslims in Slovakia are concerned, most of them arrived to communist Czechoslovakia as students from “friendly” and “progressive” Arab countries such as Iraq, Syria, Southern Yemen, Libya, Algeria or Palestine. At that time, at least formally, the majority of them believed more in Marx’s *Das Kapital* than in the *Qur’an*, although there has always been a religious sentiment behind the ideas of Arab and Muslim socialism. Broadly speaking, however, recent sur-

veys have shown that Islamic identity is important even for non-practicing “Muslims” in Europe⁶.

3699 people claimed to be Muslims in the Czech Republic according to the 2001 census carried out by the Czech Statistical Institute. According to the Czech Interior Ministry’s recent report, in 2005 there were some 11 thousand Muslims living in the country out of 10.3 m inhabitants, about 63% of them are classified as originating from the Sunni Turkic “sub-civilization“, mostly immigrants from Russia, Kazakhstan, ex-Yugoslavia, Bulgaria and Turkey. Ostránský however estimates that most Muslims in Czechia are of Arabic origin. The number of Muslims in the Czech Republic doubled in the past decade and similar trend is discernible in Slovakia, too. The two big congregational mosques in the Czech Republic are situated in Prague and Brno. No Czech mosque displays the visibly recognizable architectural shape of a congregational mosque⁷.

REGISTRATION OF CHURCHES IN SLOVAKIA

After the fall of communism freedom of religion in Czechoslovakia assumed real proportions and religious groups were generally given back their properties since 1990. And although the new legislation adopted in 1991 and 1992 more or less accommodated the fourteen registered churches in Slovakia, including those with a very low number of believers, minor religions with no historical roots in the country had to face in the following years relatively unfavourable conditions due to high numerical census needed for registration.

In this article I will start with brief description of legal developments related to the freedom of religion in order to show how the Slovak legal framework evolved since 1989. First post-communist legislation on Religious Freedom and the Status of the Churches and Religious Societies, Act No. 308/1991 Coll., has been effective in the Czech and Slovak Federal Republic from 1 September 1991. Annex to this Act there was a list of recognized and registered churches and religious communities in both parts of the federation, nineteen in the Czech Republic and fourteen in the Slovak Republic.

However, concrete conditions for registration of churches in both republics have been specified at the level of national republics, consequently by the Slovak and Czech National Council’s laws. The Slovak National Council passed the Act No. 192/1992 on registration of churches and religious societies in Slovakia which introduced the minimum census of 20,000 adult citizens with permanent residence in the Slovak Republic. The Czech National Council’s Act No. 161/1992 set the minimum census at 10,000 adult individuals with permanent residence in the Czech Republic (churches that were members of the World Council of Churches needed only 500 signatures). The delegation of powers to the republics implied that there was no single answer to how the relationship between religious communities and state was to be organized in Czechoslovakia. The high registration census in the Czech Lands and Slovakia has been objected

to on the international level, but also on the domestic level, for example when the Slovak Attorney General filed a suit against the census before the Slovak Constitutional Court in 2004.

The split of the Czechoslovak state into two independent and internationally recognized republics on 1 January 1993 meant that further legislation on churches and religious societies evolved separately ever since. In Slovakia, the fundamental rights of believers and religious societies are anchored in the Constitution and the Charter of Fundamental Rights and Freedoms. Article 12 of the Slovak Constitution adopted in 1992 establishes the principle of equality in fundamental rights, such as belief and religion, of all citizens⁸. In 2000 the Slovak parliament passed a new bill—Act No. 394/2000 Coll. that amended the Law No. 308/1991—which guaranteed equality to all churches and granted churches and religious societies rights to conclude agreements with state.

Even though registration of religious groups is not required in Slovakia and people can freely practice their own faith, it is only as legal entities that churches and religious communities are authorized to apply for state subsidies and take advantage of other benefits. For example, only registered churches are allowed to access public schools, to have chaplains in the army and prisons, to visit orphanages or other health care and social establishments. Moreover, unregistered religious communities cannot build their prayer houses or practise legal religious ceremonies such as weddings and they do not get subsidies for religious teaching establishments. Only churches recognized by the state can possess or let out personal assets and real estate, while being partly exempt from paying taxes and import customs fees. Whereas registered churches are allowed to request financial support from the state for the salaries of clergymen as well as their administrative employees, and eventually for the education of priests, non-registered religious minorities are withheld from this in spite of fact, as they often say that they also pay taxes⁹. Equally, they are not given access to public television broadcasting and cannot open a bank account to receive donations or contributions. The right to pastoral care is limited to registered communities and bureaucratic regulations go as far as ritual slaughtering, which is allowed only for registered churches.

At present some 18 churches and religious communities are registered¹⁰. Slovakia. Most of them, except the Jehovah's Witnesses, New Apostolic Church, Mormons and Baha'is, were already established before 1991 and so they were exempt from membership requirement stipulated in 1991 by the Law on Religious Freedom and the Status of the Churches and Religious Societies No. 308/1991 Coll. In 2001 more than 84 percent of Slovakia's 5.3 m inhabitants claimed religious affiliation¹¹. The country has a clear Catholic majority that constitutes 68.9 percent of the population, followed by the Lutherans who represent 6.9 percent of the inhabitants, while Byzantine Catholics make more than 4 percent and Reformed Christian Church believers some 2 percent of the population. The number of adherents of all other religions is counted only in fractions of percents.

AMENDMENT FOR THE TWENTY-FIRST CENTURY?
THE NEW LEGISLATION CHALLENGED BY THE ATTORNEY GENERAL

The recognition of “nontraditional” or “syncretic” religious groups in Slovakia seems to be a distant dream after a new, even more strict legislation had been adopted in 2007. According to the new Act No. 201/2007 Coll. that amended the Act No. 308/1991 and abrogated the Act No. 192/1992, any church or religious community that wants to be officially recognized has to deliver again signatures of 20,000 of its adult members with Slovak citizenship and permanent residence in the country in form of an “honest declaration”. From an examination of both the Act No. 308/1991 and the amendment No. 201/2007 it can be seen that the wording “honest declaration of at least 20,000 adult individuals” has been recently changed to “honest declaration of at least 20,000 adult members”. On the whole then, in given conditions this can mean that, reduced to absurdity, the church may be obliged to present the full list of its members¹².

The provisions of the Act No. 201/2007 Coll. were put forward by two deputies of the currently ruling political parties, the SMER–Social Democracy and the People’s Party — Movement for a Democratic Slovakia. But with regard to 108 members of parliament who voted for the motion out of 117 deputies that were present at the vote it is possible to conclude that there was an unusual agreement with the amendment throughout the political spectrum, including the parties of the Slovak opposition¹³. Inevitably, the new law is considered discriminatory by the adherents of minor religions, including Muslims living in the country who consider themselves to be its main, albeit hidden, target.

Subsequently, in January 2008 the Attorney General Dobroslav Trnka challenged the constitutionality of both norms (Act No. 308/1991 Coll. and Act No. 201/2007 Coll.) before the Slovak Constitutional Court. Among his main arguments the Attorney General mentioned that the Act adopted in 1991 is in conflict with the Slovak Constitution and the ECHR (in particular with Articles 8, 9, 11 and 14), because it introduced a high numerical barrier needed for registration of churches as legal entities. He drew attention to the fact that all churches that have been mentioned in the attachment of the Act No. 308/1991 Coll. were registered immediately without taking into account the number of their members or persons claiming to belong to them. Ever since 1991 all those churches were *de facto* exempt from the census requirement. Although the state, as Trnka argued, declares equality vis-a-vis all religions before the law, it recognizes only those religious associations and churches that are registered as legal entities¹⁴. As discussed above, a related issue is the question of economic discrimination of minor religious groups that are excluded from the state financial support .

Dobroslav Trnka objected equally against the requirement to provide names, permanent addresses and identity card numbers of members of the religious community since this measure forces people to declare their religious affiliation and gives no guarantees in case of misuse. Juraj Hrabko, a well-established Slovak journalist, made a pertinent remark when he said that while the Act No.

308/1991 “was in conflict with the Constitution, the new one [the amendment] is in conflict with common sense”¹⁵.

The Attorney General found furthermore that the law violates freedom of association and is also at variance with the Article 14 of the CRC and Articles 3 and 4 of the Geneva Convention on refugees. According to him, the freedom of association can be limited only on clear grounds that are stipulated by the law, for example when aiming at protection of public order, internal security, prevention of criminal acts or when safeguarding people’s health. Furthermore, the state also discriminates against refugees living in Slovakia, because they cannot add their signatures to the registration proposal¹⁶.

In March 2008 the Constitutional Court accepted the motion for further proceedings. Finally, in February 2010 the Constitutional Court refused the Attorney General’s proposal so that the Parliament is not obliged to change the law.

OUTWARD RELIGIOUS EXPRESSION AT STAKE

In general, the adoption of new legal arrangements further complicates the integration of certain minor religions into the society and perpetuates the feelings of mistrust on the part of religious minorities as well as majority. In case of minor religions the state effectively reduces freedom of religion to *forum internum* which is defined by the Ministry of Culture as freedom of conscience, religion and thought that is not liable to any legal limitations. The outward expression of one’s religious sentiment, as results from the Slovak constitutional theory, is closely linked to *forum externum* that is regulated by the registration process which is supposed to protect public order, morality and health¹⁷. In the age of pluralism and massive contacts between various faiths such an approach, however, causes often discord rather than harmony. To name but one example that disapproves such a theory it is enough to look at Slovakia’s closest neighbour. The Czech Constitutional Court in its finding from 2003, for example, objected to similar interpretations in the Czech Republic with the argument that banning the outward religious expression and reducing religion to *forum internum* is insufficient¹⁸.

INTERNATIONAL REACTIONS

As already mentioned, the high numerical census has been under permanent criticism from abroad. The most outspoken criticism came from the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) and the US State Department, but what is more, such a high barrier is unusual in member states of the EU as well¹⁹.

Meanwhile, drawing on the principle that each member state of the EU adjusts the state — church relations according to its own cultural and historical tradition, the Slovak Ministry of Culture rejected all accusations of discriminatory practices²⁰. Indirectly, this statement has been supported by the *International Religious Freedom Report 2007* (hereafter IRFR 2007) according to which “in practice, unregistered religious groups were generally able to function in spite of these obstacles” in Slovakia²¹.

SLOVAKIA: HARDLY THE COUNTRY OF MUSLIM DREAMS THE QUEST FOR TEMPORARY SOLUTION: CIVIC ASSOCIATIONS

It cannot be overlooked that among religious minorities in Slovakia, local Muslim communities receive wide media and political coverage. Noticeably, after 11/9–2001 it is mainly Muslims who are under scrutiny, not least because of their efforts to get permission to build a congregational mosque and to receive recognition from the Slovak state.

Although some religious minorities may seem content with their current status established through civic associations registered at the Ministry of Interior, Muslims always aspired for more than that. We have to notice nevertheless, that according to Slovak Attorney General, non-registered religious associations cannot operate as civic associations based on Act No. 83/1990 Coll. either, because to practice religious activities within this framework contradicts the law²². More precisely, the act regulating civic associations explicitly excludes churches and religious organizations. Without jumping to conclusions then, it may well be possible that organizations founded by Muslims in Slovakia, as well as by adherents of other faiths, are therefore contravening the law on civic associations.

The most representative Muslim organization founded as a civic association is the Islamic Foundation in Slovakia established in 1999. Its chairman is Mohamad Safwan Hasna, Muslim of Syrian origin²³. The foundation defined its three main objectives as follows: to cultivate friendly relations between Slovakia and Islamic countries, to take care of cultural and social interests of Muslims in Slovakia and to provide persons struck by natural disasters with humanitarian aid. It organizes presentations and seminars, Muslim marriages or burials, common fast-breaking *iftar* dinners during the month of Ramadan, summer camps for converts, co-organizes the annual pilgrimage to Mecca (*hajj*) and engages in charity activities both at local and international level.

FEAR OF MUSLIMS AND FEAR OF MOSQUES SUMMARY OF THE “MOSQUE DEBATE”

The “mosque debate” is a litmus paper of relations between Muslims and the non-Muslim majority in many countries, including Slovakia, whereas tensions concerning the construction of mosques are nowadays commonplace in EU member states²⁴. In an interview published in 2004 Mohamad Safwan Hasna mentioned that the greatest problem for Muslims in Slovakia is connected with the construction of an Islamic cultural centre in Bratislava’s Old Town and the fact that the Slovak authorities have not allowed the erection of a single congregational mosque up to now²⁵. The permission to build it together with a mosque in the centre of the capital has been turned down by the local authorities in 2003 after numerous attempts by Muslim community to finalize the project²⁶. As some of the opponents also used to say in their defense, mosques do not fit in with local architectural style. Fur-

thermore, the poll conducted by the MVK agency in 2005 indicated that 61.5 percent of Slovaks are against the idea of having a mosque built in their neighbourhood²⁷. Some observers attribute opposition to mosques to the popular sentiment that is characterized by the profound conservativeness of Slovaks and local bias.

At the moment, there are roughly four small Muslim prayer halls in Slovakia. The one in Bratislava, after being obliged to change location several times, is situated in Karlova Ves district of the capital. Paradoxically, as Bratislava is situated on the border with Austria, Turkish Muslims living in the capital usually go for Friday prayers to the nearby small Austrian town of Hainburg where Turks represent about 9 percent of the population.

As most Slovaks do not have enough experience with Muslims in everyday life, they are usually forced to confront one media-image of Islam with another mass media constructed view of Islam. Given the fact that local medias are focused mainly on “problems with Islam” that are quite often overdramatized, native citizens shape their opinions on local Muslim communities through media coverage and not personal experience²⁸.

Also, articles published in the print media for the most part concentrate on local Muslim communities only in connection with some precarious or catchy international developments, not real everyday problems on the ground. The power of negative media coverage is sometimes said to be so influential that even people who mix with Muslims in everyday life may be unable to overcome its message. In general, “although clashes with Muslim minorities in Central Europe are more ideological than actual, themes related to Muslims currently serve as a symbolic playground for a wide range of social fears and frustrations”²⁹.

Hence, Muslims striving for recognition and mosques refer to the multicultural character of ancient Bratislava, a town with a mixed population of Slovaks, Hungarians, Germans, Jews and Czechs who have been living in relative symbiosis up to World War II. They like to point out that in the 1960s when the whole district of Vydrlica (Weidritz in German) on the foothills of Bratislava castle had been insensitively pulled down, it was not only the magnificent Synagogue of the Neologists that was demolished, but also a small mosque. And although the mosque building itself has been, with high probability, only an example of a summer-house built in Oriental style that was called “mosque” in the colloquial speech, some local Muslims nowadays understand it as a proof of their presence in the city since at least since the XIX century³⁰.

FROM DISPLAYS OF EXTREMISM TO UNEASY INTEGRATION

Feelings of mistrust on the part of the majority are from time to time saturated by the thoughts and deeds of individual Muslims or radical segments of certain Muslim associations. The image of Muslims in Slovakia has been quite severely damaged in the last decade by the fact that the local drug scene is controlled to a large degree by the Kosovar Albanian gangs. Some Muslims from Chechenia,

Daghestan or the Arab world are engaged in illegal activities, too³¹. Not least, in 2004 the Slovak media paid significant attention to a tiny — all in all five persons — and obscure *Slovak Islamic Movement — Hizballah* led by the Slovak Muslim convert from Christianity Erik Prešinský. In the letter sent to both Slovak President and Prime Minister, Prešinský raised a warning finger in the event that the Muslim community will not be registered in Slovakia, stating that the Arabs worldwide will stop buying Slovak products in return. Prešinský planned to register an Islamic political party at the Ministry of Interior and complained that Slovakia is the “only country in Europe without mosque”. The group that was established in Nitra attracted attention also due to its emblem: a machine gun held in hand with the globe as a background, symbols that are similar to the emblem of the Lebanese Hizballah. Nevertheless, the most representative Muslim groups in the country distanced themselves from these activities that are seen as counterproductive.

One important fact should not be forgotten here: discussions on multiculturalism also tend increasingly to become debates on Muslims; in fact, these issues are often discussed not with Muslims, but turn to be about Muslims. Perhaps even more insidiously, Muslims often have to face simplistic or offensive labels. According to the IRFR 2007, “anti-Islamic sentiment was apparent during the reporting period” in Slovakia, for example in the statements of a member of parliament from the Slovak National Party, one of three parties that are currently in the government, who said that the purpose of the stricter legislation was to prevent “our children going to a mosque to pray and professing that ‘we are al-Qaeda’”³².

From a European perspective the integration of Muslims will be further complicated by the fact that in the Old Continent, unlike in many parts of the world, religiosity is declining. On the contrary, “Western Europe stands apart from this growing global ‘religiosity’ except for the migrant communities from Africa and the Middle East. Many of the churches’ traditional functions — education, social services, etc. — are now performed by the state. A more pervasive, insistent secularism, however, might not foster cultural acceptance of new Muslim immigrants who view as discriminatory the ban in some West European countries against displays of religious adherence”³³.

Besides, relations between religions and secular EU states are managed mostly on reactive basis and driven by precarious events³⁴.

RECOGNITION OF MUSLIMS IN REGIONAL PERSPECTIVE REGISTRATION OF CHURCHES IN THE CZECH REPUBLIC

In the area of religious legislation the situation in Slovakia can be most easily compared with that in the Czech Republic. In fact, until 2002 the Law on Religious Freedom and the Status of the Churches and Religious Societies No. 308/1991 Coll., continued to be effective in both independent republics, even though details regarding registration were from the beginning within the authority of national republics. The new “confessional” legislation that came into effect

in the Czech Republic in 2002 in many respects facilitated the registration of religious churches and associations. According to the new Czech Act on churches and religious societies No. 3/2002 Coll., the two-stage registration in the Czech Republic differentiates between “bare” registration and “special rights”. To gain legal personality the law requires only three hundred signatures, but that does not give the religious society the same rights as those enjoyed by the registered communities so far. To be eligible to full or “special rights”, the registered association has to wait another ten years, and then, after meeting several conditions, apply for full-scale rights. Among other conditions, the church has to collect signatures of 0.1% of the population, currently about 10,300 persons³⁵. With regard to the new law, Czech Muslims have been finally registered in September 2004 and their application for “special rights” should be reviewed in ten years time.

Even though there have been previously speculations as well as serious opinions in Slovakia which suggested that the country could also opt for a “soft” Czech-like approach and introduce similar two-level registration, the political establishment finally in 2007 opted once again for tough regulations. In a quest for why that happened, one has not to forget that the Czech Republic is usually mentioned among the most atheist countries in the world where believers in God represent only a minority of the population. Partly due to historical legacy, Czechs view “church Christianity” and institutionalized religion in their majority with deep suspicion, yet not all of those who describe themselves as atheists actually mean what they say. Slovakia, on the other side, still counts among the countries with the highest religiosity in the EU, where traditional churches make desperate efforts to keep their influence and properties.

EXAMPLES FROM OTHER NEIGHBOURING COUNTRIES

To have a full picture it is useful to look briefly at how other neighbouring countries that are also members of the EU treat Muslims and the issue of registration. In order to register as a religious group in Hungary, it is enough to submit a statement to a county court that contains at least one hundred signatures of believers³⁶. According to the official Hungarian census dating from 2001 about 4 thousand legal residents of Hungary, mostly immigrants, declared themselves as Muslims³⁷. Unlike in Bratislava, the municipality of Budapest contributed to Muslim prayer house inaugurated in 1997.

In Poland, where 100 persons are at present qualified to submit a registration proposal, Islam has been officially recognized already in 1936. The majority of 20 thousand Muslims who nowadays live in the country are newcomers, while the historical community of Polish Tatars who have been living in the country for 600 years accounts for six thousand believers³⁸. Sunni Muslims — especially the Tatars — in Lithuania are considered to be a traditional religious community with a long history. In Slovenia, Muslim organizations have been registered in 1976 and 2006 and the registration enables them to apply for some financial aid and to

open a bank account. Islam is a recognized religion also in Romania with some 70,000 Muslims who are mostly historically rooted in the country since the times of the Ottomans.

With approximately 350 thousand Muslims, the Austrian case is one of continuity in the official recognition of Islam in the country since the adoption of the “Islam Law” in 1912³⁹. All in all, degrees of recognition of religious difference may differ from one country to another, but in comparative terms Slovakia stands apart as a country that started to move in the opposite direction.

* * *

Even if it is true that on the one side some ex-communist nations in East-Central Europe have excellent records in granting religious freedom, on the other side there are states which try to re-establish favourite relationships between state churches and governments or limit the religious freedom for minor religions. Summarizing the argument somewhat, it is certainly true that Slovakia is a country with one of the most strict laws on church registration in Europe. As I mentioned, the new laws are considered discriminatory also by Muslims who question the value of religious freedoms in the country. For the moment, the resolution of political, religious and security issues is attempted through tough and to a large extent unfounded legal arrangements that are at the edge of law. Viewed from yet another angle, it is puzzling that there is still little wider political support for lifting all these restrictions. As an indicator of the disproportionality of legal arrangements concerning the registration of churches it is sufficient to mention that civic association can be established in Slovakia by three people, whereas one thousand signatures are needed to register a political party.

This having been said, it should be also borne in mind that in a European context, “claims-making for group demands...appears largely to be a group specific phenomenon of Muslims” that highlights the “public image of Muslims as a group constantly requiring special provisions”⁴⁰. Therefore, it is in the interest of the Muslims in Slovakia to stress time and again their belonging to the nation in this still very young, proud and patriotic country.

While Tariq Ramadan, a prominent Muslim scholar on Islam in Europe, insists that by identifying Muslims primarily by their faith and forcing them to withdraw into themselves out of fear, Europe is at risk of a “clash within civilization”⁴¹, other scholars see the whole issue as a complex mix of problems and observe that:

“Accommodating Islam will be problematic, though it is perhaps better to have political conflicts over being part of a national community, than to have minorities who see themselves apart from civil society. One possibility is the emergence in time of more ‘domesticated’ national forms of Islam, whose demands are more easily included within existing frameworks, and whose believers share more of the core values and worldviews of the majority [of the] public. Alternatively, failure by political institutions to recognize and include the specificities of Islam may lead to grievances, turning future generations either towards political ideologies which challenge the West or a life of alienation and anomie”⁴².

Regardless of problems that Muslim communities face as a consequence of mistrust, radicalism or Islamist attacks all over the world, other minor religious groups in Slovakia — such as the Church of the Nazarenes, the Brethren Unity and some other smaller Protestant Churches, the Hare Krishna community, the Movement of the Holy Grail and many others — would also deserve attention in connection with the aforementioned legislation. They, however, were not the focus of the present paper.

¹ Details in: *Mendel M., Ostránský B. and Rataj T.* Islám v srdci Evropy: Vlivy islámské civilizace na dějiny a současnost českých zemí. Praha: Academia, 2007.

² Čikeš R. Registrácia cirkví a náboženských spoločností verus náboženská sloboda // M. Moravčíková and M. Lojda (ed.). Islam v Európe: náboženská sloboda a jej aspekty (Ústav pre vzťahy štátu a cirkví–Centrum pre európsku politiku). Bratislava, 2005. Note 10, 15.

³ *Schneider J.* Muslim Minorities and Czech Society // Pamela Kilpadi (ed.). Islam and Tolerance in Wider Europe Budapest: Open Society Foundation, 2007. P.131–135.

⁴ *Knapová I.* Konverzia na islam na príklade slovenských žien, M.A. dissertation on file at the Univerzita svätého Cyrila a Metoda in Trnava, Slovakia, 2007. P. 42.

⁵ *Letavajová S.* Náboženská konverzia ako dôsledok globalizačných procesov — prípadová štúdia o islamských konvertitoch na Slovensku // Silvia Letavajová (ed.). Reflexia globalizácie v lokálnom spoločenstve. Trnava: UCM, 2006. P. 91.

⁶ For instance: *Zebiri K.* British Muslim Converts: Choosing Alternative Lives. Oxford: Oneworld, 2007. P. 19.

⁷ *Schneider...* P. 131–135; Daniel Topinka (ed.). Integrační proces muslimů v České republice–pilotní projekt. Praha: VeryVision, 2007; *Mendel, Ostránský and Rataj...* P. 20, 409.

⁸ Article 12(2) of the Slovak Constitution disposes: “Fundamental rights shall be guaranteed in the Slovak Republic to everyone regardless of sex, race, colour, language, belief and religion, political affiliation or other conviction, national or social origin, nationality or ethnic origin, property, descent or any other status. No one shall be aggrieved, discriminated against or favoured on any of these grounds”. http://www.concourt.sk/en/A_ustava/ustava_a.pdf. P. 7.

⁹ See the suit filed by the Attorney General Dobroslav Trnka with the Constitutional Court: Ref. No. ÚS 10/08 of 5.2.2008, at <http://www.concourt.sk/rozhod.do?urlpage=akt_cin>, P. 12.

¹⁰ *Dassetto F., Ferrari S., Maréchal B.* Islam in the European Union: What’s at Stake in the Future. Brussels: European Parliament, 2007. P. 160; *Maréchal B., Allievi S., Dassetto F., Nielsen J.* Muslims in the Enlarged Europe. Religion and Society. Leiden: Brill, 2003.

¹¹ Statistics available at http://portal.statistics.sk/files/Sekcie/sek_600/Demografia/SODB/Tabulky/tab13.pdf; see also <www.government.gov.sk/7887/slovensko.php?menu=1265>.

¹² The suit filed by the Attorney General Dobroslav Trnka with the Constitutional Court: Ref. No. ÚS 10/08 of 5.2.2008, at <http://www.concourt.sk/rozhod.do?urlpage=akt_cin>. Note 2, 17.

¹³ When the amendment No. 201/2007 Coll. has been signed by the Slovak President Ivan Gašparovič it came as a surprise for many that he made no attempt to return the law to face a new parliamentary scrutiny.

¹⁴ The suit filed by the Attorney General Dobroslav Trnka... Note 2, 3.

¹⁵ *Hrabko J.* S podpisom prezidenta, *Sme*, 10 May 2007, 40. <<http://www.sme.sk/c/3287655/S-podpisom-prezidenta.html>>.

¹⁶ The suit filed by the Attorney General Dobroslav Trnka... Note 2, 10, 13.

¹⁷ Čikeš R. Registrácia cirkví a náboženských spoločností verus náboženská sloboda // M. Moravčíková and M. Lojda (ed.). Islam v Európe: náboženská sloboda a jej aspekty (Ústav pre vzťahy štátu a cirkví–Centrum pre európsku politiku). Bratislava, 2005. P. 14–18, 17–18.

¹⁸ Czech Act No. 4/2003 Coll.

¹⁹ Čikeš... Note 10, 16. See also: Slovak Republic // International Religious Freedom Report 2007. Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, U.S. Department of State, Washington, 14 September 2007, 7 // <<http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2007/90199.htm>>.

²⁰ The registration of churches and religious communities is managed through the Ministry of Culture in Slovakia. Not to be forgotten is the fact that the ministry can decline registration even if

conditions set by the law are fulfilled, for instance, when activities of the church are on the wrong side of the law or in case they are inconsistent with the security of citizens and principles of humanity and tolerance.

²¹ Slovak Republic... Note 12, 4.

²² The suit filed by the Attorney General Dobrosław Trnka... Note 2, 4.

²³ The foundation is well represented on the Internet too with its main page at <<http://www.islamweb.sk>>.

²⁴ Cesari J. Mosque conflicts in European Cities: Introduction // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 31(6), 2005. P. 1015–1024.

²⁵ Fila L. Muslims in Slovakia work for positive integration // *Slovak Spectator*. 1 March 2004 // <<http://www.spectator.sk/articles/view/15246/1/>>; first plans to build an Islamic centre in Bratislava date back to 1993.

²⁶ News Briefs, «No Islamic centre for Bratislava» // *Slovak Spectator*. 24 August 2003 // <<http://www.spectator.sk/articles/view/13676/1/>>.

²⁷ Flash News, «Poll: Slovaks do not want mosques and Muslims in the country» // *Slovak Spectator*. 3 October 2005 // <<http://www.spectator.sk/articles/view/21028/10/>>.

²⁸ Here the situation in Slovakia has much in common with that in the Czech Republic as described by Křížková M. Neviditelná menšina — analýza mediálního obrazu českých muslimů // *Multikulturní centrum Praha*, 2006, 1–3 // <<http://www.migraceonline.cz/e-knihovna/?x=1955100>>.

²⁹ Schneider... Note 16, 131.

³⁰ Janota I. Rehole, kostoly a kláštery v Bratislave. Bratislava: Albert Marenčin–vydavateľstvo PT, 2008. P. 63–65.

³¹ Slovak secret services (*Slovenská informačná služba, SIS*) annual reports: “Správa o činnosti SIS v roku 2001”. Bratislava, 2002, 7 // <http://www.sis.gov.sk/index_sis.html>, “Správa o činnosti SIS v roku 2005”. Bratislava, 2006, 6–7 at <http://www.sis.gov.sk/index_sis.html>. See also Murdza K. Organizovaný zločin // V. Tarasovič and R. Ondrejcsák and Ľ. Lipták (eds.). *Panoráma globálneho bezpečnostného prostredia 2004–2005*. Bratislava: Ministerstvo obrany Slovenskej republiky–Inštitút bezpečnostných a obranných štúdií, 2005. P. 638–639.

³² Slovak Republic... Note 12, 3, 6.

³³ Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council’s 2020 Project. Washington, December 2004, 79 // <<http://www.foia.cia.gov/2020/2020.pdf>>.

³⁴ Al-Azmeh A., Fokas E. (eds.). *Islam in Europe: Diversity, Identity and Influence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 3.

³⁵ Tretera J.R. Právni postavení islámské menšiny v České republice // Moravčíková–Lojda... P. 10, 109–115, 114.

³⁶ Dassetto F., Maréchal B. ... P. 3, 123. See also: Rózsa E.N. Muszlim kisebbségek Közép-Európában, avagy Közép-Európa különlegessége // Rostoványi Z. (ed.). *Az iszlám Európában*. Budapest: Aula, 2010. P. 405–446.

³⁷ Lederer G. Islam in Post-socialist Hungary // *ISIM Newsletter*. 2002, No.11, 15.

³⁸ See e.g.: Dziekan M.M. Historia i tradycje polskiego islamu // Anna Parzymies (ed.). *Muzułmanie w Europie* Warszawa: Dialog, 2000. P. 199–228.

³⁹ Abid L.J. Muslims in Austria: Integration through Participation in Austrian Society // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 26 (2), 2006. P. 263–278, 263, 268.

⁴⁰ Statham P., Koopmans R., Giugui M., Passy F. Resilient or Adaptable Islam? Multiculturalism, Religion and Migrant’s Claims — making for Group Demands in Britain, the Netherlands and France // *Ethnicities*. 5(4), 2005. P. 427–459, 441, 453–454.

⁴¹ Lobjakas A. Islam: Scholar Warns Europe of ‘Clash Within Civilization’. 30 March 2006, Prague // <<http://www.rferl.org/articleprintview/1067238.html>>.

⁴² Statham P.... P. 40, 455.

Элиста — на пути к превращению в центр европейского буддизма и российского межрелигиозного диалога

К моменту падения советской власти Калмыкия была одним из самых атеизированных субъектов федерации. Даже основные религии населения республики — православие и буддизм находились на грани исчезновения. К середине 1980-х гг. в республике не было ни одной зарегистрированной буддистской общины. В отсутствие лам буддийские обряды совершали *медлчи* — знатоки буддизма, не имевшие сана. В Элисте существовала община женщин-мирян, называвшихся «*мацга эмгчуд*», — «женщины, соблюдающие пост». Трижды в месяц они собирались, чтобы провести религиозный обряд в домах верующих, согласно составленному ими списку. В конце 1980-х гг. очередь на проведение в частных домах очистительного обряда была расписана на год вперёд. Несколько ранее, в середине 1980-х гг., появляются легальные общины баптистов и пятидесятников.

До этого времени на территории Калмыкии легальная религиозная жизнь была представлена двумя православными молитвенными домами. Возрождение православия в Калмыкии началось в 1984 г., когда иеромонах Зосима (Остапенко) возглавил первый вновь открытый православный приход в селе Приютное. В первое время религиозной свободы более заметны были православные. В 1990-е и нулевые годы XXI в. развитие православия в республике мало чем отличалось от других регионов. Нужно сделать, правда, одну существенную поправку: развитие это происходило в национальной республике, а в национальных республиках православному духовенству нужно искать *modus vivendi* с представителями титульной нации и среди представителей республиканских властей, и среди активистов общественных организаций. Однако взаимодействие с иноверцами обычно ограничивается протокольными мероприятиями с участием архиерея и двух-трех священников из руководства епархии, а также использованием миролюбивой риторики по отношению к наиболее распространенной среди титульной нации религии. При первом православном архиерее Элисты ситуация развивалась именно таким образом.

В 1987 г. «благочинным» Калмыкии стал игумен Зосима (Остапенко), до того возглавлявший единственный в республике приход, человек энергичный с политическим чутьем. С началом перестройки Зосима ориентировался на новую власть, баллотировался и был депутатом калмыцкого парламента и сразу сделал ставку на тогда только начинающего политика, Кирсана Илюмжинова, в программе которого на президентских выборах в Калмыкии один из пунктов гласил: «Воссоединение церкви и государства».

Зосима стал одним из ближайших помощников Илюмжинова во время предвыборной кампании и ездил агитировать за него по всей республике.

После победы на выборах благодарный Кирсан Илюмжинов обратился с просьбой к патриарху о создании отдельной калмыцкой епархии. Епархия была учреждена в 1995 г., её возглавил Зосима.

Важной проблемой для архиепископа Зосимы стало упорядочение отношений с буддистами. Он отказался от открытого миссионерства в буддистской среде, ссылаясь на то, что они якобы сами собой постепенно христианизируются (у калмыков, формально «буддистов», в наши дни широко распространены представления о Будде, как о личном Боге— творце; массовым явлением стали мероприятия в честь христианских праздников). По приглашению буддистов Зосима побывал на Тибете и с тех пор подвергался критике со стороны националистической организации «Русские славяне», которая обвиняла его в предательстве русских интересов.

Зосима утверждал (в интервью, данном автору 3 ноября 2003 г.), что «шовинизм — большая беда церковной жизни, русский шовинизм привёл к недовольству эстонцев в Таллинской епархии и расколу, но в Калмыкии он (Зосима) церковного шовинизма и связанных с ним бед не допустит».

Зосима всячески подчёркивал уважение к национальной религии калмыков и главе калмыцкого народа президенту К. Илюмжинову. По словам епископа, «президент — неординарный человек, который проповедовал космическое мировоззрение за объединение всех религий, а сейчас К. Илюмжинов стал практикующим буддистом». Зосима поддерживал тесные дружеские отношения с буддистским духовенством, посещал дацаны для участия в буддистских праздниках, ламы приходили в собор на Пасху.

Православие среди калмыков имеет некоторый успех. При Зосиме был рукоположен священник, а также пострижен монах из калмыков. Двоюродная сестра К. Илюмжинова — прихожанка собора в Элисте. По праздникам в храмах читается Евангелие на калмыцком языке. Калмыки—православные — это по преимуществу *бузавы*, те калмыки, которые исторически были христианами (в отличие от тургутов-буддистов). В столице Калмыкии около 25% прихожан были калмыками. Архиепископ Зосима стремился ограничить отношения с буддистами своими личными дружескими и деловыми отношениями с руководством буддистской общины. Однако эти ограничения не могли быть очень успешными из-за присутствия среди православных прихожан большого количества калмыков, поддерживающих добрые отношения со своими родственниками буддистами.

Сложнее и противоречивее складывались отношения РПЦ с иноверными христианами. В 2000-е и 2010-е гг. в Калмыкии существовала активная католическая община, и ей также покровительствовал президент К. Илюмжинов. За короткое время своего существования элистинский приход успел пережить и расцвет, и упадок.

В начале 1990-х гг. элистинский интеллигент Алексей Кикшаев (калык), занимаясь изучением различных верований, пришёл к выводу, что ис-

тинная вера — католицизм. Он отправился во Львов, нашёл костёл латинского обряда, и со словами «Я католик!» потребовал у священника крестить его. После нескольких вопросов (испытания в вере) выяснилось, что он не знает о католицизме абсолютно ничего. Священник снабдил его литературой и отправил в Калмыкию набираться знаний. А. Кикшаев оказался человеком настойчивым и через год снова приехал в Львов и прошёл испытание. Получив крещение, А. Кикшаев вернулся в Элисту и развернул бурную кампанию по пропаганде католицизма. Он выступал с лекциями в университете и домах культуры, писал статьи в местной прессе. Благодаря его активности, калмыки впервые услышали о католичестве, а местные поляки и немцы вспомнили веру своих предков.

Неутомимый А. Кикшаев пробился на приём к К. Илюмжинову и потребовал открыть католический приход. Тогда-то К. Илюмжинов и произнёс знаменитую фразу: «В Калмыкии всего один католик, но я готов дать землю для строительства костёла».

А. Кикшаев связал К. Илюмжинова с Тадеушем Кондрусевичем, после чего Кирсан Илюмжинов обратился к Папе с предложением заключить конкордат между Ватиканом и Калмыкией. Папа уклонился от экстравагантных решений и связал его с францисканцами, с которыми и был заключён договор о сотрудничестве. Договорились об открытии прихода и францисканского монастыря.

Алексей Кикшаев был насельником нескольких францисканских монастырей в Европе, но окончательных обетов не принял, оставил монашескую жизнь и женился. При этом он остался ревностным католиком. Сейчас он — гражданин Казахстана, крупный чиновник в администрации Н. Назарбаева. В бытность послушником одного францисканского монастыря в Италии он сумел собрать деньги, чтобы заказать одному из самых популярных церковных художников современной Италии Пауло Боччи икону Богородицы. Икона выполнена в традиционном калмыцком стиле. А. Кикшаев подарил ее элистинскому приходу, украшением которого Богоматерь Калмыцкая теперь является.

Поздней осенью 1993 г. в Элисту прибыл священник Ярослав Вишневский. В первые дни его принял Зосима — и позволил в течение месяца жить при епархии и служить мессу в просфорной.

В 1995 г. Ярослава Вишневского сменил Луциан Шиманский. Зосима традиционно поругивал католиков, но не отказывался встречаться с ними и даже участвовал в совместных публичных диспутах, после чего отправлялся в гости к отцу Луциану «пить кофе».

Отец Луциан Шиманский собрал общину численностью около 60 человек, основу которой поначалу составляли немцы, но после их отъезда в Германию — русские и армяне. Есть несколько калмыков. Луциан выступал в школах, университете, в прессе и на ТВ. Работал в Минздраве, вёл кампании против аборт и планирования семьи. С буддистами у отца Луциана были хорошие отношения. Вместе они молились в день памяти жертв СПИДа. Службы стали проходить в сборной церкви, которая подарена приходу

Св. Франциска немецкими единоверцами и собрана в отведённом Илюмжиновым месте за один день. В 2000 г. отца Луциана, посланного францисканским орденом в Казахстан, сменил Бартош Хобчарский. При отце Бартоше атмосфера, в которой живет католический приход изменилась.

С 2000 г., когда в связи с созданием епархий Католической Церкви по всей России была развернута антикатолическая кампания, епископ стал обвинять католиков в прозелитизме на территории республики. Епископ Зосима изменил свои взгляды и стал по отношению к католикам резко враждебен, прекратил всякие контакты. Из-за непримиримой позиции православного епископа возможности католиков участвовать в общественной жизни сократились. В частности, буддисты стали избегать с ними сотрудничать. Как сказал автору этих строк (в интервью в ноябре 2003 г.) лама Авган Ешей, «мы не имеем ничего против католиков, они хорошие люди. Но, если мы будем сотрудничать с ними, это вызовет сильное противодействие Зосимы. В результате мы получим напряженные отношения с ведущей христианской церковью в республике. Это слишком большая цена». К 2005 г. Зосима снова потеплел к католикам. Благодаря помощи Католической церкви в 2007 г. была произведена реконструкция купола Казанского кафедрального собора Элисты. Тогда же один из благотворительных фондов Римско-католической церкви по просьбе архиепископа Зосимы оказал помощь в строительстве воскресной школы в селе Троицкое Целинного района Калмыкии. В том же 2008 г. Зосима совершил паломничество к общехристианским святыням Италии.

Илюмжинов покровительствовал католикам по-прежнему. Во время выборов президента Калмыкии осенью 2002 г. (т. е. в разгар антикатолической кампании развязанной русскими националистами) в интервью «Независимой газете» Илюмжинов сказал: «...пусть стоят рядом хурул и мечеть, церковь и костёл. Да, костёл! Помню, было немало шуточек, когда он появился в Элисте. Действительно, католицизм, мягко говоря, не главная из наших религий. Но с другой стороны — это наш знак всему цивилизованному миру: мы открыты, добросердечны и готовы к сотрудничеству»¹.

Элистинский приход, тем временем, уменьшался, несмотря на обращения. Дело в том, что из-за отсутствия рабочих мест и низких зарплат прихожане все в большей степени уезжали из Калмыкии. В 2012 г. в приходе осталось 30 человек (к началу XXI в. доходило до 100). В приходе теперь только один священник. Приход, однако, сплоченный, половина прихода — молодежь. Воскресная школа открыта для всех прихожан.

В отличие от католиков, протестанты в Калмыкии постоянно численно растут, возникают новые общины и течения. Среди протестантов обращенные калмыки составляют до половины численности, протестантские общины ведут заметную социальную работу. Большинство протестантских общин готово к сотрудничеству и диалогу с православными и буддистами, но им этого до сих пор никто не предлагал.

В отношении протестантов у Зосимы была большая свобода действий, т. к. К. Илюмжинов был к ним равнодушен. К ним Зосима был постоянно

непримиримо враждебен. Он готов был использовать свои связи во властных структурах, чтобы ущемить их права. Архиепископ обратился в 2001 г. с открытым письмом к К. Илюмжинову, где говорилось: «...Я не буду обращать ваше внимание на порой не прикрытую шпионскую деятельность сект (о чем имеются данные не только в Патриархии, но и в органах этим занимающихся), на экономические преступления... Сектанты заражают неприязнью к традиционным религиям России, внедрением идей нацизма и непротивленчества, отношением к государству как к требующей устранения преграде, стоящей на пути объединения с “братьями” за границей... Если нынче мы не заострим наше внимание на этом, то недалеко время, когда Россия станет западной деморализованной колонией»². По словам Зосимы, он понял, что «сектанты — лицемеры», после того, как провел три года в баптистской общине в Казахстане, а затем крестился в православие.

Весной 2011 г. архиепископа Зосиму на элистинской кафедре сменил епископ Зиновий (Корзинкин). Ему досталось противоречивое наследство в области межрелигиозных отношений.

Протокольная дружба предыдущего архиерея с буддистами, шатания в отношениях с католиками и, тем более, вражда с протестантами не могли привести к ситуации межрелигиозного сотрудничества и диалога. Тем не менее, эта непоследовательная и противоречивая политика (именно в силу своей противоречивости и непоследовательности) готовила атмосферу подлинной открытости и сотрудничества. Этому способствовали политика К. Илюмжинова, ориентированного на сотрудничество со всеми религиями, и открытый и эклектичный характер калмыцкого буддизма. Епископ Зиновий — необычный епископ. Он — интеллект, считающий, что диалог и сотрудничество людей различных идеологий в современном обществе не имеют альтернативы. Диалог с другими религиями и мировоззрениями, по мнению Зиновия, важная форма и миссионерства, и укрепления межконфессионального мира. В интервью мне 12 января 2012 г. Зиновий заявил, что у него есть конкретные планы организации диалога с атеистами, а на вопрос о диалоге с протестантами, сказал, что и до него очередь дойдет. Причем, по мысли Зиновия, это не должен быть диалог «начальников». В условиях Калмыкии главным партнером такого диалога должен стать буддизм.

Первые шаги по организации диалога детей-православных и детей-буддистов уже делаются. Большинство родителей-калмыков выбрали для своих детей в рамках учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) буддизм, а русские родители — православие. По предложению епископа Зиновия на части уроках ОРКСЭ предполагается знакомство детей калмыков с православием, а русских детей — с буддизмом.

За двадцать с небольшим лет религиозного возрождения в Калмыкии буддизм в этой республике сумел не только фактически воскреснуть из небытия, но и проделать сложную, непредсказуемую эволюцию и в своих организационных формах, и в своей идеологической направленности. Можно выделить два основных направления, по которым развивался калмыцкий

буддизм. Возникли самостоятельные автономные и полуавтономные движения, отражавшие религиозные представления современных калмыков.

К началу 1990-х гг. калмыки были религиозно невежественным народом, они подверглись сильной русификации (среди них велика доля не знающих родного языка). Считая себя буддистами, многие из них крестят детей, соблюдают главные православные праздники (Пасху, Рождество, Троицу), часто держат в домах православные иконы. Среди активных мирян и представителей духовенства, не говоря уже о рядовых верующих, широко распространены представления о том, что буддизм признаёт существование единого личного Бога — Творца, по словам казачьего войскового ламы Владимира Чуматова, «существует единый Бог, Творец Сущего, Всеблагий Господь Ади Будда. Это тот же Бог, Которому поклоняются православные». Во время первого визита Далай-ламы в Элисту на его слова во время выступления о том, что нет Бога — Творца и что жизнь есть страдание, толпа недовольно загудела, были выкрики, что Далай-лама ошибается.

Впрочем, некоторые буддистские деятели Калмыкии, например, лама Алексей Доржинов утверждают, что монотеистические представления калмыков объясняются не столько христианским влиянием, сколько своеобразием традиционной калмыцкой религиозности. А. Доржинов объясняет монотеистические представления влиянием добуддистских верований калмыков — *тенгринства* и *зороастризма*. По мнению А. Доржинова, буддизм калмыков синтезирует в себя добуддистские верования, а в них были сильны монотеистические тенденции. «Такой буддизм тоже, если так можно выразиться, правильный буддизм».

Важная черта нынешней калмыцкой религиозности — это восприятие буддизма как одного из элементов более широкой народной духовности, которую нужно возродить во всей её полноте. Другие элементы этой народной духовности — добуддийские языческие верования, шаманизм (эту традицию сохраняют деревенские знахари-*эмчи*) и национальный эпос «Джангар». В последнее время для возрождения эпоса в Калмыцкой АН создан отдел эпосоведения, а в Малодербетовском районе — музей Джангарчи, при этом музее работает группа, возрождающая горловое пение эпических баллад.

Войсковой лама Казачьего войска Калмыкии (наполовину состоящего из калмыков) Владимир Чуматов, выпускник Санкт-Петербургского университета, учёный-буддолог, является одним из лидеров калмыцких буддистов. Он подчёркивает идейную близость буддизма и православия, считает необходимым возрождение «духовности калмыков во всей её полноте». Он категорически против борьбы за очищение буддизма: «больше нельзя насиловать душу калмыцкого народа, веру калмыков нужно принимать такой, какая она есть».

С первых перестроечных лет в Элисте стали создаваться *дхарма-центры*, объединяющие буддистскую интеллигенцию и молодежь. В дхарма-центрах быстро развился интерес не только к Гелуг, но и к другим школам тибетского буддизма. Очень быстро возникли общины Нигма, Кагью,

Сакья и Дзогчен. Приезд Оле Нидала (также известен как Лама Оле, его тибетское имя — Карма Лоди Чжамцо) вызвал энтузиазм, была создана община Карма Кагью, состоящая из одних калмыков.

Буддистские лидеры Калмыкии утверждают, что имеются неопровержимые исторические свидетельства о распространении школы Кагью среди калмыцкого народа на ранних этапах его истории. Эти свидетельства, представленные правительством Калмыкии в министерство юстиции РФ, были одним из важных аргументов при принятии решения о регистрации общин Карма Кагью министерством юстиции на всероссийском уровне.

В Калмыкии отсутствуют нетибетские школы, но это не является отражением принципиальной позиции, но результатом отсутствия традиций других школ и слабостью контактов с представителями дзена и тхеравады.

В 1990-е гг. и нулевые годы XXI в. заметную роль в развитии дхарма-центров сыграл Калмыцкий молодёжный дацан (Дхарма-центр Элисты), объединяющий молодую буддийскую интеллигенцию. Его председатель Батор Элистаев в первую очередь ориентировался на Европейский союз буддистов, он считает себя учеником президента этого союза парижанина, ламы Дени Эйсеринка-Франсуа. Молодёжный дацан установил тесные личные связи с Открытым европейским буддийским университетом в Париже и с помощью личных контактов и Интернета «помог ему выйти на российские просторы». Батор Элистаев считает главной задачей укрепление духовных связей не с Тибетом, а с русскими и западноевропейскими буддистами.

После 2000 г. контакты с западноевропейскими буддистами заметно ослабли, что в первую очередь является следствием прекращения ламой Дени активной проповеднической деятельности. В последние годы основным западным партнером дхарма-центра становится лидер фонда Ригпа Согьял Ринпоче, возглавляющий дзогчен общину в Англии. От некоторых активных буддистов Калмыкии можно слышать мнение о том, что Калмыкия — европейская страна, единственная европейская буддийская страна, и буддизм в Калмыкии — европейский.

Одновременно Батор Элистаев — страстный поклонник и исследователь шаманизма, участник западного неошаманистского движения.

Возрождение буддизма в Калмыкии после крушения коммунизма проходит под знаком восстановления духовных связей с Тибетом. Первый визит Далай-ламы XIV в Элисту в 1991 г. вызвал громадный взрыв энтузиазма. Идея превращения школы Гелуг в официальную школу буддизма в Калмыкии пользовалась всеобщей поддержкой. В 1993 г. 15 калмыцких юношей отправились учиться в Индию, в 1997 г. — пятеро поехали в Китай. В Элисту приехали несколько тибетских монахов, которые обучают калмыков буддизму. В 1995 г. в Элисте открылся филиал Международного буддийского института Карманы (KIBI), которым руководит монах с Тибета. Фактическое назначение Далай-ламой главы калмыцкого духовенства шаджин-ламы американского калмыка Тэло Тулку Ринпоче было воспринято как естественное восстановление духовной зависимости от Тибета.

Вначале восстановление связей с Тибетом вызвало в 1990-е гг. определенные трения и непонимание между тибетцами и религиозно настроенной калмыцкой общественностью. Долгие годы изоляции калмыцкого общества не только от Тибета, но и от религиозной буддистской жизни в целом, развили у калмыков свои собственные представления, которые отчасти противоречили тибетской норме. Тем более что и сами тибетцы не были идеальны.

После первых контактов возникло разочарование в тибетцах. В первую очередь проявилось недовольство поведением Тэло Тулку Ринпоче. Шарджин-лама приехал в Элисту в 1992 г. и возглавил официальное Объединение буддистов Калмыкии (ОБК), однако сразу же в 1993 г. уехал в Индию учиться, оттуда вернулся снявшим монашеские обеты, женатым. Выучившись, он, однако, в Элисте не задерживается, много времени проводит в США.

Многое в идейной позиции Тэло Тулку плохо воспринималось калмыками. Тэло Тулку неодобрительно относится к Оле Нидалю. «... к сожалению, наша толерантность привела к тому, что представители движения Карма Кагью обосновались в Калмыкии... Я не уважаю людей, которые не признают величия Далай-ламы — я имею в виду Шамара Ринпоче и Оле Нидала...»³.

На рубеже XX и XXI вв. Тэло Тулку и его окружение утверждали необходимость в процессе воспитания калмыцких буддистов изжить монотеистические представления. Официальный глава буддистов Калмыкии осуждал интерес своей паствы к другим, помимо Гелуг, школам и, тем более, к нетибетскому буддизму.

Они критически отзывались о дхарма-центрах, т. к. «в этих центрах нет квалифицированных учителей буддизма», особенное недовольство высказывалось по поводу того, что некоторые общины (в первую очередь община «Возрождение», руководимая Галиной Мурзаевой) возглавляют женщины.

Среди калмыцких буддистов возникли оппозиционные настроения по отношению к руководству ОБК. Стали проявляться и критические настроения по отношению к тибетским монахам. По словам Б. Элистаева «тибетские монахи, приехавшие в Калмыкию, не знают калмыцкого языка, не понимают местных проблем, враждебны “монотеистическому буддизму” калмыков». На волне этих настроений в 2000 г. был зарегистрирован Союз буддистов Калмыкии (СБК), который возглавил наиболее авторитетный лама — калмык Агван Ешей (Алексей Николаевич Доржинов). СБК так и не стал реально функционирующей централизованной организацией. Все, объявившие себя его членами, общины продолжали функционировать автономно.

Однако сам факт декларации о создании СБК стимулировал развитие оппозиционных ОБК настроений. Среди сторонников СБК были представлены два основных направления, в условиях Калмыкии часто переплетающихся между собой:

1. Движения, стремящиеся возродить подлинно национальную калмыцкую традицию буддизма. Наиболее последовательный представитель этого движения — община «Возрождение», возглавляемая Галиной Доржиевной

Мурзаевой (адрес: 9-й Северо-западный микрорайон, д. 19). Мурзаева ставит своей целью возродить добуддистские калмыцкие верования, в первую очередь тенгрианство. Сама она считает, что это тенгрианское возрождение должно происходить только в рамках буддизма. Но даже относящейся к ее деятельности с симпатией Агван Ешей признается, что «это не совсем буддизм».

2. Движения, стремящиеся направить развитие буддизма в том же направлении, как он развивается в странах Запада. Глава Дхарма-центра Б. Элистаев утверждает: «Ламы из Индии видят в калмыках азиатский народ, но у нас европейское мировоззрение. 15 лет мы шли по традиционному азиатскому пути — создавали монастыри, в которых должны жить монахи, окормляющие окружающее население. А это население, в свою очередь, должно монастырь содержать. Но ни один ученик-калмык не стал монахом в монастыре, а население не содержит монастыри. Монахи-тибетцы не знают нашего языка и проповедуют не только буддизм, но и ценности своей родной культуры, которая ничем не лучше калмыцкой культуры. Этот путь развития к успеху не приведет. Западный путь развития — создание дхарма-центров, т. е. общин мирян, занимающихся изучением буддизма и медитацией, стал развиваться спонтанно и естественно, он действительно имеет будущее».

В конце 1990-х — первой половине 2000-х гг. противостояние между ОБК и СБК было довольно острым, но затем противоречия начали сглаживаться. Буддизм Калмыкии развивался. Молодежь обучалась благодаря приезжим тибетским учителям. Этому же способствовали зарубежные контакты, а также обучение молодых калмыков в тибетских центрах буддизма школы Гелуг. Некоторые тибетские учителя (и в первую очередь Джампа Тинлей), проживающие в России или регулярно посещающие нашу страну, обладают бесспорным духовным авторитетом и своим служением содействуют популярности ОБК. Позиция руководства ОБК по отношению к различным местным калмыцким течениям буддизма со временем смягчилась. Сыграли свою роль и эклектичная позиция руководства республики, и отличная от Тэло Тулку Ринпоче позиция некоторых других руководителей ОБК. Постройка центрального хурула ОБК Бурхн-Багшин Алтн Сюме в Элисте в 2005 г. также способствовала смягчению отношения руководства ОБК к различным «новым» для Гелуг течениям буддизма. Центральный хурул представляет собой громадное здание в центре Элисты, прекрасно приспособленное для проведения съездов, конференций, богослужений. Далай-лама (скорее всего, зная о конфликте между калмыцко- и тибетско-ориентированными и желая его преодолеть) в своем обращении к верующим Калмыкии выразил пожелание, что «центральный хурул Элисты должен стать европейским центром всех буддистских традиций, существующих в мире»⁴. В Центральный хурул приглашаются представители буддизма со всего мира, Элиста становится крупным международным центром буддистской жизни. Установлены постоянные контакты даже с буддистами Мьянмы,

Таиланда и Шри-Ланки. Это поднимает авторитет и ОБК, и Калмыкии. Одновременно СБК лишился смысла своего существования. Большинство общин СБК присоединились к ОБК. Община же Агвана Ешея (Алексея Николаевича Доржинова), возглавлявшего ОБК, и некоторые другие общины вошли в Центральное духовное управление буддистов с центром в Петербурге. Независимо от организационного подчинения разница между тибетско- и калмыцко-ориентированными общинами продолжает сохраняться.

За прошедшие годы авторитет Далай-ламы постоянно растет. Не только буддисты, но и светские власти республики постоянно ждут визитов Далай-ламы. Далай-лама посетил Калмыкию трижды — последний раз в марте 2004 г. В Калмыкии широко распространено недовольство федеральными властями, отказывающими Далай-ламе в разрешении посещать Калмыкию чаще. «Они больше думают, как бы убажить китайских коммунак, чем об интересах своих граждан».

Возрождение буддизма — во многом результат политического курса Кирсана Илюмжинова. При его горячей поддержке и личном, весьма существенном, финансовом участии был построен в 1996 г. храм Сякюсн-Сюме, первое из зданий хурульного комплекса — будущего монастыря Гендун Шаддуб Чойхорлинг («Обители совершенных монахов»). Строительство было начато в 1989 г., но без государственной поддержки оно могло затянуться на десятилетия. В 2005 г. в центре Элисты был построен гигантский Центральный хурул Бурхн-Багшин Алтн Сюмэ, самый большой хурул в Европе.

При поддержке К. Илюмжинова созданы хурулы во всех улусах. Президент Калмыкии уделял большое внимание развитию издательской базы и системы буддийского образования. В то же время он стремился поддерживать все школы и течения буддизма, присутствующие в республике, не отрицая ни одного из них. В частности, К. Илюмжинов поддержал в 1997 г. строительство Ступы Просветления в Элисте общиной Карма-Кагью, а в 2003 г. обещал финансовую помощь строительству хурула для общины лидера СКБ Агвана Ешея. В июне 2007 г. Илюмжинов и известный российский рок-музыкант Борис Гребенщиков открыли в поселке Шинмер Кетченеровского района республики новое буддийское сооружение — Ступу Победы. Внутри 7-метровой ступы установлен молитвенный барабан *кюрдэ* с 10 миллионами мантр божеству долгой жизни Ушнишавиджаю, написанных на бумажных свитках. Б. Гребенщиков стал главным спонсором строительства Ступы Победы, которая символизирует просветленный ум Будды, побеждающий темные силы, и посвящена буддийскому божеству Ушнишавиджа. Борис «Пурошоттама» Гребенщиков и группа «Аквариум» дали благотворительный концерт, на который собрались несколько тысяч поклонников рок-группы.

Но К. Илюмжинов не только материально поддерживал буддийскую сангху, но и сам является носителем своеобразной, постоянно развивающейся, религиозной идеологии, которая в значительной степени определяет развитие буддизма в Калмыкии.

Некоторые основные черты этой идеологии первого президента Калмыкии выражены в его книге «Калмыкия — земля духа: национальная идея» (Элиста, 1997). В этой книге К. Илюмжинов утверждает существование некоего «единого потока духа», который объединяет эпическую мудрость, язычество и буддизм, национальные традиции и христианство. Но К. Илюмжинов не ограничивается этномудростью одного калмыцкого народа — большое почтение и поддержку он проявляет к РПЦ, регулярно до смерти болгарской прорицательницы Ванги он ездил к ней за советом, имел аудиенции у Иоанна-Павла II в Ватикане. В Калмыкии он регулярно посещал не только буддийские богослужения, но бывал и на праздничных православных богослужениях, после которых обращался с речью к прихожанам. Все общественные места Элисты были оклеены портретами К. Илюмжинова в обществе Далай-ламы, Алексия II или Иоанна-Павла II.

В начале своего правления К. Илюмжинов выступал с проектом строительства храма Всех религий, но позднее оставил эту идею. В начале 1990-х гг. он был сторонником идеи некоей единой космической религии, объемлющей все религии мира. К началу 2004 г. он стал много практикующим вполне традиционным буддистом, имеющим своего учителя — представителя Далай-ламы XIV в России Джампу Тинлея. В связи с этим неудивительна серьезная вовлеченность К. Илюмжинова в усилия, направленные на организацию визитов Далай-ламы в Россию.

Илюмжинов вынашивал планы создания в Калмыкии филиала Шаолиньского монастыря и Дворца ушу. В 2007 г. Пекине российская и китайская стороны подписали протокол о намерениях построить в Калмыкии филиал Шаолиньского монастыря и Дворца ушу. Однако этим планам не суждено было сбыться. В сентябре 2010 г. К. Илюмжинова на посту главы республики сменил Алексей Орлов.

К. Илюмжинов, тем не менее, продолжает активно участвовать в религиозной жизни республики, в первую очередь он занят налаживанием связей буддистов Калмыкии с буддистами в разных странах мира и поддержкой межрелигиозного диалога внутри республики. Новый глава республики А. Орлов позиционирует себя как светский человек, которого занимают не грандиозные проекты культового строительства и сотрудничества «духовных сил», а возрождение экономики республики. Если К. Илюмжинов стремился объединить в своей душе все веры, то президент А. Орлов подчеркнуто не принадлежит ни к какой. Орлов происходит из семьи донских православных калмыков-казаков, но сам не крещен, о вере говорить не любит, подчеркивая, что его дело — заботиться о процветании всех жителей Калмыкии. Прошло время цивилизационных проектов, начались поиски выхода из нищеты. То, что глава республики появляется в церкви или же хуруле, — это означает лишь уважение, которое он демонстрирует по отношению к верующим.

Принцип работы со всеми религиозными объединениями, по мнению ответственной за отношения с религиозными объединениями Раисы Дякие-

вой, главы рабочей группы по гармонизации межэтнических отношений при главе РК, заместителе министра культуры, образования и науки республики, основан на равноправии и представлении о том, что каждая конфессия вносит свой вклад в общество, в жизнь республики. Межконфессиональных проблем не возникает, и традиции толерантности со времен Илюмжинова соблюдаются. Власти выражают удовлетворение интеллектуализмом, терпимостью и демократичностью владыки Зиновия по сравнению с архиепископом Зосимой, «который бывал резок, нетерпим и авторитарен» (из интервью автору этих строк 15 января 2012 г.). Представители республиканской власти подчеркивают как положительный факт, что епископ Зиновий настроен налаживать контакты со всеми религиями и конфессиями. Фактически епископ Зиновий получил от властей санкцию на превращение в жизнь планов межрелигиозного диалога и сотрудничества.

В складывающейся сейчас в Калмыкии религиозно-общественной ситуации республика имеет шанс стать пионером религиозной открытости, диалога и сотрудничества. Диалог и сотрудничество десятилетиями провозглашаются религиозным и политическим официозом важной ценностью, но это сотрудничество и диалог неизменно ограничиваются протокольными встречами и декларациями религиозных начальников. Мало того, контакты верующих разных религий и конфессий, как правило, не приветствуются. В Калмыкии руководство основных религиозных групп декларирует готовность к такому шагу, а власти поддерживают такие планы.

В контексте открытости и диалога весьма существенна эволюция позиции основной официальной буддистской организации Калмыкии — ОБК (в отличие от аналогичных организаций Бурятии и Тувы), в последнее время провозгласившей курс на сотрудничество со всеми течениями буддизма существующими в мире.

¹ Независимая газета. 11.10.2002.

² Об этом подробно см.: Известия Калмыкии. № 57. 20.03. 2001; № 60, 23.03.2001; № 141, 11.07. 2001.

³ НГ– религии. 04.06.2003.

⁴ История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / Под общ. ред. Н.Г. Очировой. Элиста, 2011. С. 100.

Международное мусульманское движение «Ахмадия» сегодня

Религии — это внутриобщественная и международная деятельность догматических школ, идеологическим орудием которых выступает вера в единого Бога либо в божества.

В современном мире созданы и продолжают активно функционировать многочисленные светские и религиозные структуры, которые противоречат друг другу, образуют коалиции, союзы. В своей деятельности они активно шлифуют свои идеологические постулаты, а также используют идеологические и физические методы в противоборстве с оппонентами, ставя перед собой задачу отстоять и расширить масштабы своих интересов и увеличить контингент приверженцев. Такая же острая борьба происходит и внутри монотеистических религий ближневосточного происхождения — в иудаизме, христианстве и исламе, несмотря на то, что они возникли в древности.

Периодически религиозные системы переживают период «обновления», причины которого могут быть различными. Характерно, что движущей силой подобного движения зачастую становятся не религиозные разногласия, а чисто прагматические цели. Судьба и сроки существования у каждого движения различны. В христианской Европе это были гугеноты, протестанты — сторонники Мартина Лютера, англиканская церковь и т. д., в исламском ареале в XVIII–XIX вв.: бахаиты в Иране и Индии, лже-Махди в Судане, Рахмани и Илахи Бакш в Индии, Дови в Америке и т. д.¹.

Как известно, так называемый традиционный (или иначе — классический) ислам, будучи арабского происхождения, во многом не соответствовал психологии, национальным особенностям неарабских народов, да и ряда арабских племен, проживавших вне Хиджаза (на Аравийском полуострове). Древние семитские религиозные воззрения в условиях развития пестрого в этническом и цивилизационном отношении мирового сообщества вызывали в государственных образованиях, в границах которых в качестве ведущей религии утвердился ислам, потребность скорректировать эти догмы в соответствии с нормами местного национального уклада. Поэтому в исламе уже на его ранней стадии возникли два крупных направления — суннизм и шиизм. На этом поиски вариантов для корректировки традиционных воззрений в исламе не прекратились.

Особенно реформаторским оказался XIX в., в течение которого весьма ускорился технологический и гуманитарный прогресс международного сообщества. И вот именно в этом веке, наконец, появились в религиозных средах жизнеспособные секты (фракции, новые течения, школы реформа-

торов и т. д.), которые активно функционируют и сегодня. Так, в частности, в США в первой половине XIX в. появилось «Движение святых последних дней», члены которого более известны, как мормоны (Солт-Лейк-Сити, штат Юта). Тогда же в Индии, в штате Пенджаб (ныне Пакистан) возникла община, созданная Мирзой Гуламом Ахмадом Кадияни (1835–1908), «Анджуман-и ахмадийа», члены которой называют себя ахмадийцами. Долговременность существования первых (мормонов) определяется могуществом США в мировом масштабе и колоссальным финансовым богатством ведущих сторонников этой секты.

Ситуация с общиной ахмадийцев несколько иная. С самого основания «Ахмадии» против неё выступили лидеры общин и государств, придерживающихся классического ислама. Однако «Ахмадия» не только выстояла, но и превратилась в международное идеологическое течение.

Возникнув во второй половине XIX в. на полуострове Индостан в период колониального господства там Великобритании, «Ахмадия» первоначально охватывала регион, который в настоящее время располагается в южной части Пакистана и в северо-западной Индии. Родиной ее основателя — Хазрата Мирзы Гуляма Ахмада, или, как он провозгласил себя (и его последователи приняли эти титулы) — «Обетованный Мессия» («Избранный — Тот, Кто, Благовествует») и Махди («Ведущий — Тот, Кого Направляют»), — явилась деревушка Кадияна, находящаяся на севере Индии. После последовавшего во второй половине 1940-х гг. разделения Индостана на два государства — Республику Индия и Исламскую Республику Пакистан, основная масса индостанских ахмадийцев сосредоточилась в Пакистане, где их религиозным центром стал город Рабва.

В чем заключаются особенности учения Хазрата Мирзы Гуляма Ахмада, основателя «Ахмадии»? Как известно, в исламской традиции Мухаммад считается последним пророком Аллаха, появившимся после ряда предшествовавших пророков, начиная с Адама. В их числе признаны Авраам, Моисей, Иисус и многие другие. Мухаммада называют последним Законодателем, Печатью Аллаха и Вершиной всех пророчеств. После него, утверждает традиционное исламское духовенство, не может быть никакого пророчества, ниспосланного Свыше.

Хотя Ахмадиат полностью признает и соблюдает предписания Корана, а также чтит шариат и другие священные тексты ислама², традиционное мусульманское духовенство ближневосточных режимов, особенно Саудовской Аравии, объявили «Ахмадию» сектой, которая оскорбляет ислам. По их мнению, ее руководство посмело присвокупить к кругу пророков Аллаха нового Обетованного Мессию и к тому же с дополнительной функцией Махди. Сам Хазрат Мирза Гулям Ахмад провозгласил, что Божественное Откровение будет продолжаться вплоть до Судного Дня. Здесь Ахмадия вошел в противоречие одновременно с двумя традиционными направлениями ислама — суннизмом и шиизмом, а также с христианством. В соответствии с суннизмом и христианством, в будущем произойдет второе прише-

ствие Иисуса в качестве Мессии, как предвестника наступления Судного Дня. В шиизме же считается, что предвестником Судного Дня выступит так называемый 12-ый Имам, потомок пророка Мухаммада, а Иисус, как Мессия, будет осуществлять предписания Судного Дня. Хазрат Мирза Гулям Ахмад заявил, что он, будучи вдохновлен Аллахом на донесение Его нового Откровения всему человечеству, стал новым пророком с двуединой функцией — Обетованным Мессией и Махди. Вот почему так отрицательно и враждебно традиционное исламское духовенство (как суннитское, так и шиитское) подходит к идеологии «Ахмадии».

Еще одной неприемлемой особенностью «Ахмадии» явилось то, что она ввела в сонм пророков в качестве Мессии не выходца из рода пророка Мухаммада (в том числе потомков от его дочери Фатимы и ее мужа Али) и даже не араба (и даже не исторического пророка Иисуса-христианина), а представителя из индостанского рода персидских Моголов, которые в XVI в. пришли в Пенджаб вместе с Бабуром и поселились в местечке Ислампур (в 120 км к югу от Лахора), которое впоследствии получило название Кадиган³. То есть была возведена на высший святой уровень этнически и даже цивилизационно посторонняя (с точки зрения традиционалистов) личность. Кроме того, Мирза Гулям Ахмад был провозглашен последним имамом ислама, который знаменует собой приход Судного Дня.

Прошло уже более 100 лет после прихода Махди в образе Хазрата Мирзы Гуляма Ахмада, но так называемый Конец Света не наступил, и к тому же дела у человечества идут более или менее благополучно. Ахмадийский пророк предусмотрительно заявил, что «Исламу, в отличие от других религий, предопределен триумф на всей земле прежде, чем истекнут три столетия, начиная с XIV в. после Хиджры (то есть: после XIX в. н. э. предусмотрены еще три века — до XXIII в. н.э.)⁴. Таким образом, в Ахмадии задействован весьма гибкий аргумент — сравнительно длительная отсрочка. Причем идеологи Ахмадията заявляют: «Да, Махди (Пророк Мирза Гулям Ахмад) — последний имам, но он одарил человечество так называемым халифатом, который возглавляется потомками Мессии и Махди. И только с уходом халифата с мировой арены наступит Судный День для человечества». В соответствии с вышеприведенными принципами была выстроена концепция «Ахмадии», которая на основе проповеднической инициативы Хазрата Мирзы Гуляма Ахмада превратилась во второй половине XX в. в активно развивавшееся религиозно-общественное движение в рамках мирового ислама.

Сегодня «Ахмадия», будучи объявленной еретической сектой, не допускается в какие-либо международные исламские организации и на соответствующие форумы. В декабре 1985 г. Совет Исламской академии правоведения при Организации Исламская Конференция в Саудовской Аравии принял резолюцию, в соответствии с которой «притязания Мирзы Гуляма Ахмада на пророчества, посланничество и получение Откровения свыше ... выводят его за рамки Ислама и ставят в один ряд с вероотступниками»⁵.

Поэтому ОИК считает, что «Ахмадия» не является законным исламским движением, а бытует « в качестве несправедливой и ложной секты».

Такая анафема еще более стимулируется тем, что ее поощряет господствующее в Пакистане мусульманское духовенство, которое полностью придерживается арабийско-суннитской догмы ислама. Не желая делить идеологическую власть в стране с другой религиозной концепцией, традиционное духовенство потворствует преследованию ахмадийцев в собственной стране со стороны государственных органов, а также требует запрещения «Ахмадии» в международном масштабе. На этом поприще оно достигло определенных успехов: власти в Пакистане неоднократно репрессировали лидеров «Ахмадии» и запрещали массовые акции данного движения; периодически на религиозной почве совершаются погромы ахмадийцев с многочисленными жертвами.

Самой значительной антиахмадийской репрессивной акцией пакистанских властей в отношении руководства «Ахмадии» явилось то, что в 1984 г. четвертый халиф Хазрат Мирза Тахир Ахмад под угрозой ареста был вынужден покинуть Пакистан и поселиться в Лондоне⁶. Таким образом, ведущий идеологический центр «Ахмадии» переместился в Великобританию, где в настоящее время располагаются: главная администрация халифа, телецентр с вещанием на нескольких восточных и западных языках через спутник на весь мир и типография. Здесь же проводятся главные ежегодные съезды этого мусульманского движения. При этом, Хазрат Мирза Тахир Ахмад, четвертый халиф и харизматический лидер «Ахмадии», ведет активную пропагандистскую деятельность, публикуя религиозные труды. Из наиболее крупных публикаций этого халифа можно отметить монографии «Ислам отвечает на вопросы современности», «Кризис в Персидском заливе и новый мировой порядок...»⁷, а также ряд других монументальных произведений.

По утверждению администрации «Ахмадия», количественный и национальный состав «Ахмадии» значительно увеличился: за 1990 — 2005 гг. численность адептов движения возросла с 20 млн. до 100 млн. человек⁸. (Впрочем, по мнению светских исследователей, эти данные преувеличены, и численность членов этой организации не превышает 40 млн. чел.). Наибольшая масса ахмадийцев проживает на полуострове Индостан — до 30 млн. чел. (в Пакистане, в Пенджабе, и на севере Индии).

В течение последних десяти лет (с 2003 г.), «Ахмадия» возглавляется пятым халифом Хазратом Мирзой Масруром Ахмадом. Он приходится племянником предшествовавшему халифу Мирзе Тахиру Ахмаду. До своего избрания на указанный высший пост он являлся имамом ахмадийской общины в Рабве (Пакистан), главой всех зарубежных миссий «Ахмадии». До этого, на протяжении многих лет Мирза Масрур Ахмад возглавлял миссии «Ахмадии» как в Пакистане, так и во многих зарубежных странах. Особенно плодотворной, по оценкам современников, была его миссионерская деятельность в западноафриканских государствах.

Ввиду того, что ахмадийские общины в течение XX в. появились на всех континентах мира (данный процесс продолжился и в текущем столетии), первой крупной задачей нового халифа стало его регулярное непосредственное знакомство со всеми общинами в Европе, Америке, Азии и Африке, где находятся особенно крупные общины, насчитывающие по более чем 1 млн. человек. Ежегодно он посещает по несколько стран на разных континентах, встречается с президентами, членами правительств и другими высокопоставленными лицами этих государств⁹. В Канаде (Торонто) усилиями адептов «Ахмадии» построена самая большая мечеть Западного полушария, а в европейских государствах (Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Германии) функционируют её миссии. Причем, самая крупная в ЕС община «Ахмадии» действует в Германии (более 40 тыс. членов) с центром во Франкфурте-на-Майне. В Великобритании насчитывается более 20 тыс. членов этого сообщества.

Каковыми были конкретные шаги «Ахмадии» в 2012 году? В сентябре 2012 г. в Оклэнде (муниципалитет Альтон, в 70 км на юго-запад от Лондона) состоялся 46-й съезд («Джилса салан») международного мусульманского движения «Ахмадия», на котором были оглашены итоги деятельности этой организации за последний год. Присутствовало 27 тыс. делегатов и гостей (включая и иностранных). В отчетном докладе говорилось о том, что ныне миссии общины «Ахмадии» организованы и функционируют в 202 странах, в том числе в рамках СНГ: в Казахстане, Кыргызстане, России, Украине, Белоруссии и т. д. Всего в 2012 г. новые ячейки появились в 67 странах, причем в африканских странах многие мусульмане других направлений перешли в «Ахмадию». В 111 государствах «Ахмадия» зарегистрирована официально, в том числе в 2012 г. зарегистрированы отделения сообщества в Панаме и Италии.

Обширная многосторонняя деятельность «Ахмадии» во многих странах мира (преимущественно в африканских и азиатских) заключалась в следующем: социальная помощь беднейшим слоям, беженцам, строительство колодцев, водопроводов, предприятий по переработке и реализации местной сельскохозяйственной и другой продукции, открытие новых школ и профессиональных курсов, строительство новых мечетей (в частности, только в США в 2012 г. были построены храмы в Балтиморе и других городах). В 2012 г. были осуществлены новые переводы книг «Ахмадии» на русский, китайский, хинди и другие языки. Из Лондона активно велись телепередачи на урду, английском, немецком, арабском, хинди и русском языках через собственную независимую всемирную телетрансляционную систему. Общинами на местах было проведено 19 тыс. бесплатных субботников в домах и местах проживания нуждающихся семей. Таким образом, в 2012 г. были сэкономлены средства этих семей на сумму более 1 млн. ф. ст. Ахмадийская молодежь за счет средств общин обучалась в вузах, в т. ч. в Оксфорде, Кембридже, а также колледжах Лондона и учебных заведениях других городов Англии, Германии, Франции, США и т. д.

Сегодня активная деятельность «Ахмадии» продолжается. Новый глава общины Хазрат Мирза Масрур Ахмад, осуществляя руководство этим многочисленным и многонациональным религиозным движением, постепенно расширяет и углубляет свою деятельность на данном посту. Его посещения миссий на местах способствуют строительству новых учебных, благотворительных и религиозных объектов. Не последнюю роль играет распространение публикаций его религиозных и публицистических сочинений по наиболее актуальным проблемам современности. Этот факт поддерживает чувство оптимизма среди последователей «Ахмадии» и способствует росту ее рядов на мировой арене.

Центральное руководство «Ахмадии», штаб-квартира которого находится в Лондоне (район Уимблдона, улица Грэссэнхолл, 18).

¹ Ахмад — Обетованный Мессия и Махди. Тилфорд; Исламабад, 1992. С. 29.

² Так, основатель «Ахмадии» Хазрат Мирза Гулям Ахмад обнародовал главный принцип этого учения: «Ислам есть единственная живая вера, Священный Коран есть единственное живое Писание и Мухаммад — Единственный Живой Пророк» (см.: Ахмад — Обетованный Мессия и Махди... С. 22).

³ Ахмад... С. 2.

⁴ Ахмад... С. 23.

⁵ Фетвы: Постановления и рекомендации Совета Исламской Академии правоповедения (фикха). М., 2003, С. 25–26.

⁶ Следует отметить, что ахмадийская община в Лондоне функционирует с 1913 г., она в 1924 г. первой открыла мусульманскую мечеть «Аль-Фазл» в Англии (в районе Уимблдона, Лондон).

⁷ Homeopathia. Tilford (UK), 1998; Ислам отвечает на вопросы современности. Тилфорд (Англия), 1997; The Gulf Crisis and the new World Order. Tilford (UK), 1992.

⁸ В ряде изданий «Ахмадии» численность членов этой организации достигает 150 млн. человек (Transcripts of Speeches by Eminent Guests. Ahmadiyya Muslim Association, UK. London, 2004. P. 3).

⁹ Ahmadiyya Bulletin. L., 2004. P. 14–21.

Другие. Без любви и ненависти

Иммиграция — процесс конфликтный. Сильнее всего ксенофобские и националистические настроения проявляются в Москве. Массовая антипатия к приезжим объясняется различными причинами, среди которых опасение, что через 10–20 лет в русских школах будут преобладать дети таджиков, армян и азербайджанцев. Уже сегодня, якобы, падает общий уровень образования из-за иноэтничных школьников, так как они слабо владеют языком и предметом. Многих москвичей раздражает, что в магазинах их обслуживают кассиры и продавцы неславянской внешности, плохо владеющие русским, что в домах, где мигранты арендуют жилье, мусор выбрасывается прямо на лестницу, что там, где мигранты, там криминал. Обсуждается высказывание президента России о том, что к 2020 г. Россия создаст 25 млн. рабочих мест, которые обеспечат людей хорошей зарплатой и условиями жизни. То есть, в Россию приедут 25 млн. человек иной культуры и ментальности...?

С недавних пор в телевизионных передачах заговорили об экспансии приезжих. По подсчетам ведущего специалиста Лаборатории геополитических исследований О. Вендиной, на 8,7 млн. москвичей приходится чуть больше 2 млн. временных жителей¹. Из них в 2010 г. 31% составляли выходцы из Узбекистана, 16,4% — Таджикистана, 7% — Киргизии. По убеждению некоторых депутатов, недалек тот день, когда в городе появятся этнические кварталы, точнее — гетто, и мы получим общество, состоящее из существующих бок о бок отдельных этнических общин. Особенно пугает миграция мусульман из центральноазиатского региона, представители которого значительно отличаются от местного населения в этнокультурном смысле. Остановимся в связи с этим на некоторых проблемах, которые воспринимаются очень многими россиянами как драматические, поскольку угрожают изменениями этноконфессионального состава населения.

Вот что пишет известный арабист А. Малашенко. На данный момент, с учетом переписи населения 2002 г., численность мусульман в России превысила за 15 млн. человек. Прибавим к этому числу 2 млн. азербайджанцев, 1 млн. казахов, около 1 млн. узбеков, триста тысяч таджиков, приехавших в качестве гастарбайтеров и торговцев с окраин бывшей империи. Получится около 20 млн.². Да, православных становится меньше, мусульман больше. К тому же количество русских с 1989 г. сократилось со 119 до 115 млн. человек. Но дело не только в проблемах, связанных с тем, что в стране заметно ухудшается демографическая ситуация, но и в том, что мир постоянно движется в сторону перемен. Так, испокон веку идет перемещение наро-

дов, они привносят в наше общество свою культуру. Это историческая реальность.

Массовый поток трудовых мигрантов в Россию начался с середины 1990-х гг. С демографической точки зрения, миграция отразила масштабный спрос страны на рабочую силу. Дело в том, что в России всегда была низкая плотность населения. Демографические потери из-за войн и катаклизмов, связанных со сменой политического строя, увеличили разрыв по этому показателю между нашей страной и рядом крупных государств. По прогнозам авторитетных специалистов, сокращение численности населения к 2050 г. резко изменит его возрастную структуру: уменьшится доля национальной рабочей силы и увеличится доля пожилых горожан. Когда же число российских пенсионеров на одного работающего достигнет кризисного уровня, общество столкнется с необходимостью перестраивать пенсионные системы. От того, какое число иммигрантов удастся включить в трудовую деятельность страны и социально адаптировать, зависит устойчивость этих систем, а также их экономический рост. То есть, в связи с серьезными вызовами демографического, экономического и социального характера Россия вынуждена проводить, как и ряд других государств, эффективную иммиграционную политику.

Москва и Московская область выделяются масштабами привлечения трудовых мигрантов. Это связано с освоением здесь наибольших объемов инвестиций в экономику региона. Там, где требуются рабочие руки, есть надежда на заработок. Востребованными оказались различные частные услуги, такие как строительство, ремонт. Многие выходцы из стран Азии стали работать в сфере жилищно-коммунального хозяйства и торговли, заниматься извозом. В Подмоскovie иностранные рабочие появились ближе к 2000-м гг. вместе с волной состоятельных людей, труд гастарбайтеров используется при строительстве малоэтажных жилых домов и усадеб.

Что за люди едут в московский регион из Центральной Азии?

Около трети это сезонные рабочие. Подавляющее большинство въехало в страну легально, но живут здесь не по закону. У одних отсутствует регистрация, у других нет разрешения на работу или просрочено время пребывания. Из-за непроработанного миграционного законодательства и коррумпированной правовой системы проще уйти в теневой сектор, нежели добиться разрешения на работу и жительство. Но иммиграция, принимая нелегальные формы, становится слабоуправляемой, часть ее уходит в криминальный бизнес. Заметим, что начальники в сфере коммунального хозяйства и строительства заинтересованы в нелегальном статусе мигрантов, присваивая себе разницу между положенной по смете зарплатой и той суммой, которая выплачивается гастарбайтеру. Большинство мигрантов предпочитает не ассимилироваться с русскими, они не знакомы с российским законодательством и подчас безразличны к русской культуре.

На заработки из азиатских стран еще недавно отправлялись в основном мужчины до сорока лет. В последние же годы в Москве стало заметно больше молодежи и женщин. Никаких амбиций. Люди с высшим образова-

нием работают на стройках, скотобойнях грузчиками и разнорабочими. На родине у них массовая безработица, копеечная зарплата (в Таджикистане в 2006 г. среднемесячная оплата труда составляла 33,4 долл., пенсия — 11,8 долл.)³. Они жадны до работы, готовы терпеть любые лишения и унижения — лишь бы заработать деньги для себя и своей большой семьи, которая осталась в кишлаках и аулах. Мужчины посылают основную часть своего заработка домой. Это примерно 500–600 долл., сумасшедшая сумма для тех мест, откуда они прибыли⁴.

Новым явлением стала феминизация иммиграционного потока из стран Центральной Азии. На протяжении многих столетий роль женщин в среднеазиатской семье сводилась к тому, что они выполняли репродуктивные функции и вели домашнее хозяйство. Даже при советской власти, когда некоторый процент женщин получил высшее образование и принял участие в общественной жизни, в семье преобладали патриархальные устои. С развитием трудовой миграции (особенно больших масштабов она достигла в Таджикистане) женщины отправляются в те российские города, где работают их земляки. Среди них встречаются учительницы младших классов, медсестры. В Москве женщины торгуют на рынках, подрабатывают уборкой квартир, нанимаются сиделками к больным и престарелым.

Среднеазиатский миграционный поток крайне поляризован, в его структуре представлены люди, у которых различные цели. В основном трудовые мигранты приезжают в Россию временно — накопить денег и вернуться на родину. То есть, миграция носит экономический характер, других мотиваций, например, политических, как правило, нет. Большую часть составляют выходцы из сельской местности. Как правило, это люди без образования, с трудом объясняются по-русски, не имеют опыта жизни в больших городах. Такая категория мигрантов в столице и Подмоскowie самая многочисленная. Эти люди не способны себя защитить, живут в подсобных помещениях, в подвалах без канализации и водопровода, выполняют любую черную работу, находятся в большой зависимости от работодателя, подвергаются вымогательствам полицейских, общаются в основном между собой. Они расплачиваются за непосильный труд своим здоровьем, тоской по дому. Земляк, прилично владеющий русским, помогает решать им трудовые и бытовые проблемы. Почта, банк, дорога в аэропорт, взятка чиновнику — все это входит в круг его добровольных обязанностей.

Относительно недавно появился институт теневого посредников, которые за определенный ежемесячный процент (и немалый) находят мигранту работу, жилье, улаживают все проблемы с работодателем и миграционными службами. Из-за этой дискриминационной практики на рынке труда и жилья происходит воспроизводство этнической идентичности, а не гражданской, создаются территориальные ареалы проживания мигрантов. Остается добавить, что пополнение рынка труда за счет мигрантов из Центральной Азии, по мнению российских демографов, ограничено небольшим сроком (называется цифра в 15 лет). Альтернативой будут китайцы.

Разумеется, встречаются люди, главным образом из Узбекистана и Таджикистана, ориентированные на ценности российского общества и способные к деструкции некоторых прежних культурных установок и идентичности. Они закончили высшие учебные заведения, в России у них друзья и работодатели, с которыми мигранты связывают надежду обрести в одном из российских городов постоянное место жительства. Эта часть выходцев сознает, что их социальное положение будет скромнее, чем на родине, однако условия труда и жизни и, главное, заработок восполняют потерю статуса.

Большая часть населения России не готова смириться с мыслью, что иммиграция, в первую очередь, трудовая, носит необратимый характер. К тому же вслед за отцом семейства приезжает его многочисленная семья. Складывается впечатление, что в Москве за мигрантами «зарезервирована» значительная часть рабочих мест, которые могли бы занимать местные работники. Давайте признаемся, что эти места не востребованы москвичами из-за низкого уровня зарплаты и тяжелых условий труда. Даже те, кто живет на пособие, не соглашаются на непрестижную работу. Пока остается без объяснения тот факт, что «чужаками» воспринимаются не только люди, говорящие на ином языке, исповедующие другую религию, но и русские, бежавшие из бывших советских республик. Их называют в селах, где они купили жилье, «инородцами», «киргизами», «таджиками», а еще «черными». Не странно ли, что рост в России антииммигрантских настроений и экстремизма, как на государственном уровне, так и на бытовом, коснулся не только инородцев, но и этих русских беженцев? Как же справиться с ситуацией, которую каждая из сторон оценивает с точки зрения своих интересов и своего понимания морали и этики? Для начала постараемся более или менее непредвзято взглянуть на отдельные факты.

По международным законам, страна, принимающая мигрантов, должна обеспечить их работой, жильем, медицинским обслуживанием. Но эти же проблемы и для коренного населения (особенно в отдаленных регионах) не всегда решены. Что уж говорить о мигрантах, которым ничего не остается, как искать поддержку и защиту у соотечественников из группы мигрантов.

В настоящее время мигрантами в большинстве случаев являются семейные мужчины, дети которых хотят получить качественное образование. Если по объективным причинам желание молодых людей расходится с их возможностями, причина видится исключительно в ущемлении прав иммигрантов. Но насколько оправданы их претензии к российским властям, от которых ждут открытия спецшкол по этнокультурному признаку, выделение канала на телевидении и частоты на радио, чтобы слышать родную речь? Согласно мировой практике, чтобы получить официальный статус мигранта, необходимо знание государственного языка страны. Именно с изучения языка принимающего общества начинается социализация иммигранта.

Ни правительство, ни ученые не сомневаются в том, что в основе миграционной политики должна лежать концепция интеграции. Причем се-

лективной интеграции, поскольку иноэтничный поток состоит из приезжих, преследующих, как уже говорилось, разные цели. Скажем, для временных мигрантов достаточно адаптации. Это значит, что они должны владеть разговорным языком, иметь представления о нормах миграционного законодательства, хотя бы в скромных пределах знать культурные традиции страны, владеть элементарными правилами поведения, которые приняты в обществе. Интеграционный процесс, конечно, глубже и серьезнее. Здесь уже речь идет о помощи людям, которые намерены либо долгое время проживать в России, либо остаться здесь навсегда.

Казалось бы, кто как не диаспоры, точнее, национальные организации, должны помочь трудовым мигрантам устроиться в жизни? Оказывается, в национальных сообществах довольно часто демонстрируют незаинтересованность в том, чтобы их соотечественники из числа временных работников знали русский язык и свои права. Это бизнес, ничего личного. Так проще держать человека в финансовой и моральной зависимости от их «бригадиров». Да и сами мигранты, во всяком случае, некоторые категории, не проявляют заметного интереса к адаптации. Только считанное количество из них посещают курсы по изучению русского языка, открытые при многих российских вузах. А зачем? И без знания языка можно найти работу — помогут посредники, социальные связи. Словом, если бы владение языком влияло на размер заработной платы, обеспечивало какие-то льготы, тогда и мотивация к адаптации возросла бы. Ведь в случае доступа мигрантов к медицине, к образованию, когда мигрант пойдет с ребенком в поликлинику или в школу, знание русского станет жизненно необходимым условием проживания в России.

Что касается культурной адаптации мигрантов, отметим, насколько противоречивы их предпочтения. С одной стороны, многие выходцы из Центральной Азии прикладывают немалые усилия, чтобы получить гражданство в России. Но с другой, стремятся жить в соответствии с культурой и этническими ценностями своей родины. Они не пытаются налаживать отношения ни с коренным населением, ни с мигрантами из других республик. Известно, что мигранты не знакомы с российскими законами. Санкции за нарушение законодательства они воспринимают как притеснение со стороны коренного населения. И любые конфликты с «чужими» объясняют национальной неприязнью. С жесткой ориентацией на этнокультурное сознание связан тот факт, что созданные мигрантами анклавные рынки труда учитывают запросы только представителей родственного этноса. Эти рынки — таджикские, азербайджанские, китайские — не берут на вакантные места людей других национальностей. Казалось бы, что москвичам до этого? Но адаптация мигрантов невозможна без коммуникаций, без общения. Именно через общение приходит (или не приходит) понимание того, что рядом с идентичностью людей, приехавших в страну, существует идентичность тех, кто их принимает. Конечно, мы все должны уважать различия, но если ты приезжаешь жить в Россию, то должен понимать, что предстоит раствориться, как в плавильном котле, в национальном обществе.

Итак, с одной стороны, Россия столкнулась с такой проблемой как демографическая несостоятельность. Никакого другого источника, позволяющего хотя бы стабилизировать численность населения, кроме миграции, нет. С другой — особой любви к мигрантам не замечено. В Москве только 6% респондентов толерантны. По данным Левада-центра весной 2011 г. 58% россиян высказались за идею «Россия — для русских»⁵. Ксенофобия сегодня направлена главным образом на представителей так называемых видимых в толпе меньшинств. Причем, как отмечают некоторые российские исследователи (например, доктор В.И. Мукомель из Института социологии РАН), наиболее негативно к мигрантам относятся те, кто проживает в поселениях, где мигранты почти отсутствуют, а позитивно те, кто имеет опыт их найма как физических лиц. На сегодняшний день у нас нет институтов, чтобы бороться с мигрантофобией и ксенофобией. Но если каналы распространения этих настроений не будут перекрыты (это относится к молодежной субкультуре, выступлениям публичных политиков) план интеграции, социализации мигрантов будет провален.

Говоря о миграции важно понять, что плохие условия жизни в России и национальные предрассудки населения порождают идеи, подталкивающие общество к фашизму. У нас популярны утверждения, что миграция из Центральной Азии носит исламский характер. Но ее выходцы никому не навязывают свою веру, мусульмане и так повсюду, их 1,4 млрд. человек на земле. Нас пугают, что недалек час, когда мы проснемся в исламской России, а еще в исламской Европе. Кому выгодны эти «страшилки»? В Москву приезжают в массе своей бедные социальные группы населения, которые хотят только одного — обеспечивать семью. К тому же русские — многочисленный народ с великой культурой. А тех, кто хочет знать, какие мусульмане утверждаются в европейских странах и какой ислам они в Европу несут, отсылаем к упомянутой выше статье А. Малащенко. Его анализ внушает сдержанный оптимизм.

Некоторые обыватели считают, что в Москве страшно жить из-за нашествия «чужих». Они, мол, «провоцируют» криминальную ситуацию. Однако, по словам директора Федеральной миграционной службы (ФМС) К. Ромодановского, в основном преступность иностранных граждан связана с подделкой документов. Да, кризис способствовал росту преступлений. Но не только среди «чужих», но и среди россиян. Критиков миграции К. Ромодановский обвиняет в непонимании ее значения для развития национальной экономики⁶.

Тем не менее, надо признать, что иммигрантская преступность в определенных масштабах существует. Иммигранты, зависимые от коррумпированных властей так же, как и от «авторитетов» собственных диаспор, использующих в криминальных целях своих соотечественников, нередко идут на преступление. Но в целом иммигранты более законопослушны, чем местные криминальные элементы.

Не стоит думать, что только в России рост числа мусульман воспринимается драматически. Исламского засилья боятся во Франции, Англии,

Германии, Голландии, Германии. А в Норвегии не боятся? Брейвик уложил 70 человек ради идеи своей жизни: власти должны перекрыть границу для «этих арабов». Однако самое непримиримое отношение к мусульманам — за Россией. И это при том, что в отличие от европейских стран, где существуют программы социальной защиты населения и мигрантов (не только из исламских стран), Россия не знает проблем с социальным иждивенчеством, на мигрантов не распространяются государственные законы материальной поддержки. Роднит же Россию с Европой в данной ситуации то, что благодаря дешевому труду мигрантов выиграла не только ее экономика, связанная с крупным бизнесом, но и экономика отдельных семей.

Рассуждая о мигрантофобии, мы должны сознавать, что ее накал зависит от поведения двух сторон. Глупо требовать от местного населения, чтобы оно в одночасье возлюбило людей с иными культурными и социальными традициями. Но речь ведь и не идет о любви, а только о толерантности. От мигрантов же, живущих в чужом для них обществе, логично ожидать знаков уважения к его ценностям. Словом, только встречное движение обеспечит тем и другим мирное сосуществование. Возможно ли это? Опыт традиционно иммигрантских стран (США, Канада, Австралия) дает надежду на успех. Разумеется, людям трудновато любить иных. Иначе мыслящих, иначе воспитывающих своих детей. Но живя рядом, мы учимся терпеть «других». Мы не имеем права навязывать им свой образ жизни, требовать единомыслия, общей с нами морали. Но мы можем требовать от них уважения наших законов. Иначе кровопролитных столкновений на национальной почве в России вряд ли удастся избежать.

¹ LENTA.RU (CONF.VENDINA).

² Россия и мусульманский мир. 2011. № 2. С. 186.

³ Олимова С., Олимов М. Таджикистан (Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 г.). Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2009. С. 336.

⁴ Гусман Н.О. Миграция через призму денежных переводов. Российская миграция. 2007. № 4. С. 19.

⁵ Новая газета. 2004. № 34.

⁶ Новая газета. 28.08.2009.

Роль алавитской общины в общественной и политической жизни Сирии

В начале 2011 г. страны Ближнего Востока оказались охвачены политическими волнениями. И даже Сирия, страна с довольно стабильной политической системой, не избежала подобной участи. В январе 2011 г. в Сирии начались антиправительственные выступления, которые довольно скоро переросли в вооруженное противостояние. Ситуация в Сирии помимо политических и экономических причин имеет конфессиональную подоплеку.

Большая часть населения Сирии исповедует суннизм, однако в стране существует несколько шиитских сообществ. Наиболее крупное из них — алавиты, или нусайриты, проживающие в основном вдоль средиземноморского побережья, а также в крупных городах — Дамаске и Алеппо. Алавиты составляют примерно 9–11% населения Сирии.

В 1970 г. Хафез Асад, отец нынешнего президента Башара Асада, пришел к власти в результате военного переворота и находился на этом посту в течение 30 лет. После его смерти президентом страны стал его сын Башар. Одним из результатов этого периода стало усиление позиций алавитской общины, к которой принадлежит семейство Асад. И поныне представители этой общины являются опорой режима.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ АЛАВИТОВ

Нусайризм (от *нусайра*, что означает — «подобные христианам» — презрительное название, данное алавитам суннитами за близость ряда религиозных положений к христианским) возник в последней трети IX в. в результате очередного раскола в шиитском исламе. Сами себя представители данного направления называют *алавитами* (последователями четвертого праведного халифа, зятя пророка Мухаммада и первого шиитского имама Али ибн Аби Талиба /656–661/). Основателем учения считается Мухаммад ибн Нусайр ан-Нумейри. О нём известно, что он жил в Багдаде, где и скончался в 873 г. Ученик ибн Нусайра, Абу Абдаддах ал-Хусейн ибн Хамдан ал-Хосейби собрал высказывания своего учителя воедино и таким образом создал доктрину алавитов, которая способствовала консолидации общины¹.

Основополагающей идеей алавизма является представление о «божественной триаде»: Али — это божественный смысл, то есть сам Бог Смысла, Мухаммад — воплощение имени смысла и Салман ал-Фариси, (сподвижник пророка, который в 627 г. посоветовал Мухаммаду вырыть около

6 км укреплений, которые охватили Медину полукругом с запада, севера и северо-востока, благодаря чему мекканская конница не смогла напасть на город) рассматривается как воплощение Врат в Смысл через Имя. Для сокращенного обозначения триады — Али, Мухаммада и Салмана ал-Фариси,— воплощающих соответственно Смысл (*Ма`на*), Имя (*Исм*) и Врата (*Баб*), алавиты используют слово `Амас². Судя по всему, корни этих верований уходят в сирийские языческие культы, в которых существовала триада: Солнце, Луна и Небо³. У алавитов есть своя священная книга — *Китаб ал-Маджму`*, которая содержит 16 глав (сур). Кроме того, они почитают Коран и Евангелие⁴.

Алавиты полагают, что познать Бога невозможно, если только он сам не воплотится в образе человека. Бог воплощался в семи пророках: Адаме, Нухе (Ное), Якубе (Иакове), Мусе (Моисее), Сулеймане (Соломоне), Исе (Иисусе) и Мухаммаде. Особенностью нусайритского учения является то, что все положения религиозно-политической доктрины сфокусированы на личности Али. Алавиты по существу верят, что Али — бог. Шахада (символ веры) алавитов звучит так: «Свидетельствую, что нет Бога кроме Али! Кто наш Господин, который создал нас? Это Али ибн Аби Талиб, эмир верующих, Аллах»⁵.

Это отличает нусайризм как от суннизма, так и от умеренного шиизма. Алавиты отмечают все памятные даты и праздники, связанные с Али, но одновременно почитают Иисуса Христа и отмечают христианские праздники, такие как Рождество (25 декабря) и Пасху, отмечают также иранский новый год (*навруз*).

Алавитское сообщество представлено четырьмя основными племенными группами: Хаятия, Калябия, Хаддадия и Мутавира⁶. Среди алавитских племен есть потомки арабских завоевателей, персов и выходцев с Кавказа. Кроме того, алавитские племена включают в себя более мелкие племенные группы, которые в свою очередь также подразделяются на подгруппы. Каждый сегмент племени управляется шейхом. При этом шейх одной из подгрупп может быть вождем общей группы, а вождь группы — вождем племени.

С течением времени племена разделяются на части. Периодически племенная группа может отколоться от племени, но остается под его покровительством. Таким образом, племя может разделиться, сохранив название, или же образовать два разных племени. Существует и противоположная тенденция «сращивания» сегментов, и тогда несколько разных племен образуют новое племенное сообщество.

Одной из наиболее важных причин данных процессов являются политические амбиции вождей. Шейхи племен конкурируют между собой, а также борются за привлечение новых сторонников. В процессе этого соперничества и возникают новые племенные образования. Еще одной причиной нестабильности структуры племен является демографический фактор. Если численность членов племени чрезмерно возрастает и управлять племенем становится трудно, то племя дробится. В случае если из-за своей малочисленности племя теряет политический вес, шейхи договариваются об объединении в союз⁷.

Внутри алавитской общины существует разделение на рядовых членов (*амма*) и посвященных в суть учения (*хасса*). В особую категорию посвященных могут войти только мужчины в возрасте от 18 лет, оба родителя которых должны быть алавитами. Хасса обязательно проходят специальные обряды (инициации), подтверждающие их статус. Обряд посвящения состоит из нескольких этапов, главный из которых — клятва о неразглашении тайны алавитской доктрины. Завершается процедура посвящения причащением бокалом красного вина. Вино используется и в некоторых других обрядах. Одновременно существуют запреты, аналогичные мусульманским, например, запрет на употребление свинины, зайчатины и рыбы без чешуи. (Последний запрет очень характерен для бывших жителей пустыни. Например, в Ираке такую рыбу вообще не употребляют в пищу. Антропологи связывают этот запрет с тем, что под кожу безчешуйной рыбы легко проникают вредные микроорганизмы).

Алавиты признают переселение душ (*танассух*). По их поверьям, после смерти душа человека переселяется в какое-либо живое существо. В условиях опасности со стороны представителей других религий, они применяют практику *такья*⁸, который позволяет, скрывая свою веру, публично соблюдать чужие обряды.

Богослужения алавитов проходят ночью в часовнях, которые называются *кубба* (араб. «купол»), расположенных на возвышенностях, обычно у могил святых⁹. В них обычно принимают участие посвященные алавиты (*хасса*).

Эти отличия от ортодоксального суннитского ислама объясняют ту точку зрения, согласно которой алавитов на Ближнем Востоке лишь формально относят к ответвлению шиизма, как, впрочем, и к исламу в целом¹⁰.

Вместе с тем, как отмечает российский исследователь В.Н. Саутов, «что касается идейных предшественников этой секты (алавитов — В.К.), то, как представляется, правильным является тезис об имамитских корнях нусайризма»¹¹.

Традиционным районом расселения сирийских алавитов является сельская местность и небольшие города на побережье Средиземного моря. Город Латакию, расположенный на северо-западе Сирии, можно назвать неофициальной столицей алавитов. После того как Сирия стала частью Османской империи, алавиты (как и другие шииты) подвергались жестоким преследованиям. Только в XIX в. дважды, в 1870 и 1877 гг., в Османской империи вспыхивали антиалавитские погромы¹².

Как отмечает американский исследователь Д. Пайпс, в конце XIX в., когда христианские миссионеры начали проявлять интерес к алавитам, османские власти попытались вернуть алавитов в лоно ислама. С этой целью в районах, населенных алавитами, были построены мечети и медресе. Османские власти принуждали алавитских религиозных лидеров перенимать суннитскую обрядовую практику. Однако данная политика не принесла ощутимых результатов, и алавиты сохранили свою самобытность¹³.

В годы французского мандата (1920–1946) по инициативе французских властей было образовано Государство алавитов со столицей в Латакии, которое просуществовало с 1922 по 1936 гг. Государство алавитов входило в основанный на принципе федерации союз с Сирией.

Однако, несмотря на обладание собственной государственностью, экономическое и социальное положение алавитов оставалось на более низком уровне, чем у суннитов. Данному положению дел способствовали перенаселенность района проживания алавитов, недостаточная плодородность почв и общая экономическая отсталость этих областей. Ситуация отражалась и на социальных показателях. Так, в годы французского мандата около 61% всех алавитов страдали трахомой, что выделяло их на общесирийском невысоком, с медицинской точки зрения, фоне. Постоянное недоедание, эпидемии, нехватка витаминов были причиной высокой детской смертности. Образовательный уровень алавитов также был весьма низким. Из общего числа школьников, посещавших в 1936 г. государственные школы в Латакии, только 27% принадлежали к алавитской общине, хотя алавиты составляли более 60% населения провинции¹⁴.

Общая ситуация в Европе накануне Второй мировой войны, а главное — изменения в самой Франции, заставили изменить отношение Франции к заморским территориям, что было связано с приходом к власти правительства социалистов. В соответствии с новой политикой французского правительства, в 1936 г. государство алавитов было присоединено к Сирии¹⁵.

Во времена французского мандата в Сирии наметилась тенденция к увеличению количества алавитов среди военных. В этот период представители религиозных меньшинств активно поступали в военные училища. Как и во многих других странах, служба в армии и получение военного образования стали социальным лифтом для бедных слоев населения. Многим из них, прежде всего представителям религиозных меньшинств, уроженцам сельской местности, служба в армии давала возможность подняться по социальной лестнице. Кроме того, из-за плачевного финансового состояния алавиты или представители других этноконфессиональных меньшинств не могли заплатить отступное, чтобы освободить сыновей от воинской службы¹⁶. Среди суннитского большинства военная карьера не была популярна, тем более что недостаток финансирования военной сферы делал военную карьеру мало привлекательной для суннитского населения.

В период французского мандата (1920–1946) алавитов активно рекрутировали в так называемые «Специальные силы Леванта», под командованием французских офицеров. Эти формирования выполняли полицейские функции на всей территории Сирии¹⁷. Данное обстоятельство впоследствии способствовало формированию на ментальном уровне неприязни среди суннитского большинства к алавитам.

Алавиты, как и представители других меньшинств, продолжали количественно преобладать в армейских кругах и после обретения Сирией независимости в 1946 г. Изменение социального состава алавитской общины способствовало тому, что уже в 1940-е–1950-е гг. наметилась устойчивая тенденция к участию алавитской молодежи в политической жизни страны. Алавиты стали вступать в политические организации и партии, в том числе в Партию арабского социалистического возрождения (ПАСВ).

8 марта 1963 г. в Сирии произошел военный переворот, в результате которого к власти пришли представители этой партии. В ПАСВ, основанной в 1947 г., было большое количество представителей этнонациональных меньшинств: алавитов, друзов и христиан. Основателями ПАСВ были православный христианин Мишель Афляк и мусульманин-суннит Салах ад-дин Битар, оба уроженцы Сирии. Следует отметить, что с 1949 по 1970 гг. в Сирии произошло 18 попыток государственных переворотов, около половины из них были успешными¹⁸. По словам российского ученого Г.И. Мирского, принципиальное отличие переворота 1963 г. заключалось в том, что «с этого момента армия официально и надолго взяла на себя роль верховного арбитра политической жизни страны»¹⁹. Пришедшие к власти в первую очередь провели масштабную чистку в армии. На пенсию было отправлено 800 офицеров. Им на смену пришли 900 офицеров, лояльных ПАСВ. В основном это были выходцы из провинции, в том числе и алавиты²⁰.

В сентябре 1966 г. офицеры-друзы (представители еще одного шиитского сообщества) попытались совершить государственный переворот, но безуспешно. После этого внутри военной секции Регионального руководства ПАСВ произошли чистки. Были ликвидированы фракции офицеров суннитов и друзов. Вслед за ними в 1968–1969 г. были выведены из регионального руководства ПАСВ офицеры-исмаилиты²¹. Со временем офицерам-алавитам удалось создать влиятельные фракции, несмотря на то, что сунниты несколько превосходили их по численности. Это стало причиной возникновения оппозиционного движения внутри сирийского общества, таившего в себе реальную угрозу правящему режиму. Стало очевидно, что, даже учитывая присущую сирийцам толерантность, власти не могут себе позволить игнорировать интересы определенных этноконфессиональных общин.

После прихода к власти в 1970 г. Х. Асада, ставшего первым президентом алавитского происхождения, сунниты продолжили занимать важные государственные посты. Мустафа Тлас²² стал министром обороны, Абдель Халим Хаддам²³ был назначен первым вице-президентом. Генштаб ВС САР возглавил суннит Х. Шехаби. В то же время ответственные должности получили родственники и друзья президента Х. Асада из числа алавитов²⁴.

ИРАНСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СИРИИ

В 1973 г. при активном содействии главы Высшего Совета шиитов Ливана Мусы ас-Садр²⁵ произошло официальное признание алавитов мусульмана-

ми-шиитами, однако данный факт имел лишь политический характер. Инициатива ас-Садра объяснялась стремлением заручиться поддержкой сирийского руководства²⁶. С точки зрения большинства суннитского исламского духовенства, алавиты продолжают оставаться «отошедшими из ислама».

После Исламской революции 1979 г. Тегеран предпринимал попытки сблизиться с сирийскими шиитами, прежде всего с алавитами, предлагая посылать в Иран молодежь для обучения в теологических учебных заведениях. Однако руководство сирийской алавитской общиной опасалось, что таким образом шиитские единоверцы в Иране намеревались подчинить себе сирийских братьев. Поэтому руководство алавитской общины Сирии дистанцировалось от Тегерана.

Тем не менее, эти обстоятельства не мешали укреплению двусторонних отношений между Сирией и Ираном. Сближению двух стран способствовало и то, что после 1979 г. Иран потерял поддержку со стороны США и искал новых политических союзников. Сирия, со своей стороны, тоже была заинтересована в отношениях с Ираном (в том числе и из-за ее соседства с набирающим силу Ираком, а также отказа Ирана от произраильской позиции).

Между Сирией и Ираком с давних пор существуют территориальные противоречия, как по поводу совместного пользования водами Евфрата²⁷, так и экономические (споры относительно нефтяных трубопроводов). Между лидерами стран долгое время были неприязненные отношения. В обеих странах у власти находились представители партии БААС (ПАСВ, Партии Арабского социалистического возрождения), однако все попытки сближения из-за амбиций лидеров терпели неудачу.

В то же время руководство Сирии и Ирана сближало их отношение к палестинской проблеме, так как оба государства выступали за создание в Палестине двух государств: арабского и еврейского. В марте 1982 г. между Ираном и Сирией были заключены договоры об экономическом сотрудничестве и соглашение о поставке иранской нефти в Сирию сроком на 10 лет²⁸. В дальнейшем сотрудничество двух государств в нефтяной сфере продолжилось.

Однако следует отметить, что Сирия проявляет осторожность в отношениях с Ираном. Во-первых, Сирию беспокоила возможность усиления шиитского фактора в стране, что неизбежно вызвало бы ответную реакцию со стороны суннитского большинства и, в частности, способствовало бы активизации «Братьев-мусульман». Во-вторых, сирийцев беспокоила активность Ирана в соседнем Ливане. Дамаск даже подозревал Иран в попытках «экспорта исламской революции» в Ливан и его превращения в исламскую республику. В-третьих, сирийское руководство не могло не учитывать факта обострения отношений между Тегераном и Вашингтоном. Поэтому сирийско-иранские контакты на высшем уровне практически не афишировались. Однако с началом гражданской войны в Сирии стало очевидно, что Иран проявляет живой интерес к событиям в Сирии и стремится поддержать шиитское меньшинство страны.

КОНФЕССИОНАЛИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СИРИИ

Общий подъем религиозного экстремизма, характерный для арабских стран 1980-х гг., не обошел Сирию стороной. Часть населения Сирии была недовольна тем, что ключевые посты занимали представители этноконфессиональных меньшинств и, прежде всего алавитской общины. В связи с этим, начиная с 1980-х гг. в Сирии активизировалось оппозиционное движение, представленное в основном суннитами.

Одной из оппозиционных религиозно-политических сил стало сирийское отделение «Братьев-мусульман». Представители этой организации выступали под антиалавитскими и антибаасистскими лозунгами, требуя установления в Сирии правления, основанного на шариате. В 1979 г. боевики Братьев мусульман убили более 60 учащихся военного училища в Алеппо (большинство курсантов было алавитами), а в июле 1980 г. «братья» совершили попытку покушения²⁹ на Хафеза Асада³⁰.

В конце 1980 г. различные религиозно-экстремистские группы Сирии создали «Объединенный исламский фронт» (ОИФ), в который, наряду с другими организациями вошло наиболее воинственное крыло организации «Братья мусульмане». Только с 1979 г. по 1981 г. террористами в Алеппо было убито свыше 300 человек, большинство из которых являлись алавитами и баасистами. Среди жертв были представители суннитского духовенства, осуждавшие подобные акты насилия³¹.

Противостояние между суннитским ОИФ и режимом Х. Асада закончилось событиями в г. Хаме в 1982 г., когда город, в котором скрывались боевики, был практически разрушен правительственными войсками. В операции участвовала 21 тыс. военных (в основном, алавиты), использовались военные вертолеты. В результате боевых действий погибло около 30 тыс. человек³².

Следует отметить, что без поддержки других конфессиональных групп Сирии алавитам было бы трудно управлять страной на протяжении десятилетий. Еще в период правления в Сирии Х. Асада в сфере экономики и бизнеса высокие посты занимали представители суннитской общины. Сунниты, например, владеют сетью пятизвездочных отелей «Шам» и «Меридиен»³³, авиа- и телекоммуникационными компаниями, медиа-холдингами, банками и значительной недвижимостью.

В то же время один из ближайших родственников Б. Асада, Рами Маалюф, является богатейшим бизнесменом Сирии. До начала правительственных выступлений в марте 2011 г. он исполнял обязанности министра экономики. По некоторым оценкам, на тот период семейство Махлюф контролировало примерно 60% экономики Сирии. Требования отставки Махлюфа в связи с обвинениями в коррупции стали одной из причин народных протестов.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИРИИ

Начавшаяся в 2011 г. в Сирии гражданская война первоначально не имела характера открытого межконфессионального противостояния. На наш

взгляд, это свидетельствует о том, что события инспирированы внешними силами³⁴. Об этом недвусмысленно свидетельствует деятельность канала «аль-Джазира» (Катар) и канала «аль-Арабия» (Саудовская Аравия). Они возглавили авангард информационной войны против Башара Асада, пытаясь направить события в нужное им русло. Пользуясь тем, что спутниковое телевидение присутствует почти в каждом сирийском доме, они призывали к свержению существующего режима.

Поводом для социального взрыва послужил арест подростков в городе Дераа. Они расписывали стены граффити с демократическими лозунгами. Сначала вышедшие на улицы горожане требовали освободить задержанных, позже демонстранты начали требовать проведения либеральных реформ и отмены чрезвычайного положения, объявленного еще в 1963 г. В ответ на эти требования президент Башар Асад отправил в отставку кабинет министров (март 2011 г.), режим чрезвычайного положения был снят, а в мае 2011 г. были освобождены политические заключенные.

Несмотря на принятые меры, конфликт с оппозицией разрастался, появились призывы к свержению режима. Активизировались существующие на территории Сирии различные оппозиционные партии и организации, такие как Сирийский национальный совет и Народный фронт за перемены и освобождение. Сегодня ударной силой оппозиции является группа боевиков и дезертиров под названием «Свободная армия Сирии». Против режима Асада выступают и суннитские террористические группировки, такие, например, как «Фронт ан-Нусра». Кроме того, на территории Сирии появились боевики «Аль-Каиды», а также «солдаты удачи» из других стран, например, из Чечни.

Большая часть населения Сирии не поддержала оппозицию. Среди суннитского большинства сохранилось доверие к властям. (Во многом это связано с тем, что в период правления Асадов — отца и сына — был создан средний класс. Кроме того, в Сирии существовала карточная система, позволяющая купить некоторое количество продуктов по низкой цене, что для бедняков очень важно). Суннитские бизнесмены поддерживали Асада, опасаясь развития событий по ливийскому сценарию. Этноконфессиональные меньшинства, в частности христиане, видят в баасистском светском режиме гарантию своей стабильного существования и опасаются прихода к власти радикальных исламистов. Судьба христианской общины соседнего Ирака, уменьшившейся в 4 раза со времени американского вторжения, заставляет христиан опасаться мусульманского радикализма.

Кроме того, Башару Асаду удалось заручиться доверием курдов. Президентским указом весной 2011 г. 2,5 млн. сирийских курдов, (до этого считавшихся нелегальными иммигрантами) получили гражданство³⁵. У курдов есть собственные вооруженные формирования, которые занимаются главным образом обороной курдских районов на севере Сирии от боевиков оппозиции.

Но все же у курдов нет единой позиции по отношению к режиму. Так, представители Демократической партии Курдистана (ДПК), открыто вы-

ступают на стороне правительства Сирии. Члены другой курдской организации — Национального совета Курдистана (НСК) (базируется на территории Ирака) — создали ополчение, действующее как против повстанцев, так и против сирийской армии³⁶.

Поддерживая и финансируя оппозиционные силы в Сирии монархии Персидского Залива и западные страны, ставят своей целью свергнуть союзный Ирану светский режим Б. Асада, и тем самым изолировать Иран от стран Ближнего Востока, и прежде всего прекратить распространение влияния Ирана в Ливане (поддержка ливанской Хизболлы осуществляется через Сирию) и в Палестине. Турецкое руководство, поддерживая повстанцев, также стремится ослабить Иран, являющийся давним соперником Турции. Кроме того, Турция претендует на роль регионального лидера, что, по мнению Анкары, должно способствовать ее продвижению к заветной цели — вступлению в ЕС.

* * *

До сих пор нет конкретных политических лозунгов, которые свидетельствовали бы о программе оппозиции, кроме требований отставки Асада. Первоначально казалось, что религиозная составляющая современного военно-политического кризиса имеет косвенное значение, в то время как главная причина кроется в стремлении уничтожить светский режим в Сирии. Однако присутствие в войсках оппозиции подразделений «Братьев мусульман», и прочих радикальных организаций, а также добровольцев из разных стран, в том числе и из Чечни, а также финансирование оппозиции Саудовской Аравии и Катаром свидетельствуют о стремлении оппозиции использовать религиозный фактор.

Обращает на себя внимание отношение европейских стран к событиям в Сирии. Оно неоднозначно. Естественно, что Запад не хочет получить еще одно радикальное мусульманское государство. С другой стороны, Сирия Башара Асада их также не устраивает. Ливийский прецедент имел своими последствиями колоссальный исход беженцев в европейские страны, потребовавший больших финансовых расходов. Последствия этого исхода еще не до конца осмыслены.

В то же время в перспективе нельзя отрицать возможности развития событий в Сирии по ливийскому сценарию. Впрочем, Андерс Фог Расмуссен, генеральный секретарь НАТО, 10 февраля 2013 г. заявил: «любое иностранное военное вмешательство будет иметь непредсказуемые последствия, потому что сирийское общество очень сложное, политически, этнически, религиозно и в региональном контексте»³⁷. Однако не следует забывать, что соседняя Турция, которая приняла огромное число беженцев из Сирии (на конец марта 2013 г. их было 40 тыс.), является членом НАТО и возможный перенос военных действий на ее территорию должен вызвать реакцию со стороны НАТО. Уже 4 января 2012 г. в Турцию прибыла передовая группа в составе 27 американских военнослужащих, которым пред-

стоит обслуживать и управлять двумя зенитно-ракетными комплексами Patriot. Эти батареи будут базироваться ближе к территории Сирии, чем остальные четыре ЗРК, предоставленные Германией и Нидерландами. Россия и Иран, поддерживающие Дамаск, высказывали опасения по поводу возможного размещения ракет на границе с Сирией.

Новым фактором сирийской ситуации стал разлад в стане оппозиции, которая на сегодняшний день делится уже не только на «внешнюю», состоящую из представителей диаспоры, и «внутреннюю», состоящую непосредственно из сирийцев. Внедрение в состав сражающихся оппозиционных сил иностранных наемников и представителей радикальных мусульманских организаций не позволяет оппозиции объединиться и действовать под единым руководством. Кроме того, в Сирии развернута масштабная информационная война, средствами которой являются дезинформация населения, распространение ложных слухов о заинтересованности России и Китая в продолжении военных действий, а также массовые убийства мирного населения якобы солдатами правительственной армии. Все эти факторы не позволяют сделать достаточно достоверного прогноза развития ситуации в Сирии.

¹ Massignon L., Nusairi E.J. Brill's First encyclopedia of Islam (1913–1936). Reprint. 1987. Vol. VI. P. 966.

² Huart C., 'Ams E.J. Brill's First encyclopedia of Islam (1913–1936). Reprint. 1987. Vol. I. P. 338–339.

³ Massignon L., Nusairi E.J. Brill's First encyclopedia of Islam (1913–1936). Reprint. 1987. Vol. VI. P. 965.

⁴ http://religion.ng.ru/politic/2011-07-06/5_siria.html.

⁵ Area Book of Syria. Foreign areas studies division, Special operations research office. The American University, Washington D.C., 1975. Цит. по: Саутов В.Н. Алавиты: социально-политические и идейные истоки вероучения / Ближний Восток и современность. М. 1995.

⁶ Massignon L., Nusairi E.J. ... P. 964.

⁷ Gubser P. Minorities in Power: The Alawites of Syria. The political role of minority groups in the Middle East / Ed. by R.D. McLaurin. New York, 1979. P. 26–27.

⁸ Аналогичная практика существует у францисканцев — *Reservatio mentalis* (мысленная оговорка).

⁹ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л. 1966. С. 303.

¹⁰ www.worldpolit.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=6.

¹¹ Саутов В.Н. Алавиты: социально-политические и идейные вероучения // Ближний Восток и современность. М. 1995. С. 128.

¹² http://religion.ng.ru/politic/2011-07-06/5_siria.html.

¹³ www.danielpipes.org/191/the-alawi-capture-of-power-in-syria.

¹⁴ Republique Française, Ministère des affaires étrangères, 1937. Цит. по: Саутов В.Н. Сирийские алавиты в новейшее время // Арабский мир в конце XX в. Материалы I конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996. [www.middleeast.org.ua/research/syria4.htm].

¹⁵ Саутов В.Н. Сирийские алавиты в Новейшее время // Арабский мир в конце XX в. Материалы I конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996. [www.middleeast.org.ua/research/syria4.htm].

¹⁶ Pipes D. The Alawi capture power in Syria // www.danielpipes.org/191/the-alawi-capture-of-power-in-syria.

¹⁷ Матвеев И.А. Этноконфессиональный баланс и стабильность в Сирии в новых геополитических условиях: проблемы и перспективы. Этноты и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 234.

- ¹⁸ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Jersey 1985. P. 493.
- ¹⁹ Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 108.
- ²⁰ Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 108.
- ²¹ Van Dam N. *The Struggle for Power in Syria*. L., 1979. P. 102.
- ²² Тлас Мустафа — 1932 г. р., суннит, министр обороны Сирии (1972–2001). В 1986 г. защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о полководческом таланте Г. Жукова. В настоящее время живет во Франции.
- ²³ Абдель Халим Хаддам, 1932 г. р. суннит, вице-президент Сирии (1984–2005). С 2005 г. Хаддам живёт в Париже, где написал свои мемуары, в которых резко осудил Б. Асада и его окружение за многочисленные политические просчеты.
- ²⁴ Матвеев И.А. Этноконфессиональный баланс и стабильность в Сирии в новых геополитических условиях: проблемы и перспективы. Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 235.
- ²⁵ Аятолла сеййид Муса ас-Садр — иранский и ливанский шиитский политический и духовный деятель, богослов и философ. Муса Садр родился в городе Кум, в семье аятоллы Сейеда Садруддина аль-Садра. В 1969 г. Садр был избран руководителем Верховного совета мусульман-шиитов. 31 августа 1978 г. М. ас-Садр таинственным образом пропал без вести, находясь в Ливии.
- ²⁶ Саутов В.Н. Сирийские алавиты в Новейшее время // Арабский мир в конце XX века. Материалы I-ой конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996 [www.middleeast.org.ua/research/syria4.htm].
- ²⁷ Воды Евфрата делят между собой 3 страны: Турция, Сирия и Ирак. В настоящее время водный баланс Сирии составляет 21,46 км³. По Соглашению между Сирией и Турцией 1987 г. Анкара передает Дамаску 15,8 км³ (500 м³/сек). Сирия и Ирак неоднократно обвиняли Турцию в одностороннем незаконном использовании вод Тигра и Евфрата в ущерб их интересам
- ²⁸ Ramazani R.K. *Revolutionary Iran Challenge and Response in the Middle East*. Baltimore and London, 1988. P. 81.
- ²⁹ Расследование покушения показало, что за спиной исламистских боевиков стояли иракские спецслужбы. Ранее С. Хусейн обвинял сирийское руководство в поддержке шиитской оппозиции Ирака. Данные факты привели в августе 1980 г. к разрыву Сирией дипломатических отношений с Ираком. Лишь в 2006 г. эти отношения были восстановлены.
- ³⁰ www.meforum.org/pipes/177/syria-after-asad.
- ³¹ Seale P. *Asad of Syria: The struggle for the Middle East*. L.A., 1988. P. 325.
- ³² www.danielpipes.org/190/syria-the-next-generation.
- ³³ Syria Unmasked. The suppression of human rights by Asad Regime. Middle East Watch. 1991. P. 94.
- ³⁴ Сирийская оппозиция получает финансовую или военную помощь в том или ином виде от Саудовской Аравии, Турции, Катара, Великобритании и США // russian.rt.com/Middle_East/5348.
- ³⁵ www.iran.ru/news/analytics/84518/V_siriyskom_pozhare_mogut_pogibnut_neskolko_rezhim_ov_Blizhnego_Vostoka.
- ³⁶ warsonline.info/siriya/siriyskie-kurdi-sozdaiut-svoiu-armiiu.html.
- ³⁷ http://ria.ru/arab_riot/20130211/922345484.html#ixzz2PFBo8xdy.

Культура и религия в полиэтническом обществе

Танеева-Саломатшаева Л.З.

Коранические символы и мусульманская экзегеза

Отечественное востоковедение конца XX — начала XXI вв. характеризуется новым этапом в изучении ислама. Уходит в прошлое идеологический подход при исследовании религиозной литературы, становятся актуальными культурно-цивилизационные ценности. Литературоведческие и исторические работы все больше вбирают в себя целый комплекс сложнейших вопросов, стоящих при изучении духовной жизни народов Центральной Азии, Татарстана, Башкортостана, Кавказа. Появляются переводы арабо- и персоязычных толкований Корана, столь необходимых для лучшего понимания самой его сути, ибо Российская Федерация принадлежит к группе стран, имеющих собственное мусульманское население, все более увеличивающееся в связи с притоком мигрантов из бывших советских республик Средней Азии.

Данное обстоятельство, наряду с процессом реисламизации, охватившей места компактного проживания мусульман на территории бывшего СССР и проходящей не в последнюю очередь через возрождение суфизма, в частности идеалов совершенного человека (*инсан-и камил*), а также опасное внедрение идей ваххабитов и салафитов в неокрепшее сознание молодых малообразованных людей, выводит эту проблему в разряд остро актуальных.

Данная статья построена на выявлении коранических символов и их применении при исследовании древних суфийско-богословских текстов путем истолкования их глубинного, имманентного смысла. Следует заметить, что экзегетика — наука об экзегезе, т. е. об истолковании произведения сообразно смыслу, вложенному в него самим автором, часто тонко завуалированному. Правила и приемы экзегезы были хорошо разработаны в античное время. Как раздел богословия, в котором истолковываются религиозные знания, методы экзегетики были тщательно усовершенствованы в иудаизме, в христианстве и в исламе. Если библейские тексты и их комментарии хо-

рошо известны вдумчивому читателю, то до последнего времени было опубликовано крайне мало толкований Корана на русском языке. Среди работ такого рода отмечу вышедший в свет в 1999 г. в русском переводе Д.В. Фролова арабский комментарий Джалалуддина ас-Суйути¹ «Совершенство в коранических науках» (пока отдельные фрагменты); его же работу «Комментарий к Корану. Тридцатый джуз», т. 1 (Восточная книга, М. 2011г.); работу Ф.И. Абдуллаевой — перевод с персидского «Толкование Корана (Лахорский тафсир)» /2001 г./ и работу Р.М. Шариповой и А.В. Сарибджановой «Комментарии к Корану», т. 1 (2011 г.)². Все они заявлены как учебные пособия для светских и исламских учебных заведений.

Мое внимание привлекли эти тафсиры потому, что они написаны на разных языках и в разных пространственно-временных параметрах. Так, иранский ученый М. Минави, издатель факсимиле Лахорского тафсира, назвавший его «Толкование Пречистого Корана» (Тафсири Кур'ане Пак), (Тегеран, 1966), относит появление этого комментария территориально в Мавераннахр (междуречье Сырдарьи и Амударьи) и Северный Хорасан, датируя временем не позднее X–XI в. В Иране этот период стал началом расцвета литературы на новоперсидском языке. Достаточно вспомнить такие имена как Рудаки, Фирдоуси, Абу Али ибн Сина, Хаййам, Н. Хусрав и др., писавших на фарси. Вместе с тем, такие ученые как Абу али ибн Сина, Хаййам и Бируни продолжали писать свои научные труды и по-арабски. Умелая политика арабов на завоеванных ими территориях, лояльное отношение не только к зороастрийцам и буддистам, но и к иудеям и христианам, разрешение слагать мини тафсиры (*латифа*) на персидском языке — все это способствовало быстрому распространению ислама. Более того, в «Истории Бухары» Наршахи повествуется о том, что в Бухаре, в мечети, построенной в 712 г. Кутайбой, Коран читался на персидском, который стал родным для согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев и др. народов, населявших этот регион. Подобные явления вообще характерны для иранской культуры, территория которой постоянно подвергалась различной культурной экспансии; на протяжении тысячелетий вместе со сменой цивилизаций здесь нарождались и уходили в небытие, укоренялись, сохраняя автономность, или растворялись в местной среде различные вероучения. По свидетельству В.В. Бартольда уже в 410 г. в Персии была организована независимая от Рима христианская церковь, богослужение в которой велось на родном языке.

Идеи, зародившиеся в Иране и Центральной Азии, транслировались в соседние страны. Ислам, проникший на Индийский субконтинент уже в VIII в., столкнулся здесь с многочисленными разновидностями буддизма, индуизма, традициями аскетического поведения. Этот пестрый сплав благоприятствовал широкому распространению суфизма, чему способствовало раннее знакомство с выдающимися суфиями. В 905 г. Индию посетил ал-Халладж (858–922)³, идеи которого впоследствии стали эталоном мистического переживания. С начала XI в. наряду с шайхами, которые проповедовали суфийские идеи, активизировались также *даи*, миссионеры исмаилитов,

во власти которых был долгое время город Мултан на севере Индии. В результате, их проповедь идей социальной справедливости нашла в Индии немало приверженцев.

Источниковедческим материалом для данной статьи послужили суфийские тексты выдающегося персоязычного поэта Индии Амира Хасана Дехлеви (1253–1337), вобравшие в себя кораническую символику. Как любой священный текст Коран имеет долгую историю комментирования, начавшуюся в 40-е гг. VII в. Первым *муфассиром* (толкователем) Корана был сам Пророк, когда в силу различных обстоятельств менялись взгляды на те или иные вопросы веры, уточнялись неясные места, отменялись или частично изымались отдельные айаты. Так, проповедуя в Мекке, Мухаммад призывал: Не спорьте с людьми Писания, т. е. с иудеями, христианами, сабеями... И говорите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам (Коран) и ниспослано вам (Библия). И наш Бог и ваш Бог — Един и Ему мы покоряемся» (29, 46). В Медине он уже менее оптимистичен, связывая свои надежды только с христианами (5, 82).

Комментарии к Корану, в силу тех или иных предпочтений их авторов, подразделяются на суннитские, шиитские и суфийские. Образцом считается «Тафсир» ат-Табари, в котором только для истолкования первых 14 сур привлекаются свыше 20 000 хадисов. Что касается шиитских тафсиров, то они связаны с именем шестого шиитского имама Джафара ас-Садики (ум. 765), с которого начинается сакральное толкование Корана. Следует пояснить два термина: *тафсир* и *та'вил*. Тафсир — это внешнее, явное, профанное (*захир*) толкование, доступное каждому верующему (*ал-амма*). Та'вил — это имманентное, аллегорическое, сакральное (*батин*) толкование, доступное лишь избранным (*ал-хасс*) или суфийским святым (*авлия*), когда извлечение потаенного смысла часто происходит в состоянии мистического транса. А предметом толкования становятся коранические фразы, отдельные айаты и даже буквы и их числовые значения. Срастание шиитских тафсиров с суфийским истолкованием коранических символов породило огромную суфийскую литературу, одарившую нас новым миропониманием и миропостижением.

Суфийская литература изобилует глубокими социально-философскими идеями, ее творцы были не только выдающимися поэтами, но и незаурядными мыслителями. Еще на заре возникновения сознания индо-иранцев были осмыслены три постулата: благая мысль, благое слово, благое дело, позже оформившиеся в такие важные понятия, как самосовершенствование, совесть, человечность, братство, сострадание, служение добру, равенство всех людей перед Богом, невзирая на социальное положение и конфессию. Что касается самого понятия бытия, то оно начало фигурировать в первых зороастрийских трактатах. Суфийское понимание любви нашло отражение в трактате «Ишк» Абу Али ибн Сины, а затем — в одноименном трактате Сайфиддина Бахарзи и «Афоризмах любви» Ахмада Газали. Идеи этих авторов нашли метафизическое воплощение в некоторых произведениях су-

фийской поэзии, воспевающих единство природы Аллаха-Абсолюта и материального мира, когда все явления этого мира обретают гармонию в единстве и слиянии с Творцом.

Примером может служить следующий отрывок из Хасана Дехлеви, помогающий выявить текстовой и семантический генезис:

Тайной твоего лица и твоих волос ныне мир
Истолковывает аят надежды и страха (2,1–2).
А я в это время твой стан, локон и губы
В груди запечатлел (в виде) алиф, лам, мим (с. 1–2).

Прежде всего, здесь четко прослеживается традиционное суфийское противопоставление «локон-лицо», выраженное в буквенной символике. Важно помнить, что в любимом лице есть тайна. Чтобы оно не было безобразным, Аллах начертал на нем, как буквами, брови, ресницы, глаза, рот и прочее. Но, дав лицу девушки украшения, Аллах тем самым отвергает человека в искус, так как, взглянув на красавицу с вожделением, он становится грешником и подпадает под власть мирских чар, тогда как основная цель суфия — преодолев соблазны и пройдя сложный Путь очищения, воссоединиться с Богом. Буквенное начертание дает внешнюю характеристику красавицы: *алиф* — стан, *лам* — локон, *мим* — губы, что в совокупности образует слово (*алам*) — страдание, боль. Используя три таинственные буквы *алиф*, *лам*, *мим*, стоящие перед 2, 3, 29, 30, 31 и 32-й сурами Корана, значение которых мусульманские теологи возводят к свойствам Аллаха, суфийский поэт зашифровывает свое видение Абсолюта, и вместе с тем сочетание букв дает дополнительный смысл, отражающий внутреннее состояние.

Итак, волосы, равно как и локон, упомянутый бейтом ниже, по суфийской терминологии суть ни что иное, как эманация атрибутов Аллаха, а упоминая лицо, суфии имеют в виду божественную субстанцию. Поскольку же Путь к единению с Абсолютом труден и изобилует преградами, заслоняющими Истину, постольку и кудри — завеса лица — мешают его постижению, стало быть, только непознаваемой тайной можно объяснить следующий аят, исполненный надежды и страха.

В самом деле, аят суры «Корова» в Коране гласит: «1.(1). АЛИМ. (2). Эта книга — нет сомнения в том — руководство для богобоязненных, тех, кто верует в тайное...». Но поэтической метафорой «тайна» (*сирр*) суфии обозначали левую часть сердца (*кальб*), куда как в тайная тайных не мог проникнуть даже сам обладатель сердца, ибо сирр — это то, что Аллах сокрыл и что недоступно разуму. Стан по суфийской терминологии означает еще и непоколебимое внимание к миру сущего. Локон, особенно его кривизна, соотносится с прямоотой стана, что, в свою очередь, порождает ассоциацию с замкнутым кольцом, а от него (кольца) — ассоциацию с силком — ловушкой для влюбленного. Целеустремленность на Пути к Истине может быть поколеблена соблазнами внешнего мира. В суфийской терминологии под

словом уста (*дахан*) аллегорически подразумевалась тайна заповеди стремления к единению (*мурад*), поэтому на Пути устремленности к Богу суфия одолевает страх. Страх перед тем, что соблазны этого мира отвлекут его, совратят с прямого, истинного Пути. Но вместе с тем он не теряет и надежды. Созданные аллегории путем переосмысления устраняют все чувственное, и поэт-мистик достигает главного принципа суфизма, передавая свою мысль посредством особой кодовой системы, а семиотика помогает донести подлинный смысл произведения.

В этом отрывке Бог через любовь к человеку проявляет свою великую красоту, человек же через любовь к красоте и самосовершенствование поднимается до единения с Богом. Не приходится сомневаться, что это — прямая перекличка с трактатом *Ишк* (Любовь) Абу али ибн Сины, а сам отрывок — лирическая сублимация *вахдат ал-вуджуд*. Знаки-символы выступают в приведенном отрывке как слова и графемы, организующие структуру, в которой даже само начертание отражает образ, понятный человеку средневековой мусульманской культуры.

Первые две мисры отрывка «Тайной твоего лица и твоих волос ныне мир истолковывает аят надежды и страха» — это то, что Аристотель назвал энтимемами, средствами убеждения. Воздействие их в данном случае рассчитано на общее знание Корана и подкрепляется аналогиями последующих двух строк:

«А я в это время твой стан, локон и губы
В груди запечатлел [в виде] алиф, лам, мим».

Вскрывается многослойность текста, рассматриваемого как единство смысла и формы с учетом графемы алиф, лам, мим. Это помогает осознать единство макро- и микромира. Поэт-суфий стремится разрешить главную для него проблему — наиболее желаемых отношений между «Возлюбленным» (Абсолютом) и «влюбленным» (мистиком).

Обратимся к газели Хасана Дехлеви на религиозную тему, которая является каноническим инвариантом на известную газель Саади с многократным повтором радифа Мухаммад. Это была первая на Индостанском субконтиненте поэтическая публикация о Пророке, где идеальный персонаж описан посредством перечисления бесконечных его номинаций, создающих разнообразные возможности интерпретации внутренней логики образа. У Саади и у Хасана он строится на основе существовавших в то время эстетических представлений и общепринятой мусульманской традиции. Индивидуальный на первый взгляд, персонаж обретает обобщенность, созданный в реальных исторических условиях, он постепенно становится частью представлений, выработанных прежней культурной традицией. Художественный образ Мухаммада, сложившийся в Средневековье, канонизирован настолько, что и Саади и Хасан рисуют его по традиционным правилам, зафиксированным в теоретически разработанных поэтиках. При создании

образа используются сложные религиозные построения, в основе которых — универсальная семантическая оппозиция «небесное — земное» — неотъемлемая часть самой мусульманской культуры. Так Мухаммад в поэзии становится своего рода концептом и прообразом Совершенного человека в его земном воплощении. А из представлений о совершенных качествах пророка Мухаммада в мусульманской культуре вырос культ *джаванмарди* — достойного поведения и следования Пути Мухаммада. Газель Хасана, о которой шайх братства Чиштиа Низамуддин Аулия говорил, что она — специфическая поэтическая трактовка достоинств Пророка, гласит:

*Райский сад*⁴ — описание красоты Мухаммада,
Печать пророков⁵ — атрибут совершенства Мухаммада.
Нун и ал-Калам — дар из скрижалей его творения,
Та, Ха — указание на красоту Мухаммада.
Трон⁶ семи престолов небесных — опора его могущества,
Одна из ступенек высокого ранга и величия Мухаммада.
Начало радостного праздника и конец скорбного поста
Зависят [от появления] в форме полумесяца брови Мухаммада,
Вселенная потому поднялась над щитом земли,
Что [на это указала] изогнутая буква дал⁷ [в имени] Мухаммада.
Эти сущностные дары — припасы со стола Мухаммада,
Совокупность даров — от благодетелей Мухаммада.
Освободилось сердце Хасана от уз всякого горя,
Ибо он — раб Божий и Мухаммада, к тому же из рода
Мухаммад (с. 39).

В основе композиционной структуры газели — мусульманские понятия, а это требует выявления скрытой сути ее содержания. Предложенный образ Пророка абсолютно прекрасен, а индивидуальные черты несколько размыты, дабы на первый план выдвинуть знакомый всем символ, уподобляющий его красоту райскому саду как чему-то беспрельдно прекрасному, божественно совершенному и трансцендентно недоступному. Здесь эзотерический сад олицетворяет земное бытие, вобравшее в себя пространственно-временной континуум — прошедшее, настоящее и будущее. Именно в пространстве райского сада праведники удостоятся созерцания лика Аллаха, пройдя двойной путь (нисхождения — восхождения), сначала вниз, в мир подобного (*мисл*), затем — вверх, к Свету и Единению с Аллахом через постижение Его божественной Красоты.

Мухаммад выступает не только как конфидент Аллаха, но и как конечная цель творения. Ведь по основной доктрине ислама Аллах создал этот мир и все в нем исключительно ради Мухаммада. Согласно хадисам, первое, что создал Аллах, были Мой Свет, Моя Душа и Моя Сущность. Мусульманские теологи соединяют эти три положения в одно — «Сущность (Истина) Мухаммада», что есть высшая ступень духовного совершенства

(*Хакикат-и Мухаммад*). Из Сущности Мухаммада произошло все сущее. Знание Сущности, или Сущностные Дары, было дано Аллахом Мухаммаду в Откровении, поэтому знанием, полученным непосредственно от Бога, обладает воистину только Мухаммад — Печать пророков и он же Печать Святости. Эти знания, согласно шиитской доктрине, Пророк открыл только имаму Али, и они передаются из рода в род, от отца к сыну. А посему имам Али — высший духовный авторитет, ведущий людей к пониманию скрытого смысла вещей. Все пророки без исключения, начиная с Адама, черпали Свет в нише Печати пророков. Как Печать пророков Мухаммад рожден по земной хронологии последним, а в вечности он первый из посланников Божьих. Но в качестве Печати Святости он «вечный животворный Дух», проявляющийся в нескончаемой плеяде святых.

В учении о пророческой миссии (*нубувват*) «Сердце Мухаммада», а позже «Дух Мухаммада» (*Рух-и Мухаммад*) есть светоносный источник, озаривший в предвечности светом Откровения души людей, до того как они обрели телесную форму. А поскольку понятие *калб* (сердце) в суфизме связывается с понятием *зикр* (помяновение Бога), то орудие истинного зикра — это не только язык (*зикр-и лисан*), но и само сердце (*зикр-и калб*). Результат зикра, совершаемого сердцем, — то, что Аллах поселяется в сердце мистика и становится единственной движущей силой его поступков; суфий приобретает божественную ипостась, а сердце становится потаенным местом, способным вместить Аллаха.

Следующий бейт требует дешифровки буквы *нун* и суры «ал-Калам» Корана. Буква *нун*, согласно традиции, означает: рыба, чернильница, письмо на Хранимой Скрижали (*Лаух-и Махфуз*), а также сокращенное название Рамазана. Согласно Корану, *Лаух-и Махфуз* («Хранимая Скрижаль») — это небесный прототип всех священных писаний, на котором записано все, что было на земле и что произойдет в будущем. В свою очередь, представление о «Хранимой Скрижали» связано с Сущностью миссии пророка Мухаммада: считается, что до него пророки получали благие вести, составившие Тору (*Таурат*) и Евангелие (*Инджил*), которые, однако, были впоследствии искажены иудеями и христианами. В суфийской философии, в учениях Ихван ас-Сафа («Чистых братьев»), исмаилитов и шиитов термин *лаух* означает «Всеобщая душа» (*нафс-и кул*). Перворазум (*акл-и аввал, калам*) снизошел на Всеобщую Душу и начертил на ней все, что произойдет до Судного Дня.

Буква *нун* открывает одну из основополагающих сур Корана «Письменная трость», она же «Небесное перо» или «Предвечное перо» («Ал-Калам»). Эта сура обращена скорее к самому Мухаммаду, в ней впервые, как заметил И.Ю. Крачковский, введен термин муслим — мусульманин. Пророк изрек: каждый человек родится муслимом (преданным Богу), и только родители делают его иудеем, христианином или идолопоклонником.

Ассоциативные связи этой газели столь сильны, что несколькими бейтами ниже Хасан сравнит букву *нун* с бровью Мухаммада в форме полуме-

сяца (*хилал*), а появление полумесяца знаменует начало и окончание мусульманского поста. Хилал вместе с тем и религиозный символ магометанства, он — высоко в небе и такой же изогнутый, как бровь Мухаммада. Кроме того, хилал составлен из тех же букв, что и слово Аллах (один «алиф» плюс два «л» плюс одно «х»), и, подобно божественному имени, имеет то же нумерологическое значение по «абджаду». Начинается сура Ал-Калам Корана так: «1(1). Нун. Клянусь письменной тростью и тем, что пишут» [68:1]. Арабы, как и многие другие народы Востока, применяли для письма тростниковую палочку, заостренную в форме буквы нун. Стало быть, суфийский автор, повествуя о нун и ал-Калам — этих дарах, начертанных на Скрижалях Корана, — в поэтической форме призывает мусульман следовать вере ислама. Что касается Предвечного Пера, то оно на Лаух-и Махфуз начертало судьбы людей (*сарна-вишт*), и, как писал Ибн Араби, Небесному Перу соответствует Разум Мухаммада, а Скрижалям — Его Душа.

Следующая мисра начинается с комбинации таинственных букв *Ta, Ha*, озглавивших 20-ю суру Корана и произносимых с некоторым придыханием.

Буква *дал* не только присутствует в имени Мухаммада, но, согласно толкованию мусульманских теологов, есть указующий перст Пророка.

Таким образом, продвигаясь от знака к образу, мы постепенно подходим к пониманию культуры, отстоящей от нас и во времени, и в пространстве, и в самой трактовке действительности, т. е. вскрываем ее сущностные понятия. Знаки в этой газели приобретают самостоятельную функцию, но их нельзя вычленировать из общего, потому что в таком случае прервется естественность повествования, хотя возможно толкование газели, как по горизонтали, так и по вертикали, что свидетельствует о филигранном поэтическом мастерстве. На синтаксическую структуру в целом здесь работают и ритм, и рифма, и аллитерация, а сюжетные оппозиции наглядно переданы через сравнение хорошего с лучшим.

Прекрасное знание религиозно-богословских текстов и доктрин давало авторам возможность успешно применять их в поэтической практике, поскольку каждая употребленная ими метафора, будучи развернутой характеристикой пророка Мухаммада, опирается на прочно сложившиеся каноны мусульманского сознания, истоки которого — в коранических реминисценциях. И при всей заданной традицией стереотипности образа Пророка, воспетого в выражениях, ставших литературными штампами, эта газель и по сей день поражает глубиной философского содержания, завораживает красотой ритмики и гармонией звукописи.

Не менее популярен в поэзии и образ Иисуса (Исы), который всегда изображается как чудотворный исцелитель:

Какой вчера вечер был, ведь Возлюбленный пришел,
Как Христос-исцелитель к больному вошел.
Была темной моя ночь и горькой жизнь,
Вдруг подобный свече, источающей миро, вошел.

Очарованный одним лишь Сиянием Лица,
Душою припал к лицезнению Того Светового Покрова.
А благочестивый отшельник от одного только колыхания
Его кудрей
Выскочил из своей власяницы и опоясался зуннаром.

Хасан покинул было собрание опьяненных,
Но увидев те пурпурные, как вино, уста, вернулся.

Имя Иисуса Христа в суфийской терминологии символизирует Любовь, полученную им как Божественное дыхание. Ему подвластно исцелять страждущих и своим дуновением воскрешать мертвых. Согласно Корану, среди пророков Бог особо выделил лишь двоих, которым даровано звание «Раб Аллаха» — Иисуса [19:31] и Мухаммада [72:19]. Более того, Иисус особо связан с Мухаммадом, так как предрек его появление [61:6].

Газель символизирует особое психическое состояние суфия, стремящегося к совершенству и единению с Всевышним. Кульминацией этого экстаза становится возвращение страждущего в «собрание опьяненных», что на языке суфиев означает «собрание духовно познавших». Так Любовь становится исцеляющей силой.

Влияние философии любви Абу али ибн Сины на лирику Хасана Дехлеви особенно заметно в газелях суфийской направленности. Суфийская поэзия, в отличие от придворной, благодаря тесной связи с народным творчеством не только допускала критику социальных устоев под покровом символики, но и несла обездоленным слова утешения. Она воспевала любовь к ближнему, единение, а через это — любовь к Абсолютному Благу, ибо Великий Владыка, по Абу Али ибн Сине, доволен тем, что ему подражают: ведь если бы этого не было, не было бы и бытия, а значит, такое подражание есть причина всего сущего. Божественное совершенство проявляется в красоте внешнего мира, который есть прообраз красоты Абсолюта, т. е. многообразие красот материального мира несет в себе частицу божественной красоты, отраженной в луне и солнце, воде и зелени травы и даже в лице и локонах прекрасной девушки.

Мои многолетние штудии позволяют сделать вывод, что суфийская поэзия, пронизанная кораническими символами, — не бездумная копия жизни, а скорее своего рода зеркало сложного процесса ее постижения.

¹ Джалал ад-Дин Ас-Суюти (1445–1505) — выдающийся мусульманский богослов и автор религиозной литературы.

² См.: The Holy Qur'an. English and Persian Translation with Commentary by Tahereh Saffarzadeh, Tehran; Дж. ас-Суйунти, совершенство в коранических науках / Пер. с арабского Д.В. Фролова, М., 1999; Фролов Д.В. Комментарий к Корану, тридцатый джуз. М., 2011. Т. 1; Толкование корана (Лакхорский тафсир) / Пер. с персидского, введение, примечания и указатели В.И. Абдулаевой, М., 2001; Коран / Пер. на русский язык д.и.н. Шарипова У.З., к.и.н. Шариповой Р.М.; Комментарии к Корану / Сост. и пер. тафсиров и избр. текстов Шариповой Р.М., Сарибжановой А.В., М., 2011; Хасан Дехлеви. Диван. Факсимиле рукописи, введение, примечания

ния Л.З. Саломатшаевой. Душанбе, Ирфан, 1990; Амир Хасан Санджари Дехлеви. Диван, Хайдарабад, Декан, 1352 (на перс. языке).

³ Мансур Халладж (858–922) — исламский богослов и мистик из южного Ирана (Фарс), представитель суфизма. Казнен за ересь.

⁴ Райский сад — Розовый Сад, в котором происходит единение человеческих душ с Всевышним, находится на одиннадцатых небесах, называемых «Эмпиреями, или небесами Небес».

⁵ Печать пророков — Мухаммад Аллах сотворил лишь одну «Душу пророчества» — общую для всех пророков, посылаемых на землю к людям с благими вестями. Бог вкладывал эту Душу последовательно в 124 тысячи человеческих существ обоего пола. Одни из которых стали известны миру, другие — нет. Эту невообразимо прекрасную Душу Аллах создал из Своего Света — Нур, дав пророкам силу нести миру просветление; особое отличие было сделано для пророка Мухаммада как завершающего цепь всех Божьих посланцев, ставшего печатью всех пророков. Для сравнения: христианская церковь называет миропомазание при святом крещении печатью дара Духа Святого.

⁶ Под Троном в суфизме понимается также проявление Бога как мира.

⁷ Дал — буква, напоминающая изгиб брови.

Шарипова Р.М.

Иранская семья: история и современность

Сегодня мы нередко являемся свидетелями того, как игнорируются фундаментальные общечеловеческие ценности, исторически унаследованные народами. К таковым относятся и семья, семейные традиции, и обычаи. В последние десятилетия во всем мире, и особенно в промышленно развитых странах, наблюдается всё увеличивающееся количество бракоразводных процессов, внебрачных детей, распространяются гомосексуализм, однополые браки, СПИД и другие опасные заболевания. Автор книги «Безопасность и этика в иранской семье» госпожа Лейла Садат Заферанджи привела любопытные статистические данные, в соответствии с которыми в 2003 г. в Австралии было 14% неполных семей и 31% внебрачных детей. В 2005 г. в Англии было 1,9 млн. неполных семей и в них 3,1 млн. детей, то есть почти каждый четвертый ребенок рос в такой семье. В США в том же году было 34,6 млн. неполных семей с детьми в возрасте младше 18 лет, 72% таких семей были результатом развода или смерти одного из родителей, а в остальных 28% семей были дети от родителей, живших в гражданском браке¹.

Согласно статистике ООН, в 2007 г. насчитывалось около 110 млн. человек (в возрасте от 15 до 65 лет), употреблявших запрещенные препараты, 25 млн. из них были наркоманами с приличным стажем, и около 32,2 млн. ВИЧ-инфицированных².

Одним из вызовов сегодняшнего дня, свидетельствующих о распаде семьи, является также то, что даже в ряде международных документов стараются не использовать понятия «жена» и «муж», а используют такие понятия, как «сожительница» и «сожитель»³.

Кризис семьи является следствием продолжающегося кризиса традиционной культуры, функционирующей на основе исторического наследия, образа жизни, сохранившегося неизменным на протяжении длительного времени. Что касается непосредственно иранской семьи, то она создается и существует, руководствуясь своей традиционной национальной и исламской культурой, повторяя, таким образом, жизненный цикл прошлых поколений, представителей разных исторических эпох иранского государства. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные принципы жизнедеятельности иранской семьи в историческом аспекте. Как известно, семейная жизнь во многом зависит от реально существующих в тот или иной исторический период экономических и социальных факторов. Поэтому без их учета невозможно изучение особенностей семьи.

В древнем Иране, в эпоху Ахеменидов (559–330 гг. до н.э.), Аршакидов (250–224 гг. до н.э.) и Сасанидов (227–651 гг.), как и во всех традиционных обществах с племенной структурой, большинство семей считались производственными ячейками. Их главным занятием были такие виды экономической деятельности, как скотоводство, земледелие и ремесла⁴. В частности, занятость сельскохозяйственным трудом была определяющей в формировании семьи, ее состава, внутрисемейных отношений и т. д. Английский исследователь Уилл Дюрант так писал о таких семьях: «Как и женитьба, наличие детей было одним из атрибутов достоинства и чести. Сыновья представляли для отцов экономическую ценность, а во время войн были необходимы шахиншаху. Главенствующее положение в семье занимал отец, а женщины и девочки не имели равных прав с мужчинами и мальчиками. Рождению мальчиков радовались, так как они были помощниками родителей в тяжелом труде, а девочки считались бесполезными. Несмотря на то, что женщины составляли значительную часть населения Ирана, они не принимали участия в общественно-экономической жизни страны»⁵.

В господствующей в то время религии — зороастризме — женатый считался достойнее неженатого, а глава семейства — достойнее того, кто не имел семьи. Рождение ребенка рассматривалось как выполнение важного долга по отношению к семье, городу и справедливому царю. Матери же принадлежала важная роль в воспитании ребенка. Причем, до пяти лет он обычно воспитывался только матерью и не общался с отцом, чтобы в случае его смерти отец не переживал.

В семье, особенно в высших слоях общества, разница между правами и положением женщины и мужчины была огромна. Несколько иной была ситуация в семьях низших социальных слоев. Например, в сельской местности на полях и в строительных работах мужчины, женщины и даже дети трудились вместе.

Классовые различия проявлялись в религиозной сфере. Ричард Фрай пишет, что в правление Сасанидов храмы огня, которые были местом паломничества простых иранцев, были подчинены классовой системе. Одни из них предназначались для жрецов, знати и военачальников, другие — для деревенских жителей и простонародья⁶.

Классовое неравенство сохранялось в иранском обществе и после завоевания Ирана арабами и появления ислама (VII в.). Жизнь общества была подчинена законам и принципам ислама, которые оказывали большое влияние на положение, статус и задачи семьи⁷.

В исламе семья считается основой общества, поэтому ее созданию и благополучию придается важное значение. Известно такое высказывание Пророка: «Большинство людей, которые попадут в огонь в день Страшного суда, — те, кто отказался от брака и создания семьи». Забота о жене и детях считается поклонением Аллаху и в некоторых хадисах ставится в один ряд с *джихадом* (усердием) на пути к Аллаху: «Тот, кто трудится ради своей

семьи, чтобы обеспечить дозволенным Аллахом способом расходы на содержание жены и детей (*нафака*), является муджахидом на пути к Нему»⁸.

В аятах Корана и хадисах говорится о том, что в результате брака на человека нисходит божья благодать, и он избавляется от дьявольских искушений. Пророк сказал: «Все, кто вступил в брак, приобрел половину веры и счастья». А в суре «Свет» сказано: «И выдавайте замуж внебрачных женщин, что среди вас, а также жените праведных рабов и ваших рабынь. Если они бедны, Аллах обогатит их Своею щедростью, ибо Аллах — Всеобъемлющий, Знающий» (24:32).

Вопреки широко распространенному утверждению о том, что ислам принес многоженство, оно было распространено задолго до появления ислама среди древних арабов, иранцев и евреев. Напротив, ислам ограничил количество жен, разрешив мужчине иметь только четыре законных постоянных жены одновременно, и оговорил условия этого. Пророк Мухаммад говорил: «Тот, кто будет иметь две жены и не будет проявлять справедливости к ним в имущественных правах и общении, в день Страшного суда будет закован в кандалы и цепи и брошен в ад»⁹.

Однако следует иметь в виду, что некоторые объясняли суру «Женщины» так, что Священный Коран отдает предпочтение моногамии, а не полигамии. «Если вы боитесь того, что не сможете быть справедливыми ко всем ним (своим женам), вступайте в брак лишь с одной» (4:3). Или же: «Вы никогда не сможете соблюдать справедливость по отношению к своим женам одинаково. Даже в том случае, когда захотите этого» (4:129) и т. п. Исследования показывают, что, как правило, мусульмане предпочитают иметь одну жену, а многоженство распространено среди богатых и могущественных людей.

Ислам предоставляет женщине право свободно распоряжаться своим имуществом и собственностью и запрещает отцу, мужу, сыну или брату решать ее имущественные дела. Она может самостоятельно заключать все юридические сделки, например, договоры (*укуд*) и односторонние акты (*икаат*), и завещать свое имущество кому захочет, не нарушая при этом законы шариата.

Однако социальное положение женщины в Иране в рассматриваемый период было неодинаково и во многом зависело от местных обычаев и традиций. Согласно исламскому праву не разрешается брак по принуждению. Кроме того, требуется, чтобы вступающие в брак соответствовали друг другу по возрасту, социальному статусу и материальному положению.

В мусульманской семье все расходы по ее материальному обеспечению и воспитанию детей несет муж. Однако, как уже отмечалось, имущество мужа и жены четко разделено, и муж не имеет права распоряжаться собственностью жены.

В Иране после принятия ислама не запрещались различные виды брака, распространенные в доисламские времена. Тем не менее, предписанные Кораном ограничения не соблюдались, особенно в высших слоях. Например, в пятом веке хиджры (1029 г.) Маджд ад-Даула Буйа после его пленения Махмудом Газневи (971–1030) на вопрос о том, почему он женился на

пятидесяти свободных женщинах, ответил, что таков был обычай его предков¹⁰. Мукаддаси пишет, что кухистанские племена, проживавшие к югу от Каспийского моря, особенно в Дейлеме, в конце X в. должны были вступать в брак с соплеменниками. Несоблюдение этого предписания нередко каралось смертью. Такие эндогамные браки напоминают распространенные в сасанидскую эпоху браки с родственниками¹¹. Кроме того, в регионах, где большая часть населения продолжала исповедовать зороастризм, был распространен брак, осуществлявшийся путем похищения невесты. Однако он принимал разные формы в зависимости от культуры регионов¹².

Стоит отметить, что в первые века ислама иранцам не разрешалось вступать в брак с чужаками. Это было связано с патриотическими настроениями, а также с враждебностью к арабам. В свою очередь, арабы также стремились избегать смешанных браков. Об этом свидетельствуют несколько предписаний, изданных в 783 г. вторым халифом Умаром, запрещающих арабам (завоевателям Междуречья) заключать браки с иранцами, даже с христианами и иудеями. Тем не менее, такого рода браки имели место. Иранские власти относились к этому явлению неодобрительно. Подтверждают это события в Табаристане, где в 783 г. в ходе восстания местные женщины расстались со своими мужьями-арабами и даже выдали их на заклание своим соотечественникам¹³.

Позднее смешанные браки стали заключать с политической целью. Такие браки служили средством предупреждения войн. В подобных браках придавалось большое значение равенству супругов по положению¹⁴. Как правило, после войны побежденный правитель отдавал свою дочь в жены победителю. Иногда в роли вдохновительницы политических союзов выступала женщина. Тем не менее, браки, заключенные по политическим соображениям, часто распадались.

В тех регионах Ирана, где большую часть населения составляли шииты, широкое распространение имел временный брак. Его популярность отдельные исследователи объясняют тем, что он похож на некоторые виды брака в сасанидскую эпоху¹⁵. Временный брак (*sige*) отличается следующими особенностями: время отношений определяется заранее по согласию супругов (временные рамки могут быть от одного часа до ста лет); мужчина выплачивает женщине заранее оговоренную сумму денег; брак осуществляется исключительно по согласию сторон; ни одна из сторон не наследует другой; в связи с ограниченностью по времени такого брака развод в нем не предусмотрен. Сиге был введен с целью предотвращения проституции и разврата, дети от этого брака признаются обществом как законные, а также наследуют имуществу родителей¹⁶.

О нравственной атмосфере в различных слоях иранского общества рассказывается в некоторых литературных произведениях. Например, в «Кабус-наме»¹⁷ в разделе, посвященном выбору невесты, говорится о превосходстве девушки над женщиной — вдовой. Кроме того, рекомендуется, чтобы жена была из зажиточной семьи, но по статусу была бы ниже мужа,

чтобы он имел возможность удовлетворять ее запросы. Обращается внимание на то, что следует хорошо охранять жену и фактически изолировать ее от общества¹⁸. Вместе с тем, такие представления о женщине нельзя переносить на все элитные слои, учитывая при этом также различия культур многочисленных народов Ирана.

В сасанидском Иране были женщины, стоявшие у руля государства. Однако на всей территории Западной Азии, за исключением внутренних районов Ирана, были распространены жесткие взгляды на положение женщины. Так, в последние годы X в. в отдаленных районах Ирана женщинам разрешалось выходить из дома только ночью в черной одежде. А из «Сафар — наме»¹⁹ Насира Хусрава известно, что в 1052 г. любую женщину, разговаривавшую с мужчиной, не являвшимся ее родственником, ждала смертная казнь²⁰. Эти взгляды оказали сильное влияние на менталитет арабов — завоевателей, и они переняли ряд персидских обычаев, в том числе хиджаб и содержание женщин в гаремах.

Однако такие нравы не имели широкого распространения. В сельскохозяйственных районах, например в Гиляне, женщины пользовались большей свободой и трудились на полях вместе с мужчинами. В районе Табаристана в Париме, где население продолжало исповедовать зороастризм, раз в две недели проходила ярмарка, где девушки и юноши имели возможность познакомиться друг с другом. Хиджаб здесь не был принят. Согласно некоторым источникам, арабы в то время также не были сторонниками обязательного ношения хиджаба. Например, по словам Табари, жена правителя Хорасана прилюдно поздравляла своего двоюродного брата с победой над тюрками²¹, причем хиджаба на ней не было.

На основании большинства источников, несмотря на их лаконичность, можно сделать вывод, что женщины в иранском обществе пользовались уважением. Они принимали активное участие в социальной, экономической и даже политической жизни Ирана. Так, например, мать Маджд ад-Даулы Бувайхи, временно правившая Реем до него, после бунта другого своего сына Шамс ад-Даулы, помогла последнему придти к власти²². Женщины из низших слоев общества были не менее свободны и без всяких опасений обращались к правителю с жалобами на чиновников²³.

Судя по историческим трудам, предоставление свободы женщинам во многом было связано с проникновением представителей тюркских народов во властные структуры иранского общества после прихода ислама. Пользуясь возможностью, женщины проявляли активность в благотворительных мероприятиях, а также участвовали в решении политических проблем, что вызвало недовольство Низама аль-Мулька²⁴. Однако участие женщин в политике не прекратилось. Так, одна из вдов Малик-шаха Сельджуки в 1093 г. обратилась к Исмаилу, брату своего мужа, с предложением о браке с тем, чтобы способствовать политическим переменам в пользу своего сына Махмуда²⁵. Жена Мухаммада Сельджуки (1105–1118 гг.) была его вазиром, а мать сельджукского султана Арслана до самой смерти в 1175 г. участвовала

в управлении государством, обеспечении армии и даже в военных походах²⁶. Подобные деяния не были безопасными и могли закончиться гибелью. Например, жена Баркийярука погибла в жестоком бою в 1095 г. Тем не менее, согласно историческим документам, политическая активность женщин ни одну из них не привела к политической власти, особенно при Сельджукидах (1039–1194 гг.)²⁷.

Завоеватели-монголы (1258–1353 гг.) оказывали большое влияние на повседневную жизнь подданных, поэтому в иранском обществе произошли значительные изменения. Отличия были настолько большими, что правитель Герата Фахр ад-Дин Карт вынужден был в 1300 г. издать новый закон о необходимости хиджаба для женщин, так как многие иранки стали отказываться от него, беря пример с монголох²⁸. Но со временем ислам стал набирать силу, и хиджаб стал частью наряда и монгольских женщин, во всяком случае, в семьях вельмож.

По указу Чингис-хана (1162–1227 гг.) женщина должна была ухаживать за мужем, следить, чтобы его оружие и военные припасы были в порядке, чтобы он имел полноценный отдых и т. д. В случае необходимости она могла участвовать вместе с мужем в военном походе. Таким образом, даже жены правителя не были в этом отношении исключением. Эта традиция продолжалась и в роду Ильханов, одной из монгольских династий.

В период после падения Сефевидов (1502–1736 гг.) и до Каджаров (1795–1925 гг.) к власти в Иране пришли две другие значительные династии — Афшары (1736–1795 гг.) и Зенды (1753–1794 гг.). Положение женщин, структура семьи и родства в эти периоды (начиная с упадка Сефевидов и заканчивая воцарением Каджаров) не претерпели серьезных изменений и оставались в рамках племенных традиций.

Катерино Зено, приехавший в Иран в правление Узун-Хасана (1453–1478 гг.), пишет о женщинах: «Обычай и традиция требуют, чтобы женщин никто не видел, а если их увидят, то это значит, что кто-то среди нас совершил блуд. В связи с этим, в то время, когда иранки прогуливаются в городе и крепости, либо верхом на лошади в шахской свите и со своими мужьями едут на войну, они надевают на себя вуаль, сплетенную из конского волоса. И эта вуаль настолько густая, что сквозь нее они могут легко видеть остальных, однако их лиц никто не видит»²⁹. В правление Сефевидов, когда государство продолжало оставаться религиозным, и фанатизм широко распространился, положение женщин заметно ухудшилось. Со времени правления шаха Тахмаспа (1524–1555 гг.) ношение вуали и чадры стало обязательным и поддерживалось остальными правителями. Женщины в основном занимались приготовлением пищи, домом и воспитанием детей³⁰.

В Исфагане иногда во время иллюминации по приказу шаха Аббаса (1587–1629 гг.) освобождали центральную часть города и базары от мужского населения с тем, чтобы сам шах и его жены могли свободно гулять и делать покупки. По этому случаю, знатные женщины могли ходить без чадры и никаба³¹.

Жан Шарден, французский путешественник (1643–1713), во время своего путешествия в Азию, побывал в Иране. Вот, что он писал о социальном статусе женщин: «Женщины шахского гарема никогда не выходят из него, и в Иране самыми важными женщинами являются те, кто редко выходит из дома и принимает других у себя. Иногда сестра идет навестить свою сестру или кухни навешают друг друга. Кроме этого визиты осуществляются в исключительных и чрезвычайных случаях, таких как свадьба, похороны или важные государственные и религиозные праздники»³².

Французский купец Жан-Батист Тавернье, неоднократно бывавший в Иране, писал: «Иранских женщин не видит никто, кроме их мужей. Женщин из среднего и низшего слоев общества можно увидеть на улицах только, когда они идут в баню. Они надевают на себя чадру, закрывающую их с ног до головы, и видят дорогу лишь с помощью двух отверстий, расположенных на уровне глаз. Также если кто-то войдет в дом, то женщины больше не принимают пищу со своим мужем. Женщины не являются хозяйками внутри дома, их положение больше похоже на положение слуг...»³³.

В афшарский период, при Надир-шахе (1736–1747 гг.), положение женщин несколько улучшилось, так как были отменены некоторые ограничения. А в царствование Карим-хана Зенда (1750–1779 гг.), которому не были свойственны жестокость и фанатизм, народ почувствовал большую свободу.

Согласно историческим источникам, социально-экономическое положение женщин в племенах было значительно лучше, чем положение горожанок. Женщины племен из-за большого объема работ, выполняемых ими, пользовались почетом и уважением мужчин. В племенах была распространена моногамия, было меньше разводов, а заключение временного брака сиге считалось позором.

Таким образом, структура семьи, брака и родства не изменялась и осталась в прежнем виде, несмотря на смену династий.

Проблема семьи и брака в каджарский период (1795–1925 гг.) рассматривалась исследователями на трех уровнях: среди простого народа, у знати и при дворе. Мнения исследователей о положении женщин в этот период неоднозначны. Одни из них считают, что женщины того периода вели замкнутый образ жизни и не принимали никакого участия в общественной жизни страны. Однако авторы исследований последних лет высказывают противоположную точку зрения. По их мнению, для каджарских женщин были привычными такие занятия, как прогулки на природе, покупка необходимых для семьи товаров на рынке, а также посещение религиозных собраний. Об активности женщин свидетельствует также их участие в событиях, связанных с запретом табака, а также в Конституционной революции 1905–1911 гг. И это касалось представительниц всех слоев общества...³⁴.

Согласно каджарским документам и текстам, в рамках традиций этого периода девочек выдавали замуж в возрасте от семи до тринадцати лет. Это объяснялось такими причинами как «ранняя возможность обрести экономическую независимость, относительно быстрое физическое развитие девочек в этом возрасте и небольшая средняя продолжительность жизни»³⁵. Учитывалась

также «распространенность социально-культурных представлений о пользе ранних браков, согласно которым к счастливым девушкам относили тех, кто, достигая зрелости в доме мужа, был обезопасен от плотских соблазнов»³⁶.

Такие браки, распространенные не только среди простонародья, но и среди знатных родов имели своей целью обеспечить определенные интересы семей, в частности, сохранить их благородное происхождение. В таких семьях мальчик и девочка нередко были помолвлены с колыбели, а по достижении зрелости заключали между собой брак.

В каджарскую эпоху самым распространенным был постоянный брак. Согласно шариатским законам, мужчина мог иметь четыре жены, а богатый, в зависимости от материального достатка, мог иметь при этом еще неограниченное количество временных жен.

Временные жены были выгодны путешествующим мужчинам или пребывающим в далеких краях или в военном походе, куда они не брали постоянную жену (или жен). В святых городах из-за многочисленности паломников был большой спрос на сиге, поэтому брак заключался с помощью сводников, которые подыскивали даже иностранок³⁷.

Многие мужчины заключали сиге, если их нареченные не достигли зрелости или возраста вступления в брак. В знатных семьях мальчикам 16–17 лет находили временных жен, а когда они достигали финансовой независимости, женили на девушках из зажиточных и уважаемых семей или на кузинах (дочерях дяди по отцу), а временных жен либо изгоняли, либо поселяли в отдельном доме³⁸. В северных районах Ирана крестьяне прибегали к временному браку в период сельскохозяйственных работ, а после уборки урожая (с окончанием срока сиге, указанного в договоре) разводились с временными женами³⁹. Отцы бедных семей (например, в городе Керман) соглашались, чтобы их дочери становились временными женами. С одной стороны, семьи временно освобождались от обеспечения повседневных нужд дочери, а с другой, по окончании срока сиге семьи получали небольшую сумму (*махрийа*), заработанную дочерью⁴⁰. Следует отметить, что в каджарском обществе «урф» (обычай) одобрял временные браки. Нередко «временные жены» вступали в постоянный брак с другими мужчинами⁴¹.

Существовала еще одна форма брака, когда мужчинам продавали женщин и девушек в качестве служанок. Как правило, это были плененные в ходе войн или украденные во время набега, иногда купленные. Так, в 1795–1796 гг. в результате завоеваний Ага-Мухаммада — хана Каджара в плен попали и были выставлены на продажу пятнадцать тысяч кавказских девушек⁴². Надо отметить, что в южных портах Ирана была распространена, хотя и в ограниченной форме, работорговля. Несмотря на наказание за работорговлю, пленных незаконным путем ввозили в Иран. По мнению ряда исследователей, это были африканцы, а Абд Аллах Бахрами считал, что это были жители юга страны и Белуджистана. По его словам, женщин и девушек превращали в пленниц из-за бедности населения страны, частого разбоя и военных конфликтов.

В каджарском Иране имели место случаи продажи женщин и девушек. Во время Конституционного движения 1906 г. Асаф ад-Даула заставлял население Хорасана выплачивать огромную сумму. Кучанцы, чтобы собрать необходимую сумму, были вынуждены продавать своих девушек. Некоторые курдские племена из-за бедности также продавали своих девушек. Однако рабство в те времена не имело ничего общего с нынешними представлениями о рабстве, поскольку женщины выполняли домашнюю работу, считались почти членами семьи, а если выходили замуж за одного из мужчин семьи, то становились свободными. Мужчина в зависимости от достатка мог купить любое количество служанок, которые были обязаны наряду с домашней работой удовлетворять сексуальные желания хозяина. Ребенок, родившийся от этой связи, получал равные с законными детьми права.

Служанки в гареме знатных семей подчинялись одной из главных жен хозяина и были обязаны наряду с домашней работой развлекать хозяйку: исполнять песни и танцы. Если хозяин относился с большой симпатией к служанке, то его жены из ревности могли подвергнуть ее суровому телесному наказанию⁴³. В результате трех видов брака в Иране каджарского периода появились большие и малые гаремы, принадлежавшие принцам, наместникам провинций и богачам. Некоторые из этих гаремов по количеству женщин соперничали с шахским⁴⁴.

В городах Ирана среди знати было распространено многоженство, а остальное население придерживалось моногамии. В отличие от городов в племенах была распространена полигамия. Так, среди белуджей даже малоимущие мужчины имели 7–8 жен⁴⁵, а у санджанийцев⁴⁶ ни у одного из мужчин не было меньше трех жен⁴⁷. Бахтияры также имели несколько женщин, даже самые бедные из них имели больше одной жены⁴⁸. Многоженство в племенах объяснялось, во-первых, тем, что женщины, в отличие от мужчин, выполняли в разнообразную работу. Во-вторых, многие племена занимались разбоем и грабежом на дорогах и поэтому нуждались в большом количестве сыновей.

Из-за нищеты среди простонародья была распространена моногамия. Ремесленники и торговцы также обычно имели одну жену. В эту эпоху зорастрийцы не брали в жены больше одной женщины.

Как уже отмечалось, роль и обязанности женщины в доме зависят от видов брака и формы семьи, в этом отношении каджарский период не был исключением. В эту эпоху женщины рожали много детей из-за незнания способов, предохраняющих от беременности, высокой детской смертности, связанной с антисанитарией, широким распространением инфекционных заболеваний, а также из-за желания иметь большое количество сыновей. Вступая в брак в раннем возрасте, женщины уже в тридцать лет становились бабушками. На них лежала основная ответственность за воспитание детей. В знатных семьях отцы обычно были заняты разнообразными делами вне дома, в том числе увеселениями, старались держаться подальше от домашних проблем. Отношения между детьми и отцом были сухими и официальными⁴⁹, так как считалось, что это поможет детям в будущем быть самостоятельными в решении разных житей-

ских проблем. Девочек в возрасте 10–12 лет выдавали замуж и, войдя в новую семью, они наряду с новыми обязанностями брали на себя и материнские⁵⁰. Мальчики в 11 лет начинали работать с отцом, а в 17 лет женились и брали на себя ответственность за новую семью.

В обычных семьях дети достаточно рано вступали в жизнь и сталкивались с действительностью. Женщины в таких семьях наряду с воспитанием детей выполняли такую работу, как приготовление пищи, уборка, шитье одежды для членов семьи и покупки вне дома. Кроме того, они занимались ковроткачеством, прядением шерсти и другими ремеслами. Знатные же женщины занимались лишь тем, что надзирали за большим количеством прислуги, нянек, кормилиц, рабов и слуг или проводили время, нанося визиты и принимая гостей⁵¹. Чрезмерное безделье таких женщин было причиной распространения нездоровой обстановки в гаремах. Находясь в замкнутом пространстве, они думали только о том, как доставить большее удовольствие хозяину гарема.

Занятость женщин в доме зависела не только от их социального статуса, но и от места проживания — в городе или сельской местности. Действительно, в каджарскую эпоху сельские женщины, как и горожанки, отвечали за воспитание детей и ведение дома. Кочевая и сельская жизнь того периода казалась намного проще городской, так как сельчане и кочевники сами производили основную часть необходимой им продукции — мясо, молочные продукты, овощи, одежду они также шили сами. Жены кочевников имели еще такие обязанности, как доставка воды для нужд семьи, установка палаток в ходе кочевки племени, внутреннее обустройство палаток, приготовление необходимых для строительства своего жилища материалов, плетение черных гелимов для крыши и тростника для стен палаток⁵². Такие женщины были весьма целомудренными, им не были свойственны нравственные пороки.

В каджарских семьях разводы были редкостью. Они происходили по инициативе мужа только в случае бездетности жены, ее безнравственного поведения, физических недостатков, например, слепоты, или, если она «приносила несчастье в дом мужа»⁵³. Жена имела право на развод, если муж не давал средств на ее содержание (*нафака*) или отличался физическим бессилием⁵⁴. Дети после развода оставались с отцом, а мать лишалась всех прав на них. Большинство женщин уклонялось от развода, так как не было законов, защищавших их права, и их возвращение в родительский дом (после развода) общество осуждало.

Сведения Джона Малькольма (1769–1833), британского государственно-го деятеля, о причинах малого числа разводов среди племен можно экстраполировать на все иранское общество каджарской эпохи: «Разводы редко случаются у кочевников, и, можно сказать, этому имеется множество причин. Одна заключается в том, что в этом племени больше нравственной чистоты, а вторая — в том, что женщины из-за их трудов милее мужчинам. Бедняки к тому же не могут уплатить калым»⁵⁵.

Конституционная революция (1905–1911 гг.) положила начало модернизации иранского общества и привела к свержению династии Каджаров. В 1925 г.

к власти пришел Реза-шах Пехлеви, нововведения которого нередко носили принудительный характер и не соответствовали социальному контексту Ирана. Это несоответствие оказало влияние на иранскую семью, навязав ей некоторые несвойственные функции. Объявленные Реза-шахом (после возвращения из Турции под впечатлением реформ, проведенных Ататюрком) унификация одежды и отмена хиджаба вызвали недовольство большинства населения страны. Но постепенно влияние западной цивилизации оказало свое воздействие на отношения мужчин и женщин, отцов и матерей в стране. В результате изменения социальных отношений и большего распространения общего и специального образования женщина становилась соратницей мужчины. Государство, стремясь к модернизации, стало больше вмешиваться в дела семьи. Население начало принимать некоторые изменения, происходящие в семейных отношениях, хотя было много традиционных семей, сопротивлявшихся реформам.

Главными факторами, инициировавшими изменения в семье в период правления Реза-шаха и затем его сына Мухаммада Реза Пехлеви, были: изменение характера производства, усиление активности рабочих благодаря появлению новых технологий в промышленности и в сфере услуг, а также повышение уровня потребления товаров и услуг⁵⁶. Если по переписи 1956 г. иранская семья состояла в среднем из 7 человек, то по переписи 1966 г. количество членов семьи уменьшилось до 5⁵⁷. С развитием городов стало меньше эндогамных (внутриродовых браков)⁵⁸. Однако эти изменения коснулись не всех семей. Так в докладе, подготовленном сотрудниками Организации социальных исследований (созданной в 1958 г. при Тегеранском университете), отмечалось: «...обширная патриархальная семья не вдруг упаковала вещи, и вместо нее повсеместно не воцарилась малая супружеская семья. Не только среди племен и деревенских жителей, но и среди городского населения все еще наблюдаются следы и пережитки старой семьи. Иногда в одном доме царят оба принципа, и два поколения, старое и молодое, живут вместе, спорят друг с другом о старом и новом, и, например, тогда как старшее поколение считает выбор супруга прерогативой родителей, молодое поколение полагает вмешательство стариков неприемлемым»⁵⁹. По мнению многих исследователей, молодежь, находясь, благодаря прессе и радио, под влиянием западных обычаев и традиций, отдавала предпочтение материальным, а не духовным ценностям. В этих условиях подрывались основы семьи, опирающейся на семейное чувство, свободное от всего материального. Увеличилось количество разводов, один из 4 или 5 браков заканчивался разводом. Женщины, недовольные традиционной ролью домохозяйки и хранительницы домашнего очага, требовали равных прав с мужчинами, из-за чего дети работающих матерей были предоставлены сами себе.

Таким образом, в результате принудительных реформ Реза-шаха и ускоренной (несогласованной с традиционной социальной структурой общества) модернизации в правление Мухаммада Реза Пехлеви многие институты в Иране не могли нормально функционировать. К таким институтам относилась и семья.

Ситуация коренным образом изменилась после исламской революции 1979 г. Она положила конец западному влиянию и провозгласила главенство исламских и собственно иранских обычаев в общественной жизни страны.

О семье в Конституции Исламской республики Иран сказано следующее: «Семья является основополагающей единицей общества и главным местом развития и роста человека. Главным принципом при образовании семьи, создающей условия для движения человека к совершенству и росту, является идеальное согласие. Создание возможностей для достижения этой цели является обязанностью исламского государства»⁶⁰. Имам Хомейни в своих выступлениях подчеркивал важную роль женщин в семье, указывал, что они «свободны в достойных делах»⁶¹, в том числе могут поступить в университет и делать все, что не противоречит исламской нравственности и не подрывает основы семьи. Он считал, что женщины имеют право участвовать в общественно-политической и социально-экономической жизни страны, создании здорового исламского общества, обладают правом избирать и быть избранными.

После революции женщины стали принимать активное участие в социально-экономической жизни страны. Увеличилась занятость женщин, особенно горожанок, в таких сферах как образование и здравоохранение. Кроме того, они занимаются ковроткачеством, прядением, сельским хозяйством и животноводством, шитьем, производством пищевых продуктов, административной работой в учреждениях и, секретарским делом⁶².

Все законы, постановления и программы страны направлены на то, чтобы облегчить создание семьи и укрепить семейные отношения. В 21-й статье Конституции отмечается, что государство обязано гарантировать права женщины, как одного из столпов семьи, с соблюдением норм ислама⁶³. В связи с этим подчеркивается необходимость обратить внимание на следующие моменты: 1) Создание благоприятной почвы для развития личности женщины и возрождения ее имущественных и духовных прав; 2) Создание особого суда для сохранения семьи; 3) Создание страхования для вдов и пожилых женщин, оставшихся без кормильца; 4) Защита матерей, особенно в период вынашивания и вскармливания, и защита детей без кормильца; 5) Предоставление опеки над детьми достойным матерям⁶⁴.

Укреплению семейных уз способствуют также организации, выполняющие функции института семьи и дающие рекомендации по делам семьи. К таковым относится Общество воспитателей и наставников, образованное еще до Исламской революции в конце 1960-х гг. и действующее по сей день. Его основная цель заключается в установлении сотрудничества двух институтов — школы и дома, решении различных проблем семейной жизни, как необходимого условия для образования и воспитания детей. Общество разрабатывает программу для обучения молодых семей. Она осуществляется по всей стране в форме курсов и включает шесть обязательных предметов об обязанностях и долге родителей в семье. Кроме того, в центральном офисе Общества Совет по планированию приступил к составлению расширенной программы об этапах изменения семейной жизни. Курсы обучения проводятся и для учителей начальной школы.

Значительную роль в укреплении семьи играют также Справочно-консультативные семейные центры. В настоящее время в разных регионах страны действует около 25 таких центров, предполагается довести их количество до 75⁶⁵.

Средства массовой информации уделяют большое внимание семейным проблемам. Тематика радио и телепередач о семье охватывает такие вопросы как морально-правовой статус семьи, внутрисемейные отношения, воспитание и образование детей, женское образование, гигиена питания, гигиена семьи (матери и ребенка), наследственные болезни, семья и различные виды инфекционных заболеваний, женские болезни и т. д.⁶⁶. Семейные и женские проблемы решаются также «Центром по делам женщин и семьи», созданным при администрации президента. По словам госпожи Зухры Табибзаде Нури, советника президента и главы указанного Центра, одной из его главных задач является повышение образовательного уровня молодых людей, особенно девушек, будущих матерей, которым предстоит играть важную роль в формировании культуры в семье как основы культуры общества в целом⁶⁷. И в этом процессе, как считает Джамиле Алам-аль-Хода, профессор Университета имени шахида Бехешти, государство должно принимать самое непосредственное участие. С точки зрения госпожи Алам-аль-Хода, исходя из того, что система образования в Иране реформируется в соответствии с исламским вероучением, возникает необходимость в урегулировании взаимоотношений государства и семьи с учетом воспитательной теории ислама, а также необходимость уточнения самого понятия «государство» в соответствии с политической теорией ислама. Она подчеркивает, что подход ислама к воспитательной миссии семьи и государства отличается двумя особенностями: участием в процессе воспитания и контролем над воспитательным процессом⁶⁸.

При этом большое значение придается обучению морально-правовой системе семьи. Особенности правового регулирования семейных отношений в исламе, по мнению Махмуда Хекматния, сотрудника иранского Института исламской культуры и мысли, заключаются в том, что: «Морально-правовая система семьи — одна из важнейших частей правовой и моральной систем ислама. Соединяя теоретическую и ценностную основу с разработками семьи, а также уважая свободу и личностные права человека, эта система предусматривает различные правовые и моральные правила в сфере создания, существования и распада семьи»⁶⁹.

Вместе с тем, если учитывать развернувшуюся ныне компьютерную революцию, иранская молодежь заимствует некоторые элементы современной культуры, не противоречащие исламу. При этом парадоксальное взаимодействие указанных культур в иранской семье отнюдь не снижает роль отца в воспитании подрастающего поколения. Более того, это не приводит к тому, чтобы образованная женщина отказалась от скромных и не всегда заметных обязанностей жены, матери и хозяйки. И дело не в том, что она не может быть врачом, педагогом, чиновником и т.д., а в том, что она по-прежнему ценит ту роль, которая ей предназначена природой, религией, историей и здравым смыслом.

Учитывая, что распад семьи предполагает серьезные последствия для устойчивости страны, государство придает большое значение помощи многодетным и малоимущим семьям, распределяя между ними средства, полученные от «*закята*» (очистительного налога, взимаемого с состоятельных людей) и от добровольной милостыни «*садака*». Известный иранист Александр Полищук считает, что Иран является образцом того, как социальные программы, направленные на поддержку многодетных и малоимущих семей, претворяются в жизнь. Так, в зарплату госслужащих государство закладывает сумму, которая выделяется на поддержание достойного уровня жизни иранских семей. В соответствии с иранским законом, госслужащие, содержащие большие семьи, также обеспечиваются бесплатными продовольственными наборами. Кроме того, в стране реализуется программа обеспечения жильем молодых семей, развивается инфраструктура для молодежи и т. п. Интересно и такое явление как массовые свадьбы, которые помогают сократить расходы на пышные торжества. Новобрачные, как отмечает А. Полищук, сэкономившие таким образом на церемонии бракосочетания, имеют небольшой капитал, который могут потратить по своему усмотрению⁷⁰.

От благополучия семьи зависит благополучие всего общества. «Одним из факторов, способствующих укреплению устоев иранской семьи и общества в целом», как считает Абузар Эбрахими Торкаман, руководитель Культурного представительства при посольстве ИРИ в Москве, «является взаимное уважение членами семьи прав друг друга, а также соблюдение членами семьи прав других членов общества»⁷¹. По его мнению, «уважение прав родителей способствует укреплению их роли в семье, а также выполнению ими своей воспитательной роли, что в итоге способствует реализации возвышенных целей всего общества»⁷².

¹ Zaferanchi L.S. The security and ethics in the Iranian family. Tehran, 2008. P. 5–6.

² Zaferanchi L.S. The security and ethics in the Iranian family. Tehran, 2008. P. 6.

³ Zaferanchi L.S. The security and ethics in the Iranian family. Tehran, 2008. P. 7.

⁴ Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране, СПб., 2008. С. 16.

⁵ Цит. по: Инсафпур Г.-Р. История экономической жизни сельского населения и социальных слоев Ирана с доисторических времен до конца Сасанидского периода. Андиша, б.г. С. 132.

⁶ Фрай Р.Н. Древнее население Персии. Тегеран: Илми ва фарханги, 1965. С. 379, 380.

⁷ Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране, СПб., 2008. С. 19.

⁸ Цит. по: Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране, СПб., 2008. С. 24.

⁹ Цит. по: Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране, СПб., 2008. С. 25.

¹⁰ Ибн Асир Изз ад-дин. Всеобщая история. Тегеран: Хилми, 1972. Т. 16. С. 86.

¹¹ Мукаддаси Ш.М. Лучшее из разделений для познания областей. Лейден, 1906. С. 368.

¹² Хушанг Фархуджаста. Семья в Иране, СПб., 2008. С. 27.

¹³ Ибн Исфандийар. История Табаристана. Тегеран: Падида, 1987. С. 183.

¹⁴ Ибн Асир Изз ад-дин. Всеобщая история. Тегеран, Хилми, 1972. Т. 14. С. 195–196.

¹⁵ Штулер Б. История Ирана в первые века ислама, Тегеран: Илми ва фарханги, 1990. С. 185.

¹⁶ Сарухани Б. Введение в социологию семьи. Тегеран: Кайхан. С. 82.

¹⁷ «Кабус-наме» — назидательная проза, написанная мифическим царем древнего Ирана Кей-Кавусом для своего сына Гиляншахуа. Она содержит 42 главы о поведении в обществе, ведении хозяйства, служении господину, о правилах правления, воспитании наследника и т. п.

¹⁸ Кай-Кавус б. Вушмгир. Кабус-нама. Тегеран: Фуруги, 1989. С. 93, 94.

¹⁹ «Сафар-наме» — книга путешествий персидско-таджикского поэта и философа Насира

ибн Хусрау, написана в XI в.

- ²⁰ *Насир-и Хусрау Кубадийани*. Сафар-нама. Париж, 1970. С. 94.
- ²¹ *Хушанг Фархуджаста*. Семья в Иране, СПб., 2008. С. 31.
- ²² *Ибн Асир Изз ад-дин*. Всеобщая история. Тегеран: Хилми, 1972. Т. 15. С. 314.
- ²³ *Кай-Кавус б. Вушмгир*. Кабус-нама, Тегеран, Фуруги, 1989. С. 170, 171.
- ²⁴ *Низам аль-Мульк Туси*. Сийасат-нама, Тегеран, 1976. С. 242–251. Низам аль-Мульк (1019/1020–1092) — вазир сельджуковских султанов, один из выдающихся деятелей средневекового мусульманского Востока.
- ²⁵ *Раванди Мухаммад б. Али*. Успокоение сердец и чудо радости в истории Сельджукидов. Тегеран: Амир Кабир, 1985. С. 141.
- ²⁶ *Раванди Мухаммад б. Али...* С. 141.
- ²⁷ *Хушанг Фархуджаста...* С. 33.
- ²⁸ *Хушанг Фархуджаста...* С. 37.
- ²⁹ *Раванди Муртаза*. Социальная история Ирана. Т. 3. Тегеран: Амир Кабир, 1978. С. 702.
- ³⁰ *Раванди Муртаза*. Социальная история Ирана. ... С. 702.
- ³¹ *Раванди Муртаза...* С. 703.
- ³² *Раванди Муртаза...* С. 708.
- ³³ *Раванди Муртаза...* С. 709.
- ³⁴ *Хушанг Фархуджаста...* С. 41.
- ³⁵ *Хушанг Фархуджаста...* С. 42.
- ³⁶ *Хушанг Фархуджаста...* С. 42.
- ³⁷ *Серена К.* Персия: люди и события. Тегеран: Заввар, 1983. С. 182.
- ³⁸ *Альмань А.-Р.* Из Хорасана в страну бахтияров. Тегеран: Ибн Сина, 1956. С. 268.
- ³⁹ *Альмань А.-Р.* ... С. 269.
- ⁴⁰ *Полак Э.Я.* Иран и иранцы. Тегеран: Хваразми, 1982. С. 147.
- ⁴¹ *Мустафа Абдаллах*. Моя жизнь. Тегеран: Заввар, 1964. Т. 1. С. 157.
- ⁴² *Хидайат Махди-Кули-хан*. Иран. Тегеран: Нукра, 1983. С. 40.
- ⁴³ *Серена К.* Персия: люди и события. Тегеран: Заввар, 1983. С. 64.
- ⁴⁴ *Хушанг Фархуджаста...* С. 46.
- ⁴⁵ *Петинджер Г.* Путевой дневник Петинджера. Тегеран: Диххуда. 1969. С. 65, 66.
- ⁴⁶ На западе страны.
- ⁴⁷ *Изам Кудси Хасан*. Мои воспоминания. Б.м., 1963. Т. 1. С. 402.
- ⁴⁸ *Керзон Дж. Н.* Персия и персидский вопрос. Тегеран, 1971. Т. 2. С. 366.
- ⁴⁹ *Даулатабади Йахйя*. Жизнь Йахйи. Тегеран: Ибн Сина, 1957. Т. 1. С. 17.
- ⁵⁰ *Друвилль Г.* Путешествие в Персию в 1812–1813 гг. Тегеран: Гутинбург, 1969. С. 76.
- ⁵¹ *Полак Э.Я.* Иран и иранцы. Тегеран: Хваразми, 1982. С. 157.
- ⁵² *Лоти П.* Исфахан. Б.м., б.г. С. 132.
- ⁵³ *Полак Э.Я.* Иран и иранцы. Тегеран: Хваразми, 1982. С. 151.
- ⁵⁴ *Шариф Кашиани Мухаммад-Махди*. События в истории. Тегеран: Тарих-и Ира, 1983. С. 762.
- ⁵⁵ *Малькольм Дж.* История Ирана. Тегеран, Саъди, б.г. С. 216.
- ⁵⁶ *Асафи Асифа*. Семья и воспитание в Иране. Тегеран, 1973., С. 145.
- ⁵⁷ *Хушанг Фархуджаста...* С. 67.
- ⁵⁸ *Хушанг Фархуджаста...* С. 67.
- ⁵⁹ *Бихнам Д.* Родство в иранских семьях, Тегеран, Хваразми, 1973. С. 14.
- ⁶⁰ Конституция Исламской республики Иран, Тегеран, 1991, статьи 13, 14.
- ⁶¹ *Хушанг Фархуджаста...* С. 105.
- ⁶² *Хушанг Фархуджаста...* С. 109.
- ⁶³ *Хушанг Фархуджаста...* С. 105.
- ⁶⁴ *Хушанг Фархуджаста...* С. 105.
- ⁶⁵ *Сафи А.* Сбалансированная семья. Тегеран, 1995. С. 21.
- ⁶⁶ *Хушанг Фархуджаста...* С. 129.
- ⁶⁷ *Zaferanchi L.S.* The security and ethics in the Iranian family. Tehran, 2008. P.1.
- ⁶⁸ www.muslima.ru
- ⁶⁹ www.alfurkan.ru
- ⁷⁰ www.alfurkan.ru
- ⁷¹ *Торкман А.Э.* Иран — Россия — Ислам: время понимать друг друга. Москва; Нижний Новгород, 2009. С. 42.
- ⁷² *Торкман А.Э....* С. 42.

Пакистан: введение законов шариата в 2009 г.

Шариатское судопроизводство 2009 г., или *Нифаз-и-Шариа* (Nifaz-e-Nizam-e-Sharia — Шариатская система законности и справедливости), было введено 13 апреля 2009 г. в ряде районов Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) Пакистана. Соответствующий указ был подписан президентом Асифом Али Зардари и незамедлительно вступил в силу. Исламское судопроизводство, таким образом, затронуло более 3 млн. человек, проживавших в административном центре долины Сват — Малаканде¹ (за исключением Мансехра и Амб, районов расселения хазаров, исповедующих шиизм).

В рассматриваемый период введение судов шариата, признание легитимности их функционирования одновременно с гражданскими судами было сопряжено с рядом особенностей политического развития страны. В феврале 2008 г. в результате всеобщих парламентских выборов на смену режиму генерала-президента Первеза Мушаррафа к власти пришли гражданские силы во главе с Пакистанской народной партией (ПНП). Новая администрация взяла курс на обновление общества, широкие демократические преобразования, перестройку государственных институтов в стране и т. д. Юсуф Раза Гилани, глава кабинета министров (член ПНП), назвал проведение реформ в северных районах страны одним из приоритетных направлений деятельности правительства. Реформы предусматривали снятие ограничений на политическую деятельность в Гилгите-Балтистане; отмену запрета на деятельность политических партий в агентствах Территории племен федерального управления (ТПФУ)² и пересмотр Уголовного законодательства³ ТПФУ; а также реформы в зоне племен Северо-Западной пограничной провинции (с апреля 2010 г. — Хайбер-Пахтунхва) и т. д.

В этом же контексте новая гражданская администрация пересматривала взаимоотношения с боевиками (в Пакистане их называли повстанцами), действовавшими в северо-восточных регионах страны: агентствах ТПФУ на границе с Афганистаном, в Белуджистане и в СЗПП. При этом Исламабад взял курс на отказ от применения силы, проведения локальных военных операций федеральной армией и т. д.

Новые гражданские власти проявляли беспокойство по поводу активности боевиков в южных районах СЗПП. В отличие, например, от ТПФУ, в СЗПП действовала Конституция 1973 г., и ее нарушения (с учетом географической близости к столице) вызывали тревогу федеральных властей.

Тезис всеобщего примирения Исламабад выдвинул весной 2008 г., преследуя единственную цель — предотвратить дальнейшее «сползание» тер-

роризма от конфликтной пограничной с Афганистаном зоны пуштунских племен во внутренние районы страны, в провинции СЗПП и Панджаб. Вскоре в подтверждение своих намерений власти освободили из тюрьмы нескольких боевиков и лидеров организаций, запрещенных еще в начале 2000-х гг.

Пришедший к власти в 2008 г. в СЗПП альянс Народной национальной партии (ННП) и Пакистанской народной партии (ПНП) выступил в поддержку переговорного процесса с боевиками. Правящая политическая элита провинции критиковала как США, так и федеральную армию, обвиняя обе стороны в ведении военных действий, и как результат, гибели местного гражданского населения на своей территории.

Гражданские власти полагали, что смогут (в отличие от генерала-президента П. Мушаррафа, возглавлявшего страну в 1999–2008 гг.) найти компромисс на переговорах с боевиками о восстановлении мира в Свате. Мушарраф за годы своего правления несколько раз заключал мирные соглашения, в частности с повстанцами в СЗПП, в последний раз в апреле — мае 2008 г.⁴. Однако добиться прекращения террористических актов в агентствах ТПФУ и районах СЗПП так и не удалось.

Ситуация в Свате обсуждалась на заседании провинциального законодательного собрания в августе 2008 г. Тогда же поднимался вопрос о необходимости внесения изменений в систему правосудия, и, как вариант, рассматривался вопрос о частичном введении норм шариата.

Однако по вопросу об отношениях с боевиками, в том числе о проведении военных операций против них федеральной армией, не было единства в рядах самой ННП. Позиции менялись в зависимости от сиюминутной обстановки. Многие законодатели обвиняли армию или в бездействии, или в недостаточном противодействии талибам; другие призывали к прекращению военных операций. Объяснения были простыми: гражданские власти уклонялись отдавать приказ о начале каких-либо военных действий, опасаясь обвинений в гибели жителей. Подобная позиция Исламабада и провинциальных властей СЗПП стала причиной того, что в течение нескольких месяцев начальник штаба сухопутных войск генерал Ашфак Первез Кияни безрезультатно запрашивал официальные власти о политической поддержке для ведения военной операции против талибов⁵.

Боевики активизировали террористическую деятельность в ТПФУ и СЗПП (Свате) еще осенью 2007 г. в силу ряда причин. В 2007–2008 гг. фактически шло накопление их сил. Они провели серию террористических актов не только в СЗПП, но и пошли дальше вглубь страны, в частности, в Панджаб. Это вызвало негодование местного населения и смятение в правящих кругах. Произошедший в сентябре 2008 г. взрыв в отеле «Марриотт» в центре Исламабада в непосредственной близости от здания парламента расколол пакистанское общество. Теракт, насчитывавший сотни погибших, оттолкнул многих от идеи ведения переговоров с боевиками, другие напротив, настаивали не только на переговорах, но и удовлетворении ряда требований боевиков.

Рассматриваемый период отмечен консолидацией рядов талибов. Их разрозненные отряды объединялись под единым командованием Бейтулы Масуда, в те годы лидера боевиков агентства Южный Вазиристан, возглавившего «Движение Талибан Пакистана». Организация объявила своей целью «провозглашение Исламской революции в Пакистане»⁶; имела сторонников среди различных группировок СЗПП.

Особенно ожесточенными и частыми были нападения боевиков на объекты федеральной армии. Свои теракты они объясняли «предательством военных, которые действовали по приказу США». Столкновения боевиков с федеральной армией чередовались с переговорами с центральной администрацией и т. д.

Внутренняя социально-политическая обстановка в Пакистане в 2008–2009 гг. развивалась под грузом давних нерешенных политических, межэтнических, религиозных, территориальных и других конфликтов. Тогда же резко обострились межконфессиональные отношения в пакистанском обществе: усилилось суннитско-шиитское противостояние.

Ранней весной 2009 г. заметно активизировались экстремистские элементы на юге СЗПП. Одной из причин интенсивности их действий в различных агентствах ТПФУ и Свате стали военные операции Международных сил содействия безопасности в соседнем Афганистане против «Движения Талибан». Повстанцы, действовавшие на территории Пакистана, ужесточили нападения на гражданских лиц. Преследованиям подвергались и члены Народной национальной партии. Боевики, закладывая взрывные устройства в припаркованные автомобили недалеко от мест массового скопления людей, нападали на военные объекты федеральной армии и т. п.⁷. Однако, несмотря на разгул насилия, в рассматриваемый период их действия не представляли угрозу федеральной власти, ибо талибы открыто не выступали против основ государственности Пакистана.

Боевики СЗПП в рассматриваемый период были представлены несколькими группировками: «Движение за установление шариата» (ДУШ), лидер — маулана Суфи Мухаммад; организация «Движение Талибан Пакистана /отделение Сват» (ДТП С), лидер — маулана Фазуллах (он приходился зятем маулане Суфи Мухаммаду) и непосредственно члены ДТП. За каждой группировкой была закреплена определенная подконтрольная территория.

Требования ДУШ и ДТП (С) сводились к введению судов шариата в районах проживания мусульман-суннитов в южной части провинции. Одновременно они критиковали «вестернизацию» системы местного образования, засилье западной культуры, в частности, музыки и т. д. В реальной жизни это выражалось в запрете диско-клубов, уничтожении СД дисков западных песен. Женщинам запрещали заниматься трудовой деятельностью, девушкам-подросткам — исполнять традиционные танцы на свадебных церемониях, а девочкам — учиться. Власти были вынуждены закрыть большое количество школ для девочек в связи с угрозами атак боевиков. Согласно правительственному докладу от 24 июля 2009 г. в долине Сват около

60% школ были уничтожены боевиками в течение последних двух лет⁸. До этого времени в этом районе функционировало более 600 государственных и 400 частных учебных заведений. Таким образом, боевики держали население в страхе. Комментируя сложившуюся ситуацию, представитель Министерства образования СЗПП Шер Афзал заявил, что подобная волна агрессии со стороны ДТП затронула судьбы 50 000 учащихся. Сам же маулана Фазлулла заявлял, что «сжигание школ в долине Сват, с одной стороны, — прямой ответ талибов Свата на внедрение чуждой британской системы образования, которая не соответствовала исламским нормам, а с другой, это ответ на военные операции, проводимые в регионе федеральной армией»⁹.

Начиная с 2007 г., лидер ДТП (отделение Сват) распространил свое влияние на смежные соседние районы, в частности на агентство Баджаур (Территория племен федерального управления Исламской Республики Пакистан на границе с Афганистаном).

В 2008–2009 гг. в Свате и Малаканде (округ провинции Хайбер-Пахтунхва) фактически действовало два центра управления: с одной стороны, избранный альянс ННП / ПНП, с другой — боевики, часто подменявшие местную власть. Влияние Народной национальной партии было незначительным, несмотря на правящие административные позиции в СЗПП. В результате выборов 2008 г. в провинции фактически произошла смена политических сил. Вместо правившего в 2002–2008 гг. в провинции союза праворегиозных партий пришло коалиционное правительство¹⁰. Новый состав органов управления имел незначительный опыт, скромную социальную базу поддержки, был уязвим перед социальными вызовами. Становится понятным его стремление пойти на компромиссы и уступки с боевиками ради укрепления позиций на местах.

В основном конфликты прошлых лет в СЗПП территориально ограничивались долиной Сват и в первую очередь были направлены на утверждение законов шариата в этой местности. Сват — округ в пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва, бывшее княжество на севере Пакистана. Начиная с середины XIX в. вплоть до 1980-х гг. в административных центрах долины применялось английское право. В начале 1990-х гг. Верховный суд Пакистана признал подобную практику не соответствующей основному закону страны. В тот период это обстоятельство отчасти инициировало кампанию в поддержку введения шариата в Свате и в близлежащем Малаканде. Идейным вдохновителем движения был маулана Суфи Мухаммад.

На его мировоззрение значительное влияние оказали несколько событий. Ввод советских войск в декабре 1979 г. в соседний Афганистан, и соответственно необходимость боевой поддержки братьев-пуштунов в отражении агрессии иностранных войск. В середине 1980-х гг. Суфи Мухаммад приветствовал политику исламизации, проводимую главным военным администратором Пакистана, генералом М. Зия-уль-Хаком. В далеком 1994 г. маулана возглавил борьбу за «чистоту ислама» среди местных жителей. Именно он основал и возглавил «Движение за установление шариата». Од-

ним из постулатов его учения было утверждение, что «демократическая система является антиисламской, и, следовательно, судебная система Пакистана должна быть приведена в соответствие с нормами шариата»¹¹. В 1980-е гг. подобные заявления укладывались в общую политику исламизации. Но реализовать устные заявления Суфи Мухаммада в СЗПП помешала гибель в авиакатастрофе генерала М. Зия-уль-Хака 17 августа 1988 г. В дальнейшем гражданские правительства Б. Бхутто (1988–1990 и 1993–1996 гг.) и Миан Мухаммада Наваз Шарифа (1990–1993, 1997–1999 гг.) фактически свернули программу исламизации в Пакистане.

В то же время и тот и другой премьер-министр высказывались о правомерности постановки вопроса о введении судов шариата в Свате и Малаканде. Например, в 1994 г. федеральное правительство поддержало ограниченное применение норм шариата при отправлении правосудия¹². Несколькими годами позднее главный министр СЗПП сардар Мехтаб Ахмад Хан официально одобрил и реализовал это предложение¹³, и повсеместно в судах можно было видеть офисы кази. Одновременно они взяли на себя исполнение части функций органов местного самоуправления, которые, по мнению Суфи Мухаммада, были неэффективны и не отвечали «духу и букве шариата».

Начало международной антитеррористической кампании, ввод американско-британских войск в Афганистан в конце сентября 2001 г. меняли ситуацию в регионе, в первую очередь, в пакистано-афганском пограничье и близлежащих районах Северо-Западной пограничной провинции Пакистана. Генерал П. Мушарраф в силу разных причин выступил в поддержку военной кампании США. Это означало его резкий отход от прежней линии признания Исламского Эмирата Афганистан и поддержки Движения Талибан. Местные племена Территории племен федерального управления и часть исламистски-радикально настроенного населения СЗПП восприняли его отступничество как предательство ислама и пуштунов.

Суфи Мухаммаду удалось собрать вооруженную группу сторонников численностью 10 тыс. боевиков. В начале 2000-х гг. он вновь отправился в Афганистан сражаться против иностранных оккупационных войск. Вернувшись спустя несколько месяцев в Пакистан, его организация «Движение за установление шариата» получила вторую жизнь при поддержке повстанцев из агентств Южного Вазиристана, Северного Вазиристана, Баджаура, области Дир (СЗПП) и др. Его голос в поддержку ведения в повседневную жизнь норм шариата, недопустимости проявления секуляризма в Пакистане звучал еще жёстче¹⁴.

Генерал П. Мушарраф первоначально открыто не враждовал с Суфи Мухаммадом после его возвращения из Афганистана, но и не допускал идеи отправления правосудия по шариату ни в одном из районов Исламской Республики Пакистан. Но в 2002 г., после открытых антифедеральных призывов маулань, власти бросили его в тюрьму, блокировав все попытки распространения антиправительственных выступлений под флагом защиты ислама¹⁵. Активность его последователей в Свате носила деструктивный характер. Они совершили серию террористических актов, в первую очередь против феде-

ральной армии, сил безопасности и правительственных учреждений. Основные требования сторонников Суфи Мухаммада оставались прежними.

Но была и еще одна причина, объяснявшая, почему население прислушалось к Суфи Мухаммаду, — неорганизованность и слабость государственных органов на местах. Суды работали крайне медленно, слушания «пустынных» дел длились годами. Подобное положение дел вызывало недовольство граждан.

21 апреля 2008 г. новые гражданские власти Пакистана на волне «всеобщего примирения и продвижения демократических принципов» освободили и Суфи Мухаммада. Выйдя из тюрьмы, он продолжил свою деятельность, которая способствовала усилению исламистских тенденций в обществе. В частности, он выдвинул провинциальным властям ультиматум о введении исламского судопроизводства на части территории СЗПП. Подкрепляя свои слова действиями, он вновь приступил к формированию вооруженных отрядов повстанцев.

События в Свате первой половины 2008 г. первоначально вызывали только озабоченность федеральной администрации, которая отделялась лишь гневными репликами. Федеральный министр информации и радиовещания Шерри Рехман отмечала, что «правительство проводит политику нулевой терпимости к актам терроризма, но никогда не будет мириться с насилием против невинных гражданских лиц, особенно женщин». Она осуждала нападения на школы девочек в административных центрах Свата, указывая, что подобное несовместимо с традициями ислама. Центральная администрация поддерживала постоянный контакт с правительством СЗПП с целью мониторинга ситуации в неспокойных районах. Было отдано распоряжение о блокировании всех незаконных радиовещательных FM каналов, которые вели трансляцию передач экстремистской направленности¹⁶.

В феврале 2009 г. коалиционное правительство Северо-Западной пограничной провинции (главный министр Амир Хайдер Хан Хоти, провинциальные министры Миан Ифтихар Хуссейн, Хидаятулла Хан и представители Народной национальной партии) взяло курс на переговорный процесс с представителями ДУШ. Встречи проходили в административном центре Тимергара (округ Нижний Дир в Северо-Западной пограничной провинции). Власти пошли на уступки, частично согласившись с требованиями, выдвигаемые исламистами. Они заверили их, что отменят действовавшее гражданское законодательство на территории всего района Малаканда, включая Сват, и заменят его шариатом¹⁷.

Результатом переговоров стало подписание первоначально на провинциальном уровне мирного соглашения из пяти пунктов «Низам-э-Адль». Оно ставило своей целью «упорядочить» судебную систему, иными словами, речь шла о введении в «действие исключительного правила исламского правосудия, а также амнистии для всех членов ДТП отделения Сват»¹⁸ в районе Малаканда, включая дистрикты Сват и Кохистан. Делая подобные уступки, власти провинции ставили целью убедить боевиков отказаться от

подрывной активности в районах Свата, Малаканда, в том числе в Верхнем и Нижнем Дире, Читрале, Шангле, округе Бунер и др. Правительство СЗПП полагало, что Суфи Мухаммад свернет свой протестный лагерь со штаб-квартирой в административном центре Тимергара, приедет в Сват, чтобы объявить о прекращении огня против федеральной армии¹⁹.

ДУШ и «Движение Талибан Пакистана» (Сват) первоначально поддерживали предложение местной администрации. Они заявили об одностороннем прекращении огня на десять дней, оставив за собой право принять ответные меры в случае обстрела их позиций федеральными войсками и военнослужащими Пограничного корпуса²⁰. ДУШ также заверило власти Пешавара (столица СЗПП), что убедит головную организацию «Движение Талибан Пакистана» прекратить акты насилия в провинции. Муслим Хан, пресс-секретарь ДТГ отделения Сват, подтвердил поддержку решений ДУШ. «Мы будем поддерживать мир не только в долине Сват, но и в зоне пуштунских племен... Правительство должно... придерживаться норм шариата в истинном смысле или должно гарантировать полный мир без шариата, или же должно объявить, что оно не имеет никакого отношения к миру в регионе. Правительство должно четко сказать, какой линии оно придерживается»²¹. Соглашение рассматривалось как часть сделки с исламистами и давало надежду правящей в провинции ННП на прекращение «воинственности и террора» в районах Верхнего и Нижнего Дира долины Сват. Гражданские власти и военные со своей стороны согласились на участие в восстановительных работах на территории Малаканда. В регионе вновь частично открылись образовательные учреждения, включая школы для девочек²².

Администрация в Исламабаде также стремилась как можно быстрее погасить конфликт, соглашаясь пойти на уступки в обмен на предполагавшееся разоружение боевиков²³. Прокатившаяся по стране волна террористических актов в конце 2008 — начале 2009 гг. давала дополнительный аргумент политической оппозиции, в первую очередь «Пакистанской мусульманской лиге» Наваза Шарифа (ПМЛ Н). Она обвиняла лидера правящей коалиции ПНП и, соответственно, президента А.А. Зардари (со-председатель правящей на федеральном уровне ПНП) в неспособности адекватно реагировать на вызовы национальной безопасности страны. По их мнению, неспособность обуздать терроризм во внутренних районах страны являлась продолжением курса экс-президента П. Мушаррафа²⁴.

В этих обстоятельствах в нижней палате парламента родилась идея законопроекта о судах шариата. Весной 2009 г. федеральный министр по делам религии Хамид Саид Казми заявил, что проект закона «Система законности и справедливости» доработан и направлен в Национальную ассамблею для дальнейшего обсуждения.

На провинциальном уровне противниками законопроекта были служители Фемиды. Они сразу высказали свои опасения. В частности, Афтаб Алам, глава ассоциации юристов дистрикта Сват, заявил: «Это бомба замедленного действия для всей страны». Он также отметил, что «в послед-

нее время боевики ДУШ и ДТП похищали людей, взимали выкуп и убивали судей, принуждая принять требуемое решение... Единственный голос, который восстал против боевиков и криминала, — юридическое сообщество... И вот почему, они (боевики — авт.) приговорили нас к смерти». ²⁵

Но и на федеральном уровне не все политические партии, входившие в состав коалиционного правительства, поддерживали соглашение. На заседаниях нижней палаты парламента члены политической партии «Объединенное национальное движение» (в отечественном пакистановедении его принято сокращенно называть МКМ/МҚМ — авт.), входившее в состав правящей коалиции, выступило резко отрицательно. МКМ предупреждала о потенциальной опасности «потакания» исламистам. Однако многие официальные лица проявили нежелание или не смогли противостоять вызову, брошенному боевиками²⁶. Забегая вперед, отмечу, что позднее отдельные политические партии Пакистана публично осудили «ограниченное» толкование ислама.

В прежние годы подписание мирных договоренностей федеральных властей с боевиками, в частности, агентств Южный Вазиристан и Северный Вазиристан ТПФУ (апрель 2004 г. и сентябрь 2006 г. соответственно) сопровождалось прекращением огня двумя сторонами, выводом частей регулярной пакистанской армии из указанных районов. Одновременно шло усиление власти боевиков на местах, в повседневную жизнь вводились нормы шариата. Кроме того, в этих условиях для боевиков появлялась возможность перегруппироваться и расширить контроль над территориями. Генералитет высказывал центральной администрации Исламабада опасения по этому вопросу²⁷, но они были проигнорированы.

Весной 2009 г. ведущая политическая сила в СЗПП — «Народная национальная партия» выразила крайнюю обеспокоенность критической ситуацией в провинции. Это объясняет ультиматум, который она выдвинула правительству в Исламабаде. В случае отказа поддерживать указ Нифаз-и-Шариа (Шариатская система законности и справедливости), она обещала пересмотреть свою позицию и отказаться от поддержки ПНП не только в провинции, но и в центре. «Наша партия перестанет поддерживать ПНП, если законы шариата не будут приняты», — заявил лидер партии и министр информации правительства СЗПП Ифтихар Хуссейн²⁸.

Заявления Пешавара о мире, столь необходимом для федерального центра, были настолько красноречивы и жестки, что вопрос о введении судов шариата в районе Малаканда обсуждался на очередной сессии Национальной ассамблеи. Премьер-министр Ю.Р. Гилани заявил, что правительство не в состоянии в одиночку бороться против «Аль-Каиды» и «Движения Талибан Пакистана» в пограничном с Афганистаном районе; ему нужна помощь и поддержка ДУШ и местного населения²⁹.

Вашингтон, оказывавший в рассматриваемый период значительное влияние на руководство страны, выступил против подписания Сватского мирного соглашения. Объясняя свою позицию, США утверждали, что прецедент с введением судов шариата может быстро распространиться на другие районы

страны, где также будет поддержан исламистами. Федеральной администрации, по мнению США, важен был контроль над западными районами страны. Но достижение цели исключало, по их мнению, уступки исламистам. Однако Белый дом не сумел убедить Исламабад принять меры против новой надвигающейся угрозы дальнейшего распространения экстремизма.

Министр иностранных дел федерального правительства Шах Мехмуд Куреши заверил, что «соглашение предусматривало введение на территории долины умеренной версии шариата, ... что давало федеральной армии время, требуемое для перегруппировки сил»³⁰. Отметим, что в рассматриваемый период командование проводило несколько локальных военных операций в агентстве Баджаур ТПФУ, Свате и Дарра Адам Хеле одновременно³¹.

После долгих дебатов и одобрения Национальной ассамблеи текста законопроекта «Указ об обществе справедливости (2009)» члены парламента приняли решение направить законопроект на рассмотрение президенту Асифу Али Зардари³². Глава государства подписал документ безотлагательно. Он подвергся давлению со стороны премьер-министра Юсуфа Раза Гилани, который пригрозил подать в отставку, настаивая на скорейшем вступлении законопроекта в силу.

Восстановление мира в пакистано-афганском пограничье и прекращение в стране бесчисленных актов террора стало причиной, которая «убедила» президента А.А. Зардари уступить исламистам. Таким образом, он поддержал правящий в СЗПП альянс политических партий, в состав которого входила Пакистанская народная партия, принадлежащая клану Бхутто-Зардари. Это была скорее вынужденная мера контртеррористического характера, а не признание победы боевиков, как многие утверждали в стране.

13 апреля 2009 г. президент А.А. Зардари подписал Указ Нифаз-и-Шариа в Малаканде, разрешив, параллельное функционирование гражданских судов наряду с судами шариата³³. Данная ситуация свидетельствовала скорее о слабости центральной и провинциальной властей, о неопытности гражданской администрации во многих вопросах государственного строительства и национальной безопасности.

Вслед за соглашением, ожидалось, что маулана Суфи Мухаммад примет участие в формировании местной администрации в дистриктах на территории долины Сват. Однако меньше месяца спустя ситуация обернулась трагедией для всей страны.

19 апреля 2009 г. Суфи Мухаммад заявил, что «демократия несовместима с законами шариата, и существующая политическая система Пакистана противоречит Корану»³⁴. В дальнейшем он объявил об увольнении всех судей в Малаканде в течение месяца, подтвердив, что «суд должен выносить решения по уголовным и другим делам в соответствии с нормами шариата»³⁵. Получив от федеральной администрации официальное право на формирование судов шариата в Малаканде, лидер ДУШ стал назначать мусульманских судей (*кази*) в суды шариата³⁶. Последние стали применять ранние нормы шариата и подменять ими гражданские формы местного

управления. Спустя несколько недель гражданские суды на территории долины были полностью закрыты. Как писала местная газета «The Frontier Post», Суфи Мохаммад проявил себя «в качестве главного прокурора и главного судьи Малаканда, последней инстанции при вынесении приговоров шариатских судов в районе»³⁷. Позднее он бросил вызов всей системе правосудия Исламской Республики Пакистан. Выступая перед широкой аудиторией, насчитывавшей десятки тысяч человек, Суфи Мухаммад объявил демократию и судебную систему Пакистана антиисламской³⁸.

Усиливавшаяся консолидация власти боевиков в регионе наносила удар как по государственной системе управления в провинции, так и укладу жизни местных жителей. Вновь разрушались школы для девочек; женщин, отказывавшихся бросать работу, подвергали гонениям и т. д. Уже первые акты шариатских судов вызвали недоумение и у Исламабада. Неповиновение каралось в Свате и Малаканде публичной поркой человека, социальным подавлением личности, и все это контрастировало с привычной средой известного лыжного курорта, великолепных фруктовых садов и известных на весь мир «танцующих девушек»³⁹.

Поддержку в проведении в жизнь постулатов шариата Суфи Мухаммад получал от талибов, действовавших в регионе. «Пусть судьи и юристы идут в Исламский университет», — заявлял Муслим Хан, пресс-секретарь отделения Сват «Движения Талибан Пакистана». «После того, как они выучат исламские законы, исламские нормы, они могут продолжить работу»⁴⁰. Далее он потребовал «введения норм шариата на территории всей страны; призывал к организации сбора налога — *джизы* — с немусульман, проживавших в Пакистане»⁴¹. Хан заявил, что любой пакистанец, несогласный с его интерпретацией Ислама, будет объявлен «немусульманином». Тем временем в соседнем районе, агентстве Оракзай ТПФУ, где значительную часть территории контролировало ДТП, стало известно, что повстанцы заставляли сикхское меньшинство платить аналогичный налог («налог меньшинства») в размере 10,5 млн. рупий, что составляло приблизительно 18 тыс. долл. в месяц⁴².

Разрешение на введение отдельных норм шариата на территориях Свата привело, с одной стороны, к насильственному их насаждению, с другой — к разгулу экстремистских группировок в регионе. Уверенность боевиков в своей правоте (в ненарушении ими подписанных в феврале 2009 г. договоренностей) придавала им крепость духа в стремлении продолжить борьбу. Лидеры ДУШ заявляли, что они никогда не откажутся от борьбы⁴³. Среди боевиков СЗПП и соседней зоны пуштунских племен усилились сепаратистские настроения. С этого времени началось триумфальное шествие исламистов с оружием в руках по всей Северо-западной пограничной провинции.

Официальное введение судов шариата в Свате весной 2009 г. повлекло за собой боевую активность талибов, которые получив «верительные грамоты» от президента в виде Указа, стали насильственно вводить «первоначальную версию шариата» не только в повседневную жизнь, но и в местное управление⁴⁴. В действительности это вело к подрыву гражданских госу-

дарственных институтов власти в стране.

Исламабад не ожидал столь быстрого насаждения норм шариата весной 2009 г. Спустя некоторое время пакистанские власти стали рассматривать параллельную работу исламских судов в СЗПП как противоречившую основным правам человека, особенно в отношении женщин и девочек.

В апреле 2009 г. боевики ДУШ и ДТП (С) перешли в вооруженное наступление. Они захватили несколько крупных населенных пунктов: Малаканд, Дагар. Через несколько дней они направили сотни боевиков через горные перевалы в Бунер, расположенный на расстоянии 70 миль от столицы страны; вплотную подошли к электростанции Тарбелла, основному источнику электричества в СЗПП. Немедленное отступление местной полиции и отрядов самообороны внесло дополнительную панику в Исламабаде. Многие стали рассматривать талибов победителями.

В своих планах боевики не ограничивались территориями своей страны. Они заявляли, что «планировали ввести в действие законы шариата первоначально повсеместно в Пакистане, затем и в Америке»⁴⁵. Их слова и действия возымели определенное влияние на американских сенаторов: те громко заговорили об очередной «исламской революции в Пакистане». Государственный секретарь США Хилари Клинтон в начале марта 2009 г. характеризовала ситуацию как «угрожающую» для существования государства Пакистан.

Исламабад оттягивал решение о начале военной операции в Свате. Вмешательство федеральной армии полностью меняло курс правящей администрации в вопросе внутренней безопасности страны, а также роли армии в конфликтных обстоятельствах. Успех армии, как показали дальнейшие события, одновременно нарушил баланс в отношениях между военными и гражданской администрацией. В событиях апреля–июля 2009 г. армия подтвердила, что является единственным государственным институтом, способным ответить на внутренние вызовы. Правоохранительные органы, спецслужбы не смогли сдержать наступление боевиков на Исламабад.

Действия группировок ДТП и отрядов ДУШ были квалифицированы как представлявшие «угрозу национальной безопасности». В сложившейся ситуации под давлением США президент А.А. Зардари, как главнокомандующий, отдал приказ о передислокации войск в Сват и начале военной операции по уничтожению боевиков. В пресс-релизе командования говорилось, что «... в связи с нарушением правопорядка, несоблюдением мирных договоренностей со стороны боевиков, гражданские власти призвали армию на помощь с целью ликвидации боевиков и дальнейшего их выдворения из долины Сват»⁴⁶. По признанию начальника штаба сухопутных войск генерала Ашфака Первез Кияни, «военная операция была начата лишь после того, как были исчерпаны все мирные средства»⁴⁷.

26 апреля 2009 г. началась военная операция «Черная гроза»: пакистанские командос вошли в дистрикт Бунер и чуть позже в другие районы Северо-Западной пограничной провинции. Значительная часть Малаканда была взята под контроль правительственными войсками⁴⁸.

По заявлению генерала А.П. Кияни 8 мая 2008 г. «в связи с нарушением закона и порядка повстанцами, гражданские власти призвали армию на помощь с целью их ликвидации и дальнейшего их выдворения из долины Сват. Даже после подписания Мирного соглашения, повстанцы бросили вызов правительству, продолжая боевую активность»⁴⁹.

Федеральные власти столкнулись с яростным сопротивлением боевиков. По заявлению военного ведомства от 8 мая 2009 г., «...они (талибы — авт.) похищали мирных жителей, организовывали теракты смертников, устраивали засады на военные конвои, поджигали здания, разрушали школы и полицейские участки, преграждали беженцам путь самодельными взрывными устройствами, дорожными блоками или ставили самих заложников в качестве живого щита при отступлении»⁵⁰.

Спустя два месяца, 6 июля 2009 г., начальник штаба сухопутных войск генерал А.П. Кияни подтвердил, что «Сват был практически захвачен террористами, правительственные учреждения прекратили свое существование, полиция и другие государственные структуры перестали функционировать. Местное население подвергалось насилию со стороны боевиков, и оно было бессильно противостоять им, над Сватом нависла угроза терроризма и радикализма»⁵¹. Впервые об исламистском экстремизме заговорили военные, а не гражданские власти Исламабада, видя в нем мощный разрушительный потенциал.

Военный истеблишмент в лице генерала А.П. Кияни постоянно подчеркивал разницу «между обычной войной и нынешними военными действиями. В ходе современной войны трудно различать друзей и врагов. Но главное, что это не война Ислама, или Бейтуллы Масуда, или Фазлулы, или религиозных правоведов. Пакистан был создан во имя Ислама, его основой является Ислам, он существует благодаря Исламу. Но экстремисты пытаются навязать свою философию всей стране»⁵².

Пакистан ожидал еще один вызов — беженцы. В результате военных столкновений три миллиона жителей Свата вынуждены были покинуть родные места. Потоки переселенцев хлынули во внутренние районы страны. Власти ожидали не более 500 тыс., но по состоянию на конец мая 2009 г. их число достигло 2,5 млн. человек. Беженцы покидали родные земли целыми кланами. Иногда это происходило в короткие перерывы между действиями комендантского часа. Военные не всегда успевали вовремя предоставить сотни автобусов для транспортировки граждан. Например, в такие населенные пункты Свата, как Алигарам, Хазара, Гул Джабба, транспорт не смог проехать из-за плохой инфраструктуры, минирования дорог боевиками. Вереницы людей потянулись пешком, навьюченные домашним скотом⁵³. Потоки их были настолько стремительными, что уже к середине мая 2009 г. власти вынуждены были организовать 20 пунктов для перемещенных лиц в соседних регионах. Но и добравшись до них, люди вынуждены были выстаивать часами на жаре для получения регистрации. Заветный тент над головой был только началом испытаний для каждой семьи. Они жили без электричества, канализации, медицинского обслуживания и элементарных средств гигиены.

Спустя три недели после начала боевых действий федеральные власти были вынуждены заявить о гуманитарной катастрофе в Пакистане. Исламабад обратился за помощью к мировому сообществу, в Комитет по делам беженцев ООН/КДБ ООН. ООН выделил 543 млн. долл. на медицинское обслуживание, поставку питьевой воды, временные укрытия для беженцев, школьные принадлежности для детей-беженцев⁵⁴. Всемирная организация здравоохранения, учитывая, что температура в летние месяцы в Пакистане достигает 49 градусов по Цельсию, выступила с предупреждением о вероятности риска возникновения заболеваний в пунктах размещения беженцев. Среди последних росло недовольство своим положением, уровень социальной напряженности становился угрожающим⁵⁵.

Власти Пакистана неоднократно выступали с заявлениями о скором восстановлении мира в СЗПП. Однако даже после обещанной нормализации обстановки федеральное правительство вынуждено было еще долгое время заниматься вопросами экономического, инфраструктурного, и социального восстановления региона. С этой целью в Пакистане был разработан поэтапный план восстановления дистрикта Малаканд — «План 3R (restoration, rehabilitation and reconstruction)», предусматривающий восстановление, реабилитацию и реконструкцию». Его осуществление требовало колоссальных материальных и людских затрат⁵⁶. Но основная борьба, как подчеркивал премьер-министр Юсуф Раза Гилани, была за сердца и умы людей.

Гуманитарная операция федеральной администрации Пакистана по размещению жителей Свата в другие районы страны вызвала дополнительную социальную нагрузку по всей стране. Призыв премьера Ю.Р. Гилани к беженцам — «езжайте туда, куда хотите», при отсутствии каких-либо ограничений по въезду в любую провинцию после официальной регистрации, привел к потокам беженцев через всю страну в Синд (на юге Пакистана), на окраины портового мегаполиса Карачи.

Если власти были готовы к размещению беженцев, то население ближайших поселений встретило переселенцев недоброжелательно. Возникли столкновения, которые вскоре переросли в открытые уличные драки. В Карачи, где и раньше имело место противостояние этнических группировок: синдхов, мухаджиров, к приезжим из северных областей страны отнеслись откровенно враждебно. Одна из синдских националистических организаций Народный фронт «Да здравствует Синд», поддерживаемая правящим в Карачи «Объединенным национальным движением», выступила с требованием ликвидировать лагерь беженцев на окраине города. Погромы и столкновения приняли массовый характер. В условиях роста социального напряжения вмешательство полиции стало неизбежным⁵⁷.

Но вернемся непосредственно к военной операции федеральных войск в Свате. Ее исключительность состояла в том, что она проводилась во внутренних районах страны, где действовала Конституция 1973 г.⁵⁸. Действия федеральной армии в Свате стали предметом дискуссий в мае — июне 2009 г. между ведущими политическими партиями: Пакистанской народной пар-

тии, Пакистанской мусульманской лиги (Наваз Шарифа), Пакистанской мусульманской лига (Каид-и Азама) и др. Все единогласно высказались за уничтожение террористов⁵⁹.

Гражданская администрация столкнулась с дальнейшей поляризацией пакистанского общества: модернизацией светского крыла и усилением исламистского экстремизма. Военные операции продолжались в Свате вплоть до 2012 г., хотя армейское командование неоднократно заявляло об «очистке территории». Однако Суфи Мухаммад, бежавший в Афганистан с группой боевиков, постоянно совершал набеги в регион с целью грабежа, поджогов, что дестабилизировало обстановку в Свате.

Весь проект, связанный с разрешением и последующим введением судов шариата в районах долины Сват в 2009 г., создал негативный прецедент в современной жизни Пакистана. Начиная с 2007 г. в стране резко активизировались различные группировки боевиков, прокатилась волна террористических актов. Движение за установление шариата — одна из многочисленных организаций (в дальнейшем вновь была запрещена), которая открыто с оружием в руках выступала против федеральной власти. Наиболее крупной, хорошо организованной и дисциплинированной остается запрещенная организация Движение Талибан Пакистана (ДТП). В первые годы XXI в. ДТП, провозгласив защиту исламских ценностей в зоне пуштунских племен ТПФУ, поддержала афганских талибов, выступив против федеральных сил безопасности. В дальнейшем в 2012–2013 гг. ДТП активно продвигало лозунг построения исламского государства на всей территории современного Пакистана. В 2013 г. одним из требований Движения, выдвинутых в адрес гражданской администрации, было передача управления страной в руки улемов с одновременной отменой конституции, упразднением законодательной и исполнительной ветвей власти⁶⁰. Потакание, или как писала пакистанская пресса, «заигрывание» Исламабада с различного рода экстремистскими элементами в угоду сиюминутного решения локальных проблем, толкает радикалов на еще более дерзкие действия, подрывающие конституционные основы государства.

¹ www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/politics/27-Apr-2009/Taliban-threaten-to-tum-Pakistan-into-Afghanistan.

² www.president.gov.pk/index.php?lang=en&opc=5&sel=6.

³ Национальная Ассамблея одобрила ряд поправок к Уголовному законодательству зоны племен (УЗП) 12.08.2009.

⁴ <http://dawn.com/2013/01/03/talibans-truce-offer-army-advises-govt-to-thrash-out-strategy/>.

⁵ Liven A. Pakistan. A hard country. N.Y.: Public affairs, 2011. P. 454.

⁶ Liven A. ... P. 418.

⁷ www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=103; www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=150; www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=77.

⁸ The Frontier Post. Peshawar. 24.04.2010.

⁹ The Nation. Lahore. 17.01.2009.

¹⁰ The New York Times. 16.03.2009.

¹¹ Dawn. Karachi. 20.04.2009.

¹² Liven A. ... P. 464.

- ¹³ The Nation. 16.02.09 // nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/16-Feb-2009/Agreement-signed-to-restore-peace-in-Swat.html.
- ¹⁴ Dawn. Karachi. 03.08.2009.
- ¹⁵ Dawn. Karachi. 03.08.2009.
- ¹⁶ The Nation. Lahore. 17.01.2009.
- ¹⁷ Dawn. Karachi. 13.04.2009.
- ¹⁸ *Liven A...* P. 436.
- ¹⁹ The Nation. Lahore. 16.02.09 // nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/16-Feb-2009/Agreement-signed-to-restore-peace-in-Swat.html.
- ²⁰ The Nation. Lahore, 16.02.09 // nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/16-Feb-2009/Agreement-signed-to-restore-peace-in-Swat.html.
- ²¹ The Nation. Lahore, 16.02.2009 // nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/16-Feb-2009/Agreement-signed-to-restore-peace-in-Swat.html.
- ²² The Nation. Lahore. 16.02.2009 // nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/16-Feb-2009/Agreement-signed-to-restore-peace-in-Swat.html.
- ²³ BBC. 05.05.2009.
- ²⁴ П. Мушарраф вышел в отставку в августе 2008 г.
- ²⁵ Dawn. Lahore. 13.04.09.
- ²⁶ CNN. 22.04.2009.
- ²⁷ CNN. 09.03. 2009.
- ²⁸ Dawn. Karachi, 13.04.2009.
- ²⁹ The Nation. Lahore. 16.02.2009 // nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/16-Feb-2009/Agreement-signed-to-restore-peace-in-Swat.html.
- ³⁰ Dawn. Karachi. 10.05.2009.
- ³¹ New York Times. 02.10.2008.
- ³² Dawn. Karachi. 13.04.2009.
- ³³ Dawn. Karachi. 13.04.2009.
- ³⁴ Dawn. Karachi. 21.04.2009.
- ³⁵ Dawn. Karachi. 20.04.2009.
- ³⁶ CNN. 22.04.2009.
- ³⁷ www.thefrontierpost.com/article/199849/ 30.12.2012.
- ³⁸ CNN. 22.04.2009.
- ³⁹ New York Times. 24.01.2009.
- ⁴⁰ CNN. 22.04.2009.
- ⁴¹ Гапковский Ю.В. Энциклопедия Пакистана. М., 1999. С. 198.
- ⁴² CNN. 22.04.2009.
- ⁴³ The Nation. Lahore. 29.06.2009.
- ⁴⁴ BBC. 18.06.2009.
- ⁴⁵ CNN. 22.04.2009.
- ⁴⁶ www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=6308search=1 (08.05.2009).
- ⁴⁷ The Nation. Lahore. 18.06.2009.
- ⁴⁸ BBC. 01.12.2009; Dawn. Karachi 09.02.2010.
- ⁴⁹ www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=6308search=1.
- ⁵⁰ www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=6308search=1.
- ⁵¹ www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=1786#pr_link1786.
- ⁵² The Nation. Lahore. 15.06.2009.
- ⁵³ Dawn. Karachi. 19.05.2009.
- ⁵⁴ The Nation. Lahore. 23.05.2009.
- ⁵⁵ Dawn. Karachi. 23.05.2009.
- ⁵⁶ The Nation. Lahore. 26.05.2009.
- ⁵⁷ The Nation. Lahore. 24.05.2009.
- ⁵⁸ New York Times. 02.10.2008.
- ⁵⁹ The Nation. Lahore. 16.06.2009.
- ⁶⁰ www.thefrontierpost.com/article/47862/.